

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ISSN PRINT 2306-4978
ISSN ONLINE 2411-1511

ТОМ
ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ
2026

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ
СЕДЬМОЙ

The Historical Reporter. Vol. 57
Issue on General History

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 30.04.2026 г. Усл. печ. листы 18,25. Формат 84×108 1/16. Заказ № 63112.
Тираж 150 экз. Свободная цена.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

Язык: русский. Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Журнал «Исторический вестник» публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Руниверс», 2026

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».

Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Typesetting by the editorial board.

Design and layout by Yu.V. Filimonov.

Approved for printing on December 29, 2025. Format 84×108 1/16. Order No. 53062. Print run 150 copies.

Unfixed price.

Editorial address: 15A Leninsky Prospekt, Moscow, 119071, Russia

Tel.: +7 (495) 737-76-32, fax: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate PI No. FS77-51055 of September 3, 2012.

Languages: Russian. Included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Russian Federation. Publishes articles in two scientific specialties according to the VAK nomenclature: 5.6.1. Russian History; 5.6.2. World History.

The journal's materials are available on the Russian Science Citation Index platform, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Runivers», 2026

The views of the editorial board may not coincide with those of the authors.

Printed in full accordance with the quality of the provided original layout at «Sam Poligrafist» LLC printing house, Onebook.ru publishing house.

Address: 42/5 Volgogradsky Prospekt, Moscow, 129090, Russia.
E-mail: info@onebook.ru. Website: www.onebook.ru

The journal is published with the support of «NIKOKHIM» LLC.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Д.Р. Жантiev

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор

С.Г. Яковенко

выпускающий редактор, кандидат исторических наук

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Т.И. Маляренко

корректор

Редакционный совет

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, научный руководитель РГГУ, профессор, академик РАН, заместитель председателя ВАК

М.В. Баранов

кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

С.П. Брюн

генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник»

Р.Г. Гагкуев

доктор исторических наук, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, C.Sc. (History)

Dmitry R. Zhantiev

Deputy Editor-in-Chief, C.Sc. (History)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor

Sergey G. Yakovenko

Production Editor, C.Sc. (History)

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Academic Secretary

Tatyana I. Malyarenko

Proofreader

Editorial Board

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), Scientific Director of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Vice-Chairman of the State Commission for Academic Degrees and Titles

Mikhail V. Baranov

C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»

Sergei P. Brun

General Director of Novgorod State Museums

- В.З. Goldman**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Ю. Конец**
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
- Е.М. Копоть**
старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

- Ruslan G. Gagkuev**
D.Sc. (History), Chairman of the Russian Historical Society Board, Executive Director of the Russian History Foundation
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Irina A. Hormach**
D.Sc. (History), Senior Research Scientist of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture
- Sergey V. Deviatov**
D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in 20–21 cc. Department at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Salavat M. Iskhakov**
D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Aleksey Yu. Konev**
C.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Center Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Center SB RAS)
- Evgeny M. Kopot'**
Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)
- Igor V. Kurukin**
D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- В.В. Орлов**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Д.И. Петин**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета
- П.Э. Подалко**
доктор лингвокультурологии, профессор кафедры международной коммуникации, факультет международной политики, экономики и коммуникации, Университет Аояма Гакуин
- А.Л. Сафронова**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- Ар.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- И.А. Хормач**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры
- П.В. Шлыков**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.А. Щелчков**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
-

- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Senior Research Scientist of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Vladimir V. Orlov**
D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Daniel Panateri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Dmitry I. Petin**
C.Sc.(History), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University
- Petr E. Podalko**
Ph.D. (Language & Culture St.), Professor, International Communication Dept., School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin University
- Alexandra L. Safronova**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of South Asian History at the Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Andrey A. Schelekhov**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Pavel V. Shlykov**
Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Dmitry R. Zhaniev**
C.Sc. (History), Associate Professor of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

От редакции

Пятьдесят седьмой выпуск нашего журнала посвящен общеисторической тематике, а основной массив материалов относится к разделу «Отечественная история». По традиции мы стараемся освещать различные периоды нашей истории, начиная со Средних веков вплоть до событий начала XX в. В данном номере мы коснемся и событий конца 70-х гг. XX в.

Открывает том статья нашего американского коллеги Чарлза Гальперина, посвященная самой северной окраине Московского государства на Белом море – Двинскому региону, где сформировалось весьма своеобразное общество, история которого отражена в собрании более чем двухсот малоисследованных грамот. Особенностью этого общества было то, что в нем отсутствовали бояре и дворяне, а состояло оно исключительно из крестьян и духовенства. Следующая статья, за авторством А.О. Буранока, посвящена биографии И.М. Ознобишина, представителя старинного дворянского рода, давшего стране ряд известных деятелей, в том числе крупного поэта XIX в. Д.П. Ознобишина, которому герой статьи приходится прадедом. Третья статья рубрики посвящена отношениям России и Венецианской республики в конце XVIII в., когда два государства впервые провели взаимную аккредитацию посланников. Автор статьи Д.И. Гоц большое внимание уделяет личности первого русского посланника в Венеции графа С.Р. Воронцова и его деятельности на дипломатическом поприще. Региональная тематика представлена работой Е.В. Савченко, в которой исследуются вопросы установления южной границы Елисаветградской провинции Новороссийской губернии. Само по себе создание в 1764 г. Новороссийской губернии является важным шагом на пути преобразования южных территорий империи. В пятой статье рубрики раскрывается деятельность известного русского историка и географа В.Н. Татищева, как первого российского культуролога. Автор статьи Л.А. Черная впервые в отечественной науке предлагает взгляд на концепцию мирового развития культуры, выработанную Татищевым, как на первую попытку создания теории мировой культуры. В шестой статье рубрики В.М. Тарелко предпринял попытку рассмотреть историю миссии Американского Красного Креста в России в годы Первой мировой войны и ее значение для российско-американских отношений. Не сыграв существенной роли в налаживании российской санитарной службы, миссия тем не менее послужила делу налаживания межнациональной коммуникации и укреплению взаимного доверия. Периоду Гражданской войны в России и послереволюционным событиям посвящены седьмая и восьмая статьи рубрики. Малоисследованному эпизоду Гражданской войны – Ростовскому вооруженному восстанию 1917г., ставшему первым крупным столкновением между большевиками и силами контрреволюции на Юге России,

посвящена работа Н.А. Заяц и В.Ф. Заболотина. Восстание рассматривается как важный рубеж, выявивший раскол в казачьей среде и ускоривший формирование противоборствующих лагерей в Гражданской войне. В работе Ю.М. Голанда рассматривается тема, связанная со смертью М.В. Фрунзе в результате неудачно проведенной операции. Как известно, существует немало публикаций по этому вопросу, в которых, в том числе, предпринимаются попытки выяснить реальную роль в этом деле И.В. Сталина и цель, которую он преследовал, настаивая на операции. На наш взгляд, данная публикация вполне может претендовать на расстановку всех точек над «i» в изучении этого драматического эпизода нашей истории.

Мы уверены, что все восемь статей рубрики, посвященные, в основном, малоизвестным событиям отечественной истории, займут достойное место среди публикаций нашего издания и позволят глубже раскрыть темы, к которым мы традиционно обращаемся.

Раздел, посвященный «Всеобщей истории», состоит из трех публикаций. Статья Д.Е. Мишина продолжает публикации этого автора, посвященные периоду правления династии Сасанидов, в данном случае — завоеванию Йемена сасанидским царем Хосровом I Ануширваном. М.М. Якушев посвятил свою работу первым важным шагам на пути развития русского духовного присутствия на Босфоре путем создания посольских церквей в Константинополе, когда по Константинопольскому трактату 1700 г. Россия получила право иметь в Османской столице постоянного дипломатического представителя. Совместная работа нашего коллеги из Китая Янь Дзуня и В.Е. Волгина касается темы китайско-вьетнамского вооруженного конфликта 1979 г. в контексте советского-китайского противостояния. Особое внимание уделяется роли советско-китайского раскола, когда Советский Союз путем военной помощи и политического союза с Вьетнамом способствовал сдерживанию Китая.

Рубрика «Сообщения» не частая гостья в нашем издании. На этот раз мы публикуем работу А.В. Миргородского, посвященную новым подробностям жизни и деятельности Е.Ф. де Вильнёва, историка, археолога и литератора, внесшего заметный вклад в изучение Новороссийского края.

Наши коллеги и читатели наверняка уже заметили, что «Исторический вестник» значительно увеличил количество выпусков. У редакции серьезно прибавилось работы, но нас вдохновляет на труд сознание того, что мы служим отечественной науке и, как бы ни было трудно, будем отдавать этому делу все свои силы.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Ч.Дж. Гальперин.** Двина в правление Ивана IV 10
- А.О. Буранок.** Иван Михайлович Ознобишин. 46
- Д.И. Гоц.** Отношения России и Венеции в конце XVIII в.:
имперские амбиции и политические реалии. 70
- Е.В. Савченко.** Формирование южной границы Елизаветградской
провинции Новороссийской губернии в 1764—1775 гг. 98
- Л.А. Черная.** В.Н.Татищев как первый
российский культуролог. 120
- В.М. Тарелко.** Деятельность медицинского персонала
Американского Красного Креста в России на Юго-Западном
и Кавказском фронтах в годы Первой мировой войны 134
- Н.А. Заяц, В.Ф. Заболотин.** Ростовское вооруженное восстание
(26 ноября — 3 декабря 1917 г.) 166
- Ю.М. Голанд.** Смерть М.В. Фрунзе в свете борьбы за власть
в руководстве компартии (к столетию со дня смерти) 198

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Д.Е. Мишин.** Йемен под властью сасанидов.
Статья первая. Правление Йаз'ана. 236
- М.М. Якушев.** Посольские церкви в Константинополе — форпосты
русского духовного присутствия на Босфоре (1721—1821 гг.)..... 260
- Янь Дзунь, В.Е. Волгин.** Китайско-вьетнамский вооруженный
конфликт 1979 г. в контексте советско-китайского
противостояния. 278

СООБЩЕНИЯ

- А.В. Миргородский.** Евгений (Эжен) де Вильнев в Москве:
новые страницы биографии 302

Contents

RUSSIAN HISTORY

- Charles J. Halperin.** Dvina during the Reign of Ivan IV 10
- Alexander O. Buranok.** Ivan Mikhailovich Oznobishin 46
- Dmitry I. Gots.** Russia-Venice Relations in the Late 18th Century:
Imperial Ambitions and Political Realities 70
- Elizaveta V. Savchenko.** Formation of the Southern border
of the the Elisavetgradskaya Province of the Novorossia
Governorate in 1764–1775 98
- Ludmila A. Chernaya.** V.N. Tatishchev as the First Russian
Cultural Studies Scholar 120
- Vladislav M. Tarelko.** The activities of the American Red Cross
medical staff in Russia on the Southwestern and Caucasian
fronts during the First World War 134
- Nikolay A. Zayats, Vitaly F. Zabolotin.** Rostov Armed Uprising
(November 26 – December 3, 1917) 166
- Yury M. Goland.** The Death of M.V. Frunze in the Context
of the Struggle for Power in the Communist Party Leadership
(on the centenary of M.V. Frunze’s death) 198

WORLD HISTORY

- Dmitriy E. Mishin.** Yemen under the Sasanids.
Article One. The Rule of Yaz’an 236
- Mikhail M. Yakushev.** Embassy Churches in Constantinople — Outposts
of Russian Spiritual Presence on the Bosphorus (1721–1821) 260
- Yan Zun, Evgeny I. Volgin.** The 1979 Sino-Vietnamese Armed
Conflict in the Context of Soviet-Chinese Confrontation 278

REPORTS

- Alexander V. Mirgorodsky.** Eugène (Evgeny) de Villeneuve
in Moscow: New Pages of Biography 302

DOI: 1111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Чарлз Дж. Гальперин*Независимый исследователь, Блумингтон, Индиана, США**E-mail: chalperi@iu.edu*

Двина в правление Ивана IV

Аннотация

Статья рассматривает своеобразное общество Двинского региона — самой северной окраины Московского государства на Белом море (Поморья), — отраженное в собрании более чем 200 малоисследованных грамот. В Двине отсутствовали дворяне и бояре; ее население состояло из крестьян и духовенства. В социальном отношении она все же сохраняла некоторые черты, общие с Центральной Московией, хотя зачастую с местным своеобразием. Например, в Двине следовали практике Центральной Московии, запрещая право (обратного) выкупа в купчих и дарственных грамотах, хотя в этом не было необходимости, но при этом никогда не уполномочивали кого-либо осуществлять это право. Семьи занимались коллективной хозяйственной деятельностью, однако без преобладания братской совладельческой формы («брат с братом»). Свидетельства формирования местной двинской идентичности скудны, но, по крайней мере, существовало слово «двиняне» для обозначения жителей Двины. Особое внимание уделяется роли дяжков (писцов), которые, помимо составления грамот, выступали также в качестве свидетелей — явление, крайне редкое для Центральной Московии, но здесь заметное и, несомненно, заслуживающее дальнейшего изучения. Эта практика проливает свет как на московскую документальную традицию — дяжк не мог свидетельствовать грамоту, которую он сам написал, — так и на общественные отношения: крестьяне, по-видимому, на-

ходились в тесных связях с дьяками, что позволяло последним составить более трех четвертей документов с установленным авторством.

Ключевые слова:

Двина; Поморье; Иван IV (Иван Грозный); дьяки; писцы; свидетели

Для цитирования:

Гальперин Ч. Дж. Двина в правление Ивана IV // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 10–45. DOI: 111111111111111111

Ch.J. Halperin

Independent Scholar, Bloomington, Indiana, USA
E-mail: chalperi@iu.edu

Dvina during the Reign of Ivan IV

Abstract

The article examines the distinctive society of the Dvina region, the northernmost periphery of Muscovy on the White Sea (*Pomor'e*), as reflected in a collection of over 200 underutilized charters. Dvina lacked gentry or boyars; its population consisted of peasants and clergy. Socially it still had some elements in common with Central Muscovy, although often with a local twist. For example, Dvina followed Central Muscovite usage of denying redemption in sales or donation charters although they did not need to, but never authorized anyone to exercise the right of redemption. Families engaged in collective businesses, but without the dominance of brother-with-brother co-ownership. Evidence of Dvina resident identity is meager, but at least the word *Dviniane* for «Dvinians» existed. Particular attention is devoted to the role of secretaries, who, in addition to physically writing charters, also served as witnesses, a phenomenon that occurs very

rarely in Central Muscovy but stands out here and certainly merits further study in Central Muscovy. This pattern sheds light both upon Muscovite documentary practice, a secretary could not witness a charter he wrote, society, peasants must have enjoyed close relations with secretaries to afford them the opportunity to produce over three-quarters of the documents which have identified writers.

Keywords:

Dvina; Pomor'e; Ivan IV (Ivan the Terrible); Secretaries; Witnesses

For citation:

Halperin Ch.J. Dvina during the Reign of Ivan IV // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 10–45. DOI: !!!!!!!!!!!

В своем классическом исследовании географии России XVI в. — «Россия в XVI столетии» — Михаил Николаевич Тихомиров выявил ключевые социальные и экономические характеристики региона Северной Двины, также называемой «Поморьем» (т.е. «у моря», где под «морем» понимается Белое море). По сравнению с остальной частью Московского государства, Двина в социальном отношении характеризовалась отсутствием дворян, или служилого сословия («детей боярских», ед.ч. — «сын боярский»), не говоря уже о самих боярах. Основную массу населения составляли «черные» крестьяне, не имевшие частного владельца и проживавшие на государственных землях, а также «дворцовые» крестьяне, жившие на землях, принадлежавших царской семье. Основой экономики являлись солеварение и рыболовство, а не земледелие¹.

В настоящей статье рассматриваются дополнительные сходства и различия между Двиной и Центральной Московией на основе, по-видимому, малоиспользуемого² собрания документов, опубликованного в 1922 г. («Сборник грамот Коллегии экономии», том 1: «Грамоты Двин-

¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227–240.

² Я выборочно проверил, упоминаются ли дьяки, фигурирующие в этих документах, в работе: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. Они не упоминаются.

ского уезда»³). Этот том содержит 640 документов, из которых 206 (№ 72–277) относятся ко времени правления Ивана IV. Лишь два документа (№ 126 и 138) публиковались ранее, причем эти публикации остаются труднодоступными⁴.

В центре моего внимания находятся как форма документов, так и их содержание. Ни одна статья не в состоянии в полной мере охватить все интереснейшие вопросы, поднимаемые данным корпусом источников, однако я постараюсь обозначить максимально возможное число тем в надежде стимулировать дальнейшие исследования. Особое внимание будет уделено вопросу о том, кто составлял документы и кто выступал их свидетелями. Уникальный социальный состав двинского общества обусловил побочный эффект, отличающий данный корпус источников от других публикаций документов эпохи правления Ивана IV, а именно сравнительно частое участие дьяков в качестве свидетелей юридических актов, иногда даже двух дьяков в одном документе. В других регионах бояре и дети боярские — инициаторы сделок — почти никогда не привлекали дьяков в качестве свидетелей и никогда — более одного на документ⁵. Несмотря на свою роль свидетелей и составителей документов, дьяки никогда не выступают в качестве инициаторов составления документов. Двинские крестьяне, являвшиеся инициаторами актов, использовали дьяков не только для составления документов, но и в качестве свидетелей и подписантов (хотя никогда — в документе, составленном ими самими). Эта уникальная особенность двинского документального корпуса открывает новый взгляд на общество Московского государства в эпоху Ивана IV.

Начнем с общей характеристики источниковой базы.

Документы Двины

Хронология двинских актов отражает интересную особенность. В табл. 1 показано распределение документов по годам⁶.

³ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1: Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922.

⁴ В тексте я буду ссылаться на документы (кроме таблиц) в скобках по их номеру в Сборнике грамот Коллегии экономии, т. 1.

⁵ Это противопоставление следует считать весьма предварительным ввиду современного состояния соответствующих исследований; см. ниже.

⁶ Документы, охватывающие несколько лет, я последовательно датировал по последнему году.

Таблица 1. Документы Двины по годам

Год	Количество	Номер документа
1534	№ 72–74	3
1535	№ 75–76	2
1536		0
1537	№ 77–79	3
1538	№ 80–82	3
1539	№ 83–85	3
1540	№ 86–89	4
1541	№ 90–94	5
1542	№ 95–96	2
1543	№ 97–105	9
1544	№ 106–107	2
1545	№ 108–110	3
1546	№ 111–113	3
1547	№ 114–117	4
1548	№ 118–119	2
1549	№ 120–126	7
1550	№ 127–132	6
1551	№ 133–135	3
1553	№ 136–138	3
1554	№ 139–142	4
1555	№ 143–144	2
1556	№ 145–151	7
1557	№ 152–154	3
1558	№ 155–156	2
1559	№ 157	1
1560	№ 158–159	2
1561	№ 160–161	2
1562	№ 162–164	3
1563	№ 165	1
1564	№ 166–167	2

Год	Количество	Номер документа
1565	№ 168	1
1566	№ 169–170	2
1567	№ 171–173	3
1568	№ 174–175	2
1569	№ 176–177	2
1570	№ 178–181	4
1571	№ 182–190	9
1572	№ 191–194	4
1573	№ 195–200	5
1574	№ 200–202	3
1575	№ 203–209	7
1576	№ 210–216	7
1577	№ 217–220	4
1578	№ 221–224	4
1579	№ 225–227	3
1580	№ 228–234	7
1581	№ 235–252	18
1582	№ 253–266	14
1583	№ 267–275	9
1584	№ 276–277	2

Равномерность распределения документов заслуживает особого внимания: за весь период правления Ивана IV наблюдается лишь один полный год без документов (если не учитывать неполный 1533 г.). Еще более примечательно существенное отличие от почти всех других корпусов документов в их годовом распределении. В иных регионах почти всегда фиксируется всплеск документальной активности в период опричнины, вызванный в значительной степени нестабильностью эпохи и наиболее ярко проявляющийся в пожертвованиях монастырям, а также в продажах имений испуганными боярами и детьми боярскими⁷.

⁷ Опричина — «государство в государстве», с помощью которого Иван начал массовый террор против населения Московского государства, была создана в 1565 г. и упразднена в 1572 г.

Как будет показано ниже, хотя данные типы документов продолжают преобладать и на Двине, наибольший пик документальной активности приходится на значительно более поздний период — 1581–1582 гг., т.е. уже после окончания опричнины. В эти годы было создано наибольшее число документов — 18 и 14 соответственно, что в сумме составляет 32 из общего числа 206 актов. Если добавить 1583 г. с его 9 документами, то на эти три года приходится 41 из 206 документов. Подобное распределение может быть объяснено как негативными, так и позитивными факторами. С одной стороны, несмотря на включение Двины в состав опричнины, здесь отсутствовало служилое сословие, которое в других регионах инициировало продажи и дарения земель, увеличивавшие объем документации. С другой стороны, рост количества документов на Двине может отражать экономическое развитие региона, связанное с активизацией торговли на Белом море благодаря английским и голландским купцам в Холмогорах, что в дальнейшем привело к основанию Архангельска; оба этих города располагались на территории Двины.

Табл. 2 демонстрирует распределение документов по их типам.

Таблица 2. Типы документов

Тип документа	Количество	Номер документа
купчая	71	№ 74, 78, 82, 84, 86, 92, 93, 94, 98, 100, 101, 108, 110, 111, 116, 121, 123, 131, 132, 133, 134, 136, 148, 150, 159, 161, 164, 166, 192, 194, 195, 196, 200, 202, 205, 209, 210, 217, 218, 222, 225, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 237, 239, 240, 233, 242, 243, 248, 249, 251, 256, 257, 260, 263, 264, 265, 266, 267, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 277
решение суда	1	№ 76
жертвование	67	№ 79, 83, 90, 102, 104, 105, 106, 107, 113, 114, 119, 120, 125, 127, 128, 130, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 149, 152, 153, 154, 157, 160, 163, 167, 168, 170, 172, 177, 179, 180, 181, 183, 184, 187, 188, 191, 193, 197, 198, 201, 203, 204, 206, 208, 212, 214, 229, 235, 236, 238, 244, 245, 247, 250, 252, 253, 258, 259, 272
дарственная ⁸	3	№ 89, 103, 219

⁸ Отпись.

Тип документа	Количество	Номер документа
Указ Ивана IV	10	№ 96, 97, 109, 221, 228, 254, 255, 262, 267, 276
авизо	1	№ 155
ссуда ⁹	4	№ 145, 176, 190, 227
ссуда ¹⁰	3	№ 118, 178, 181
расписка ¹¹	1	№ 183
мировое соглашение ¹²	1	№ 261
доклад ¹³	1	№ 117
отказ(ная) ¹⁴	29	№ 72, 73, 75, 85, 87, 88, 95, 122, 124, 126, 129, 135, 135, 146, 151, 158, 171, 173, 175, 182, 185, 186, 189, 189, 199, 211, 213, 215, 216, 224, 246, 173
налогообложение ¹⁵	2	№ 138, 165
завещание	3	№ 80, 115, 162
сделка ¹⁶	4	№ 77, 91, 99, 174

Указы, изданные Иваном IV, не вызывают удивления, поскольку они в основном представляют собой ответы на челобитные монастырей, сообщавших о том, что должностные лица игнорировали их налоговые льготы или что крестьяне посягали на их территорию. Преобладание пожертвований и купчих является обычным явлением¹⁷. Как и в центральных регионах, в пожертвованиях оговаривалось, что даритель может продолжать жить на подаренной собственности до своей смерти (№ 83, 137, 145, 163, 177, 204, 206). Значительное коли-

⁹ Вкладная.

¹⁰ Закладная; вкладная и закладная могут различаться по точке зрения, соответственно заимодавца и заемщика.

¹¹ Запись.

¹² Мировая, добровольное соглашение.

¹³ Докладная.

¹⁴ Отступная, заявление об отказе от ответственности за имущество.

¹⁵ Сотня (так в тексте. — *Ред.*).

¹⁶ Дельная.

¹⁷ Поскольку над крестьянами, владевшими вотчинами или державшими условные земельные наделы, не было господ (дворян или бояр), в Двине отсутствуют послушные грамоты. Не было необходимости уведомлять крестьян о их новых владельцах, потому что у них не было владельцев. См.: *Halperin Ch.J. Obedience Charters during the Reign of Ivan IV // Russian History. V. 52. 2024. № 1. P. 131–153.*

чество отказных грамот может показаться несколько неожиданным. Я не встречал много документов такого типа, по крайней мере под этим названием, среди документов из центральных регионов. Отказные могли быть нескольких видов; один из них я упомяну ниже при обсуждении двинского общества.

Идентификация лиц, упомянутых в документах, сталкивается с обычными трудностями. Связать прозвища с официальными именами не всегда легко. Иногда географические обозначения можно спутать с фамилиями. Отчества в форме «Иван, сын Ивана» (Иван Иванов сын) нередко опускают слово «сын»; тогда приходится решать, является ли «Иванов» неполным отчеством или фамилией. Идентификация дьяков осложняется тем, что дьяки, крестьяне и представители духовенства, писавшие документы, не всегда обозначали каждого дьяка как дьяка при каждом упоминании его имени. Моим принципом было: «однажды дьяк — всегда дьяк», поскольку более вероятно, что писец считал излишним повторять должность дьяка, чем то, что небрежный писец приписал кому-либо статус дьяка без основания. Я избавил читателя от утомительного разбора каждого отдельного решения этих затруднений в именах свидетелей и писцов каждого документа, а также от обоснования применения термина «дьяк» к писцам.

Двина и Московия

Двина, несомненно, была географически периферийной по отношению к Москве, но она не была полностью изолирована ни от московского правительства, ни от текущих событий в Москве, о чем свидетельствует участие Ивана IV в местных делах. Как уже упоминалось, Двина была включена в опричнину и включала в себя порт въезда английских купцов. К сожалению, единственная двинская летопись относится к XVII в. и не может пролить свет на реакцию населения Двины на эти события¹⁸. Рассматриваемый в данной статье корпус двинских документов сосредоточен на частных делах. В них нет указаний на крупные события, происходившие во время правления Ивана: завоевание Казани, Ливонская война, опричнина или

¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 149–150.

возведение Симеона Бекбулатовича в великокняжеское достоинство. Возможно, этого и не следует ожидать. Военнопленных из Ливонии и Литвы отправляли в Казань, а не в Двину. Татары — мусульмане или новообращенные, поступившие на московскую службу после завоеваний Казани и Астрахани, — получали земельные владения и хозяйства в Новгородской земле. Можно было бы ожидать упоминаний об английских купцах, активно действовавших в регионе, но их нет. Отсутствие дворянства, которое нужно было бы подавлять, и, следовательно, отсутствие вотчин или условных земель, подлежащих перераспределению, легко объясняет отсутствие упоминаний об опричнине или даже ее побочных эффектах¹⁹. Не все после коронации Ивана усвоили, что его следует именовать «царем и великим князем», а не просто «великим князем», однако лишь в трех документах допущена эта ошибка (№ 124, 129, 135) в период с 1549 по 1551 г. — такое иногда встречается и в документах, составленных ближе к Москве. Насколько двинские документы сопоставимы с другими московскими документами с точки зрения юридической терминологии и практики, еще предстоит выяснить.

Женщины

Положение женщин в Московии было предметом многочисленных исследований, хотя нет единого мнения о том, расширялись или, наоборот, сокращались права женщин в правление Ивана IV²⁰. Женщины — жены, вдовы и дочери — могли приобретать землю в Двине через приданое, наследство или покупку, а также продавать или дарить ее — иногда совместно с мужьями, иногда самостоятельно (№ 75, 98, 105, 107, 113, 186, 193, 202; этот список не является исчерпывающим). Однако, чтобы никто поспешно не предположил, что в Московии такими правами обладали только женщины высших сословий, двинские документы показывают, что ими пользовались и женщины низших слоев. Три записи наглядно иллюстрируют человеческое измерение таких сделок: мужья двух сестер распоряжаются их унаследованной собственностью (№ 160), муж продает имущество, входившее в приданое жены и перво-

¹⁹ Cp. Halperin Ch.J. Contemporary Russian Perceptions of Ivan IV's Oprichnina // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. V. 18. 2017. № 1. P. 95–124.

²⁰ Halperin Ch.J. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish / Pittsburgh, 2019. P. 232–233.

начально предоставленное ее теткой (№ 202, 205), мужчина с женой отказываются от имущества, прежним владельцем которого был ее первый муж (№ 213).

Выкуп

Правовое понятие «выкуп», т.е. отмена или обращение вспять дарения или продажи, было известно в Двине²¹. Во многих документах прямо указывается, что продажа или дарение совершены «без выкупа», т.е. даритель или продавец отказывался от права изменить свое решение. Как и в других частях Московии, (даже) после издания «Судебника» 1550 г. продавцы продолжали без необходимости отрицать право сыновей и внуков на выкуп, хотя «Судебник» уже устанавливал, что такого права у них нет.

Иногда, однако, юридический язык менее формален. Вместо упоминания выкупа продавцы и дарители заявляют, что они и указанные родственники «не имеют больше дела» с данной собственностью (например, № 141, 143, 151, 162, 203 и многие другие). При этом иногда используется слово «племя», буквально означающее «род, племя», которое в этом выражении лучше переводить как «родня». Однако истинное значение термина «племя» в этих документах остается не вполне ясным (№ 140, 235, 252, 269).

Кроме того, даже после того как «Судебник» запретил выкуп дарений монастырям, дарители продолжали излишне отказываться от права выкупа — либо прямо, либо косвенно, запрещая любое последующее «дело» в отношении этих владений (например, № 139, 140, 141, 143 и многие другие).

Вместе с тем двинские документы отличаются от «обычной» практики по всей стране тем, что они никогда не предусматривают право выкупа для кого-либо. Поскольку никто не мог выкупить имущество, не было и необходимости указывать цену выкупа. Более того, глагол «выкупать» («выкупати») используется здесь также в значении погашения долговых обязательств (включая закладные) при оформлении прав собственности (№ 81, 133, 218, 226, 237, 257) — употребление, редко встречающееся в других регионах. То, что никто не подумал о предоставлении

²¹ Halperin Ch.J. Redemption (выкуп) of Land in Muscovy during the Reign of Ivan IV // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. V. 24. 2023. № 2. P. 721–752.

права на выкуп имущества, может быть связано с тем, как семьи объединялись для ведения бизнеса.

Семейное хозяйство

Как и в других местах, родственники в Двине занимались совместной экономической деятельностью, но существовало важное отличие. В центральных районах дворянские семьи совместно владели сельскохозяйственными поместьями²², тогда как в Двине крестьяне-родственники имели «доли» в промысловых предприятиях. Возможно, поэтому семейные объединения здесь реже ограничивались одним поколением, особенно союзами братьев.

Тем не менее родственники могли вести совместные дела, и примечательно, что в документах часто подчеркивается их родство. В локальном контексте и так было известно, что, например, Иван Иванов сын Федоров и Федор Иванов сын Федоров — братья, однако в ряде документов это специально оговаривается: «се яз Иван да яз Онтотман Олександровы дети, два брата» (№ 135).

В других случаях свидетель обозначается как дядя двух племянников (№ 135); участник сделки указывает, что приобрел имущество вместе с братом, а среди свидетелей присутствует его племянник (№ 184); человек совершает дарение вместе с братом и «сыном брата» (вероятно, племянником) (№ 187); свидетелями выступают один или несколько братьев участника сделки (№ 196, 233, 241, 242) или его дядя (№ 277). Такое избыточное указание родственных связей также усиливало достоверность документа.

Финансовая составляющая

Среди бояр и дворян богатство распределялось крайне неравномерно: одни были почти разорены, тогда как другие совершали щедрые денежные покупки земли и дарения монастырям²³. В целом же финансовые

²² Halperin Ch.J. The Family Business: Relatives and Property in Muscovy during the Reign of Ivan IV // Canadian-American Slavic Studies. V. 57. 2023. № 1. P. 92–118.

²³ Halperin Ch.J. Lay Donations to the Trinity Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV // Slavonic and East European Review. V. 95. 2017. № 2. P. 271–292; [тот же автор]. Lay Cash Land Purchases during the Reign of Ivan IV // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. V. 65. 2017. № 2. P. 177–199.

операции двинских крестьян были весьма скромными, зачастую касаясь имущества стоимостью менее одного рубля. Тем не менее около десятка сделок (из 71) и некоторые оценки недвижимости в дарственных документах включали значительные суммы: 13½ рубля (№ 253), 15 рублей (№ 250, 252)²⁴, 18 рублей (№ 171)²⁵, 20 рублей (№ 233), 25 рублей (№ 166)²⁶, 30 рублей (№ 243, 248, 270), 32 рубля (№ 76), 50 рублей (№ 204)²⁷, 60 рублей (№ 218), а также три объекта за 40, 20 и 15 рублей — всего 75 рублей (№ 225).

Как дворяне на северо-востоке иногда отказывались от поместий из-за их экономической недостаточности²⁸, так и двинские крестьяне отказывались от владений, чаще всего ссылаясь на невозможность нести повинности — налоги, пошлины и служебные обязательства (№ 72, 73, 88, 95, 126, 128, 135, 161, 185, 186). Даже если такие объяснения иногда служили прикрытием иных причин (например, неудобного местоположения), они выглядели достаточно правдоподобно.

Полюбовные сделки

Две грамоты фиксируют так называемые «полюбовные» (мировые) сделки. В первой Николо-Корельский монастырь урегулировал спор о рыболовных угодьях с крестьянами посредством «мировой» грамоты, называемой также «полюбовной записью». Обе стороны обязались выплатить штраф в 100 рублей в случае нарушения соглашения (№ 220), что, возможно, свидетельствует о взаимном недоверии. Такой завышенный штраф служил скорее символом добросовестности, чем реальным экономическим сдерживающим фактором. Эта завышенная штрафная санкция также характеризует дружеские соглашения в Центральной Московии. Во второй священник с женой и тремя детьми (вероятно, это были 2 дочери и 1 сын) обменялся имуществом с Архангельским монастырем (№ 223); в этом случае штраф не предусматривался. Редкость подобных «полюбовных» сделок и их содержание в Двине полностью соответствуют практике в других регионах Московии.

²⁴ № 250 был дарением, но даритель получил деньги.

²⁵ Продавец оставил себе 12 рублей, но пожертвовал 6 рублей.

²⁶ Продавец оставил себе 20 рублей, но пожертвовал 5 рублей.

²⁷ Заложённая стоимость подаренного имущества.

²⁸ Halperin Ch.J. Obedience Charters during the Reign of Ivan IV. P. 143.

Региональная и социальная идентичность

То, как жители Двины воспринимали самих себя, проявляется через лексику, которой они пользовались, но, прежде чем обращаться к этой терминологии, необходимо уточнить наблюдение Тихомирова и восполнить пробел в понимании эволюции двинского общества. Как мы уже видели, описывая двинское общество как состоящее из крестьян, а не дворян, Тихомиров вскользь упоминает, что крестьяне и помещики (держатели условных земельных наделов, поместья) в Двине рассматривали рост монастырского землевладения как угрозу²⁹.

В Двине не было условных земельных наделов, потому что там не проживало дворянской конницы, нуждавшейся в них для экономической поддержки. Имеются свидетельства споров между крестьянами и монастырями, как, впрочем, и везде. Очевидно, что Тихомиров просто был небрежен в своем обывательском замечании о классовой борьбе. Сохранившиеся документы также свидетельствуют о том, что в Двине не было бояр. Однако это не соответствует действительности. Двина была колонией Новгородской республики. Она восстала против новгородской власти в 1397–1398 гг. В это время великий князь Василий I пытался установить контроль над регионом, издав административную (уставную) грамоту, адресованную, в частности, двинским боярам, и определяющую их права и привилегии в фискальной, судебной и административной сферах. В своем комментарии к двинской грамоте Александр Александрович Зимин также ссылался на упоминание двинских бояр в 1448–1454 гг. в грамоте о льготах для Троице-Сергиева монастыря, выданной великим князем Василием II, гарантировавшей беспошлинную перевозку товаров в Двине³⁰. Эта грамота о льготах указывает на то, что Василий II претендовал на власть над Двиной, иначе он бы не издал ее, но это также могло отражать его самоощущение как защитника Троице-Сергиева монастыря на территории, фактически находящейся вне его юрисдикции. По крайней мере, можно быть уверенным, что двинские бояре тогда все еще существовали, либо под властью Новгорода, либо оставленные в Двине как буфер против Новгорода. Тем

²⁹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 238.

³⁰ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. С. 162–164 (текст), 185–197 (комментарий; на с. 186 цитируются Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 95. С. 151–152.

не менее присоединение Новгорода Москвой в 1478 г., вероятно, окончательно решило этот вопрос. С большой вероятностью, когда Иван III казнил или депортировал новгородских бояр, он поступил аналогично и с двинскими боярами. Если Москва раньше и контролировала Двину, ей больше не требовались двинские бояре для противостояния новгородской власти. В результате к правлению Ивана IV в Двине не было коренных бояр, и контроль Москвы над регионом стал свершившимся фактом. Возможно, это также объясняет, почему все денежные суммы в двинских документах указывают московскую, а не новгородскую монету.

Источники, рассматриваемые в этой статье, дают мало возможностей для концептуализации двинского сообщества в целом. Термин «двиняне» встречается в некоторых источниках. «Холмогорский летописец» отмечает, что Иван IV отправил «лучших двинян» для инвентаризации заброшенных английских кораблей, экипажи которых погибли зимой³¹. В одном документе свидетель идентифицируется как Роман Семенов сын Антонов, двинянин (№ 269), а в другом документе также упоминается свидетель Роман Семенов сын как двинянин (№ 273), вероятно, тот же человек. Иван IV отправил две грамоты «на Двину» (№ 255, 267). Я понимаю «Двину» как региональное обозначение, а не город и тем более не как поэтическую отсылку к реке Двина, или скорее к одной из рек Двины — Северной Двине. Вторая грамота адресована холмогорским наместникам, осуществлявшим московскую власть в регионе.

Социальная идентичность часто определяется через отрицание, через то, кто мы не есть или кто не «наш». Поддюжины источников используют термин «москвитин» в отношении лиц, которые, вероятно, были московскими дворянами, если, конечно, это слово не является просто фамилией. Московит, живущий вне Московии, теоретически мог получить фамилию «Московин» или «Москвитин». Прокофей Иванов сын Московин упоминается как свидетель (№ 160). Продавец и монастырский старец Филофей Васильев сын Московин называет своего брата, составившего акт купли-продажи, Иваном Васильевым сыном Москвитином (№ 200). Текст дарственной Истома Васильева сына Бачурина называет его «Истома Москвитин, двинской переведенец» (№ 214). В этом случае мы знаем, что «Москвитин» не был фамилией человека. Наконец, продавец Терентий Григорьев

³¹ ПСРА. Т. 33. С. 138.

сын Кологривов, старец Трифон, выбирал родственников в качестве свидетелей, а именно своих братьев: Семена «московского жильца», Фефилатея и Стефана (№ 243). Слово «жилец» означало московский придворный чин, обычно дворянский. Я предполагаю, что «московский жилец» относится только к Семену, а не к другим двум братьям. Мы не можем исключить возможность того, что семья была московского происхождения. Возможность нахождения монаха не из Двины в двинском монастыре также реальна. Безусловно, человек, бывший московским жильцом, считался бы чужаком, но более высокого статуса, чем обычный двинский крестьянин или писарь. Дарственная грамота упоминает дарителя Стефана Фролова сына Вольцова, коширена (из Каширы) сына боярского (№ 244), что подтверждает его статус чужака и дворянина. Таким образом, единственные значимые участники двинских документов, идентифицированные как дворяне, были по сути иммигрантами. Эта логика, хотя и носит лишь предположительный характер, подтверждает вывод о том, что двиняне, даже если они прямо так не идентифицировались, не были чужаками или дворянами.

Монастырские дьяки

Хорошо известно, что поскольку Двина не производила зерна, монахи не могли выращивать собственную пищу и были вынуждены ее покупать. Это требовало обращения с деньгами, а значит — получения доходов, что вело к участию в земельных и иных имущественных отношениях. Монахи могли покупать землю (№ 78 и др.), продавать ее — например, другому монаху (№ 273), и даже выступать в роли «банкиров», выдавая займы под залог недвижимости (№ 178 и др.).

Однако подобная хозяйственная деятельность не обязательно означала участие в составлении юридических документов, т.е. исполнение функций дьяка. Такая деятельность подрывала бы монашескую идентичность. Монах, бывший дьяком в мирской жизни, теоретически мог составить и записать документ, но с точки зрения монашеских обетов это считалось крайне неподобающим. По этим моральным причинам было всего 2 случая, когда монах выступал составителем документа.

Так, крылашанин (вероятно, член монастырского хора), старец Иоиль Федоров сын составил завещание для другого старца (№ 80). Странно, что старец обозначил себя своим прежним мирским именем.

Для составления данного документа можно было пригласить дьяка или грамотного мирянина. Монахи, особенно выступая как духовные отцы, могли присутствовать при составлении завещания и даже быть свидетелями, но записывать текст под диктовку для них было необычно³². Возможно, это был чрезвычайный случай. Другой монах — также крылашанин, старец Феодосий (без указания мирского имени), написал дарственную грамоту мирянину (№ 114). Объяснение этому эпизоду неочевидно.

При отсутствии дворянства и тем более бояр монастыри были своего рода элитой Двины и играли значительную экономическую роль. В документах особенно часто фигурирует Николо-Корельский монастырь, расположенный примерно в 35 км от Холмогор на Северной Двине; он упоминается почти в сотне документов. Я предварительно предполагаю, что его история не была изучена³³.

Правовое сознание

Крестьяне (и, разумеется, не только они) в эпоху правления Ивана IV в Центральной Московии могли давать устные показания в двух ситуациях: в уголовных разбирательствах губных учреждений или при разрешении межевых споров путем обхода границ и указания межевых знаков — функции, выполняемой «старожильцами». Двинские крестьяне могли участвовать в первом виде деятельности, если губные учреждения существовали на севере, что не вполне ясно. Жалованная грамота Ивана Антониево-Сийскому монастырю (близ Холмогор), адресованная двинским наместникам, упоминает «губных старост», занимавшихся делами о разбое (№ 109). При отсутствии дворянства возникает вопрос, кто выполнял подобные функции.

Крестьяне могли обозначать (и обозначали) межевые границы устно (например, № 97). Хотя большинство межевых споров решалось на основе более ранних писцовых описей, сами эти описания опирались

³² Halperin Ch.J. Clergy in the Documentary Life of the Muscovite Laity // Ivan IV and Muscovy. Bloomington, IN. 2020. P. 145–173.

³³ Разумеется, я могу просто не знать соответствующей библиографии. Однако вполне возможно, что Николо-Корельский монастырь был оставлен без внимания, поскольку историки уделяли значительное внимание двум другим северным монастырям — Кирилло-Белозерскому и Соловецкому, которые имели гораздо более широкое общероссийское влияние.

на устные сведения. При этом двинские крестьяне хорошо понимали значение письменных документов.

Одним из ключевых элементов любой передачи земли, будь то продажа, дарение или обмен, было установление права продавца, дарителя или лица, получающего обмен, распоряжаться этой собственностью. Покупатель, получатель или другой участник обмена следил за тем, чтобы любые незакрытые обременения на эту собственность были финансовой ответственностью продавца, дарителя или первого участника обмена. Двинские крестьяне понимали связь между юридическими документами и правом собственности. В акте купли-продажи, дарственной или грамоте об обмене стороны часто упоминают другие акты купли-продажи, заклады, протоколы судебных разбирательств или «правые грамоты» (№ 79, 83, 94, 114, 120, 121, 126³⁴), которые подтверждали законное владение имуществом. Акт купли-продажи, дарственная или обменная грамота также могли указывать текущее местоположение или владельца указанных документов, которым мог быть родственник (№ 128, 137, 161 [отец], 173 [«мой брат Езекий», включая грамоты о льготах и судебные грамоты], 182 [две пергаменные грамоты с печатями, акт купли-продажи и закладная], 197, 211, 216). Это требование могло также выполняться через объяснение причин недоступности определенных документов. Завещатель не хотел оставить ни малейшего сомнения в том, что имущество, которым он распоряжался, действительно принадлежало ему по праву. К таковым относилось, например, имущество, оставленное ему матерью («маткой») с актами купли-продажи, учтенное в кадастровых съемках царя и великого князя землемерами Иваном Петровичем Заболоцким и Дмитрием Ивановым сыном Темиревым со товарищи. К сожалению, другие документы хранились в церкви Святого Николая Чудотворца, которая сгорела, в результате чего они были утрачены (№ 162). Акт купли-продажи также ссылался на этот кадастр (№ 172). Наконец, в грамоте об отказе первичный участник подробно объяснял, что не предоставил акт купли-продажи на имущество, потому что он также относился к другим приобретениям; поэтому он должен был его сохранить (№ 246).

Когда в XIX в. в императорской России начали создавать «современную» систему правосудия, велось много обсуждений о том, совпадают

³⁴ Множественное число предполагает, что здесь термин «правая грамота» не означает «судебную грамоту», т.е. решение судьи после разбирательства, хотя это все же возможно.

ли представления государства и крестьян о законе и правосудии. Эти двинские документы показывают, что крестьяне могли и действительно приспосабливались к процедурам и стандартам государственного судопроизводства. Конечно, у них не было выбора, если они хотели максимально защитить свои интересы при взаимодействии с властями, но главное — они знали, как играть по правилам государства.

Дьяки: свидетели, подписанты, писцы

Приложение 1 перечисляет всех, кто составлял грамоты, их социальный статус, количество составленных ими грамот и номера документов. За исключением секретарей (дьяков) и духовенства, документы не указывают социальный статус составителя. В таких случаях я по умолчанию предполагаю, что это были крестьяне, и указываю этот статус в скобках.

Дьяки выполняли следующие функции в двинских документах: они были свидетелями, т.е. теми, кто подписывал документ, и писцами (writers) — термин, который я использую для обозначения тех, кто физически писал грамоты. Неизвестно, кто (инициатор сделки или кто-то другой) фактически составлял грамоту, но, скорее всего, инициатор указывал, чего он хотел достичь документом, а писец переводил это в правильную юридическую форму. Интуитивно разумно предположить, что инициатор(ы) также и выбирал/и свидетелей. Появление родственников в качестве свидетелей это подтверждает. Также вне всякого сомнения, что инициаторы высоко ценили свидетелей. В пяти документах свидетели описаны как «добрые люди» (№ 141, 157, 198, 206, 270). Свидетели не были обязаны юридически подписывать документы. Фактически не существовало законного требования подписывать документ, и некоторые документы не имели подписей (№ 135, 181, 187, 188, 190, 191, 206, 214, 237, 238, 275). В одном странном случае некий «Дмитрий», не указанный ни как свидетель, ни как участник сделки, подписал документ (№ 222). Конечно, подписанты должны были быть грамотными; им нужно было научиться читать, прежде чем писать свои имена³⁵. В некоторых случаях в Центральной Московии сам инициатор сделки (но

³⁵ Halperin Ch.J. Signatures and signatories: Literacy and documentation in Muscovy during the reign of Ivan IV // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. V. 70. 2022. № 1–2. P. 60–75.

никогда не женщина) писал документ³⁶. Это имело место и в двинских документах: один и тот же инициатор сам написал три документа (сам) (№ 250, 251, 252). В этой статье я сосредотачиваюсь на тех, кто писал документ для кого-то другого.

Секретари (дьяки) часто указываются как связанные с церковью, монастырем, приходской церковью, географическим местом или, в одном случае, с политической инстанцией (таможней, № 220). Я не учитывал эти обозначения, так как они не влияли на их деятельность как дьяков по отношению к этим документам. Аналогично довольно распространенное определение «земский дьяк» (секретарь местного управления) также было несущественно³⁷. Такие секретари вели записи новых местных органов, введенных при Иване IV в рамках земской реформы³⁸. Зимин утверждает, что учреждения по расследованию преступлений не создавались в районах с новой реформой местного управления, к которой якобы относилась Двина. Этот потенциальный парадокс требует отдельного рассмотрения³⁹.

Приложение 1 идентифицирует 86 различных писцов, которые составили 191 документ. Из них 56 были секретарями, написавшими 156 документов; 28 — крестьяне, написавшие 36 документов; 2 — члены духовенства, составившие 2 документа. Очевидно, что дьяки доминировали в производстве документов, но не монополизировали его. Все писцы, написавшие 6 и более документов, были дьяками. 28 дьяков написали более одного документа, тогда как только 4 крестьянина написали более одного и никогда не более пяти. 52 из 86 писцов написали только один документ; из них 28 были дьяками, 22 — крестьянами, 2 — представителями духовенства. Таким образом, относительно небольшая группа из шести дьяков оказала несоразмерно большое влияние на производство документов, составив 72, более трети, из 194 документов. Эти статистические данные, среди прочего, указывают на то, что некоторые се-

³⁶ Halperin Ch.J. Three 'Hands' and Literacy in Muscovy During the Reign of Ivan IV: 'I Affix My Hand,' 'By My Own Hand,' and 'My Man's Hand' // *Canadian-American Slavic Studies*. V. 51. 2017. № 1. P. 29–63, here 36–56.

³⁷ № 106, 116, 117, 125, 136, 140, 141, 147, 148, 158, 166, 168, 178, 191, 196, 197, 198, 208209, 216, 230, 243, 248, 258, 261, 262, 273, 277. Иногда в одном документе встречается упоминание более одного земского дьяка. В данной статье слова «секретарь» и «дьяк» взаимозаменяемы. (Прим. ред.)

³⁸ Памятники русского права. Т. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1956. С. 188–197.

³⁹ Зимин А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 401.

кретари были хорошо известны в Двине инициаторам сделок, которые, предположительно, нанимали дьяков для написания документов; эти «популярные» дьяки пользовались спросом. В современных терминах такие дьяки были известны качеством своих услуг, и их репутация предшествовала им. Я не проверял систематически, писал ли кто-то из них более одного документа для одного и того же инициатора; по крайней мере, самый плодовитый писец, Патрекиец Петр сын Петров, по-видимому, этого не делал.

Неудивительно, что один писец, Петр (Петелка) Лукьянов сын, был включен в число «добрых людей», выступавших свидетелями (№ 270), хотя он появляется лишь один раз еще в качестве свидетеля (№ 269), и никогда (до этого) не писал документов. В первом случае он также подписал документ, во втором — нет.

Несмотря на заметность «звездных» дьяков, количество крестьян-писцов остается значительным. Как они приобрели навыки составления юридических документов, остается и останется неизвестным. Очевидно, что в Двине не наблюдалась нехватка дьяков. Количество единичных дьяков и крестьян указывает на широкое распространение не только функциональной грамотности, но и знания бюрократического юридического языка.

Писцы в Двине не ограничивались лишь написанием документов; как показывает пример Петра (Петелки) Лукьянова сына, они могли выступать свидетелями и могли, но не обязаны были подписывать документы. Я никогда ранее не встречал дьяка-свидетеля в документах Центральной Московии, пока не увидел это в документах Двины. Сначала я решил, что двинский феномен уникален, но короткое исследование показало обратное, о чем будет сказано ниже. Недостаток изучения дьяков-свидетелей в Центральной Московии не позволяет сделать окончательные выводы, но практика, по всей видимости, была более распространена в Двине, чем в других местах.

Ни в одном случае дьяк одновременно не был свидетелем и писцом одного и того же документа. В каждом из 24 случаев, когда дьяки выступали свидетелями, документ был написан либо другим дьяком, либо крестьянином. Более того, часто эти дьяки писали другие документы, в которых, разумеется, они не были свидетелями. В этих 24 документах было 23 разных инициатора; только один из них инициировал два документа. Таким образом, наши данные не искажены одним любящим нанимать дьяков крестьянином. Табл. 3 суммирует информацию о различных ролях дьяков-свидетелей в этих документах.

Таблица 3: Дьяки-свидетели, писцы и инициаторы

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
1	№ 136	Иван Андреянов сын	дьяк Поздьяк Остафьев сын (написал 4 документа)	[крестьянин] Сенька Дементьев сын
2	№ 147	Петр Истома Васильев сын	дьяк Яков Дмитриев сын (не писал документов)	дьяк Поспелско Васильев сын Соломин
3	№ 158	Терентей Григорьев сын Кологривов	дьяк Яков Васильев сын Попов (не писал документов)	дьяк Перша (Перфирей) Яковлев сын Карташев
4	№ 167	Василий Сухан Александров сын Амосов	дьяк Мирон(ец) Климентьев сын Попов (14 документов)	дьяк Семейк Иванов сын
5	№ 183	Семен Кириллов сын Орлов	дьяк Филипп Иванов сын (не писал документов)	дьяк Будаец Михайлов сын
6	№ 180	Федор Евсеев сын Мошко	дьяк Перфирей (Перша) Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
7	№ 194	Иван Михайлов сын Кологривов и Стефан Иванов сын Кологривов	(без подписи) дьяк Олферей Сидоров сын (3 документа)	[крестьянин] Миронко Климентьев сын
8	№ 201	Аверкий Михайлов сын Кологривов	(без подписи) дьяки Петракей Петров сын (16 документов) и Федор Васильев сын Попов (2 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
9	№ 202	Гуляй Стефанов сын Будаев и жена	дьяк Федор Васильев сын Попов (2 документа)	дьяк Петракей (Патрекей) Петров сын
10	№ 208	Стефан Мартынов сын	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
11	№ 210	Василий Иванов сын	дьяк Поздей/Поздьяк Остафьев сын (4 документа)	[крестьянин] Епифанко Нечаев сын Парасковьин

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
12	№ 220	Николо-Корельский монастырь	дьяк Поздяк Остафьев сын (4 документа) и таможенный дьяк Пентелей Ондреев сын (не писал документов)	дьяк Якуш Дмитриев сын Соцкий
13	№ 234	Яков Иванов сын Вепрев	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Патрикеев Петров сын
14	№ 240	Филатий и Семен Васильевы дети Кологривовы	дьяк Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Патрекей Петров сын
15	№ 243	Терентей Григорьев сын Кологривов	дьяки Микула Иванов сын Кологривов (не писал) и Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Патрекей Петров сын
16	№ 248	Онцифор Васильев сын	дьяк Левонтей Федотов сын (не писал документов)	дьяк Федко Васильев сын Попов
17	№ 256	Евдоким Филиппов сын Дядька	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа) и Микула Исаков сын Кологривов (не писал)	дьяк Патрекей Петров сын
18	№ 261	старец Сергей из Николо-Корельского монастыря	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Гаврыако Михайлов сын
19	№ 269	Терентей Захаров сын и жена	дьяк Петр (Петелка) Лукьянов сын (1 документ)	дьяк Никита Мионов сын
20	№ 270	Алексей Иванов сын	(без подписи) дьяк Петр (Петелка) Лукьянов сын	дьяк Никита Мионов сын
21	№ 271	Шестой Филатьев сын Проскурин	дьяк Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Алеша Кирилов сын
22	№ 272	Федор Селянин Лонгинов сын Подстенков	дьяк Патрекей Петров сын (16 документов)	дьяк Алеша Кирилов сын

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
23	№ 273	старец Ефросин из Соловецкого монастыря	дьяк Никита Миронов сын (8 документов)	дьяк Петелка Лукьянов сын
24	№ 277	Леонтий Аверкиев сын Кологривов	дьяки Патрекей Петров сын (16 документов) и Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Алеша Кириллов сын Офутин

В двух случаях дьяк выступал свидетелем, но не подписывал документ (табл. 3, № 8; табл. 3, № 20), что вновь показывает, что подпись свидетеля не была обязательной и окончательно доказывает, что отсутствие подписи вовсе не свидетельствует о неграмотности свидетеля. Из 23 различных инициаторов, предположительно выбиравших свидетелей, трое (табл. 3, № 12, 18, 23) были связаны с монастырями, что означает, что профессиональная компетентность дьяков признавалась как внутри монастырских стен, так и вне их. Кроме того, участие в качестве свидетеля с подписанием документа не было для этих дьяков разовым опытом — они делали это неоднократно. Четырнадцать дьяков выступали свидетелями и подписывали документы в общей сложности 27 раз:

- Федор Иванов сын (табл. 3, № 5)
- Федор Васильев сын Попов (табл. 3, № 8, 9)
- Яков Дмитриев сын (табл. 3, № 2)
- Яков Васильев сын Попов (табл. 3, № 3)
- Левонтей (табл. 3, № 16)
- Микула Исаков сын Кологривов (табл. 3, № 14, 15, 17, 21, 24)
- Миронец Климентьев сын Попов (табл. 3, № 4)
- Никита Миронов сын (табл. 3, № 23)
- Олферий Сидоров сын (табл. 3, № 7)
- Пентелей Ондреев сын (табл. 3, № 12)
- Петр Лукьянов сын (табл. 3, № 19)
- Перфирей Яковлев сын Карташев (табл. 3, № 6, 10, 13, 17, 18)
- Патрекей Петров сын (табл. 3, № 8, 22, 24)
- Поздьяк Остафьев сын (табл. 3, № 1, 11, 12).

Как видно, большинство этих дьяков-свидетелей также писали документы, хотя трое (табл. 3, № 2, 3, 5) этого не делали. Я отдельно проверил наиболее продуктивного писца, Патрекея/йца Петрова сына, ко-

торый был свидетелем в трех документах, чтобы выяснить, писал ли он когда-либо документ для того же заказчика, у которого выступал свидетелем. Нет, такого не было.

С точки зрения формы документа никто не мог одновременно быть и писцом, и свидетелем одного и того же акта. Чтобы избежать путаницы, дьяк Перша Яковлев сын Карташев, указав себя писцом документа № 258, затем отметил, что он же его и подписал («тот же»), но не назвал себя свидетелем. Функция свидетеля заключалась в том, чтобы выступить объективным наблюдателем, удостоверяющим достоверность документа. В некотором смысле свидетель подтверждал ценность документа собственной репутацией. Очевидно, он не мог бы объективно оценивать достоверность документа, который сам же составил. Инициатор выбирал и писца, и свидетелей, но их статус по отношению к документу был различным. Писцы, особенно дьяки, были оплачиваемыми профессионалами. Хотя прямых доказательств нет, можно предположить, что и крестьяне-писцы получали вознаграждение. Свидетель же, получивший плату от инициатора, рисковал утратить объективность: его оценка достоверности документа могла оказаться предвзятой. Маловероятно, хотя и не исключено, что инициатор платил родственнику за участие в качестве свидетеля. Следовательно, дьяки-свидетели, чтобы сохранять подлинную независимость, по-видимому, действовали безвозмездно. Это также может объяснять, почему писец — профессиональный или нет — не выступал свидетелем в деле человека, который ранее нанимал его для составления другого документа. Теоретически это могло уменьшить число потенциальных клиентов, но, как показывает пример Патрекейца Петрова сына, возможно, наоборот, повышенная репутация дьяка как свидетеля способствовала его профессиональному успеху.

Можно исключить один возможный мотив, по которому крестьяне-инициаторы выбирали дьяков в качестве свидетелей вместо крестьян. Свидетели не обязаны были подписывать грамоту, поэтому неграмотность крестьянина не мешала его выбору, равно как грамотность дьяка сама по себе не давала ему преимущества. Аналогично свидетели должны были лишь выслушать зачитанный текст и подтвердить его правильность — для этого грамотность также не требовалась.

Ситуация, когда дьяк выступает свидетелем документа, написанного крестьянином (табл. 3, № 1, 7, 11), с точки зрения современной историографии почти немыслима, однако в материалах по Двине имеются три надежно засвидетельствованных случая. Было ли такое в Центральной Московии — остается открытым вопросом.

Социальные последствия участия дьяков-свидетелей столь же интересны, как и формальные аспекты документации. В правление Ивана крестьяне в Московии еще не были крепостными. В традиционном обществе XVI в. их статус определялся главным образом происхождением, а не занятием. Крестьяне могли заниматься добывающими промыслами (как часто и происходило в Двине), ремеслами, торговлей и сельским хозяйством. Однако независимо от рода деятельности они стояли ниже дьяков, чей статус определялся профессией. Поэтому крестьянин-инициатор мог выбирать дьяка-свидетеля, чтобы придать документу большую авторитетность.

Если применить эту социальную логику к документам, связанным с дворянством или боярством, эффект будет противоположным: дворяне вряд ли стремились бы привлекать дьяков в качестве свидетелей. Дворяне были наследственной элитой и стояли выше дьяков, которые не принадлежали к наследственному дворянству. Обращение к дьяку как свидетелю могло восприниматься как социально унижительное или даже скандальное. Поэтому логично было бы предположить, что дворяне избегали такой практики.

Однако, как это часто бывает в истории Московии, полностью без исключений не обходится. Обратившись к сборнику более чем 250 актов земельных сделок Центральной Московии, я обнаружил шесть случаев участия дьяков-свидетелей при инициаторах некрестьянского происхождения. Пять из них связаны с дворянами, а шестой — с еще более высоким статусом.

Царица Мария (жена царевича Симеона Касаевича, обращенного чингизида), дочь Андрея Михайловича Кутузова, пожертвовала монастырю Св. Иосифа два имения, которые принадлежали ее отцу, но были дарованы сестре царицы Марии, также Марии. Я делаю вывод, что сестра умерла, и царица Мария исполняла ее завещание или последние желания.

Свидетелями были несколько местных чиновников: городской приказчик Волока Федор Обрамов сын; губной староста Иван Никитин сын Зароцкой; Шания Никитин сын Ключарев, «розсыльщик» Волока; и Юрий Михайлов сын Куров, земский дьяк. Документ был составлен другим земским дьяком Волока, Васькой Михайловым сыном Кореневым⁴⁰.

⁴⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. М., 1956. 1571/1572. № 355. С. 395–396.

Чингизиды на службе у Москвы, обращенные или нет, имели уникальный статус; они находились вне границ русского общества. Поэтому достоинство царицы Марии не могло быть негативно затронуто использованием секретаря-свидетеля.

Петр Игнатьев сын в одной грамоте пожертвования, составленной им для жены дворянина⁴¹, обозначен как губной дьяк, но не упомянут как дьяк в другой грамоте (которую он засвидетельствовал), где пожертвование совершали дворяне, муж и жена⁴². По мнению редакторов этих документов, он и Юрьев Петр Игнатьев сын могли быть одним и тем же человеком, губным дьяком, свидетелем пожертвования, сделанного дворянской вдовой⁴³. Другая дворянская вдова совершила пожертвование с участием земского дьяка Волока Федора Парфенова сына Папова в качестве свидетеля⁴⁴. Наконец, обмен имуществом между дворянами рода Ржевских включал среди свидетелей Андрея Яковлева сына Щелкалова, не обозначенного как дьяк; он в итоге занял очень высокий политический пост — секретаря самого царя⁴⁵.

В четырех из шести случаев инициаторами выступают женщины — три дворянки и одна жена чингизида высокого статуса. Это может быть совпадением. Но мы можем сделать два вывода:

1. Позиция дьяка-свидетеля не была абсолютно исключением для Двины.
2. Явление дьяков-свидетелей в Центральной Москве заслуживает дальнейшего изучения.

В Двине крестьяне и дьяки хорошо знали друг друга. Можно предположить, что они принадлежали к одной общине и ощущали себя ее частью. Возможно, существовала даже более тесная социальная связь. Упоминается секретарь Микула Исаков сын Кологривов, который подписал пять документов (№ 240, 243, 256, 271, 277), но не писал их сам, хотя был продавцом в одном (№ 239) акте купли-продажи. Крестьянин Васюк Иванов сын Кологривов написал один документ (№ 214). Крестьяне-инициаторы сделок в базе данных Двины вклю-

⁴¹ Там же. 1567/1568. № 323, 341. Жена не представлена как вдова; она действует вместе с дочерью, без участия мужа. Следовательно, она пожертвовала имущество, принадлежавшее исключительно ей, вероятно приданое, часть которого она уже выделила дочери.

⁴² Там же. 1568/1569. № 334, 352–353.

⁴³ Там же. 1566/1567. № 318, 336–337.

⁴⁴ Там же. 1576/1577. № 364, 404–405.

⁴⁵ Там же. 1559/1560. № 28, 289.

чают: Михаила Иванова сына Кологривова и сына Ивана (№ 110) или с сыном Иваном и сыновьями Аверкием, Феофилатом Большаковым и Михаилом (№ 116); Василия, Исаака и Терентия Григорьевых детей Кологривовых (№ 111); Михаила Иванова сына Кологривова и сына Ивана (№ 112); Григория Иванова сына Кологривова (№ 119); Ивана, Аверкия, Фефилатия Большака и Михаила Михайловых детей Кологривовых (№ 139); старца Герасима Иванова сына Кологривова из Николо-Корельского монастыря (№ 141); Семена Григорьева сына Кологривова (№ 149); Терентия Григорьева сына Кологривова (№ 158); Ивана Михайлова сына Кологривова (№ 159); Ивана, Аверкия и Михаила Михайловых детей Кологривовых от имени их умершего брата Фефилатия Большака монаха Феодорита (Михаил Михайлов сын Кологривов подписал документ) (№ 168); Ивана Михайлова сына Кологривова и Стефана Иванова сына Кологривова (№ 194); Федораю Михайлову дочь Кологривова (№ 195, а также с мужем Гуляем Стефановым сыном Будаевым, № 202, 205); Василия Иванова сына Иаковлева Кологривова (№ 196); Аверкия Михайлова сына Кологривова (№ 201); Ивана Михайлова сына Кологривова с сыновьями Степаном и Василием (№ 203); Семена Григорьева сына Кологривова и сыновей Ивана и Федора Семеновых детей Кологривовых (№ 231); Иакова Коку Иванова сына Кологривова (№ 232); Фефилата и Семена Васильевых детей Кологривовых (№ 240, свидетелями и подписавшими документ был дьяк Микула Иванов сын Кологривов, хотя документ написал другой человек); Иакова Васильева сына Кологривов (№ 241); Леонтия Иванова сына Иаковлева Кологривов, свидетелями документа были его братья Василий, Иван и Моисей Ивановы дети Иаковлевы Кологривовы, и который Леонтий и свидетели Васюк (Василий)⁴⁶ и Иванко (Иван) подписали (№ 242); Терентея Григорьева сына Кологривова (см. выше № 158, позднее старец Трифон) и сына Ивана, свидетелями были братья Терентея: Семен московский житель (жилец), Фефилатей, Стефан и Иван Михайловы дети Кологривовы, документ засвидетельствовал и подписал (но не написал) земский дьяк Микула Иванов сын Кологривов (№ 243); и Леонтий Аверкиев сын Кологривов (№ 277). Грамота о пожертвовании указывает, что переданное имение было приобретено у Терентия Кологривова и его

⁴⁶ Возможно, крестьянин Васюк Иванов сын Кологривов, составивший один документ (№ 214), — это тот же человек, что свидетель Васюк Иванов сын Яковлев Кологривов (№ 242).

сына Ивана, Семена Кологривова и его сыновей, а также Левонтея Кологривова (№ 244). Более двух десятков документов свидетельствуют о том, что многопоколенная семья Кологривовых была очень активна в Двине, даже если не все носители фамилии «Кологривов» относились к ней. Некоторые ее члены были грамотны и подписывали документы; один достиг определенного статуса в Москве, а двое стали монахами Николо-Корельского монастыря. Семья Кологривовых, безусловно, знала Микулу Иванова сына Кологривова; они приглашали его быть свидетелем двух своих сделок. Тем не менее, несмотря на эти две возможности, Кологривовы никогда не упоминали о родстве с секретарем. Нет доказательств того, что Микула был связан кровным родством с однофамильцами. Теоретически исключить такую возможность нельзя: семья, члены которой умели подписывать свои имена и в составе которой были московский дворянин и монахи, вполне могла породить местного дьяка. Родственные связи между хотя бы одним дьяком и крестьянами Двины, безусловно, способствовали бы сотрудничеству между крестьянами и дьяками-свидетелями, описанному в этой статье, если бы имелись необходимые доказательства.

Без таких подтверждений существование профессиональных отношений между двинскими крестьянами и дьяками пока является наилучшим объяснением явления дьяков-свидетелей.

Заключение

Двина находилась на периферии Московского государства. Хотя эта территория была включена в опричнину, практика ее документооборота не соответствует типичной модели Центральной Московии. Двина отличалась от центральных районов политически, социально и экономически отсутствием бояр и дворянства. В то же время монастыри, как и в других регионах, играли здесь значительную роль. Не следует ожидать полного соответствия двинских институтов их московским аналогам. Богатый корпус из более чем двухсот двинских документов времени правления Ивана IV демонстрирует как сходства, так и различия, отражающие специфику региона, причем нередко неожиданным образом. Обнаруживаются некоторые своеобразные формульные особенности, требующие дальнейшего изучения специалистами по актовой письменности. Крестьянки в Двине обладали практически теми же имущественными правами, что и боярыни или дворянки

в Центральной Московии. Сделки с недвижимостью — купли и дарения — упоминают те же процедуры выкупа, что и в центре, однако в двинских документах никогда прямо не указывается лицо, обладающее правом выкупа. Семейные предприятия в Двине были столь же распространены, как и в центральных районах, однако предприятия, ограниченные одним поколением братьев, встречались реже. В Двине существовали новые формы местного управления, но, возможно, отсутствовали губные учреждения. Если в Центральной Московии бояре и дворяне понимали значение письменного оформления прав собственности, то жители Двины проявляли к этому почти навязчивое внимание. Практика «полюбовных сделок» также была известна на Севере. Таким образом, общество и экономика Двины в целом следовали общим моделям Московского государства.

Более активное участие северных монахов в хозяйственной деятельности вне монастырских стен — в том числе для получения средств на пропитание — уже известно по исследованиям Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей. Однако, по-видимому, лишь две грамоты были написаны монахами. Несмотря на редкость, эти случаи заслуживают внимания и могут побудить к более тщательному изучению аналогичных явлений в Центральной Московии.

Роль дьяков как свидетелей в Двине имеет мало параллелей в центральных районах. Ее можно объяснить через сопоставление социальной иерархии: в центре бояре и дворяне стояли выше дьяков, тогда как в Двине крестьяне занимали более низкое положение по отношению к ним. Однако и здесь существуют исключения, требующие дальнейшего изучения.

Таким образом, корпус двинских документов поднимает новые вопросы о производстве актов и социальных взаимодействиях дьяков, которые следует рассматривать в более широком контексте будущих исследований Московского государства.

Приложение 1: Авторы документов

Количество — Социальный статус — Имя — № документа

16 — дьяк — Патрекеец Петров сын — № 196, 267, 191, 192, 197, 202, 205, 231, 239, 240, 233, 242, 243, 256, 234

14 — дьяк — Миронец Климентьев сын Попов — № 74, 84, 105, 113, 120, 127, 128, 130, 137, 141, 142, 152, 170, 194

- 9 — дьяк — Ивашко Михайлов сын — № 199, 207, 219, 223, 227, 173, 174, 175, 246
- 8 — дьяк — Никитка Миронов сын — № 259, 260, 263, 264, 265, 266, 269, 270
- 7 — дьяк — Епифанец Нечаев сын Параковъин — № 156, 163, 198, 210, 218, 232, 233
- 6 — дьяк — Насонец Михайлов сын — № 87, 89, 117, 157, 160, 226
- 6 — дьяк — Федько Никитин сын Кукольник — № 209, 212, 213, 216, 217, 230
- 6 — дьяк — Иванко Федоров сын — № 102, 140, 107, 119, 139, 146
- 5 — дьяк — Будаец Михайлов сын Заломаев — № 178, 180, 190, 201, 208
- 5 — дьяк — Семейк Иванов сын — № 167, 176, 177, 181, 186
- 5 — крестьянин — Терентей Юрьев сын — № 122, 124, 129, 135, 143
- 4 — дьяк — Поздык Остафьев сын — № 108, 125, 150, 188
- 3 — дьяк — Алеша Кириллов — № 271, 272, 277
- 3 — дьяк — Давыд Михайлов сын — № 86, 91, 94
- 3 — дьяк — Гаврилко Михайлов сын — № 255, 257, 261
- 3 — дьяк — Якуш Васильев сын Телов — № 164, 166, 168
- 3 — дьяк — Иван Григорьев сын — № 99, 115, 118
- 3 — крестьянин — Коземка Иванов сын⁴⁷ — № 250, 251, 252
- 3 — крестьянин — Матфей Овдокимов сын Ульянов — № 110, 111, 112
- 3 — дьяк — Олферко Сидоров сын — № 185, 193, 215
- 3 — дьяк — Перша Яковлев сын Карташев — № 158, 159, 258
- 3 — крестьянин — Васюк Яковлев сын Соломин — № 85, 95, 101
- 2 — дьяк — Елка Огафанов сын Куренский — № 121, 123
- 2 — дьяк — Федько Васильев сын Попов — № 248, 249
- 2 — дьяк — Гришка Васильев сын — № 131, 132
- 2 — дьяк — Якуш Дмитриев сын Соцкий — № 148, 220
- 2 — дьяк — Якуш Григорьев сын — № 83, 144
- 2 — дьяк — Юка Иванов сын — № 72, 82
- 2 — дьяк — Митроха Григорьев сын — № 184, 253
- 2 — крестьянин — Офония Васильев сын Страхов — № 171, 172
- 2 — дьяк — Сенька Иванов сын — № 79, 116
- 2 — дьяк — Степанец Иванов сын Дьяконов — № 183, 211
- 2 — дьяк — Суханец Алексеев сын Попов — № 238, 224
- 1 — крестьянин — Александр Волх Власаев сын — № 92

⁴⁷ В данном случае — основное лицо (инициатор) в сделке.

- 1 — дьяк — Алеша Иванов сын Дьяконов — № 189
- 1 — крестьянин — Андрюшка Никитин сын — № 275
- 1 — крестьянин — Антон Никитин сын — № 81
- 1 — крестьянин — Анцифорко Никифоров сын Обрядин — № 106
- 1 — дьяк — Артамон Пантелеев сын — № 98
- 1 — крестьянин — Богдан Иосифов сын Июдин — № 247
- 1 — дьяк — Епифанец Евлампиев сын Параковъин — № 149
- 1 — дьяк — Епсух Тимофей сын Попов — № 100
- 1 — дьяк — Фодорец Васильев сын — № 195
- 1 — монах — Феодосий — № 114
- 1 — дьяк — Фля Иванов сын Дьяконов — № 187
- 1 — дьяк — Гаврило Семенов сын — № 77
- 1 — крестьянин — Яким Романов сын — № 133
- 1 — дьяк — Якуб Григорьев сын — № 78
- 1 — крестьянин — Якун Дмитриев сын — № 93
- 1 — дьяк — Якут Григорьев сын — № 104
- 1 — монах — Иоил Федоров сын — № 80
- 1 — крестьянин — Иван Андреев сын Омосов — № 245
- 1 — дьяк — Иван Федоров сын — № 106
- 1 — дьяк — Иван Михайлов сын — № 109
- 1 — крестьянин — Иван Васильев сын Москвитин — № 200
- 1 — дьяк — Ивашко Лукин сын Дьяков — № 182
- 1 — дьяк — Ивашко Патрекеев сын Зубов — № 274
- 1 — дьяк — Кондратец Михайлов сын Попов — № 162
- 1 — дьяк — Конуш Михайлов сын Попов — № 154
- 1 — крестьянин — Матка Федоров сын Щаброн — № 169
- 1 — крестьянин — Миша Григорьев сын Сикцез — № 73
- 1 — крестьянин — Мита Шираев сын — № 134
- 1 — крестьянин — Никита Есипов сын — № 204
- 1 — дьяк — Никитка Семенов сын — № 161
- 1 — дьяк — Офония Степанов сын — № 126
- 1 — дьяк — Олеша Васильев сын — № 151
- 1 — дьяк — Ондрушка Григорьев сын — № 90
- 1 — крестьянин — Остачко Григорьев сын Дьяконов — № 88
- 1 — дьяк — Паня Ларионов сын — № 229
- 1 — крестьянин — Паня Петров сын — № 179
- 1 — дьяк — Парфенко Михайлов сын — № 237
- 1 — крестьянин — Перка Иванов сын — № 222
- 1 — дьяк — Петелка Лукьянов сын Офутин — № 273

- 1 — дьяк — Поспелко Васильев сын Соломин — № 147
1 — крестьянин — Семейк Евстафьев сын — № 235
1 — дьяк — Семейка Сумороков сын — № 262
1 — крестьянин — Сенька Дементьев сын — № 136
1 — крестьянин — Скуратко Григорьев сын — № 225
1 — дьяк — Стефанец Антонов сын — № 145
1 — дьяк — Тимофей Федоров сын — № 154
1 — крестьянин — Тимошка Игнатьев сын — № 244
1 — дьяк — Василий — № 75
1 — крестьянин — Васюк Иванов сын Кологривов — № 214
1 — крестьянин — Васька Назарьев сын — № 236
1 — крестьянин — Васька Титов сын — № 153.

Продолжительность «карьеры» дьяков определить надежно невозможно. Для наиболее продуктивных писцов можно выделить следующие датировки по двинским документам⁴⁸:

- Патрекеец Петров сын — 1573–1580
Миронец Климентьев сын Попов — 1534–1572
Ивашко Михайлов сын — 1573–1581
Никитка Миронов сын — 1582–1583
Епифанец Нечаев сын Параковьин — 1558–1580
Насонец Михайлов сын — 1540–1579
Федько Никитин сын Кукольник — 1576–1580
Иванко Федоров сын — 1543–1556

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁴⁸ Я не учитывал возможность того, что двинские дьяки могли профессионально действовать и за пределами Двины.

Список литературы / References

1. *Акты феодального землевладения и хозяйства*. Ч. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 663 с.
Acts of feudal landowning and economy. Part II. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. 663 p. (in Russ.)
2. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / Ред. С.Н. Валк. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 408 с.
Charters of Veliky Novgorod and Pskov / Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1949. 408 p. (in Russ.)
3. Halperin C.J. Lay cash land purchases during the reign of Ivan IV. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2017;65(2):177–199.
4. Halperin C.J. Signatures and signatories: Literacy and documentation in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2022;70(1–2):60–75.
5. Halperin C.J. Chapter 6. Clergy in the documentary life of the Muscovite laity, in: *Ivan IV and Muscovy*. Bloomington (In.): Slavica, 2020. P. 145–173.
6. Halperin C.J. Contemporary Russian perceptions of Ivan IV's Oprichnina. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017;18(1):95–124.
7. Halperin C.J. *Ivan the Terrible: Free to reward and free to punish*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019. 366 p.
8. Halperin C.J. Lay donations to the Trinity Sergius monastery during the reign of Ivan IV. *Slavonic and East European Review*. 2017;95(2):271–292.
9. Halperin C.J. Obedience charters during the reign of Ivan IV. *Russian History*. 2024;52(1):131–153.
10. Halperin C.J. Redemption (выкуп) of land in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2023;24(2):721–752.
11. Halperin C.J. The family business: Relatives and property in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Canadian-American Slavic Studies*. 2023;57(1):92–118.

12. Halperin C.J. Three 'hands' and literacy in Muscovy during the reign of Ivan IV: 'I affix my hand,' 'By my own hand,' and 'My man's hand'. *Canadian-American Slavic Studies*. 2017;51(1):29–63.
13. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 527 с.
Monuments of Russian law. Iss. 3. Russian law monuments from the period of the formation of the Russian centralized state of the 14th–15th centuries. Moscow: State publishing house of legal literature, 1955. 527 p. (in Russ.)
14. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 632 с.
Monuments of Russian law. Iss. 4. Monuments of law from the period of strengthening of the Russian centralized state of the 15th–17th centuries. Moscow: State publishing house of legal literature, 1956. 632 p. (in Russ.)
15. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Серия: ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
The Kholmogory chronicle. Dvinsk chronicler. Series: Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Vol. 33. Leningrad: Nauka, 1977. 250 p. (in Russ.)
16. Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг.: Российская академическая типография, 1922. 968 с.
Collection of charters of the college of economy. Vol. 1. Charters of the Dvina District. Petrograd: Russian State Academic printing house, 1922. 968 p. (in Russ.)
17. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 583 с.
Tikhomirov M.N. Russia in the 16th century. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. 583 p. (in Russ.)
18. Веселовский С.В. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
Veselovskii S.V. Clerks and under-clerks of the 15th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1975. 607 p. (in Russ.)

19. Зимин А.А. *Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.* М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 511 с.
Zimin A.A. Reforms of Ivan the Terrible. Studies of the social-economic and political history of Russia in the middle of the 16th century. Moscow: Publishing house of socio-economic literature, 1960. 511 p. (in Russ.)

Чарлз Дж. Гальперин
Charles J. Halperin

независимый исследователь, Блумингтон,
Индиана, США
E-mail: chalperi@iu.edu
DOI 0000-0002-6667-0555

Independent Scholar, Bloomington,
Indiana, USA
E-mail: chalperi@iu.edu
DOI 0000-0002-6667-0555

Поступила в редакцию /
Received
10.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
10.02.2026

DOI: 1111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

А.О. Буранок

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: buranok@yandex.ru*

Иван Михайлович Ознобишин

Аннотация

Статья посвящена биографии русского дворянина, секунд-майора лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина (около 1713 — до 1775). Он является отцом переводчика Никанора Ивановича Ознобишина, дедом автора дневника Петра Никаноровича Ознобишина и прадедом поэта Дмитрия Петровича Ознобишина. По архивным документам восстановлен его послужной путь, а также выявлено, какими землями и имениями он владел. Иван Михайлович Ознобишин родился около 1713 г. в дворянской семье Михаила Андреевича Ознобишина (1681 — около 1735) и законной жены его Авдотьи Ивановны, урожденной Борисовой (?–1748). Иван Михайлович начал службу в 1729 г. в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1737 г. он был переведен из гвардии в другой полк, однако в 1740 г. вновь возвращен в Преображенский полк. В 1741 г. ему присвоен чин прапорщика гвардии. В 1742 г. он становится адъютантом лейб-гвардии Преображенского полка, в 1751 г. получает чин капитан-поручика, а в 1754 г. — капитана. В 1763 г. Иван Михайлович Ознобишин вышел в отставку с повышением в чине (лейб-гвардии секунд-майор). Достаточно состоятельный помещик, он поселился в селе Сумароково Мокшанской округи Пензенского наместничества. Женат был на Агнии Петровне, урожденной Акинфовой (1713–?), у супругов было два сына: старший

Никанор и младший Александр, и дочь Ольга. Иван Михайлович владел селами Сумароково (Богородское тож) Пензенского уезда, Архангельское (Враское, Врацкое, Вражское, Чанбар, Михайловка тож) Пензенского уезда, Троицкое (Сюксюм тож) Карсунского уезда, деревнями Тепловкой и Ознобишино в Саранском уезде, деревней Внуково Гороховецкого уезда, имел вотчину в селе Боровицах (Боровичах) Муромского уезда. Таким образом, Иван Михайлович имел от 519 до 900 душ крепостных крестьян, что делало его богатым помещиком. Умер Иван Михайлович Ознобишин до 1775 г.

Ключевые слова:

Иван Михайлович Ознобишин; русское дворянство; Преображенский полк; XVIII в.

Для цитирования:

Буранок А.О. Иван Михайлович Ознобишин // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 46–69. DOI: 1111111111111111

Alexander O. Buranok

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
E-mail: buranok@yandex.ru

Ivan Mikhailovich Oznobishin

Abstract

The article is devoted to the biography of the Russian nobleman, Second Major of the Preobrazhensky Life Guards Regiment, Ivan Mikhailovich Oznobishin (circa 1713 – before 1775). He was the father of the translator Nikanor Ivanovich Oznobishin, the grandfather of the diarist Pyotr Nikanorovich Oznobishin, and the great-grandfather of the poet Dmitry Petrovich Oznobishin. Based on

archival documents, his service career has been reconstructed, and the lands and estates he owned have been identified. Ivan Mikhailovich Oznobishin was born around 1713 into the noble family of Mikhail Andreevich Oznobishin (1681 – circa 1735) and his lawful wife Avdotya Ivanovna, née Borisova (?–1748). Ivan Mikhailovich began his service in 1729 in the Preobrazhensky Life Guards Regiment. In 1737, he was transferred to another regiment, but in 1740 he was returned to the Life Guards. In 1741, he was promoted to the rank of Ensign of the Guards. In 1742, he became Adjutant of the Regiment; in 1751, he received the rank of Captain-Lieutenant, and in 1754, that of Captain. In 1763, Ivan Mikhailovich Oznobishin retired with a promotion in rank (Second Major of the Life Guards). A fairly wealthy landowner, he settled in the village of Sumarokovo in the Moksha District of the Penza Governorate. He was married to Agnia Petrovna, née Akinfova (1713–?), and the couple had two sons—Nikanor (the elder) and Alexander (the younger) – and a daughter, Olga. Ivan Mikhailovich owned the villages of Sumarokovo (also known as Bogorodskoye) in the Penza District; Arkhangelskoye (also known as Vrazskoye, Vratskoye, Vrazhskoye, Chanbar, Mikhailovka) in the Penza District; Troitskoye (also known as Syuksyum) in the Karsun District; the villages of Teplovka and Oznobishino in the Saransk District; the village of Vnukovo in the Gorokhovets District; he also had a hereditary estate in the village of Borovitsy (Borovichy) in the Murom District. Thus, Ivan Mikhailovich owned between 519 and 900 serfs, which made him a wealthy landowner. He died before 1775.

Keywords:

Ivan Mikhailovich Oznobishin; Russian nobility; Preobrazhensky Regiment; 18th century

For citation:

Alexander O. Buranok. Ivan Mikhailovich Oznobishin // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 46–69. DOI: !!!!!!!!!!

Прежде чем перейти к рассказу о биографии гвардейского офицера второй четверти XVIII в. Ивана Михайловича Ознобишина, необходимо сказать несколько слов о его родословной. Упоминания о старинном дворянском роде

Ознобишиных можно найти у князя А.Б. Лобанова-Ростовского¹ и Николая Иконникова², а также в дворянских родословных книгах Владимирской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний. 3 августа 1686 г. стольник Михаил Федорович Ознобишин подал документы³ для внесения рода в Бархатную книгу. Как отмечает в своей статье Максим Юрьевич Романов: «взявшись за работу по составлению родословия, Михаил Федорович [Ознобишин] возложил на себя большую ответственность, так как любые представленные в росписи сведения о служебной деятельности родственников могли быть истолкованы гипотетическими местниками в “бесчестье” и в “укоризну” всем Ознобишиным»⁴. Поэтому главным в родословной росписи было показать «давность службы представителей фамилии московским государям; их доблесть при выполнении служебных обязанностей; наличие пожалований наиболее статусными чинами и должностями»⁵. Все это блестяще исполнил Михаил Федорович Ознобишин — дальний родственник героя настоящей статьи. Однако М.Ю. Романов указывает, что «в своем изложении скрупулезно продуманного генеалогического материала стольник [Михаил Федорович Ознобишин] ни разу не упоминает тот факт,

¹ А.Б. Лобанов-Ростовский, князь. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1873. С. 259–263; А.Б. Лобанов-Ростовский, князь. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 44–50.

² La noblesse de Russie / Publies par Nicolas Ikonnikov. Tome L. 2. Paris, 1960. P. 463–489.

³ Родословную роспись Ознобишиных и царские жалованные грамоты: Ивана III Василию Остафьевичу Ознобише на волость Санницкая Владимирского уезда (1462–1485 гг.), села Ярышево и Муравнино в Суздальском уезде (1466–1676 гг.), Василию Ознобише и его сыну Никите на село Кудрино с деревнями в Муромском уезде (1486 г.), Никите Васильевичу Ознобишину на земли кирдановской мордвы в Нижегородском уезде (1491 г.), Василию Ознобише на г. Гороховец Нижегородского уезда (1493–1497 гг.), грамота Василия III Михаилу Никитичу Ознобишину на волость Дубенская Вологодского уезда (1515–1533 гг.) и жалованная вотчинная грамота царя Михаила Федоровича Федору и Василию Афанасьевичам Ознобишиным на село Лопатино с деревнями и пустошами в Дорогобужском уезде (1614 г.) (Родословные росписи конца XVII века / Сост. А.В. Антонов. Вып. 6. М., 1996. С. 255–256). Первые из этих шести жалованных грамот Ознобишиных впервые были изданы: Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской; Издаваемое Николаем Новиковым, членом Вольного Российскаго собрания, при Императорском Московском университете. В Санктпетербурге: [Тип. Сухопут. кад. корпуса], 1776. С. 67–73.

⁴ Романов М.Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 285.

⁵ Там же. С. 286.

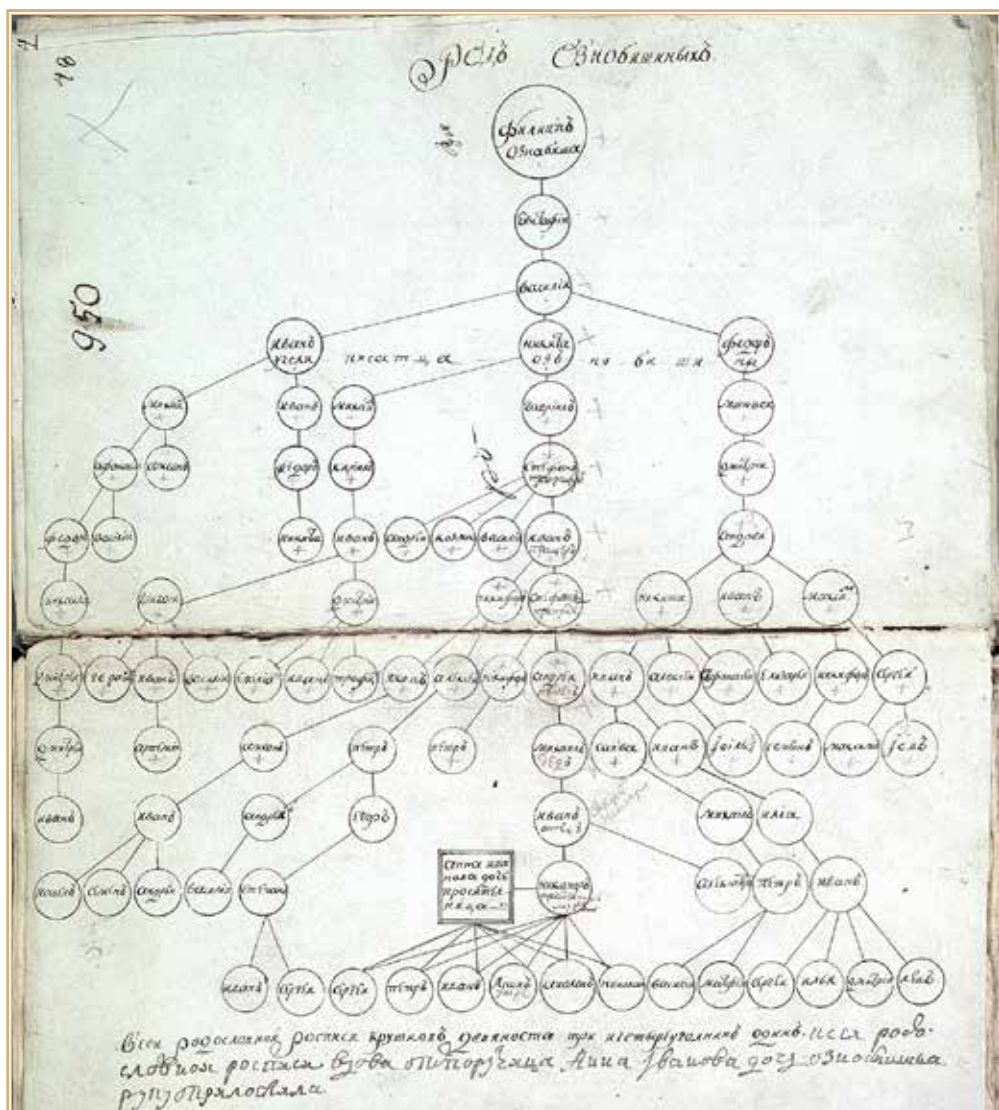

Рис. 1. Семейное древо Озобишиных из дела о дворянстве
 Пензенского дворянского депутатского собрания.
 Государственный архив Пензенской области (ГАПО).
 Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 47 об.–48

что на протяжении значительной части истории рода большинство его представителей являлись рядовыми городскими детьми боярскими, служившими по Дорогобужу⁶. М.Ю. Романов отмечает, что это было сделано неспроста, так как московские местники в XVII в. считали службу в городских детях боярских или стрельцах недостаточно почетной, к тому же «среди корпораций уездных служилых людей существовала

⁶ Там же. С. 286–287.

своя внутренняя иерархия, в которой дорогобужжане имели далеко не самый высокий статус»⁷.

В Государственном архиве Пензенской области нами обнаружено дело Пензенского дворянского депутатского собрания «О дворянском роде Ознобишиных», начатое 20 октября 1784 г., а законченное 4 декабря 1839 г.⁸ На основе материалов данного дела мы можем проследить родословную Ознобишиных от начала XV в. до конца XVIII в.

В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента герольдии Сената хранится дело «О дворянстве Ознобишиных. По Пензенской губернии»⁹ 1845 г., которое дополняет вышеописанное дело о дворянстве из Государственного архива Пензенской области.

Наш рассказ пойдет об отце переводчика, писателя и общественного деятеля XVIII в. Никанора Ивановича Ознобишина (около 1738 — 1788) — Иване Михайловиче Ознобишине (около 1713 — до 1775).

Иван Михайлович Ознобишин (около 1713 — до 1775)

Иван Михайлович Ознобишин родился в дворянской семье Михаила Андреевича Ознобишина (1681 — около 1735) и законной жены его Авдотьи Ивановны, урожденной Борисовой (?–1748¹⁰).

М.А. Ознобишин — земский комиссар (камер-коллежский) в Пензенской провинции 22 марта 1722 г.; нижний комиссар, подчиненный выборному земскому комиссару, в Пензенской провинции 25 июля 1726 г.; городской дворянин в 1731–1735 гг.; гороховецкий воевода 25 ноября 1731 г. — 12 января 1735 г. (по другим данным, отрешен «за непорядочные поступки» 9 июля 1734 г.)¹¹, владел имением в Пензенском уезде в селе Богородском и в Саранском уезде в деревнях Тепловке и Ознобишиной.

Авдотья Ивановна была дочерью стольника Ивана Васильевича Борисова¹²; помимо сына Ивана в семье Михаила и Авдотьи Ознобиши-

⁷ Там же. С. 287.

⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3307.

¹⁰ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 47 об.–48. Л. 2.

¹¹ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008.

¹² «В отказных книгах 720 году миная дна отказу ево ж Савевы Ермолаева отказано Ивану Борисову после матери ево и брата Кирилы Жаманина в Пензенском уез-

ных, видимо, была еще дочь Пелагея; благодаря матери и деду Ивану Михайловичу достались значительные земельные владения.

Иван Михайлович Ознобишин начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку 3 марта 1729 г. по челобитной князя Андрея Мещерского¹³ солдатом 16-й роты¹⁴.

20 апреля 1737 г. за вдовой Авдотьей Ивановной Ознобишиной и сыном ее Иваном Ознобишиным было записано имение «по купчей Бориса Лавренътвева сына Дмитриева в Пензенском уезде на речке Керенде и по каким урочищам пашни пятьдесят четвертей в поле а в дву потому ж сенные покосы и со всеми угоды»¹⁵.

В 1737 г. Иван Михайлович переведен из гвардии в другой полк, в 1740 г. — вновь в гвардии, видимо, снова в Преображенском полку¹⁶. В 1741 г. Иван Ознобишин — прапорщик гвардии¹⁷.

В 1740 г. родной дед Ивана Михайловича Ознобишина стольник Иван Васильевич Борисов купил земли по реке Сызрану да по речкам Коносафу и Якшанке и подарил их своему внуку И.М. Ознобишину: «...в нынешнем 741 году марта 12 дня Его Императорскому Величеству бил челом дворянин Иван Васильев сын Борисов купил де он земли у дворянина Бориса, да у Сергея Ивановых детей Матвеевых, да у Федора Никифорова сына Клементьева, да у Степана Сергеева сына Кочергина 195 чет в поле, а в дву потому ж с усадьбы и с сенными покосы и с лесы по реке Сызрану и по речкам: Коносафу и Якшанке и оную де землю отдал он Иван в награждение в вечное владение внуку своему родному Ивану Михайлову сыну Ознобишину и чтоб повелено было вышеписанную эту купленную землю по купчим и заручной это челобитное за внуком его Иваном Ознобишиным справясь...»¹⁸

В свою очередь в 1741 г. сам Иван Михайлович Ознобишин купил в том же районе землю у отставного дворянина Ивана Степановича Фокина: «1741 года Февраля 20 дня отставной дворянин Иван Степанов сын Фокин продал он Лейб Гвардии Преображенскаго полка пра-

---

де в селе Богородицком да в селе что на реке на Инзе пашни пятьдесят четвертей в поле а в дву потому ж со всеми угоды» (Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 2 об.).

¹³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 147. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 164. Л. 64.

¹⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 2 об.-3.

¹⁶ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 432. Л. 3.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1741 год. 14 апреля. С. 6.

¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3307. Л. 105.

порщику Ивану Михайлову сыну Ознобишину крепостной своей земли 60 чет в поле, а в дву потому ж с усадьбою и скотинным выпуском и санными покосы и с лесы, а взял он Иван Фокин за оную проданную землю у него Ивана Ознобишина денег 20 р., а та земля отказана отцу его из диких поль в общих отказных книгах с Иваном Филиповым сыном Матвеевым и Никифором Гавриловым сыном Клементьевым по реке Сызрану по обе стороны по тем урочищам как написано в отказных книгах отцу его с товарищи и в данной им выписи с отказных книг за воеводиною скрепою. К той купчей его Ивана Фокина Сызранской Канцелярии Канцелярист Степан Григорьев сын Попов руку приложил по его велению, а в Пензенских книгах отказу дворянина Василия Иванова сына Шильникова 200 г. Апреля 3 д. написано: отказано в поместье земли за валом на степной стороне из диких поль Ивану Филипову сыну Матвееву Никифору Гаврилову сыну Клементьеву Степану Григорьеву сыну Фокину по 60 чет. человеку в поле, а в дву потому ж и на дворовые усадьбы с скотным выпуском с санными покосы и с лесы, а урочища той их Иваново, Никифорово и Степаново поместной земли — починя по речке Сызрану по обе стороны и по речке Сызрану от устья речки Коносафа вверх по Коносафу поворотя направо чрез большой бор полем подле бору Суходолом и бояраком до реки Сызрана длиною и суходолом до вершин и того суходола и боярака подле Каменного татарского городища и чрез лес прошед и дубровы до вотчинной дороги и по той дороге поворотя направо на вершину родника и тем родником и водотеком по правой стороне чрез тоже большую проезжую дорогу тем водотеком до реки Сызрана и перешед реку Сызран на гору полем и перешед поле до большова и до речки Коносафа и по вышеписанной меже правая сторона поместная Василия и санные покосы Ивана Матвеева, Никифора Клементьева Степана Фокина, а поляны промеж лесу и дубравы на санные покосы вышеписанным помещикам, а лес рубить им помещикам и крепостным их по обе стороны реки Сызрана и по обеим сторонам речки Коносафа и в том же 200 г. мая в 20 д. ...»¹⁹ Итого: в Пензенской канцелярии 20 апреля 1741 г. И.М. Ознобишину было отказано и справлено 180 четвертей.

С 25 апреля 1742 г. Иван Ознобишин — адъютант лейб-гвардии Преображенского полка²⁰.

¹⁹ Там же. Л. 106–107.

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1742 год. 21 июня. С. 6; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 302. Л. 12 об.–13.

№	Имя	Ранг	Дата	Имя	Ранг	Дата
120	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Александр	Капитан	1755
130	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Иван	Капитан	1755
131	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Иван	Капитан	1755
132	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Иван	Капитан	1755
133	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Иван	Капитан	1755
134	Иван Ознобишин	Капитан	1755	Иван	Капитан	1755

Рис. 2. Капитан Иван Ознобишин в списке лейб-гвардии Преображенского полка. 1755 г.
РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 432. Л. 3

В 1751 г. Иван Ознобишин — капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка²¹.

9 мая 1754 г. становится капитаном 7-й роты данного полка²², за ним числилось 519 или 900 душ крепостных крестьян²³. Н. Иконников указывает, что капитан И.М. Ознобишин имел в 1755 г. земли на берегах реки Савалы Тамбовского уезда²⁴.

Ульяновская исследовательница В.В. Морозова отмечает: «По семейным преданиям, лейб-гвардии Преображенского полка майор Иван

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1751 год, 2 июля. С. 9.

²² См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 432. Л. 3.

²³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 433. Л. 4 об.-5; Д. 474. Л. 4 об.

²⁴ La noblesse de Russie / Publies par Nicolas Ikonnikov. Tome L. 2. Paris, 1960. P. 470.

Ознобишин был богат, хорош собой, чем привлек внимание Екатерины II²⁵, но завистники поспешили удалить его от двора, отправив на русско-китайскую границу для пресечения контрабандного провоза ревеня²⁶. Иван Ознобишин был проникнут типичным для своего времени стремлением к просвещению, что и послужило причиной его увлечения книжным собирательством. Книг, им приобретенных, сохранилось немного: полтора-два десятка томов. Среди них редкое уже во второй половине XVIII века иллюстрированное издание петровских времен “Учение и практика артиллерии...” Бухнера (М., 1711), рукописная “Сатира К.А.К., сочиненная в Москве 1730 и 1731 года князя Антиоха Кантемира”, купленная Иваном Михайловичем “у разнощика в Москве в 1754 году”. Для своих сыновей Александра и Никанора он приобрел две книги, изданные от Академии наук “в пользу российского юношества”: “Краткое руководство к познанию простых и сложных машин” Г.В. Крафта (1738) и “Жития славных генералов” Корнелия Непота (1748). Вкус к книжной учености, тяга к просвещению передались детям и внукам его»²⁷.

Однако архивные документы дают несколько иную картину завершения карьеры И.М. Ознобишина. В 1758 г. с ним произошел очень неприятный случай — Иван Михайлович жестоко наказал за провинность сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Николая Всеволожского (велел положить на алебарды и бить батогами, что и было исполнено). По версии матери Всеволожского, ее сын от тех побоев скончался, по официальной версии лейб-гвардии Преображенского полка наказанный Николай Всеволожский был на следующий день в карауле, тогда заболел и дней через 12 умер²⁸. Как бы там ни было, по челобитной матери на имя государыни императрицы Елизаветы Петровны было начато официальное расследование. Капитан Иван Михайлович Ознобишин был помещен под следствие военного суда. Видимо, испросил отставку в 1760–1761 гг., которая и была дана ему, причем с повышением — вышел в отставку лейб-гвардии секунд-майором.

²⁵ Вряд ли Екатерины II, так как в 1760–1761 гг. Иван Михайлович Ознобишин уже вышел в отставку, а вот внимание императрицы Елизаветы Петровны, возможно, привлек, так как его карьера начала расти с 1740 г.

²⁶ Пассаж о посылке на русско-китайскую границу пока документально не подтвержден. Однако в 1751 г. Иван Михайлович Ознобишин действительно был в «посылке» куда-то (см.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 304. Л. 176).

²⁷ Морозова В.В. Семейная библиотека Ознобишиных // Мономах (Ульяновск). 2004. № 2 (37), С. 24.

²⁸ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 471.

БОГОВЛЕНІЕ		520
Исповедные ижд.		
37	Богданъ младшъ Боговола	67
38	Петрѣвичъ Дмитревичъ	22
39	Ивановъ Пасилъевичъ	20
40	Колесниковъ Александръ Васильевичъ	61
41	Свѣтъ Платоновъ	51
42	Иванъ Епѣ Ероховъ Стефановъ	17
43	Петръ	15
44	Иванъ	10
45	Яковъ	7
46	Александръ	4
47	Иванъ	2
48	Семѣнъ	2
49	Братъ Епѣ Михайла Васильевичъ	51
50	Сидоровъ Епѣ	36
51	Иванъ Михайловичъ	29
52	Иванъ Епѣ Афанасій Платоновъ	23
53	Михайла Никитичъ	16
54	Иванъ Анна Демасовъ	52
55	Иванъ Епѣ Михайловичъ	24
56	Иванъ Епѣ Стефановъ	16
57	Михайла Васильевичъ	16
58	Иванъ Анна Демасовъ	19
59	Иванъ Пасилъевичъ	17
60	Иванъ Платоновъ Васильевичъ	12
61	Михайла Васильевичъ	12
62	Михайла Петровъ	16
63	Иванъ Ивановичъ	52
64	Богданъ Платоновъ Александровъ	3
65	Иванъ Стефанъ Михайловичъ	3
66	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
67	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
68	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
69	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
70	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
71	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
72	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
73	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
74	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
75	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
76	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
77	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
78	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
79	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
80	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
81	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
82	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
83	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
84	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
85	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
86	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
87	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
88	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
89	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
90	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
91	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
92	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
93	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
94	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
95	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
96	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
97	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
98	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
99	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19
100	Иванъ Стефанъ Платоновъ	19

Рис. 3. Семья капитана лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина в исповедной ведомости Сретенского сорока церкви Богоявления Господня что в Елохове, 1761 г.
ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1937. Л. 520

Иван Михайлович Ознобишин был женат на Агнии Петровне (1713–?), дочери Петра Никитича Акинфова²⁹, у них было два сына: старший Никанор и младший Александр, и дочь Ольга.

²⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3307. Л. 85 об.; Н. Иконников имеет в виду дворянский род Акинфых. Агния Петровна, возможно, дочь Петра (Канбара, Хабар) Никитича Акинфова (1676–1724) — стольник, в 1718 г. сослан по делу царевича Алексея, умер в ссылке в Сибири (La noblesse de Russie / Publies par Nicolas Ikonnikov. Tome L. 2. Paris, 1960. P. 470).

В Центральном государственном архиве города Москвы удалось обнаружить исповедную ведомость Сретенского сорока церкви Богоявления Господня что в Елохове 1761 г., в которой указана семья капитана лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина, что доказывает, что семья Ознобишиных какое-то время жила в Москве: «Лейб гвардии Преображенского полку капитан Иван Михайлов Ознобишин, 49 [лет], жена ево Агния Петрова 48 [лет]. Дети ево: Никанор 23 [лет], девица Ольга 19 [лет]»³⁰, далее следуют их служители в количестве 19 человек³¹ — все были на исповеди.

5 февраля 1763 г. императрица Екатерина II собственноручно подписала абшит капитану лейб-гвардии Преображенского полка И.М. Ознобишину, сей документ в копии сохранился в деле о дворянстве Ознобишиных в РГИА: «Божиею Милостию мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо, да будет каждому, что лейб Гвардии нашей Преображенскаго полка Капитан Иван Ознобишин служил с 1731, а с 740 прапорщиком, с 741-го подпоручиком, с 742 Адъютантом, с 751-го Капитан-Поручиком, с 754 Капитаном; и во все время продолжения службы своей поступал как честному, послушному и храброму салдату и искусному офицеру надлежит и 761 г. декабря в 25 д. за имеющимися у него болезнями от военной и статской службы отставлен вовсе Гвардии Секунд-майором, того ради жить ему везде свободно и к делам ни к каким без особливаго нашего об нем указа не определять; во свидетельство чего мы сей Апшит собственною рукою подписали и Государственною печатью укрепить повелели. Дан в Москве февраля 5 дня 1763 года. На подлинном Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано: Екатерина, подполковник Граф Батурин и приложена государственная печать»³².

После отставки Иван Михайлович Ознобишин жил в селе Сумароково Мокшанской округи Пензенского наместничества.

12 сентября и 10 октября 1763 г. И.М. Ознобишин обратился в Государственную вотчинную коллегия с челобитной справить и отказать ему имение его покойных родителей — Михаила Андреева сына Ознобишина и Авдотьи Ивановой дочери Борисовой. Бюрократическая машина работала медленно, тем не менее в мае 1770 г. отстав-

³⁰ ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1937. Л. 520.

³¹ Там же. Л. 520–520 об.

³² РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3307. Л. 112 об.–113.

ному лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майору Ивану Михайловичу Ознобишину было отказано: «Пензенском уезде в Засурском стану в селе Богородском Кенша тож в урочищах по реке Инзе и по речке Кенше по беим сторонам и по другим урочищам земли 615 четвертей со всеми угодьи и с примерною в тех урочищах землею да живущих во оном селе дворовых людей и крестьян поименам. В отказных книгах написанных в Саранском уезде в Заинзарском стану в деревне Ознобишине в урочищах по реке Нуе и по другим урочищам пашенной земли 66 четвертей со всеми угодьи и с примерною землею коею он Ознобишин владение имел да на той земле крестьян по именам. В отказных книгах написанные в Пензенском уезде в Шукшенском стану в селе Богородском Сумороково тож в урочищах по речке Саранке и по Укалову врагу и по другим урочищам пашенной земли 715 четвертей со всеми угодьи. Да сверх того в тех же урочищах по речке Керенде вверх идучи по левой стороне да по другой речке Керенде ж да по речке Челанге и по другим урочищам пашенной земли 149 четвертей со всеми угодьи. Да в том селе Суморокове людей и крестьян по именам в отказных книгах написанных»³³.

Пелагея Михайловна Ознобишина (?–?)

По всей видимости, у Ивана Михайловича Ознобишина была сестра — Пелагея Михайловна Ознобишина. Н. Иконников считает, что Пелагея Михайловна была дочерью Михаила Андреевича Ознобишина: «На это, по-видимому, указывает и брак ее дочери с племянником Никанором Ивановичем Ознобишиным, и частота имени Никанор, общего как для Ознобишиных, так и для Хомутовых»³⁴. Мужем Пелагеи Михайловны был Иван Алексеевич Хомутов (1700–10.05.1751), помещик Мытаревского уезда Ярославской губернии, подполковник; это был его второй брак. Первым браком он был женат на Анне Ивановне Коптяжиной³⁵.

³³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 66–66 об.

³⁴ La noblesse de Russie / Publies par Nicolas Ikonnikov. Tome L. 2. Paris, 1960. P. 470.

³⁵ Там же.; Родословие дворян Хомутовых. Ярославль, 1889. С. 3.

Имена и земли Ивана Михайловича Ознобишина

Село Сумароково (Богородское тож) при речке Чалонге, которое было «основано дворянами Василием и Андреем Сумароковыми, которым здесь отказана земля в 1683 году»³⁶. 10 марта 1687 г. Андрей Степанович Сумароков променял поместье Сумароково поручику Ивану Васильевичу Борисову, служившему в полку думного генерала Аггея Алексеевича Шепелева³⁷. В 1688 г. И.В. Борисов женился на дочери А.С. Сумарокова Федоре Андреевне и получил в отказ прожиточное поместье ее в селе Сумароково³⁸.

Далее на дочери И.В. Борисова Авдотье Ивановне женился Михаил Андреевич Ознобишин — отец Ивана Михайловича Ознобишина.

«В 1710 году в селе Богородском, Сумароково тож, Шукшинского стана Пензенского уезда 5 дворов с деловыми людьми и 26 — с крестьянами. В августе 1717 года выжжена во время “большого кубанского погрома”; в это время помещиками показаны П.Т. Жмакина, А.К. Алашеев, М.А. Ознобишин, И.С. Юматов и И.В. Борисов»³⁹. Часть села Богородского, что была прожиточным поместьем жены М.А. Ознобишина Авдотьи Ивановны Ознобишиной (урожденной Борисовой), была отказана Михаилу Андреевичу Ознобишину 7 мая 1713 г.⁴⁰ Стольник Иван Васильевич Борисов — отец Авдотьи Ивановны. В августе 1741 г. обе части села Богородского (675 четвертей), принадлежавшие М.А. Ознобишину и И.В. Борисову, были отказаны вдове Авдотье Ивановне Ознобишиной по заручной челобитной и по доправу отца⁴¹.

³⁶ *Полубояров М.С.* // <http://suslony.ru>; Сумароково (Богородское) Мокшанского района Пензенской области // <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/67586931433475>

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6492–2. Л. 72–77.

³⁸ Там же. Д. 6492–7. Л. 105–109.

³⁹ *Полубояров М.С.* // <http://suslony.ru>; Сумароково (Богородское) Мокшанского района Пензенской области // <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/67586931433475>

⁴⁰ См.: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 64.

⁴¹ Там же. Л. 64 об.–65.

Рис. 4. Село Сумароково (Богородское тож) на специальной карте Западной части России Шуберта 1826–1840 гг.
<http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/>

Численность населения села Сумароково (Богородское тож) показана в таблице⁴²:

Год	1710	1723	1747	1782	1864	1897	1930	1996	2010
Число жителей	318	около 400	около 682	752	1018	1546	1894	410	212

В январе 1719 г. освящена вновь церковь во имя иконы святой Казанской Богородицы⁴³. В 1723 г. 58 ревизских душ показано за дворянином Михаилом Андреевичем Ознобишиным, 47 — за Иваном Алексеевичем Алашеевым, 31 — за Пелагеей Тимофеевной Жмакиной (вдовой Ивана Жмакина), 11 — за Иваном Ивановичем Юматовым, 16 — за стольником Иваном Ивановичем Борисовым, 39 — за Андреем Никитичем Ханеневым⁴⁴.

В 1747 г. село Богородицкое, Самороково (Сумароково) тож, в Шукшинском стане Пензенского уезда за помещиками: адъютантом лейб-

⁴² Полубояров М.С. // <http://suslony.ru/>; Сумароково (Богородское) Мокшанского района Пензенской области // <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/67586931433475>; <https://familio.org/settlements/cbef251a-ff24-4220-bf7a-83d00888d778?tab=0>

⁴³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 414.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2537. Л. 66 об.-77 об.

Рис. 5. Вид села Сумароково. 2018 г.

<https://m.ok.ru/group/55441357602819/album/55441373134851/866324926211>

гвардии Преображенского полка Иваном Михайловичем Ознобишиным (171 ревизская душа), вдовой капитана Василия Алексеевича Алашеева Феклой Петровной (26), Петром Васильевичем Алашеевым (29), капитаном Ильей Ивановичем Жмакиным (27), квартирмейстером Яковом Ивановичем Жмакиным (26), женой Ивана Михайловича Тургенева Авдотьей Васильевной (27), шкипером морского флота Игнатием Ивановичем Юматовым (25), отставным прапорщиком Иваном Филипповичем Бибиковым (11), всего 342 души⁴⁵.

Село Архангельское (Враское, Врацкое, Вражское, Чанбар, Михайловка тож) было основано на землях, отказанных 11 июня 1700 г. Саранской приказной избой в диком поле, за валом, на Крымской стороне, на реках Кевда, Атмис и в иных урочищах дворянам Жедринским и Ивану Ивановичу Врасскому⁴⁶. В 1710 г. зафиксировано как с. Архангельское, Чанбар тож, в нем 18 дворов крестьян А.М. Врасского, церковь во имя Михаила Архангела. В 1719 г. — сельцо Архангельское (церкви уже не было), в это время А.М. Врасский завез сюда 21 крестьянина, а 10 крестьян помещика Федора Алексеевича Соловьева отписаны на великого государя⁴⁷. В 1747 г. — село Архангельское, Вражское тож, Завального стана Пензенского уезда крестьян,

⁴⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2540. Л. 79–99 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2547. Л. 277–288 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6506. Л. 548–553.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 310. Л. 798, 799–799 об.

Рис. 6. Село Вражское (Враское, Врацкое, Архангельское, Чанбар, Михайловка тож) на карте Тамбовской губернии из атласа Вильбрехта. 1800 г.
http://www.etomesto.ru/map-tambov_tambovsкая-gub-1800/

отписных на императрицу от помещика Федора Соловьева (131 ревизская душа), а также помещиков: адъютанта лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина (17), вдовы, капитанши Анны Даниловны Свищовой (19, наследство от отца) и капитана Ивана Алексеевича Вражского (177, наследство от отца), всего 344 ревизских души⁴⁸. По другому источнику, в 1747 г. — 454 ревизских души, в 1763 г. — 465 ревизских душ за четырьмя помещиками⁴⁹. В 1782 г. село Архангельское, Врацкое тож, и сельцо Михайловка Агнии Петровны Ознобишиной, Екатерины Ивановны Горсткиной (далее зачеркнуто после 1798 г.: «Александра Михайлова сына Киреевского, Михайлы Александрова сына Свищова»), «Аграфены Федоровой дочери.., девицы Натальи (?), Дарьи (?), Варвары Александровых (?) Киреевских, (два слова не читаются) Мосолова, 145 дворов, всей дачи (цифры надписаны над старыми, зачеркнутыми) — 6797 десятин, в том числе усадебной земли — 73, пашни — 5073, сенных покосов — 474, леса — 743». «Село и сельцо на левом берегу реки Большого Чем-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2542. Л. 502 об.-517.

⁴⁹ Государственный архив Пензенской области. Ф. 60. Оп. 4. Д. 69.

Рис. 7. Село Троицкое (Сюксюм тож) и сельцо Красная Слобода на Плане генерального межевания Карсунского уезда Симбирской губернии. 1807 г.
http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_pgm-karsunskogo-uezda/

бару, в селе церковь Архистратига Михаила и два дома господских, в сельце — один дом господский — деревянные... Земля — чернозем. Урожай хлеба и травы средствен. Лес строевой, дубовый, осиновый и березовый, между коим и дровяной. Крестьяне на пашне»⁵⁰. В 1785 г. часть села показана за Петром Ивановичем Горстким (508 ревизских душ вместе с селом Голодяевкой, ныне Междуречье)⁵¹.

Численность населения села Вражского показана в таблице⁵²:

Год	1719	1747	1762	1782	1864	1897	1930	1996	2010
Число жителей	не менее 31	около 908	около 930	1031 (с сельцом Михайловкой)	948	1124	939	216	92

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1081. Л. 10 об.

⁵¹ Село Вражское Каменского района Пензенской области // <https://www.kamptp.ru/index.php/turisticheskaya-karta/4837-selo-vrazhskoe-kamenskogo-rajona-penzenskoj-oblasti>

⁵² Вражское // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вражское>

Рис. 8. Деревня Тепловка на топографической межевой карте Симбирской губернии А.И. Менде
ЦГАРМ. Ф. Р-544. Оп. 1. Д. 3. Л. 554–582

Село Троицкое (Сюксюм тож), по всей видимости, досталось Ознобишиным от Авдотьи Ивановны Ознобишиной (урожденной Борисовой), бабки Никанора Ивановича Ознобишина. В деле о дворянстве Ознобишиных из Пензенского архива читаем: «Да после его Михаила Андреевича вдовствовавшей супруги его Авдотье Ивановне отец ее столник Иван Васильевич Борисов дал недвижимое имение в Пензенском уезде в селах Богородском Кенша тож, Троицком Сюксюм тож и Суморокове землю с людьми и со крестьяны»⁵³. Таким образом, Ознобишины ранее 1741 г. владели селом Троицким (525 четвертей) и досталось оно им от родственников Борисовых.

Деревня Тепловка на речке Нуге досталась еще отцу Ивана Михайловича — Михаилу Андреевичу Ознобишину в 1719 г. «...1719 году марта 10 дня Симбиринин Никифор Илементьев сын Загарин в Саранску Укрепостных дел дал купчую Пензенцу Михаиле Андрееву сыну Ознабишину в том продал он Никифор ему Михаиле поместные свои земли в Саранском уезде в деревне Тепловке на речке Ние десять четвертей в поле а в дву потому ж с лесы и с санными полосе с усадебною и с примерною землею и ско-

⁵³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 83.

Рис. 9. Деревня Внуково на Генеральной карте Владимирской губернии 1802 г.
http://www.etomesto.ru/map-vladimir_guberniya-1802/?y=56.044021&x=42.462694

тинный выпуском и со всеми угоды а взял он Никифор у него Михаила денег пять рублей в той купчей Саранской отставной подъячей Афонасей Колнев вместо Никифора Загарина по его велению руку приложил»⁵⁴.

Ныне деревня Тепловка Чамзинского района Республики Мордовия.

В урочищах по реке Нуе располагалась деревня Ознобишино Заинзарского стана Саранского уезда⁵⁵. В 1775 г. она досталась Агнии Петровне Ознобишиной.

Деревня Внуково Лухманского стана Гороховецкого уезда (ныне деревня Внуково в Гороховецком районе Владимирской области) на проселочном тракте из города Гороховца в город Муром при речке Илинде в 1775 г. досталась Агнии Петровне Ознобишиной⁵⁶, а позже ее сыну Александру Ивановичу Ознобишину⁵⁷.

Помимо данных земель адъютант лейб-гвардии Преображенского полка Иван Михайлович Ознобишин имел вотчину в селе Боровицах

⁵⁴ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 37.

⁵⁶ Там же. Л. 43.

⁵⁷ Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. 301. Оп. 5. Д. 111. Л. 881–897.

Рис. 10. Село Боровицы на карте Древне-Муромского уезда 1676 г.
[http://www.etomesto.ru/map-vladimir_drevne-muromskiy-1676/
 ?y=55.800331&x=42.359313](http://www.etomesto.ru/map-vladimir_drevne-muromskiy-1676/?y=55.800331&x=42.359313)

(Боровичах) Муромского уезда⁵⁸. Ныне это село Боровицы Муромского района Владимирской области.

5 августа 1775 г. его сыновья, Александр и Никанор Ивановичи Ознобишины поделили имение, доставшееся им от отца, выделив матери своей Агнии Петровне следующую часть: «...из того оставшего нам имения уступаю я Александр показанной матери нашей Агнии Петровне Ознобишиной во владение на указанную после отца нашего часть в Гороховском уезде в Лухманском стану деревню Внукову, да в Пензенском уезде в Завальном стану в селе Архангельском Вражское тожд да в Пензенском в ведомство Пензенской провинциальной канцелярии Саранского уезду Руднинского стану в деревне Ознобишиной что в тех жительствовах людей и крестьян за покойным отцом нашим имелось с женами и с детьми и со всеми их семействы и с принадлежащими к тем селениям

⁵⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1887 Книга переписная помещичьих крестьян Муромского уезда. 1748 год. Л. 619–620.

земельными и лесными дачами и всякими угодья чем до сего разделу те жительства владение имели все без остатку...»⁵⁹

Вот и все, что пока удалось установить о жизни отставного секунд-майора лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина. Перед нами человек своего времени, «типическое исключение», дед Онегина, как описывает его В.О. Ключевский⁶⁰: дворянин старинного русского рода, служивший царю и Отечеству большую часть своей жизни, сделавший неплохую карьеру в гвардии от солдата до секунд-майора, продолжавший дело своих предков по собиранию земель и преуспевший в этом — он богатый помещик, оставивший своим детям весьма приличное наследство. Мы не можем утверждать наверняка, но делаем скромное предположение, что взлет карьеры Ивана Михайловича Ознобишина был как-то связан с дворцовым переворотом и воцарением Елизаветы Петровны: 1740 г. — возвращение в Преображенский полк, 1741 г. — прапорщик, а на следующий год — адъютант лейб-гвардии Преображенского полка. Согласитесь, эти ступени карьерной лестницы Иван Михайлович преодолел достаточно быстро. Он жил в Москве, был прихожанином церкви Богоявления Господня что в Елохове, той самой, где в 1799 г. будет крещен Александр Сергеевич Пушкин. С детства записал своих детей в гвардейский полк; собирал библиотеку и прививал им французскую ученость. Как и у многих офицеров до, так и после него с ним случались неприятности, одна из которых стоила ему карьеры в гвардии. Но при этом благоволения императрицы он не потерял, Екатерина II лично подписала ему отставку с повышением в чине, а позже ему удалось достаточно быстро укрепить за собой имение его покойных родителей. К сожалению, нам пока не удалось отыскать формулярный список Ивана Михайловича Ознобишина и метрическую запись о его смерти. Возможно, дальнейшая работа в архивах позволит выявить нам и эти обстоятельства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁵⁹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 43.

⁶⁰ См.: Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 9. М.: Мысль, 1990. С. 84–101.

Список литературы / References

1. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки, в: *Сочинения в 9 томах*. Т. 9. М.: Мысль, 1990. С. 84–101.
Klyuchevsky V.O. Eugene Onegin and his ancestors, in: *Works in 9 volumes*. Vol. 9. Moscow: Mysl', 1990. P. 84–101 (in Russ.).
2. Лобанов-Ростовский А.Б., князь. *Русская родословная книга*. Т. 1. СПб., 1873. 388 с.; Т. 2. СПб., 1895. 222 с.
Lobanov-Rostovsky A.B., prince. *Russian genealogical book*. Vol. 1. St. Petersburg, 1873. 388 p.; Vol. 2. St. Petersburg, 1895. 222 p. (in Russ.).
3. Морозова В.В. Семейная библиотека Ознобишиных. *Мономах*. 2004;37(2):23–24.
Morozova V.V. The family library of the Oznobishins. *Monomakh*, 2004;37(2):23–24 (in Russ.).
4. *Областные правители России, 1719–1739 гг.* / Сост.: М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008.
Regional rulers of Russia, 1719–1739 / Compil. by M.V. Babich, I.V. Babich. Moscow: ROSSPEN, 2008 (in Russ.).
5. *Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской; Издаваемое Николаем Новиковым, членом Вольного Российскаго собрания, при Императорском Московском университете*. Ч. 1. № 1. Санкт-Петербург: Тип. Сухопут. кад. корпуса, 1776. 74 с.
Narrator of Russian antiquities, or A collection of various memorable notes serving the benefit of Russian history and geography. Published by Nikolay Novikov, member of the Free Russian Assembly at the Imperial Moscow University. Part 1. No. 1. St. Petersburg: Printing house of the Land Cadet Corps, 1776. 74 p. (in Russ.).
6. *Родословие дворян Хомутовых*. Ярославль, 1889. 4 с.
Genealogy of the Khomutov nobles. Yaroslavl, 1889. 4 p. (in Russ.).
7. *Родословные росписи конца XVII века* / Сост.: А.В. Антонов. Вып. 6. М.: Археографический центр, 1996. 414 с.
Genealogical lists of the late 17th century / Compil. by A.V. Antonov. Iss. 6. Moscow: Archaeographical Center, 1996. 414 p. (in Russ.).
8. Романов М.Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин. *Известия Саратовского университе-*

- та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023;23(Вып. 3):284–294.
- Romanov M.Yu. A man and his time: State stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2023;23(Iss. 3):284–294 (in Russ.).
9. Санкт-Петербургские ведомости. 1741 год. 14 апреля. С. 6. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1741. 14 April. P. 6 (in Russ.).
10. Санкт-Петербургские ведомости. 1742 год. 21 июня. С. 6. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1742. 21 June. P. 6 (in Russ.).
11. Санкт-Петербургские ведомости. 1751 год. 2 июля. С. 9. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1751. 2 July. P. 9 (in Russ.).
12. *La noblesse de Russie* / Publies par Nicolas Ikonnikov. T. L. 2. Paris, 1960. P. 463–489.
- The nobility of Russia* / Publ. by Nikolay Ikonnikov. Vol. L. 2. Paris, 1960. P. 463–489 (in French).

Буранок Александр Олегович
Alexander O. Buranok

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России Средневековья
и Нового времени Российского
государственного гуманитарного
университета
SPIN-код: 6391-4693,
AuthorID: 520492

PhD in History, Associate Professor of the
Department of Medieval and Modern
Russian History, Russian State University
for the Humanities
SPIN-код: 6391-4693,
AuthorID: 520492

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
15.12.2025

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Д.И. Гоц

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: idgots@gmail.com*

Отношения России и Венеции в конце XVIII в.: имперские амбиции и политические реалии

Аннотация

Статья посвящена изучению истории отношений Российской империи и Венецианской республики в 1780-х гг. Материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и опубликованные депешы венецианского посланника в Петербурге Фериго Фоскари являются источниковой базой исследования. В 1783 г. два государства впервые провели взаимную аккредитацию посланников. В Коллегии иностранных дел полагали, что установление постоянных дипломатических контактов будет способствовать формированию военно-политического союза. Победа Петербурга в Русско-турецкой войне (1768–1774) открывала перспективы для решения стратегических задач, связанных с развитием черноморской торговли и расширением российского влияния в средиземноморском регионе. Альянс с Венецией мог положительно повлиять на реализацию данных проектов. Анализ сложившихся условий позволяет сформулировать цель работы: сравнить ожидания властей Российской империи с политическими реалиями Европы. Для ее достижения были исследованы международная обстановка, стратегии взаимодействия Петербурга с Венецией, рассмотрены этапы формирования личности графа Семена Романовича Воронцова (посланника России в Венеции), его роль в развитии двусторонних отношений и те проблемы, с которыми столкнулся дипломат во время службы. С.Р. Воронцов добивался

от венецианских властей установления церемониала, соответствующего приему посланников второго ранга. Дипломат настаивал на корректном употреблении титула монарха в официальной переписке, подчеркивая важность этого требования для двусторонних отношений. Посланник защищал интересы греков — граждан республики, которые стремились к укреплению российских позиций в Венеции. Также граф Воронцов сосредотачивал усилия на установлении союзнических отношений с республикой. В заключении автор приходит к выводу, что сформулированные имперским правительством задачи были труднореализуемыми.

Ключевые слова:

Венеция; российско-венецианские отношения; С.Р. Воронцов; Ф. Фоскари; Средиземное море; внешняя политика России в XVIII в.

Для цитирования:

Гоц Д.И. Отношения России и Венеции в конце XVIII в.: имперские амбиции и политические реалии // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 70–97. DOI: 111111111111111111

Dmitry I. Gots

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: idgots@gmail.com*

Russia-Venice Relations in the Late 18th Century: Imperial Ambitions and Political Realities

Abstract

The article is devoted to the study of the history of relations between the Russian Empire and the Venetian Republic in the 1780s. The research

is based on materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (АВПИ) and dispatches of the Venetian envoy in St. Petersburg, Ferigo Foscari. In 1783, the two states conducted a mutual accreditation of envoys for the first time. The Collegium of Foreign Affairs believed that establishing permanent diplomatic contacts would contribute to the formation of a military-political alliance. St. Petersburg's victory in the Russo-Turkish War (1768–1774) opened prospects for solving strategic tasks related to the development of Black Sea trade and the expansion of Russian influence in the Mediterranean. An alliance with Venice could positively affect the implementation of these projects. An analysis of the prevailing conditions makes it possible to formulate the aim of the study: comparing the expectations of the authorities of the Russian Empire with the political realities of Europe. To achieve this, the international situation is examined, the strategies of interaction between St. Petersburg and Venice analyzed, and the stages of the formation of the personality of Count Semyon Romanovich Vorontsov (the Russian envoy to Venice), his role in the development of bilateral relations, and the problems he faced during his service are considered. S.R. Vorontsov sought from the Venetian authorities the establishment of a ceremonial protocol appropriate for the reception of envoys of the second rank. The diplomat insisted on the correct use of the monarch's title in official correspondence, emphasizing the importance of this requirement for bilateral relations. The envoy defended the interests of Greeks – citizens of the Republic – who sought to strengthen Russian positions in Venice. Count Vorontsov also focused his efforts on establishing an alliance with the Republic. In conclusion, the author comes to the conclusion that the tasks formulated by the imperial government were difficult to realize.

Keywords:

Venice; Russian-Venetian relations; S.R. Vorontsov; F. Foscari; Mediterranean Sea; Russian foreign policy in the XVIII century

For citation:

Dmitry I. Gots. Russia-Venice Relations in the Late 18th Century: Imperial Ambitions and Political Realities // *The Historical Reporter.* 2026. Vol. 57. P. 70–97. DOI: !!!!!!!!!!!

русско-венецианские дипломатические и торговые отношения имеют многовековую историю. Республика еще в XVI–XVII вв. пыталась склонить Русское государство к участию в борьбе с османами¹. Одним из направлений венецианской политики являлось целенаправленное сближение православной греческой общины города с «Московией»². Конфессиональные связи способствовали нахождению союзников и выразителей политических интересов Московской Руси на Западе среди эллинов.

В 1680–1720-х гг. усиливалось и расширялось влияние Русского государства (позднее Российской империи) на конфигурацию военно-политического баланса сил в Европе. Данные изменения трансформировали характер дипломатических отношений и принципов взаимодействия с Венецией. В XVIII в. уже власти формирующейся империи выступали в качестве инициаторов образования антитурецкой коалиции, привлекая как греческое население, так и аристократию республики³. Венецианская политическая элита, опасаясь потери государственного суверенитета вследствие ослабления военного потенциала, придерживалась принципов нейтралитета в отношениях с более влиятельными державами⁴. Петр I в 1710-х гг. стремился интенсифицировать контакты и связи с республикой, направляя туда своих представителей⁵. Первый российский император не только обозначил задачу — достигнуть Средиземного моря, но и наметил стратегии международного взаимодействия в данном регионе. Екатерина II, следуя курсу предшественника, добивалась усиления влияния империи в Черном море и Леванте⁶.

Победа в войне с Турцией (1768–1774) создала предпосылки для расширения стратегического присутствия Российской империи в Средиземном

¹ Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 67–68.

² Longworth P. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 3. P. 398.

³ Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1. М., 1899. С. 23.

⁴ Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2017. С. 555; Канделоро Д. История современной Италии. История Рисорджименто / Пер. с итал. Т.С. Золочевской и др. М., 1958. С. 86; Panciera W. La Repubblica di Venezia nel Settecento. Roma, 2014. P. 42–47.

⁵ Ястребов А.О. Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 178–179.

⁶ Гребеницкова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. СПб., 2015. С. 145.

Венеция. Дворец Дожей и Моло. Худ. Франческо Гварди, ок. 1770 г.
Из открытых источников

море. В Петербурге Венецианская республика оценивалась как перспективный союзник в контексте реализации долгосрочной внешней политики в регионе. Анализ исторических условий второй половины XVIII в. позволяет сформулировать цель исследования: соотнести дипломатические инициативы империи по формированию российско-венецианского альянса с воззрениями правящей элиты Венеции и внешнеполитическими интересами ведущих европейских держав в 1780-х гг. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: изучить политические приоритеты ведущих государств; проанализировать основные цели и принципы взаимодействия Российской империи с республикой; рассмотреть этапы формирования личности графа Семена Романовича Воронцова (посланника России в Венеции) и проследить его роль в развитии двусторонних отношений; исследовать проблемные аспекты дипломатической деятельности С.Р. Воронцова.

Исследовательская работа проведена по материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Инструкция и послания для графа С.Р. Воронцова, составленные в Коллегии иностранных дел, и его ответные депеши формируют источниковую базу исследования. Отношение венецианской стороны к политике Петербурга анализируется с помощью донесений Ферриго Фоскари⁷ — посланника республики

⁷ В словаре венецианского диалекта, подготовленном Дж. Боэрио, отмечается, что итальянскому имени Федерико в венецианском варианте соответствует форма Ферриго. Данный вариант имени употребляется и в издании донесений Ферриго Фоскари, опубликованном Дж. Дория (*Boerio G. Dizionario del dialetto veneziano. Venezia, 1867. P. 265*).

Семен Романович Воронцов. Худ. Томас Лоуренс.
Из открытых источников

в российской столице в период с 1783 по 1790 г. Депеши венецианского дипломата были опубликованы итальянским исследователем Дж. Дориа на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Венеции (Archivio di Stato di Venezia)⁸.

В историографии отмечается, что венецианская правящая элита стремилась к сдерживанию интенсивной внешнеполитической деятельности Российской империи. Правительство республики отклоняло предложения о формировании военно-политического союза⁹. Итальянский историк Дж. Табакко дает иную оценку русско-венецианским отношениям. Исследователь указывает, что не все нобили, заседавшие в Сенате, являлись противниками сближения с Петербургом. Он акцентирует внимание на существовании в совещательном органе «греческой партии» — знатных политиков, выступавших за укрепление контактов с Россией¹⁰. Данная группа аристократов выражала несогласие с курсом Андреа Трона (фактического руководителя дипломатии Венеции), направленным на сближение с монархией Габсбургов. Если А. Трон с помощью поддержания тесных связей с Веной хотел сохранить статус-кво

⁸ Dispacchi da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. G. Doria. Venezia, 1993. P. XVII.

⁹ Preto P. Venezia e i Turchi. Roma, 2013. P. 224–225; La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica / Ed. G. Cozzi, M. Knapton. Torino, 1992. P. 582–584.

¹⁰ Tabacco G. Andrea Tron e la crisi dell'aristocrazia senatoria a Venezia. Verona, 1980. P. 107–109.

и политику нейтралитета республики, то его оппоненты настаивали на возрождении утраченного военного и политического могущества Венеции¹¹. Они полагали, что Российская империя способна содействовать восстановлению позиций Венецианской республики в регионе. Современный итальянский исследователь Дж. Беллинери отмечает, что в венецианском обществе бытовали идеи о возобновлении мореплавания в Черном и Азовском морях. Сторонники данных взглядов полагались на культурный и технический опыт, накопленный в республике. Однако Венеция сохраняла политический нейтралитет и не была готова заключить оборонительный союз с Российской империей против Порты, одновременно воздерживаясь от торговли в Черном море¹².

В Коллегии иностранных дел позитивно оценивали потенциал взаимодействия с Венецианской республикой для расширения влияния Российской империи. Инструкция от 1783 г., составленная для полномочного министра в Венеции¹³, графа Семена Романовича Воронцова, является ключевым источником для понимания российско-венецианских отношений и международной обстановки в 1760–1780-х гг. В документе отмечалось, что русский двор назначил в 1768 г. маркиза Пано Маруцци поверенным в делах при республике в рамках подготовки Архипелагской экспедиции¹⁴. Граф Иван Андреевич Остерман, формальный руководитель Коллегии иностранных дел, автор инструкции, указывал, что робость венецианцев перед турками и, вероятно, намерение услужить недругам России усложнили деятельность Маруцци и воспрепятствовали установлению прочных дипломатических контактов¹⁵.

Победа Российской империи в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. повлекла за собой изменения в балансе сил в Старом Свете. Россия существенно упрочила свой авторитет среди великих держав. Импе-

¹¹ Ibid. P. 107–109, 113–115.

¹² Bellingeri G. Scorcì veneziani sulla regione del Mar Nero (secoli XV–XIX) // *La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano* / Ed. A. Ferrari, E. Pupulin. Venezia, 2017. P. 111.

¹³ Министр-вельможа, избранный и уполномоченный государем для исправления государственных дел (Словарь Академии российской. Часть IV. СПб., 1793. С. 139). Общим термином для русского диппредставителя за границей в XVIII в., в петровское время и на протяжении всего XVIII в. был «министр», какого бы ранга он ни был (История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 247).

¹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8; Велижев М.Б. Итальянские государства и Россия в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика // *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой* / Под общ. ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2011. С. 239.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8.

Иван Андреевич Остерман. Худ. Пер Крафт Старший.
Из открытых источников

рия обрела доступ к Черному морю, сформировав условия для развития политико-экономических проектов в Средиземном море. Историк Г.А. Гребенщикова отмечает, что «Петербургская система международных отношений» стала общепризнанным фактором европейской политики¹⁶. В инструкции графу С.Р. Воронцову излагалась официальная позиция, объясняющая причины присоединения Крымского полуострова в 1783 г.¹⁷ Интеграция данных территорий ожидаемо стала предметом озабоченности великих держав. Усиление России в черноморском регионе обусловило конфликт ее внешнеполитических интересов с устремлениями Великобритании и Франции, боровшихся за контроль над стратегически важным перекрестком евразийской коммуникации¹⁸.

Великобритания, стремясь к единоличному господству в Средиземном море, поддерживала с 1760-х гг. экспансионистские устремления России для ослабления влияния Парижа в Леванте¹⁹. Однако в условиях войны в североамериканских колониях отношения двух держав обост-

¹⁶ Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 148.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 19.

¹⁸ Смилянская Е.Б. Заключение // Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 477.

¹⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 115.

рились. Британские военно-морские силы насильственно задерживали российские корабли в Средиземном море и Атлантике²⁰. В ответ Екатерина II выпустила манифест о «Вооруженном морском нейтралитете»²¹ и отказала в помощи Лондону в период боевых действий²². Власти Великобритании, сосредоточив усилия на урегулировании противоречий в Новом Свете, позволили Российской империи реализовать внешне-политические проекты в средиземноморском регионе.

Взаимосвязи России и Франции в начале 1780-х гг. характеризовались в инструкции С.Р. Воронцова как исключительно доброжелательные. Тем не менее графу давали совет «на всякий случай наблюдать недреманным оком все подвиги и негоции французского кабинета»²³. В правительственных кругах помнили о враждебных инициативах и действиях, предпринимавшихся Людовиком XV: в 1760-х гг. он спонсировал шведский парламент, надеясь инициировать войну России с северным соседом. Франция обнаружила в Турции благоприятные условия для распространения антироссийских настроений и развязывания боевых действий²⁴.

Приход к власти Людовика XVI в 1774 г. открывал новые перспективы в русско-французских отношениях. Французская буржуазия была заинтересована в установлении торговых связей с Российской империей через черноморские порты. Разногласия обеих держав с Лондоном являлись предпосылкой для сближения и укрепления взаимных контактов. Екатерина II стремилась дистанцироваться от противостояния в Северной Америке. Французская политическая элита стремилась к расширению заморских владений, противодействуя гегемонии Великобритании²⁵. Активная поддержка освободительного движения в североамериканских колониях способствовала реализации стратегических задач Парижа.

²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 22–23.

²¹ Вооруженный нейтралитет — сотрудничество России, Дании и Швеции, а также ряда др. гос-в, сложившееся в 1779–83 (в связи с войной североамериканских колоний за независимость) и в 1800–01 в целях охраны торгового мореплавания нейтральных стран (Дипломатический словарь / Гл. ред. А.А. Громько и др. М., 1985. Т. 1. С. 217).

²² Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 166.

²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 17.

²⁴ Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 157–159.

²⁵ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М., 2004. С. 78–79, 82, 84, 89, 91, 92, 270, 271.

В инструкции С.Р. Воронцова подчеркивалось, что участие Российской империи в подготовке Тешенского мира (1779) способствовало укреплению дипломатических и политических связей с немецкими государствами²⁶. Г.А. Гребенщикова отмечает, что Екатерина II помогла королю Фридриху II Прусскому не допустить чрезмерного усиления Австрии²⁷. Вице-канцлер И.А. Остерман указывал, что Россия продолжала поддерживать с Пруссией оборонительный союз и тесную дружбу²⁸. Таким образом, сохранение мирных отношений на западе позволяло Петербургу сосредоточить внимание и силы на южном направлении.

В 1760–1770-х гг. Австрийская монархия опасалась усиления России в Речи Посполитой²⁹. Габсбурги вместе с Людовиком XV поддерживали Саксонскую династию³⁰. Для ослабления позиций Петербурга на западном направлении Вена способствовала разжиганию русско-турецкой войны. М.А. Петрова полагает, что русско-турецкий мир 1774 г. заставил политическую элиту Австрийской монархии признать неотвратимость русского продвижения в причерноморский и балканский регионы. Угроза прямого военного столкновения вынудила Вену стремиться к сближению с Россией³¹.

В 1780 г. в Могилеве австрийский монарх Иосиф II и Екатерина II встретились, договорившись о взаимодействии в рамках далеко идущих планов. Российская императрица стремилась реализовать «Греческий проект», связанный с разделением Порты и основанием королевства Дакия и Греческой империи во главе со своим внуком — великим князем Константином Павловичем³². П.В. Стегний ссылается на мнение А.А. Безбородко, фактического руководителя Коллегии иностранных дел, что и Австрия должна была получить выход к Адриатике. Однако А.А. Безбородко исключал из этих экспансионистских планов венецианские владения в Истрии и Далмации³³.

²⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 16.

²⁷ Гребенщикова Г.А. Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов // Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начало XX века / Отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2021. С. 209, 221.

²⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 14.

²⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). С. 116.

³⁰ Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 534.

³¹ Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011. С. 99.

³² Стегний П.В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 112–118.

³³ Там же.

Александр Андреевич Безбородко. Худ. Иоганн-Баттиста Лампи Старший.
Из открытых источников

Возникает вопрос: почему российские политики так беспокоились о сохранении территорий республики на Балканах? Ответ на него находится в инструкции С.Р. Воронцова: «<...> чтоб сделать республику надежной приятельницею Российской империи, дабы во всякое время, особливо ж на случай новой с турками войны, иметь на берегах и островах ее верное и безопасное пристанище нашим военным эскадрам и судам»³⁴. В Коллегии также подчеркивали, что присоединение Венеции к договору о «Вооруженном морском нейтралитете» может обеспечить защиту ее морской навигации и международной торговли³⁵. Подчеркивание данных принципов в инструкции указывало на курс Петербурга на включение республики в сферу собственного влияния и ее ограждение от внешнего давления со стороны других стран. Россия, не допуская Австрию и иные державы в Венецию, желала воспользоваться ее прибрежными территориями для решения своих геополитических задач. Политическая элита республики должна была рассматривать в качестве приоритетного партнера именно Петербург, ограничивая влияние прочих государств.

В инструкции отмечалось, что Россия не угрожает Венеции — напротив, республика, окруженная сильными державами, не может им противостоять и вынуждена терпеть обиды. Однако теперь, благодаря мудрости и силе императрицы, у Венеции появился шанс изменить

³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 23–24.

Великий князь Павел Петрович. Худ. Ф.С. Рокотов.
Из открытых источников

свою судьбу. Заключение союза с Россией не только избавит Венецию от угроз, но и укрепит ее международное положение³⁶.

Нобилитет Венеции, опасаясь потери независимости, избирал внешнеполитическую стратегию нейтралитета. Республика принципиально не присоединялась к союзам во время войн за Польское (1733–1735) и Австрийское (1740–1748) наследства. Несколько месяцев войны могли бы ввергнуть Венецию в состояние полной нищеты и хаоса³⁷. Россия же хотела вовлечь республику в большую политическую игру, чтобы ослабить своих конкурентов.

Поездка великого князя Павла Петровича в Италию «стала счастливым началом новых уз», по выражению венецианского посланника в Петербурге Фериго Фоскари³⁸. Итальянский историк Д. Берти отмечал, что визит столь знатной особы делал неудобным отказ со стороны Венеции от направления дипломатов. Несмотря на все сомнения, в 1782 г. республика назначила своего представителя в Россию³⁹. В инструкции С.Р. Воронцова указывалось, что Ф.Фоскари будет принят «по этикету в равенстве с чрезвычайным посланником и полномочным министром

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ *Panciera W.* La Repubblica di Venezia nel Settecento. P. 47.

³⁸ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790* / Ed. G. Doria. Venezia, 1993. P. 9–10.

³⁹ *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 81, 82.

«Начало грандиозного праздника 24 января 1782 г. в честь визита графа и графини Северных на площади Сан-Марко в Венеции». Европейская гравюра.

Из открытых источников

Голландии»⁴⁰. Пост дипломата в соответствии с протоколом Российской империи относился ко второму классу.

Коллегия иностранных дел в 1783 г. назначила полномочным министром в Венецию Семена Романовича Воронцова⁴¹. В деле о назначении графа отмечается следующий состав миссии: «<...> при поверенном в делах титулярный советник, актуариус, еще определить советника посольства с жалованием по штату <...>. Поверенному в делах остаться там по-прежнему в зависимости сего нашего министра для пособия ему по службе нашей»⁴².

Семен Романович Воронцов (1744–1832) происходил из известного аристократического рода. Отец графа Роман Илларионович в начале 1760-х гг. был членом Сената и удостоился звания генерал-аншефа⁴³. Дочь Романа Илларионовича, Елизавета, была любимой фавориткой императора Петра III⁴⁴. Дядя Семена Романовича, Михаил Илларио-

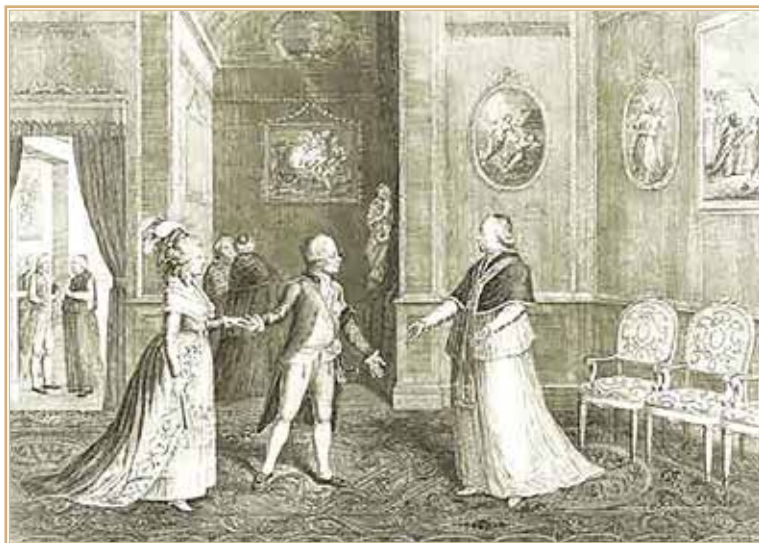
⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 5.

⁴¹ *Пряшников М.П.* С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 15. Петушки, 2012. С. 125.

⁴² АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 109. Л. 1.

⁴³ *Захарова О.Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. М., 2013. С. 11.

⁴⁴ *Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И.* Семен Романович Воронцов. Биография. СПб., 2020. С. 35.

Прием папой римским Пием VI графа и графини Северных 8 февраля 1782 г.
Офорт А. Лазарони.

Государственный музей-заповедник «Павловск»

нович, занимал пост канцлера Российской империи, оказывая влияние на формирование внешней политики государства⁴⁵. Т.М. Фадеева отмечает, что Михаил Илларионович, путешествуя по Европе в 1740-х гг. и стремясь к развитию торговых связей между Россией и Венецией, установил контакты с банкирским домом Маруцци. Покровительство империи роду Маруцци позволило найти надежных агентов и представителей в Италии⁴⁶.

Михаил Илларионович принимал непосредственное участие в становлении личности и воспитании С.Р. Воронцова, составил план обучения для племянника и привил ему стремление к самообразованию⁴⁷. Родственные связи способствовали быстрому продвижению Семена Романовича по службе — от камер-пажа до поручика лейб-гвардии. Молодой граф, несмотря на успехи, не любил придворную службу и думал о военной карьере⁴⁸. В 1762 г., когда Петр III готовился к конфликту

⁴⁵ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2020. С. 6.

⁴⁶ Фадеева Т.М. Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха / Ред. А.В. Тычинина и др. М., 2013. С. 240–241.

⁴⁷ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 28.

⁴⁸ Там же. С. 34–35.

с Данией, С.Р. Воронцов добился у императора разрешения на службу в армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева⁴⁹.

Дворцовый переворот и приход к власти Екатерины II негативно повлияли на дальнейшую судьбу рода Воронцовых. Семья сохраняла лояльность прежнему монарху. Отец Семена, Роман, был сослан в Москву и лишен значительной части владений. Сестра Елизавета была временно помещена под домашний арест. Императрица отправила в отставку и дядю, канцлера Михаила Илларионовича⁵⁰. В сложившихся условиях Семен Романович хотел покинуть службу. Михаил Илларионович воспрепятствовал реализации намерений своего племянника и помог ему устроиться советником посольства в Вене в 1764 г. Посланник Д.М. Голицын должен был оказывать покровительство С.Р. Воронцову⁵¹.

Во второй половине 1760-х гг. граф не занимал государственных должностей⁵². Смерть Михаила Илларионовича в 1767 г. мотивировала С.Р. Воронцова переехать из Москвы в Петербург⁵³. Начало Русско-турецкой войны 1768 г. побудило Семена Романовича, исходя из личных и гражданских убеждений, поступить на военную службу⁵⁴.

В период боевых действий с 1768 по 1774 г. С.Р. Воронцов служил под командованием П.А. Румянцева и закончил боевые действия в чине генерал-поручика. Граф был одним из переводчиков текста мирного договора на итальянский язык⁵⁵. В 1777 г. им был составлен для П.В. Завадовского, кабинет-секретаря Екатерины II, детальный доклад, в котором освещалась помощь русскому флоту венецианским аристократом греческого происхождения Д. Мочениго в период Архипелагской экспедиции⁵⁶.

В 1778 г. С.Р. Воронцов вернулся в Петербург. Он находился в отставке до 1782 г.⁵⁷ А.А. Безбородко, по поручению Екатерины II, убедил графа

⁴⁹ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 16.

⁵⁰ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 38.

⁵¹ Там же С. 41; Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 20; Родина Т.А. Воронцов Семен Романович // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2023). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316 (Дата обращения: 03.09.2025).

⁵² Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 21.

⁵³ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 50.

⁵⁴ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 24.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Пряшников М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. С. 119.

⁵⁷ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 33.

принять назначение на должность российского представителя в Венеции⁵⁸. Определение С.Р. Воронцова вместо П. Маруцци посланником в республике могло объясняться следующей причиной. Военные успехи России 1770-х гг. и путешествие великого князя Павла Петровича в Италию повысили приоритетность формирования долгосрочных связей с Венецией. Для демонстрации особой значимости данных дипломатических отношений требовалось представительство наиболее родовитых аристократов⁵⁹. В придворной среде самым подготовленным для данной миссии был С.Р. Воронцов, понимавший специфику политической жизни республики. Граф А.А. Безбородко в письме Семену Романовичу подчеркивал: «<...> требует и с ее стороны [Екатерины II] наименования туда особы знатной породой и отменных способностей <...>»⁶⁰.

Начало дипломатической службы С.Р. Воронцова в Венеции было осложнено различиями в протокольных (церемониальных) традициях двух стран. Соблюдение церемониала во многом отражало глубину и содержание двусторонних отношений. В инструкции подчеркивались требования, согласно которым должны были принимать в республике С.Р. Воронцова: «<...> [договориться] о пристойных терминах церемониала, которому не следует быть одинаковым ни с послами, ни с резидентами, но среднего между сими двумя качествами»⁶¹. В тексте отмечалось, что если в республике не было норм для приема посланника второго ранга, то «новый для встречи и приема его [Воронцова] обряд учрежден был»⁶². Строгий контроль исполнения церемониала был связан с поддержанием государственного престижа. Соблюдение данных правил принимающей стороной демонстрировало степень уважения к представителю другого государства.

Дипломат отмечал в письме от 4 октября 1783 г., что в республике для него в отношении церемониала употребили «отличия, кои мне будто бы оказывают, суть совершенно призрачные»⁶³. Он бы хотел добиться церемониала, соответствующего своему чину и достоинству двора, его назначившего.

⁵⁸ *Прышников* М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. С. 117–121, 131–132.

⁵⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). С. 253.

⁶⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XIII. М., 1879. С. 28.

⁶¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 5.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Там же. Д. 115. Л. 2–4.

В другом письме от 28 ноября Воронцов подчеркивал: «<...> что касательно до меня, если, давая мне только Lei [«Вы» по-итальянски], как они полагают, считая, что сие должно отличить меня от резидентов, не прибавлять в продолжение их ответов разных учтивых выражений, которыми сколь щедры они с послами, столь скупы с резидентами, я не почту себя отличным должно»⁶⁴.

Главные же особенности заключались в том, что послам в сравнении с резидентами предоставлялись неприкосновенность на дом и два соседних от него, а также право посещения лож в ведущих театрах. В письме от января 1784 г. к А.А. Безбородко министр подчеркивал: «<...> ибо здешнее правление, конечно, могло бы мне дать дом без ложки или ложки без домов. Но наравне с послами поелику и у нас посланники сие имеют в том же ряду, где и послы, или один дом и ложки во втором этаже»⁶⁵. Воронцов воздержался от официальной аккредитации, ожидая инструкций и уточнений из Петербурга по поводу высказанных замечаний⁶⁶.

Ф. Фоскари в письме от 12 ноября 1783 г. упоминал, что граф И.А. Остерман изложил сходные претензии. Венецианский представитель отвечал, что сразу после первого запроса были приняты соответствующие меры. Дипломат добавил, что Воронцову были даже предоставлены отличия, не свойственные принятой практике. Требование лож и неприкосновенности зданий распространялось только на послов, но не полномочных министров. Несмотря на разъяснения, граф Остерман настаивал, чтобы в знак доброй взаимности и дружбы просьба была удовлетворена⁶⁷.

В послании от 28 ноября 1783 г. Воронцов отмечал, что отказывался принимать ответы венецианцев, «где вместо *Sa majesté impériale* [Ее императорское величество] неоднократно писано было *la Zara* [Царица]». Он подчеркивал: «Ответы на предложения столь великого двора заслуживают наиважнейшего внимания»⁶⁸.

С.Р. Воронцов указывал на несоответствие своего статуса и церемониала до января 1784 г. В реляции к А.А. Безбородко он отмечал, что, получив некоторые отличия, им была подана кредитивная грамота. Министр считал данные привилегии недостаточными. Объяснения отсутствия различий между ложами первого и среднего ярусов представлялись ему неубедительными. Воронцов полагал, что в Венеции бессмыс-

⁶⁴ Там же. Л. 21.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 2.

⁶⁶ Там же. 1783 г. Д. 115. Л. 4.

⁶⁷ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 10–12.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 115. Л. 21.

ленно держать полномочного министра и будет достаточно присутствие резидента⁶⁹. В феврале 1784 г. Фоскари разъяснил графу Остерману детали вопроса о ложах⁷⁰. И.А. Остерман в депеше Воронцову объяснял, что правительство республики было бы радо пойти на уступки, «если б не опасалось, что дачею вашему сиятельству ложи в первом ярусе, где отводятся оныя одним послам, сие последние сочтут себя обиженными и сравненными совершенно с министрами второй степени»⁷¹.

Проблемы дипломатического церемониала и формы обращения к монархам и их представителям демонстрировали степень взаимного уважения сторон и признания внешнеполитического престижа государства. Понимая значение данных аспектов для двусторонних отношений, С.Р. Воронцов отмечал в реляции от 12 января 1784 г., что Екатерине II было безразлично, какую из привилегий выберут в Сенате — неприкосновенность домов или ложи. Императрица считала важным, чтобы отчетливо демонстрировались различия между статусом посланника и резидента. Дипломат также подчеркивал весомость данного принципа и в отношении употребления титулов⁷². Политика России в области церемониала отражала общее стремление к доминированию в двусторонних отношениях. Факторы давления и международного влияния становились инструментами для навязывания союза. Политическая элита Венеции, опасаясь конфликтов как с Россией, так и другими великими державами, не имела возможности прямого отказа и была вынуждена давать деликатные ответы и гибко лавировать. Республика делала незначительные уступки, придерживаясь в главных вопросах принципа нейтралитета. В Коллегии иностранных дел понимали умонастроения элиты Венеции и воздерживались от дальнейших дискуссий, соглашаясь на компромиссы. В реляции от 10 апреля 1784 г. С.Р. Воронцов писал, что, получив разъяснения из Петербурга, он примет ложи во втором ярусе в венецианских театрах⁷³.

Деятельность посланника Венеции в Российской империи Фериго Фоскари подтверждает данное наблюдение. Дипломат в депеше от октября 1783 г. подчеркивал необходимость неторопливого и детального анализа экономических реалий государства⁷⁴. Позиция Ф. Фоскари демон-

⁶⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 1, 2, 3.

⁷⁰ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 22–25.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 131. Л. 3.

⁷² Там же. Д. 127. Л. 4.

⁷³ Там же. Л. 56.

⁷⁴ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 9–10.

стрирует, что отдельные представители республики и в целом правящая элита не стремились к сближению с Петербургом и занимали выжидательную позицию. Тем не менее он передавал в Венецию сведения о богатствах и изобилии в империи⁷⁵. В депеше, направленной уже в октябре 1784 г., Ф. Фоскари после описания экономического развития государства констатировал: «<...> делают теперь крайне настоятельным важное признание этой самой внутренней мощи»⁷⁶. Посланник республики не отмечал потенциал торговых контактов, а указывал на могущество России. Средоточие внимания именно на силе и влиянии государства отражало скорее страх и озабоченность венецианца из-за усиления новой империи. Члены Коллегии иностранных дел учитывали данную тенденцию. В инструкции С.Р. Воронцову отмечалось, что черноморская торговля России может успешно развиваться и без участия Венеции. Кроме того, в тексте подчеркивалась непоследовательность правительства республики. Сначала представители Венеции в Париже, Гааге и Лондоне предлагали российской стороне возобновить обсуждения торгового трактата, но потом сами и отказывались от диалога, опасаясь Турции и других держав⁷⁷.

Ф. Фоскари связывал государственное развитие России с деятельностью императрицы и ее сподвижников⁷⁸. Дипломат обращал внимание на модернизацию флота и армии⁷⁹. Венецианский представитель отмечал, что среди как моряков, так и обслуживающего персонала присутствует значительное число иностранцев⁸⁰. Тем не менее власти готовили и национальные кадры. Ф. Фоскари хвалил мудрое решение Екатерины II о расширении инженерно-кадетского корпуса, отмечая создание в то же время и других военно-образовательных учреждений в столице⁸¹. Описание дипломата позволяет заключить, что Екатерина II стремилась к достижению автономии в подготовке военных и морских специалистов, создавая соответствующую для их обучения материальную базу.

Венецианский посланник в своих депешах освещал и вопросы внешней политики. Фоскари подчеркивал, что публикация декларации о «вооруженном нейтралитете» повысила международное влияние России⁸².

⁷⁵ Ibid. P. 9–10, 43–45.

⁷⁶ Ibid. 41–43.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 12.

⁷⁸ Dispacchi da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790. P. 43–45.

⁷⁹ Ibid. P. 45–47.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid. P. 29–31.

⁸² Ibid. P. 43–45.

Представитель республики фиксировал изменения и в дипломатических контактах Петербурга и Стамбула⁸³. Анализ внешней политики Российской империи в данном направлении позволял определить изменения в черноморском и средиземноморском регионах. Аристократия Венеции, придерживавшаяся принципа невмешательства и отказа от союзов, оценивала риски сохранения баланса сил в Европе.

Депеша Фоскари, направленная в Сенат в июле 1784 г., демонстрирует адаптивность венецианской внешней политики. Посланник указывал, что он довел до сведения Коллегии иностранных дел информацию о помиловании графа Дмитрия Мочениго и возможности беспрепятственно посещать республику⁸⁴. Венецианские инстанции приговорили графа с острова Закинф к изгнанию из-за его неповиновения приказам. Мочениго, игнорируя распоряжения местной администрации, оказывал поддержку русской эскадре, находившейся в Адриатическом море в период русско-турецкой войны⁸⁵. Фоскари подчеркивал, что стремление властей республики к справедливости и настойчивые ходатайства Екатерины II стали основаниями для вынесения данного решения⁸⁶. Правительство республики демонстрировало, что оно идет на уступки более сильной державе, стремясь поддерживать с ней хорошие отношения.

Обращение к материалам, касающимся Мочениго, позволяет исследовать реалии отношений Петербурга и Венеции. С.Р. Воронцов в депеше от 9 июня 1784 г. отмечал, что направлял мемориал в Сенат республики, но в течение двух месяцев так и не получил ответа. Дипломат указывал, что был вынужден подать новое ходатайство, подчеркивая: «<...> я почитаю сие неблагопристойным со стороны ее [республики] и непочтительным пред Ее Императорским Величеством»⁸⁷. В реляции от 16 июня посланник отмечал, что прокуратор Контарини вел долгую дискуссию с сенатором Ривой, добиваясь оправдания Мочениго. В итоге совещание проголосовало за помилование, соглашаясь с требованиями императрицы. Граф писал о противниках данного решения: «Возражающий [Рива] остался в посмеянии, как он то и заслуживал, были еще двое кои объявили, что будут спорить против требования России, но не смели и слова молвить по достойной неудаче Ривы, одним словом, кроме его и ему подобных, все наипочетнейшие члены сего правления непременно

⁸³ Ibid. P. 14–17, 18–22, 54–55.

⁸⁴ Ibid. P. 36.

⁸⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1879. С. 160–162.

⁸⁶ Disparci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790. P. 36–37.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 127. Л. 114.

усердствовали счастливому окончанию сего дела»⁸⁸. В ответе Сената Венеции на мемориал С.Р. Воронцова указывалось, что настойчивые просьбы Екатерины II были учтены в связи с особым расположением республики и желанием подчеркнуть свое дружеские отношения⁸⁹.

В России понимали, что декларации доброжелательности являлись неоднозначными. С одной стороны, сенаторы соглашались на компромиссы, но с другой — приходилось прикладывать значительные усилия для отстаивания своих интересов. В Коллегии иностранных дел учитывали поддержку части политиков, отстаивавших идею укрепления связей с Россией, но при этом фиксировали неустойчивость и внутренние противоречия в среде венецианской аристократии.

В депешах С.Р. Воронцова к А.А. Безбородко за период с июня по июль 1784 г. отражались примеры доброжелательного восприятия российской политики сенаторами. Влиятельные венецианские аристократы дали рекомендации посланнику, касавшиеся защиты интересов греческого населения в республике. Они советовали графу при подаче рекредитива непременно сослаться на волю императрицы, выразив ее пожелание о «сохранении спокойствия и духовной независимости своих единоверцев»⁹⁰. Дипломат констатировал: «Я с удивлением и радостью вижу, что важнейшие члены столь недоверчивого правления сами неосторожно предлагают нам способ привязать к себе несколько сот тысяч своих подданных»⁹¹. В инструкции С.Р. Воронцову также предписывалось защищать интересы православного населения в Венеции⁹². Петербургские сановники и их представители считали поддержку греческого населения стратегически важным фактором с учетом возможного военного конфликта с Османской империей.

В следующей реляции С.Р. Воронцов описывал А.А. Безбородко несправедливость венецианской администрации в отношении еще одного знатного грека, приверженного России, — господина Бенаки. Он также был арестован и лишен имущества. Граф подчеркивал, что эффективное достижение целей в условиях венецианской политической специфики возможно исключительно посредством давления и принуждения⁹³. Согласно наблюдениям дипломата, венецианская политическая элита оказывала почтение лишь тем государствам, которые, имея силу, владели

⁸⁸ Там же. Л. 129–130.

⁸⁹ Там же. Л. 134–135.

⁹⁰ Там же. Д. 128. Л. 26, 27.

⁹¹ Там же.

⁹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 13.

⁹³ Там же. 1784 г. Д. 128. Л. 30.

и искусством угроз и убеждения⁹⁴. С.Р. Воронцов приходил к выводу, что именно могущество и степень влияния являются первостепенными факторами выстраивания отношений с республикой.

Анализируя ситуацию, касающуюся Венеции, в своей заключительной реляции, посланник констатировал зависимость решений политиков от влияния венского двора. Опасность прямого столкновения с Австрийской монархией рассматривалась как главный риск для суверенитета республики⁹⁵. Нобилитет ненавидел и Францию, тем не менее аристократы рассматривали Париж как возможного партнера, скрыто враждующего с Габсбургами. Опасность столкновения с Веной не позволяла заключить с Версалем какого-либо соглашения. Войска из Франции в случае конфликта могли не успеть добраться до лагуны⁹⁶. В связи с этим венецианские нобили отвергали политический курс, предполагавший ограничение активности России в Адриатическом регионе, который навязывался Парижем⁹⁷. Сближение Венеции с одной из великих держав таило опасность открытой конфронтации с другой и угрожало разрушением сложившейся системы дипломатического равновесия, основанной на нейтралитете. В Коллегии иностранных дел стремились воспользоваться имеющимися противоречиями для реализации антитурецкой стратегии. Политическая элита Венеции в основном негативно оценивала интенции Российской империи и опасалась краха хрупкой республиканской структуры⁹⁸.

Посланник отмечал, что не все первые лица государства были настроены против России. Прокуратор собора Святого Марка Марк Морозини, имевший авторитет в Венеции, отстаивал в Сенате идею тесного сотрудничества с Петербургом. Его политическим оппонентом выступал прокуратор Андреа Трон, определявший внешнеполитический курс Республики⁹⁹. Если Морозини предлагал еще до русско-турецкой войны (1768–1774) содействовать России, то Трон стремился сохранять хорошие отношения с Веной, которая тогда противостояла Петербургу. Сенат поддержал позицию Трона, опасаясь недовольства Австрийской монархии, тесно граничившей с республикой. С.Р. Воронцов отмечал, что Морозини, несмотря на поражение, продолжал придерживаться курса на российско-

⁹⁴ Там же. Л. 31.

⁹⁵ Там же. Л. 38.

⁹⁶ Там же. Л. 39.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica. P. 585.

венецианское сближение¹⁰⁰. Граф также в одной из депеш указывал, что прокуратор Морозини поддерживал декларацию о «вооруженном нейтралитете», отмечая важность данного проекта для народов мореплавателей¹⁰¹. Дипломат обращал внимание на фракционность в среде высшего патрициата Венеции. Разобщенность венецианской правящей элиты по вопросам внешней политики формировала предпосылки для эффективного продвижения Российской империей своих политических интересов.

История отношений России и Венеции насчитывала не одно столетие. Тем не менее установление полноформатных дипломатических отношений с взаимной аккредитацией постоянных представителей состоялось лишь в 1780-х гг. Формирование систематических контактов задерживалось из-за эпизодического характера политического и экономического взаимодействия государств. Проблемы в Центральной и Северной Европе не давали возможности Петербургу сконцентрировать достаточное внимание и силы на южном направлении. Утверждение «Петербургской международной системы» в результате успешной русско-турецкой войны (1768–1774) позволило России расширить сферу своих интересов до Средиземного моря и, в частности, Адриатического. Реализация геополитических интересов в условиях соперничества с Османской империей, Французской и Австрийской монархиями обуславливала необходимость выстраивания союзнических отношений с независимыми государствами в регионе. Согласие Венеции обменяться посольствами оценивалось русским двором как основа для потенциального военно-политического альянса. Россия одновременно хотела сотрудничать и с элитой республики, и с ее греческим населением, решая свои стратегические задачи в противостоянии с Портой. Правящая элита Венецианской республики, озабоченная растущим влиянием Российской империи и потенциальными угрозами со стороны сопредельных государств, направляла усилия на сохранение существующего порядка и удержание контроля над колониальными владениями. Греки же добивались религиозной автономии и политической независимости.

Российская империя вынашивала амбициозные проекты в начале 1780-х гг. по созданию союза с некогда великой морской державой — Венецианской республикой. Приоритетной задачей имперских властей являлось создание военно-морских баз в Адриатическом море и обеспечение их эффективного функционирования для противостояния турецкому влиянию. В Петербурге предполагали убедить политическую элиту

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 39.

¹⁰¹ Там же. Д. 127. Л. 47.

восстановить прежнее величие, опираясь на военно-политическую мощь России. Установление прямых двусторонних дипломатических контактов рассматривалось в качестве условия для успешной реализации данного проекта. Часть венецианской аристократии поддерживала перспективы совместного взаимодействия и сотрудничества. Преобладающая часть сенаторов придерживалась внешнеполитической стратегии, которая предполагала либо формирование альянсов с монархией Габсбургов или Францией, либо строгое соблюдение принципов нейтралитета. Прева-лирование данных позиций в среде венецианских политиков свидетельствовало о том, что внешнеполитические амбиции Российской империи являются малореализуемыми в сложившихся политических реалиях.

Благодарности

Выражаю благодарность всем коллегам из центра «Россия в международных отношениях» ИРИ РАН за ценные советы и замечания во время подготовки статьи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Анисимов М.Ю. *Российская дипломатия и Семилетняя война*. М.: Академический проект, 2020. 885 с.
Anisimov M.Yu. *Russian diplomacy and the Seven Years' War*. Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. 885 p. (in Russ.).
2. Берти Д. *Россия и итальянские государства в период Рисорджименто*. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 746 с.
Berti D. *Russia and the Italian States in the Risorgimento period*. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1959. 746 p. (in Russ.).
3. Велижев М.Б. Итальянские государства и Россия в годы русско-ту-рецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика, в: *Россия в Сре-*

диземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Общ. ред.: Е.Б. Смилянская. М.: Индрик, 2011. С. 219–282.

Velizhev M.B. The Italian States and Russia in the period of the Russo-Turkish War (1768–1774): Diplomacy and politics, in: *Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great* / Ed. by E.B. Smilyanskaya. Moscow: Indrik, 2011. P. 219–282 (in Russ.).

4. Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семён Романович Воронцов. Биография. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Политехника Сервис, 2020. 446 с.

Vorontsov-Dashkov A.I., Mikeschin M.I. *Semyon Romanovich Vorontsov. Biography*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy tsentr istorii idey; Politekhnika Servis, 2020. 446 p. (in Russ.).

5. Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред.: С.Я. Карп. М.: Наука, 2013. 787 с.

World history. Vol. 4: The World in the 18th century / Ed. by S.Ya. Karp. Moscow: Nauka, 2013. 787 p. (in Russ.).

6. Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в., в: *От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века*. СПб.: ЦГИ Принт, 2015. С. 143–179.

Grebenshchikova G.A. Russia in the system of international relations in the second half of the 18th century, in: *From tsardom to empire. Russia in the systems of international relations. The second half of the 16th – beginning of the 20th century*. St. Petersburg: TsGI Print, 2015. P. 143–179 (in Russ.).

7. Гребенщикова Г.А. Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов, в: *Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начало XX века* / Отв. ред.: А.В. Виноградов. М.: Международные отношения, 2021. С. 182–221.

Grebenshchikova G.A. Russia at the Teschen Congress of 1778–1779, in: *Russia at international forums and congresses of the 17th – beginning of the 20th century* / Ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. P. 182–221 (in Russ.).

8. *Дипломатический словарь* / Гл. ред.: А.А. Громько и др. М.: Наука, 1985. Т. 1. 424 с.

Diplomatic dictionary / Ed. by A.A. Gromyko et al. Moscow: Nauka, 1985. Vol. 1. 424 p. (in Russ.).

9. Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. М.: Центрполиграф, 2013. 188 с.

- Zakharova O.Yu. *Life and diplomatic activities of Count S.R. Vorontsov*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 188 p. (in Russ.).
10. *История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона)*. М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
History of Russian foreign policy. 18th century (from the Great Northern War to Russia's wars against Napoleon). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 304 p. (in Russ.).
11. Канделоро Д. История современной Италии. Т. 1. Истоки Рисорджименто. 1770–1815 / Пер. с итал.: Т.С. Золочевская и др. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 522 с.
Candeloro D. *The history of modern Italy. Vol. 1. The History of the Risorgimento. 1770–1815* / Transl. from Ital. by T.S. Zolochevskaya et al. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1958. 522 p. (in Russ.).
12. Лейн Ф. *Золотой век Венецианской республики* / Пер. с англ.: Л.А. Игоревский. М.: Центрполиграф, 2017. 607 с.
Lane F. *The Golden Age of the Republic of Venice* / Transl. from Eng. by L.A. Igorevsky. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 607 p. (in Russ.).
13. Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013;(2):64–74.
Matasova T.A. Russian envoys in Venice at the turn of the 15th–16th centuries (according to Marino Sanuto). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2013;(2):64–74 (in Russ.).
14. Министр, в: *Словарь Академии российской*. Ч. IV. СПб., 1793. С. 139.
Minister, in: *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. Part IV. St. Petersburg, 1793. P. 139 (in Russ.).
15. Петрова М.А. *Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790*. М.: Наука, 2011. 419 с.
Petrova M.A. *Catherine II and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union, 1780–1790*. Moscow: Nauka, 2011. 419 p. (in Russ.).
16. Пряшников М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества*. 2012;(15):117–133.
Pryashnikova M.P. S.R. Vorontsov in Venice: The beginning of a diplomatic career. *Vorontsovy — dva veka v istorii Rossii. Trudy Vorontsovskogo obshchestva*. 2012;15:117–133 (in Russ.).

17. Родина Т.А. Воронцов Семён Романович, в: *Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2023)*. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316
Rodina T.A. Vorontsov Semyon Romanovich, in: *Bol'shaya russiyskaya entsiklopediya. Elektronnaya versiya (2023)*. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316 (in Russ.).
18. Смилянская Е.Б. Заключение, в: *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Общ. ред.: Е.Б. Смилянская. М.: Индрик, 2011. С. 477–482.*
Smilyanskaya E.B. Conclusion, in: *Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great / Ed. by E.B. Smilyanskaya. Moscow: Indrik, 2011. P. 477–482 (in Russ.)*.
19. Стегний П.В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России. *Новая и новейшая история*. 2002;(4):112–118.
Stegniy P.V. Once again about the Greek project of Catherine II. New documents from the AVPRI of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2002;(4):112–118 (in Russ.).
20. Уляницкий В.А. *Русские консульства за границей в XVIII в.: Ч. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. 1552 с.*
Ulyanitsky V.A. *Russian consulates abroad in the 18th century: Part 1*. Moscow: Printing house of G. Lissner and A. Geschel, 1899. 1552 p. (in Russ.).
21. Фадеева Т.М. Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в: *Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха / Ред.: Л.В. Тычинина и др. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. С. 237–251.*
Fadееva T.M. Greek project in the faces: Marquis P. Maruzzi, Princess Z. Gika, brothers A.G. and F.G. Orlov in the Russian-Turkish war of 1768–1774, in: *E.R. Dashkova in the circle of contemporaries: Historical figures and epoch / Ed. by L.V. Tychinina et al. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2013. P. 237–251 (in Russ.)*.
22. Черкасов П.П. *Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М.: Наука, 2004. 528 с.*
Cherkasov P.P. *Catherine II and Louis XVI. Russian-French relations, 1774–1792*. Moscow: Nauka, 2004. 528 p. (in Russ.).
23. Ястребов А.О. Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход. *Вестник МГИМО-Университета*. 2021;14(6):172–190.

- Yastrebov A.O. Venetian direction of Peter I's foreign policy and the Prut campaign. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021;14(6):172–190. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190>
24. *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790* / Ed. G. Doria. Venezia: La Malcontenta, 1993. 251 p.
Dispatches from Petersburg by Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. by G. Doria. Venice: La Malcontenta, 1993. 251 p. (in Ital.).
25. *La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica* / Ed. G. Cozzi, M. Knapton. Torino: UTET, 1992. 695 p.
The Republic of Venice in the modern age. From 1517 to the end of the Republic / Ed. by G. Cozzi, M. Knapton. Turin: UTET, 1992. 695 p. (in Ital.).
26. Longworth P. Russian-Venetian relations in the reign of Tsar Aleksey Mikhailovich. *The Slavonic and East European Review*. 1986:64(3):380–400.
27. Panciera W. *La Repubblica di Venezia nel Settecento*. Roma: Viella, 2014. 178 p.
Panciera W. *The Republic of Venice in the 18th century*. Rome: Viella, 2014. 178 p. (in Ital.).
28. Preto P. *Venezia e i Turchi*. Roma: Viella, 2013. 374 p.
Preto P. *Venice and the Turks*. Rome: Viella, 2013. 374 p. (in Ital.).
29. Tobacco G. *Andrea Tron e la crisi dell'aristocrazia senatoria a Venezia*. Seconda ed. Udine: Del Bianco, 1980. 229 p.
Tobacco G. *Andrea Tron and the crisis of the senatorial aristocracy in Venice*. 2nd ed. Udine: Del Bianco, 1980. 229 p. (in Ital.).

Дмитрий Игоревич Гоц
Dmitry I. Gots

кандидат исторических наук, младший
научный сотрудник центра «Россия
в международных отношениях»
Института российской истории
Российской академии наук

C.Sc. (History), Junior Research Associate,
Center «Russia in International Relations»,
Institute of Russian History, Russian
Academy of Sciences

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
15.12.2025

DOI: 1111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Е.В. Савченко

*Институт российской истории РАН, исторический факультет МГУ,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: liza-savchenko@mail.ru*

Формирование южной границы Елисаветградской провинции Новороссийской губернии в 1764–1775 гг.

Аннотация

В данной статье исследуются вопросы установления южной границы Елисаветградской провинции Новороссийской губернии, а также размежевания территорий губернии и земель Запорожской Сечи. Само создание в марте 1764 г. Новороссийской губернии стало важным шагом на пути постепенного преобразования южных территорий Российской империи. Во второй половине XVIII в. Поднепровье представляло собой регион, в котором сосуществовали весьма разнообразные территориальные образования (малороссийские полки, сербские поселения, Запорожская Сечь и др.), которые не всегда имели четко очерченные границы. По этой причине вопрос определения границ Новороссийской губернии имел большую значимость. Так, южная граница Новороссийской губернии фактически должна была стать северной границей Запорожской Сечи. Южная граница правобережной Елисаветградской провинции (с которой и началось создание Новороссии) определялась

по карте, утвержденной императрицей. Поскольку сама карта в составе Полного собрания законов Российской империи не сохранилась, а в законодательных актах описание границы отсутствует — вопрос определения местоположения южной границы и, соответственно, полного состава территорий Елисаветградской провинции Новороссийской губернии долгое время оставался за рамками внимания исследователей. Анализ картографических материалов второй половины XVIII в. из коллекций РГАДА, РГВИА, БАН и ГИМ позволил установить, как именно должна была проходить эта граница, а также выявить ряд проблем, с которыми новороссийской администрации пришлось столкнуться при попытках реального разграничения территорий Новороссийской губернии и Запорожской Сечи на местности. Картографические материалы способны также дать представление об итогах внутреннего размежевания территорий Елисаветградской провинции за первые 10 лет ее существования.

Ключевые слова:

историческая картография; Екатерина II; Новороссийская губерния; А.П. Мельгунов; Елисаветградская провинция; Запорожская Сечь

Для цитирования:

Савченко Е.В. Формирование южной границы Елисаветградской провинции Новороссийской губернии в 1764–1775 гг. // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 98–119. DOI: 111111111111111111

Elizaveta V. Savchenko

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Faculty
of History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: liza-savchenko@mail.ru*

Formation of the Southern border of the the Elisavetgradskaya Province of the Novorossia Governorate in 1764–1775

Abstract

This article examines the establishment of the southern border of the Elisavetgrad Province of the Novorossiya Governorate, as well as the delimitation of the territories of the governorate and the lands of the Zaporozhian Sich. The creation of the Novorossiya Governorate in March 1764 marked an important step in the gradual transformation of the southern territories of the Russian Empire. In the second half of the eighteenth century, the Dnieper region (Podneprovye) was a space in which a wide variety of territorial formations coexisted (Little Russian regiments, Serbian settlements, the Zaporozhian Sich, etc.), which did not always have clearly defined borders. For this reason, the issue of defining the boundaries of the Novorossiya Governorate was of considerable importance. In particular, the southern border of the Novorossiya Governorate was effectively intended to become the northern border of the Zaporozhian Sich. The southern boundary of the Right-Bank Elisavetgrad Province (from which the formation of Novorossiya began) was determined according to a map approved by the Empress. Since the map itself has not been preserved in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, and no description of the border exists in legislative acts, the question of the precise location of the southern boundary—and, consequently, the full territorial composition of the Elisavetgrad Province of the Novorossiya Governorate—long remained outside the focus of researchers. The analysis of cartographic materials from the second half of the eighteenth century held in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Military-Historical Archive, the Library of the Academy of Sciences, and the State Historical Museum makes it possible to reconstruct the intended course of this boundary, as well as to identify a number of problems faced by the Novorossiyan administration in attempting to implement the actual delimitation of territories between the Novorossiya Governorate and the

Zaporozhian Sich on the ground. These cartographic materials also provide insight into the results of the internal territorial division of the Elisavetgrad Province during the first ten years of its existence.

Keywords:

Historical cartography; Catherine II; the Novorossia Governorate; A.P. Melgunov; the Elisavetgradskaya province; Zaporozhian Sich

For citation:

Elizaveta V. Savchenko. Formation of the Southern border of the the Elisavetgradskaya Province of the Novorossia Governorate in 1764–1775 // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 98–119. DOI:!!!!!!!!!!

По указу императрицы Екатерины II 22 марта 1764 г. была основана новая губерния, названная Новороссийской. Создание в районе Среднего Поднепровья Новороссийской губернии стало частью правительственного замысла по переустройству системы управления южными территориями¹, а также первым шагом екатерининского правительства на пути к интеграции Северного Причерноморья в состав Российской империи. Губерния формировалась из территорий Новой Сербии — поселения елизаветинского времени, расположенного на правом берегу Днепра, в районе его притока Омельника. В июне 1764 г. новая губерния вобрала в себя также и территории Славяносербии, сербского поселения на левом берегу Днепра в междуречье Северского Донца и его притоков Бахмута и Лугани. В Новороссийскую губернию была также включена Украинская укрепленная линия. Новороссия была призвана стать новым оплотом государственной власти в Поднепровье. Сам факт возникновения новой административно-территориальной единицы был крупным явлением, в течение сорока лет после петровских преобразований была образована всего одна губерния — Оренбургская в 1744 г.

Новороссийская губерния территориально была встроена в регион довольно сложного сплетения разнообразных административных

¹ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. С. 16.

и территориальных образований. На западе она граничила с Польшей, на севере с малороссийскими полками с гетманским управлением, на востоке с губерниями Российской империи — Воронежской и Белгородской. На юге же Новороссия граничила с Войском Запорожским, имевшим свое традиционное военное устройство. В условиях подобной пестроты административного устройства региона вопрос определения границ Новороссийской губернии имел большую важность.

Запорожская Сечь в 1764 г. формально находилась под гетманским управлением, Новороссийская губерния, таким образом, вклинивалась между малороссийскими полками и запорожскими поселениями, образуя разрыв между территориями, за которые отвечал гетман. Вопрос четкого определения границ новой губернии являлся, в том числе, вопросом определения территориальных границ полномочий новороссийского главного командира и малороссийского гетмана.

Наибольшее количество вопросов вызывает южная граница Новороссийской губернии, отделявшая ее от территории Запорожской Сечи. Запорожская Сечь в состав новой губернии не включалась, при этом границы земель запорожского казачества ранее не были четко определены. С юга Запорожская Сечь была ограничена линией, установленной по русско-турецкой межевой записи 1705 г., которая проходила от впадения Синюхи в Южный Буг до впадения Каменки в Днепр². На севере запорожские казаки соседствовали с сербскими поселенцами, однако четкого разделения земель Сечи с Новой Сербией не проводилось. Таким образом, вопрос о южной границе Новороссийской губернии интересен сразу по нескольким аспектам — эта линия должна была провести окончательные территориальные рамки Запорожской Сечи, а также определить пределы, на которые распространялась власть губернской администрации.

Новороссийская губерния состояла из двух провинций — Елисаветградской на правом берегу Днепра и Екатерининской на левом. Первоначально Новороссийская губерния возникла на правобережье — в состав Елисаветградской провинции сразу же оказались включены Новая Сербия и Новослободский казачий полк, а также Орловский шанец. Екатерининская провинция, в которую вошли Славяносербия, Бахмут и Украинская укрепленная линия, была образована на левом берегу Днепра несколько позднее. Начать рассмотрение вопроса становления южной границы Новороссии хотелось бы с Елисаветградской провин-

² Эварницкий Д.И. История Запорожских козаков. Т.1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. С. 4–5.

ции, так как она являлась той областью, где изначально возникла Новороссийская губерния. Кроме того, в 1760-х — первой половине 1770-х гг. Елисаветградская провинция заселялась и осваивалась более активными темпами, чем Екатерининская³. Вопросы становления территории Новороссийской губернии, разумеется, оказывались в поле зрения исследователей. Процесс складывания ее территорий на первом этапе формирования (1764–1775 гг.) в общих чертах рассматривали В.М. Кабузан⁴ и Е.И. Дружинина⁵, однако детального исследования того, как именно определялись границы Новороссийской губернии, ранее не проводилось. В трудах по истории Запорожской Сечи⁶ («История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» А.А. Скальковского, «Запорожское казачество» В.А. Голобуцкого и др.) при описании взаимоотношений между запорожцами и Новороссийской губернией вопрос разграничения их территорий также подробно не рассматривался.

На протяжении XVIII в. статус запорожского казачества в Российской империи неоднократно менялся. При Петре I запорожцы существовали в формате Чертомлыкской Сечи (военно-территориального образования с центром на острове Чертомлык), однако после того как запорожцы поддержали мятежного гетмана Мазепу в 1708–1709 гг., они оказались изгнаны за пределы страны. В 1733 г. императрица Анна Иоанновна даровала Войску Запорожскому «простительную грамоту», которая позволила запорожским казакам вернуться в российское подданство⁷. При этом вопрос территориального расположения новой Запорожской Сечи в грамоте не затрагивался. В 1734 г. запорожцы вернулись на территории Нижнего Поднепровья и образовали в устье реки Подпольной Новую Сечь. На картографических материалах середины XVIII в. отмечают «слободы и зимовники запорожских казаков» на до-

³ Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века. М.: Наука, 1976. С. 102.

⁴ Указ. соч.

⁵ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 279 с.

⁶ Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Ч. 1–3. Одесса: Гор. тип., 1842–1846.

Эварницкий Д.И. История Запорожских казаков. Т. 1–3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892–1897.

Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев: Госполитиздат УССР, 1957. 462 с. Голобуцкий В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування 1734–1775. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1961. 416 с.

⁷ Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Ч. 1–3. Одесса: Гор. тип., 1842–1846. С. 52.

вольно обширных пространствах по обоим берегам Днепра⁸. В административном отношении Запорожская Сечь была подчинена сначала киевскому генерал-губернатору⁹, а затем, после возрождения в 1750 г. гетманства, Войско Запорожское было переведено под ведомство гетмана. С 1765 г., когда гетманство было упразднено, запорожцы были отнесены к ведомству Малороссийской коллегии. В вопросах разграничения местные власти исходили из принципа подчиненности населения и итогов колонизационных процессов. С возникновением Новороссийской губернии неизбежно возникал конфликт территориального и ведомственного подходов к управлению территориями.

В административно-территориальном отношении в середине XVIII в. Новая Сечь делилась на восемь паланок: Кодацкую, Бугогардовскую и Ингульскую на правом берегу Днепра; Протовчанскую, Орельскую, Самарскую, Калмиусскую, Прогноинскую на левом¹⁰. На правом берегу Днепра в территорию новой губернии частично попадали поселения Бугогардовской и, возможно, Кодацкой паланок.

Статус таких поселений был до конца не ясен — по территориальному признаку они относились к новообразованной губернии, но при этом могли сохранять подчинение Запорожской Сечи. В своих рапортах А.П. Мельгунов сообщал о значительном количестве таких поселений¹¹. Для решения их спорного положения в том числе был важен вопрос размежевания земель между Новороссийской губернией и землями Войска Запорожского.

В законодательных актах, утверждавших создание Новороссийской губернии, отсутствует четкое описание ее южного рубежа. Высочайше утвержденный доклад от 22 марта 1764 г. описывает следующий участок границы Елисаветградской провинции Новороссийской губернии: «представляемый в подносимой карте угол земли к нынешней границе Новосербскаго селения, от верховья реки Ингул косою линиею до местечка Орел, лежащаго у Польской границы при реке Синюхе, так как

⁸ Карта малороссийских и слободских полков, також Новороссийской губернии со смежными их землями, подписанная обер-квартирмейстером Магнусом фон Ренне в 1764 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16194); Пограничная карта Российской и Турецкой империи и Польши, сочиненная по новейшим известиям при Академии наук адъютантом Я.Ф. Шмидтом. 1769 г. (ГИМ. Отдел изобразительных материалов/Архитектурной графики ИА 311/73).

⁹ Голобуцкий В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування 1734–1775. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1961. С. 74–75.

¹⁰ Эварницкий Д.И. История Запорожских козаков. Т.1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. С. 202–205.

¹¹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Ед. хр. 793. Л.11–12.

Рис. 1. Новороссийская губерния на карте малороссийских и слободских полков 1764 г.
РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16194

на поднесенной карте красною линиею назначено»¹². Другой информации о положении границы в докладе не содержится, но из этого фрагмента следует, что граница утверждалась по специальной карте, которая прилагалась к докладу. Таким образом, в данном случае создание карты предшествовало возникновению и формированию административно-территориальной единицы. Сами карты, определявшие границы Новороссийской губернии, в состав Полного собрания законов Российской империи не вошли.

Восстановить примерный облик южной границы Новороссийской губернии можно, обратившись к картографическим материалам 1760-х — начала 1770-х гг.

Одним из наиболее ранних картографических источников является «Карта малороссийских и слободских полков, також Новороссийской губернии»¹³ (см. рис.1). Судя по тому, что на ней присутствуют одновременно Новороссия и Славяносербия, она отражает короткий промежуток в истории Новороссийской губернии после ее учреждения в марте 1764 г.¹⁴ и до включения в ее состав Славяносербии в июне 1764 г.¹⁵ Южная граница губернии на правом берегу Днепра представляет собой почти прямую линию, которая начинается от междуречья рек Сухой Ташлык и Черный Ташлык, пересекает верховья реки Ингул, реку Ингулец в месте впадения в нее реки Верблюжка и далее идет по течению реки Самоткань до впадения ее в Днепр. В границы губернии

¹² ПСЗРИ. Т. XVI. № 12099 от 22 марта 1764 г. С. 659.

¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп.16. № 16194.

¹⁴ ПСЗРИ Т. XVI. № 12099 от 22 марта 1764 г.

¹⁵ ПСЗРИ Т. XVII. № 12180 от 11 июня 1764 г.

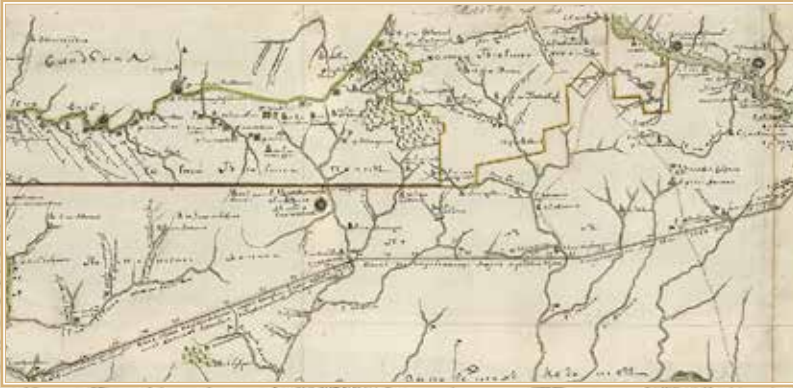

Рис. 2. Елисаветградская провинция на карте Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями (после 22 марта 1764 г.). РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Екатеринославской губернии. № 2. Ч. 2. После 22 марта 1764 г.

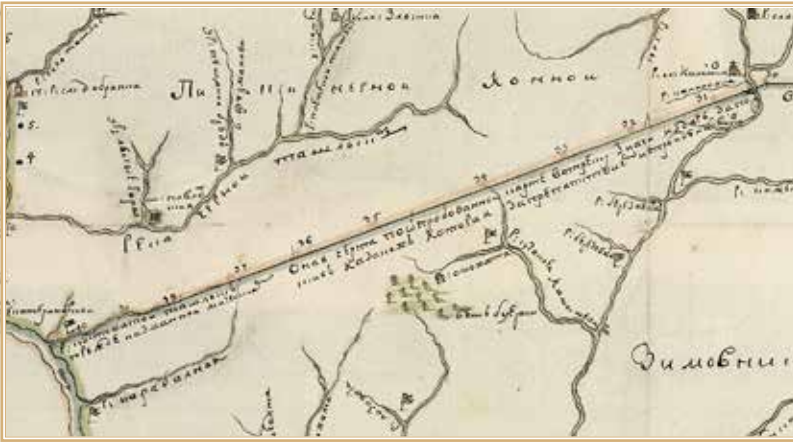

Рис. 3. Подпись к южной границе на карте Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями (после 22 марта 1764 г.). РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Екатеринославской губернии. № 2. Ч. 2. После 22 марта 1764 г.

Рис. 4. Подпись к южной границе на карте Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями (после 22 марта 1764 г.). РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Екатеринославской губернии. № 2. Ч. 2. После 22 марта 1764 г.

при этом не был включен тот самый «угол земли к нынешней границе Новосербского селения», от местечка Орел у реки Синюхи до верховья Ингула. Карта, вероятно, предназначалась для использования полковой администрацией, ее основной целью было изображение малороссийских и слободских полков, что может объяснить неточности в описании границ Новороссии.

Сохранилось также несколько рукописных карт, изображающих отдельно Елисаветградскую провинцию Новороссийской губернии, которые могут послужить источниками для уточнения границ губернии на правом берегу Днепра. На «карте Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями»¹⁶ граница уже не представляет собой настолько прямую линию, она начинается от реки Мигейский Ташлык, затем поднимается севернее к верховьям Ингула, пересекает Ингул между двумя его притоками — Сугаклеей (современная р. Сугоклия) и Каменкой, далее граница пересекает Ингулец в районе его притока — Верблюжки, затем пересекает верховья реки Саксаган — одного из притоков Ингульца, доходит до реки Самоткань и далее по руслу этой реки до впадения Самоткани в Днепр. На данной карте Елисаветградской провинции пограничная линия сопровождается подписями — от Орла до верховья Ингула «оная черта по опробованной»¹⁷ карте в отрезку значит из дач запорожских казаков которая за препятствием непройдена», от верховья Ингула до впадения Самоткани в Днепр — «вновь по опробованной карте пройдена черта и признаками означена 1764 году» (см. рис. 2–4). Стоит отметить, что данная карта сохранилась в архиве в двух рукописных копиях¹⁸. Обе карты идентичны по содержанию и формату и обладают небольшим размером (~37x28 см), который мог быть весьма удобен для транспортировки и использования на местах. Высочайше опробованная карта, утвердившая границы новой губернии, не могла быть создана всего в одном экземпляре, новороссийская администрация для понимания границ управляемой губернии также должна была пользоваться образцами такой карты. Исходя из этого, можно сделать осторожное предположение о том, что обе рассматриваемые карты — 2. ч. 1 и 2. ч. 2 могут являться копиями той самой исходной карты, которая прилагалась к Высочайше утвержденному докладу.

¹⁶ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губ. № 2. Ч. 2, после 22 марта 1764 г.

¹⁷ В значении «утвержденной».

¹⁸ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губ. № 2. Ч. 1, после 22 марта 1764 г.

Рис. 5. Елисаветградская провинция на карте Елисаветградской и Екатерининской провинций 1767 г.
ГИМ. Отдел картографии. ГО-4381/11

«Карта всей Елисаветградской и Екатерининской провинций дачь також прикосновенных двух государств в смежности владениев»¹⁹ 1767 г. (см. рис. 5) изображает южный рубеж Новороссии схожим образом с картой «Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями»²⁰.

Важным источником, относящимся ко времени руководства губернией Ф.М. Воейковым, является «Карта Новороссийской губернии Елисаветградской провинции с показанием во оной вновь поселенных запорожцами слобод и зимовников тож и поставленных от них в немалом числе команд, также поселений черного, желтаго и молдавскаго гусарских и пикинерных полков и учрежденных карантингов от крымской и полской»²¹ 1773 г. (см. рис. 6–8). Источник этот позволяет представить примерную картину расселения запорожских слобод на границе Елисаветградской провинции Новороссийской губернии. В самом названии карты запорожские слободы и зимовники обозначены как «вновь поселенные», возможно, здесь подразумевается, что эти населенные пункты пострадали от разрушительного татарского похода 1769 г. и впоследствии смогли восстановиться. В названии карты также упомянуто, что против этих поселений ставятся команды «в немалом числе», таким образом, запорожские поселения могли представлять собой некую угрозу для населения и администрации Новороссийской губернии.

¹⁹ ГИМ. Отдел картографии. ГО-4381/11.

²⁰ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губ. № 2. Ч. 2, после 22 марта 1764 г.

²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 19147.

Рис. 6. Карта Новороссийской губернии Елисаветградской провинции 1773 г.
 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 19147

Рис. 7. Легенда к карте Новороссийской губернии
 Елисаветградской провинции 1773 г.
 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 19147

Рис. 8. Запорожские слободы на карте Новороссийской губернии
 Елисаветградской провинции 1773 г.
 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 19147

На карте обозначены запорожские слободы, зимовники, поселенные в Елисаветградском пикинерном полку, и места расположения запорожских команд. С запада на восток вдоль границы поселения эти располагались следующим образом: в районе впадения Синюхи в Южный Буг в пределах границы Елисаветградской провинции недалеко от Екатерининского шанца находились «слобода Запорожская» и запорожские команды. Далее за рекой Большой Ингул, на месте истока Малой Каменки из Голой Каменки прямо на линии границы располагались слобода Запорожская Каменка с запорожскими командами. Невдалеке от Запорожской Каменки на неназванном притоке Малого Ингульца (судя по всему — на реке Верблюжке) на линии границы располагалась крупная слобода «Запорожская Верблюжка». Несколько восточнее, на месте пересечения линии границы с рекой Малый Ингулец стояли запорожские команды, а южнее по реке за пределами границы располагалась слобода «Запорожская Петрова». В месте, где граница пересекала реку Комиссаровку, внутри границы располагались запорожские команды, а непосредственно на линии находилась весьма крупная слобода «Запорожская Камисарка». В восточной части провинции вдоль правого берега Днепра, судя по данной карте, находились зимовники, поселенные в Елисаветградском пикинерном полку: зимовники Евтуха Канелевского, Саманлы носа, Романа Похила, Платнировского Дениса Стуканого, Мишастовского Григория Шунги, казака солдата, войскового старшины Макара Нагая.

Похожие надписи под южной линией содержит также «карта Новороссийской губернии Елисаветградской провинции» 1774 г.²² (см. рис. 9), южная граница на ней соответствует тому, как она была проведена на предыдущих картах. Пограничная линия сопровождается двумя надписями, на отрезке от Южного Буга до Ингула написано «оная черта по опробованной карте в отрезку значит из дачь запорозских козаков которая за препятствием от ных в натуре не проидена», а на отрезке от Ингула до Самоткани «оная черта по опробованной карте 1764 году безпрепятственно проидена и владеема была по ___ год безспорно» (см. рис. 9–11).

Кроме того, на эту же линию ссылается и более поздний источник — «карта представляющая Азовскую и Новороссийскую губернии, с показанием смежных к оным земель» 1778 г.²³ Несмотря на то, что карта отображает Новороссийскую губернию уже в совершенно новом состоянии и новых границах после преобразований 1775 г., на ней отмечена линия,

²² БАН. Карт. осн. 565.

²³ РГАДА. Ф. 192. Оп.1. Екатеринославская губ. № 4.

Рис. 9. Фрагмент карты Новороссийской губернии
Елисаветградской провинции 1774 г.
БАН. Карт. осн. 565

Рис. 10. Текст под линией границы от Южного Буга до Ингула на карте
Новороссийской губернии Елисаветградской провинции 1774 г.
БАН. Карт. осн. 565

Рис. 11. Текст под линией границы от Ингула до Самоткани на карте
Новороссийской губернии Елисаветградской провинции 1774 г.
БАН. Карт. осн. 565

соответствующая границе Елисаветградской провинции на вышеозначенных картах, с подписью «апробованная черта в 764 году к разделению земель Елисаветградской провинции и бывших запорожских козаков» (см. рис. 12). Линия эта и после расширения земель Новороссийской губернии до берегов Черного моря осталась, судя по данной карте, границей Елисаветградской провинции. Это может свидетельствовать о том, что такое разделение земель оказалось устойчивым, по крайней мере, на картах.

Рис. 12. Елисаветградская провинция на фрагменте карты Новороссийской и Азовской губерний 1778 г.
РГАДА. Ф. 192. Оп.1. Карты Екатеринославской губернии. № 4

В то же время важно отметить, что составители двух карт Елисаветградской провинции (карты, составленной после 22 марта 1764 г., и карты 1774 г.) упоминают о том, что казаки препятствовали прохождению границ. Эти свидетельства указывают на то, что утвержденные на картах границы на практике не соблюдались, а также на то, что запорожцы сопротивлялись проведению картографических измерений территорий, смежных с местами их обитания.

Сведения о дальнейшем развитии ситуации с южным рубежом губернии можно почерпнуть из отчетов Ф.М. Воейкова, который занимал пост главного командира Новороссийской губернии с 1767 по 1774 г., т.е. вплоть до начала потемкинских преобразований этих земель.

В 1767 г., вступив в должность главного командира Новороссийской губернии, Федор Воейков отправился инспектировать состояние вверенных ему земель. К декабрю 1767 г. он объехал всю Елисаветградскую провинцию и практически половину Екатеринославской, о чем 12 декабря 1767 г. рапортовал императрице²⁴.

В данном рапорте он сообщал о том, что, несмотря на то, что граница между Елисаветградской провинцией и землями Войска Запорожского определена по опробованной карте (имея в виду ту самую карту, прилагавшуюся к высочайше утвержденному докладу 1764 г. о создании Новороссийской губернии), на пограничных территориях регулярно возникали споры между местным населением и запорожским казачеством. Одной из причин такого количества споров на границе Воей-

²⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 792. Л. 4–9 об.

ков считал неосведомленность казачества в особенностях пролегания границы. Он пишет о том, что после учреждения Новороссийской губернии в 1764 г. о новых границах запорожцам должен был сообщить гетман, однако Воейкову было неизвестно — действительно ли гетман уведомил Запорожский Кош. Для разрешения этой ситуации Воейков просил «конечное единожды разграничение утвердить», что в его понимании означало окончательно донести до Запорожского Коша сведения о том, как должна была проходить граница согласно карте²⁵.

Императрица отложила принятие каких бы то ни было решений до того времени, пока не будет предоставлен отчет о состоянии всей губернии целиком, однако, в итоге, до масштабной реорганизации губернии в 1774–1775 гг. по данному вопросу существенных мер принято не было.

Освоение территорий Новороссийской губернии проходило согласно «Плану о раздаче казенных земель к заселению». Свой участок земли в наследственное владение мог получить любой свободный человек, переселившись в эти земли или поступив на военную службу. Пограничное положение южных земель предполагало необходимость сочетания в Новороссийской губернии военного и административного управлений. На этих территориях предполагалось создание поселенных полков, которые могли бы решать сразу две задачи — заселение этих земель и обеспечение их обороноспособности. В Елисаветградской провинции с самого начала планировалось разместить три полка — Черный и Желтый гусарские полки и Елисаветградский пикинерный полк. Позднее к ним добавился и Молдавский полк. Бывшее Новосербское поселение предполагалось разделить на 70 округов — 52 для военнослужащих, 2 для городских жителей и 16 для раскольников, иностранцев и российских выходцев из-за границы. В каждом округе должно было быть до 19 тыс. десятин земли²⁶. «План» подробно описывал новую внутреннюю структуру этого региона, а также размеры земельных наделов, при этом в Елисаветградской провинции изначально существенно большее количество территориальных округов предполагалось именно для военных поселений.

Картографические источники также способны дать представление о внутреннем устройстве Елисаветградской провинции. Так, на «карте

²⁵ Бессарабова Н.В. Управление Новороссией и административные преобразования в крае в последней трети XVIII в. // История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. Российское историческое общество; Ин-т российской истории Российской академии наук. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 172.

²⁶ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 59–60.

Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями»²⁷ Черный гусарский полк расположен в северо-западной части Елисаветградской провинции, занимая территорию по рекам Кагарлык, Вись, Малая Вись и самые верховья Ингула. Желтый гусарский полк располагался в северо-восточной части провинции и занимал земли по верховьям Ингульца и рекам Цыбульник и Омельник. На юге под гусарскими полками располагался Елисаветградский пикинерный полк, обозначенный на карте как «пикинерный конный полк». Несколько позднее в Елисаветградскую провинцию был переведен Молдавский гусарский полк, разместившийся в юго-западной части провинции, что отражено на карте «всей Елисаветградской и Екатерининской провинций дачь» 1767 г. При этом, судя по карте «Новороссийской губернии Елисаветградской провинции с показанием во оной вновь поселенных запорожцами слобод» 1773 г., гусарские и пикинерные полки являлись превалярующей, но не единственной формой освоения этих территорий. На данной карте между Молдавским гусарским и Елисаветградским пикинерными полками располагалась крепостная округа (округа крепости Святой Елизаветы), земли же Желтого гусарского и Елисаветградского пикинерного полков разделялись между собой государственной округой.

Прекрасной иллюстрацией итогов процесса освоения территорий за первое десятилетие существования Новороссийской губернии может послужить карта Елисаветградской провинции 1774 г.²⁸ (см. рис. 9–11). Земли, относившиеся к полкам, делились между владельцами, отдельные участки земли также выделялись для военных целей — например те, на которых находились шанцы. Легенда карты содержит в себе подробную роспись земель, сообщая сведения о владельцах земельных участков («аудитору Апурину», «фабриканту Поповичу» и др.) или утилитарные назначения этих участков («для пазбы каз. лошадей», «купецеству под выгон» и др.). Вся приграничная территория также была размежевана, к 1774 г. из 31 участка, находившихся на линии непосредственного соприкосновения с южной границей, 14 было роздано владельцам. 17 участков, среди которых было несколько весьма крупных, все еще пустовали. На карте также отмечены несколько запорожских слобод (Куцая, Большая Верблюжка и др.) и запорожские зимовники. Учитывая, что, помимо тех 17 приграничных участков, практически все земельные участки на остальной части Елисаветградской провинции

²⁷ РГАДА. Ф.192. Оп.1. Екатеринославская губ. № 2 Ч. 2, после 1764 г.

²⁸ БАН. Карт.осн. 565.

были распределены, возможно, проблема заключалась в том, что пустовавшие участки находились на линии непосредственного соприкосновения с Запорожской Сечью.

Согласно «плану о раздаче казенных земель к заселению», никаких отдельных областей для поселений запорожских казаков в новой губернии не предполагалось. Запорожцы при этом приглашались к переселению в Новороссию, однако для самих казаков это означало бы отказ от сечевой жизни и принятие новых статусов — пикинеров или поселенцев Новороссийской губернии. Случаи подобных переходов были, однако это происходило нечасто. Основная масса казачества и особенно сечевая верхушка вообще болезненно воспринимали государственное освоение приднепровских территорий. Об этом свидетельствуют надписи на картах и донесения новороссийских главных командиров. Пограничные конфликты продолжались и во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1772 г. запорожские вооруженные команды помещали сотне валашских семей Молдавского полка занять отведенные им дачи в районе Екатерининского шанца (будущий Ольвиополь)²⁹.

С правительственной точки зрения, власть новороссийской администрации должна была распространяться на территории с четко определенными границами. Казачество же понимало свою подведомственность не с территориальной, а с корпоративной точки зрения. Для Войска Запорожского все территории, на которых так или иначе расселялись запорожские казаки, считались подконтрольными Кошу. При таком подходе казацкие территории имели тенденцию к бесконечному расширению, что вступало в противоречие с правительственной политикой в регионе. Этой глубинной разницей в понимании границ (как территориальных границ, так и границ распространения власти) и были вызваны столь агрессивные претензии запорожского казачества на территории Новороссии, а также сопротивление попыткам размежевания границ губернии и Запорожской Сечи.

При этом часть южной границы в действительности картографам все же удалось пройти — об этом свидетельствует надпись на карте 1774 г. «оная черта по опробованной карте 1764 году безпрепятственно пройдена и владеема была по ___ год безспорно» на участке от Ингула до Самоткани. В этой же части провинции внутри ее границ по реке Самоткань отмечены запорожские зимовники (они присутствуют так-

²⁹ Голобуцкий В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування 1734–1775. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР; 1961. С. 401.

же и на карте 1773 г.). Поскольку отдельных территорий для запорожских поселений в новой губернии не предусматривалось, можно предположить, что в этом районе новороссийская администрация смирилась с существованием этих местечек, явно подконтрольных Кошу. Или же, учитывая отмеченный на карте успех в картографировании этого участка границы (на более ранних картах похожих надписей не обнаружено), возможно, здесь губернским властям и запорожской старшине удалось достигнуть некоего консенсуса.

Внутреннее развитие провинции, судя по картографическим материалам, проходило также в рамках изначально намеченного разделения территории, поскольку на более ранних и более поздних картах расположение границ полковых территорий совпадает.

Итак, картографические материалы рубежа 1760–1770-х гг. способны дать нам более детальное описание южной границы Новороссийской губернии, чем законодательные акты. За исключением двух небольших участков границы, которые проходили по рекам (вдоль русла Мигейского Ташлыка на западе и вдоль русла Самоткани на востоке), южный рубеж Елисаветградской провинции представлял собой ломаную линию, которая пересекала Ингулец в районе впадения в него реки Верблюжки, после Ингульца граница шла до реки Самоткань до места ее впадения в Днепр. Такую границу представляют сразу несколько рукописных карт, со ссылкой на «высочайше опробованную» карту. Поскольку создание первоначальной карты, с которой границу копировали остальные, предшествовало формированию самой губернии, такая карта могла оказаться «примерной». В центральной части страны «примерные» карты, изображающие границы в виде серии прямых линий, были ориентировочным руководством для размежевания пограничных поселений исходя из реальной ситуации на местности. Подобным образом составлялись некоторые карты после губернской реформы 1775 г., примером здесь может служить размежевание некоторых уездов Вятской губернии, где в результате проведения по этим самым примерным картам межевания границы все же подстраивались под особенности местности, а потому не являлись в действительности прямыми³⁰.

Однако в Новороссийской губернии ситуация была иной. Прямые линии на карте были проведены до того, как в Новороссийской губер-

³⁰ Хитров Д.А. О методах «нового разделения империи»: реформы административного деления в Вятском крае от Екатерины Великой до Павла Первого. *Quaestio Rossica*. 2023; 11 (3): 877.

нии появились собственные поселения и устойчивая сеть коммуникаций. Судя по всему, здесь «примерная» граница реально проводилась на местности и становилась основой формирующегося землевладения и организации системы транспортных коммуникаций. Создание Новороссийской губернии в этом смысле схоже с формированием административно-территориального деления в малозаселенных районах Северной Америки, где границы зачастую проводились на картах еще до формирования систем поселений и коммуникаций, а потому действительно представляли собой прямые линии, проведенные без учета особенностей местности³¹. Картографические материалы 1760–1770-х гг. дают представление об устойчивом процессе внутреннего развития Елисаветградской провинции в рамках заданных границ. Судя по карте 1778 г., граница Елисаветградской провинции сохранилась и после расширения границ Новороссийской губернии на юг в 1774 г.

При этом, как показывают картографические источники, а также материалы канцелярий новороссийских главных командиров А.П. Мельгунова и Ф.М. Воейкова, утвержденная межа не соблюдалась запорожским казачеством, которое всячески препятствовало попыткам провести картографические измерения этой границы. Несмотря на то что правительство, видимо, изначально стремилось к строгому разграничению территорий новой губернии и запорожских земель, в итоге оно было вынуждено согласиться с некой экстерриториальностью прав Войска Запорожского. Государственная власть на данном этапе с осторожностью относилась к действиям Запорожского Коша и не стремилась к жесткому ограничению его контроля над запорожскими поселениями, существовавшими на территории Новороссийской губернии. На территориях Новороссийской губернии продолжали селиться запорожские слободы и зимовники, а на некоторых участках даже стояли запорожские команды, в военном отношении не подчиненные новороссийскому командованию. Несмотря на это, новороссийская администрация активно занималась размежеванием земель в провинции, в том числе и на линии соприкосновения с Запорожской Сечью. Тем не менее рассчитывать на устойчивость соблюдения границы запорожскими казаками губернские власти, судя по всему, не могли. В таком формате Новороссийская губерния была вынуждена соседствовать с Запорожской Сечью до 1775 г., когда Сечь была окончательно ликвидирована, а границы Новороссийской губернии стали простирались до самого Черного моря.

³¹ Там же. 866.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Голобуцкий В.А. *Запорожское казачество*. Киев: Госполитиздат УССР, 1957. 462 с.
Golobutsky V.A. *Zaporozhian cossacks*. Kyiv: Gospolizdat UkrSSR, 1957. 462 p. (in Russ.).
2. Голобуцкий В.О. *Запорізька Січ в останні часи свого існування 1734–1775*. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1961. 416 с.
Golobutsky V.A. *Zaporozhian Sich during the final years of its existence 1734–1775*. Kyiv: Publishing house of the UkrSSR Academy of Sciences, 1961. 416 p. (in Ukr.).
3. Готье Ю.В. *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*. Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. 472 с.
Gauthier U.V. *History of the regional administration in Russia from Peter I to Catherine II*. Vol. 1. Moscow: Typography of G. Lissner and D. Sobko, 1913. 472 p. (in Russ.).
4. Дружинина Е.И. *Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.* М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 279 с.
Druzhinina E.I. *Northern Black Sea region in years 1775–1800*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1959. 279 p. (in Russ.).
5. Бессарабова Н.В. Управление Новороссией и административные преобразования в крае в последней трети XVIII в., в: *История Новороссии* / Отв. ред.: В.Н. Захаров. Рос. ист. об-во; ИРИ РАН. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с.
Bessarabova N.V. Governance of Novorossiya and administrative transformations in the region in the last third of the 18th century, in: *History of Novorossiya* / Ed. by V.N. Zakharov. Russian History Society; Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 864 p. (in Russ.).

6. Кабузан В.М. *Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века*. М.: Наука, 1976. 307 с.
 Kabuzan V.M. *Colonization of the Novorossiya (Yekaterinoslav and Kherson governments) in the 18th – first half of the 19th century*. Moscow: Nauka, 1976. 307 p. (in Russ.).
7. Скальковский А.А. *История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского*. Ч. 1–3. Одесса: Гор. тип., 1842–1846.
 Skal'kovsky A.A. *The history of the New Sich or the last Kosh of Zaporizhia*. Ch. 1–3. Odessa: City printing house, 1842–1846 (in Russ.).
8. Хитров Д.А. О методах «нового разделения империи»: реформы административного деления в Вятском крае от Екатерины Великой до Павла Первого. *Quaestio Rossica*. 2023;11(3):863–879.
 Khitrov D.A. Methods of the «New division of the Empire»: The reforms of administrative division in Vyatka Region from Catherine the Great to Paul I. *Quaestio Rossica*. 2023;11(3):863–879 (in Russ.).
9. Эварницкий Д.И. *История Запорожских козаков*. Т. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 542 с.
 Evarnitsky D.I. *The history of the Zaporozhian cossacks*. Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1892. 542 p. (in Russ.).

Савченко Елизавета Васильевна

Elizaveta V. Savchenko

младший научный сотрудник
 Центра истории русского феодализма
 Института российской истории РАН,
 исторический факультет МГУ
 SPIN-code: 6208-3940,
 AuthorID: 1303938

Junior researcher at the Center for the
 History of Russian Feudalism at the
 Institute of Russian History of the Russian
 Academy of Sciences, Faculty of History,
 Moscow State University
 SPIN-code: 6208-3940,
 AuthorID: 1303938

Поступила в редакцию /
 Received
 17.11.2025

Поступила после
 рецензирования /
 Revised
 11.02.2026

Принята к публикации /
 Accepted
 13.03.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Л.А. Черная

*Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tchernie@rambler.ru*

В.Н. Татищев как первый российский культуролог

Аннотация

В статье впервые проанализирован вклад Василия Никитича Татищева в теорию мировой культуры. Дана краткая биография известного первого серьезного российского историка и географа, подходившего к этим наукам с рационалистических позиций, использовавшего критику источников и достижения западноевропейских ученых того времени. Учитывая опыт В.Н. Татищева в науке и образовании, автор анализирует его подход к определению этапов развития мировой культуры, чему посвящена определенная часть его обширного труда «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах». Подробно рассмотрены взгляды ученого на типологию и периодизацию мировой культуры. В.Н. Татищев предлагает свою периодизацию развития мировой культуры, выделяя причины резкого движения человечества вперед в процессе познания: изобретение письменности, появление христианской религии и изобретение книгопечатания. Все эти перемены, по мнению Татищева, связаны с распространением знаний и этических норм, позволивших человечеству перейти от варварства к цивилизованному обществу. В статье также рассматривается совпадение данного подхода к культуре с так называемым «технологическим» («деятельностным») подходом, разработанным во второй половине двадцатого века армянским философом и культурологом Маркарьяном. Этот подход отводил главное место

в развитии культуры человечества именно изменению технологии и образа деятельности людей. Впервые в отечественной науке предложен взгляд на концепцию мирового развития культуры, выработанную Татищевым в первой половине восемнадцатого столетия, как на первую попытку создания теории мировой культуры.

Ключевые слова:

В.Н. Татищев, наука, теория мировой культуры, периодизация, типология культурологии, технологический подход.

Для цитирования:

Черная Л.А. В.Н. Татищев как первый российский культуролог // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 120–133. DOI: 111111111111111111

Ludmila A. Chernaya

*V.I. Surikov Moscow State Academic Art Institute at the Russian Academy
of Arts, Moscow, Russian Federation
E-mail: tchernie@rambler.ru*

V.N. Tatishchev as the First Russian Cultural Studies Scholar

Annotation

This article offers, for the first time in the scholarly literature, an analysis of the contribution of Vasily Nikitich (Nikitovich) Tatishchev to the theory of world culture. It provides a brief biography of the first comprehensive Russian historian and geographer, who approached these disciplines from rationalist positions, employing source criticism, and drawing on the achievements of Western European scholars of his time. Taking into account Tatishchev's experience in scholarship and education, the author analyzes his approach to defining the stages of development

of world culture, to which a section of his extensive work (A Conversation Between Two Friends on the Benefits of Science and Schools) is devoted. The article examines in detail the scholar's views on the typology and periodization of world culture. Tatishchev proposed his own periodization of the development of world culture, identifying the causes of humanity's rapid progress in the process of knowledge: the invention of writing, the emergence of Christianity, and the invention of printing. All these changes, in Tatishchev's view, were connected with the spread of knowledge and ethical norms, which allowed humanity to move from barbarism to a civilized society. The article also considers the convergence of this approach with the so-called "technological" ("activity-based") approach developed in the second half of the twentieth century by the Armenian philosopher and cultural theorist Markaryan. This approach assigns a central role in the development of human culture precisely to changes in technology and modes of activity. For the first time in Russian scholarship, the concept of the development of world culture formulated by Tatishchev in the first half of the eighteenth century is interpreted as the first attempt to create a theory of world culture.

Keywords:

V.N. Tatishchev; Science; Theory of world culture; Periodization; Typology of cultural studies; Technological approach

For citation:

Ludmila A. Chernaya. V.N. Tatishchev as the First Russian Cultural Studies Expert // *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 57. P. 120–133. DOI: !!!!!!!!!!!!!
!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

мя Василия Никитича Татищева давно известно в научном мире как первого в России ученого, естествоиспытателя, историка, археолога, географа, экономиста¹. По оценке Г.В. Плеханова, он был «первым российским просвети-

¹ См.: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985; Шакинко И.М. Василий Никитович Татищев. М.: Мысль, 1987; Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд., М.: Молодая гвардия, 1987; Софронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016 и др.

Василий Никитич Татищев. *Неизвестный художник.*
 Из открытых источников

телем», по мнению академика В.И. Вернадского, благодаря Татищеву в России «началась самостоятельная научная творческая работа по естествознанию»². Татищев сделал первые шаги почти во всех областях научного знания своего времени. Но еще не раскрыта его роль в становлении науки о культуре — культурологии, а ведь именно он в России первым предложил и аргументировал типологию и периодизацию развития мировой культуры.

В.Н. Татищев родился в 1686 г., а его становление как личности проходило в самое бурное время петровских преобразований: с 1706 по 1712 г. он служил поручиком в кавалерии и участвовал в ряде сражений Северной войны, был ранен в Полтавской битве 1709 г. С 1713 по 1716 г. был пенсионером Петра Великого и обучался инженерному и артиллерийскому делу в Пруссии и Саксонии. Его начальником в области артиллерии был Яков Вилимович Брюс, близкий друг Петра Великого. Именно Брюс настоял на переводе Татищева из кавалерии в артиллерию с чином инженер-поручика.

В этой должности молодой специалист заведовал артиллерийским хозяйством под Кенигсбергом и Данцигом в 1717 г. А годом спустя ему поручили выбор места для переговоров между Россией и Швецией.

² Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн. 2. Ч. III. М.; Л., 1925. С. 122.

Карьера Татищева под началом Я.В. Брюса быстро шла в гору: в 1719 г. он начал составление географического описания всего Российского государства с ландкартами. Но как только он втянулся в изучение географии России, его организаторский талант потребовался на Урале, и с 1720 г. Татищев начал заниматься созданием заводов по выплавке серебра и меди. В 1724 г. он был произведен в советники Берг-коллегии и вскоре был послан в Швецию и Данию, где и находился до 1726 г. По возвращении Татищев был назначен членом Московской монетной конторы, а в 1734 г. стал начальником горных казенных заводов на Урале. Татищев в 1730-е гг. нажил множество врагов, был обвинен во взяточничестве и подвергнут аресту в Петропавловской крепости, но не был лишен чинов. Снова был направлен на Урал для создания новых заводов, затем стал астраханским губернатором (1741–1745). Последние годы жизни, начиная с 1746 г., провел в подмосковной деревне, где наконец-то получил возможность вплотную заняться написанием «Истории Российской», увидевшей свет только спустя 18 лет после его смерти: умер Татищев в 1750 г., а его основной исторический труд вышел в 1768 г.

Бурная биография Татищева всегда сопровождалась просветительской деятельностью. Так, он основывал не только медеплавильные заводы, но и горные школы. Будучи за границей, Василий Никитич приобрел массу ценных научных изданий естественно-научного, философского, географического и исторического характера. Собрал большую библиотеку, он подарил ее основанному им горному училищу. Его насыщенная государственная деятельность сопровождалась постоянной научной работой, причем в самых разных областях. И всегда он выступал в этих трудах с массой нововведений, предложений по развитию той или иной отрасли, стремясь докопаться до самой сути, до истоков и проследив историю того или иного начинания, чтобы самостоятельно осмыслить его.

Одним из самых фундаментальных и глубоких его сочинений был «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах», справедливо названный Г.В. Плехановым «чуть ли не целой энциклопедией»³. И действительно, это произведение включает 121 краткий вопрос и 121 развернутый ответ по самым значимым проблемам науки и культуры того времени. Обнаружил и издал это сочинение биограф Татищева

³ Там же. С. 124.

Яков Вилимович Брюс. *Неизвестный художник.*
 Из открытых источников

Н.А. Попов⁴. Это объемное и многогранное произведение изучали в основном философы, интересовавшиеся философскими воззрениями Татищева, влиянием на его взгляды Христиана Вольфа, Самуила Пуфендорфа, Вальха, Гуго Гроция, Лейбница и других знаменитых философов того времени. Исследователи отмечали деизм, свободомыслие и вольнодумство Татищева, т.е. те признаки просветительства, которые обычно видят специалисты, наряду с рационализмом и антропоцентризмом. Действительно, Татищев вне сомнения был первым российским мыслителем просветительского толка и видел свою задачу в распространении подобных взглядов в современном ему обществе. Хорошее определение «просветительству» как феномену дается в словаре «Культурология в терминах и понятиях» 1995 г. издания: «идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму, характеризующееся стремлением человеческого разума проникнуть в тайны бытия»⁵. Вот именно это-то неудержимое стремление проникнуть в тайны бытия и прежде всего человеческого самосознания и двигало Татищевым при написании этого монументального произведения.

⁴ Попов Н.А. Татищев и его время: Эпизод из истории гос., обществ. и част. жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.

⁵ Кононенко Б.И. Культурология. Большой толковый словарь. М., 2003. С.5.

«Разговор...» начинается с вопроса: «Какая польза отлучать сына от семьи и посылать в чужестранные училища?» На этот вопрос дается краткий ответ: «Разум без научения и способность без привычки и искусства приобретен быть не может. И тако, чтоб разум был, надобно ему прежде учиться...»⁶ И тут же начинаются возражения и споры, нужна ли наука для подлинного благополучия человека, а что такое наука и т.п. Замечателен окончательный вывод автора: «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать» (с. 51). Далее идут рассуждения и дебаты по поводу внутреннего и внешнего знания, вечного и временного в человеке, знания, что есть добро и зло и т.п. При этом Татищев избегает вступать в религиозные споры, ссылаясь на то, что он рассуждает «не о учении церковном или духовном, но о светском любомудрии... по закону естественному» (с. 60).

С вопроса № 29 о стадиях возраста человека («младенчество, юношество, мужество, старость») Татищев переходит к изложению своей концепции развития мировой культуры. Сначала он объясняет, что в младенчестве человек «...упрям, не хочет никому повиноваться, ...свирец, непостоянен, ...всегда нового хочет, и для того к научению легких наук ...он лучшее время имеет. Того ради детей в языках от самого младенчества обучать нужно и способно, зане ум его... как мягкий воск...» (с. 67). Затем на вопрос «Что примечаем в стане юношества» ученый дает ответ: «...острейшая память и свободный смысл, ...страсть роскошности или плотугодия властвует. ...Обаче поятный, стыдливый и лехко наставление приемлет, для котораго науки большего разсуждения принимать в лучшем состоянии находится» (с. 67). Высшая стадия развития человека — «стан мужества» — описывается Татищевым таким образом: «Тогда явится в нем совершенный смысл и догадка, яко же и довольство разсуждения. ...явится в нем славолюбие, храбрость и мужество, возжелает почтения от всех, а потом ищет и власти, ...а силы других презирает» (с. 68). Заключает анализ особенностей этапов человеческой жизни вопрос № 33: «Что есть старость? И како бы человек в старости научения требовал?» На этот вопрос Татищев отвечает подробно, указывая, что «...в старости человек осознает, что все прежнее, за благополучие почитаемое, есть глубочайшая глупость...Тогда будет прилежать наиболее о приобретении знания, истинного добра, то есть спокойствия души...» (с. 68). Вывод из этого

⁶ Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 51. Далее ссылки на страницы даются в тексте в скобках.

экскурса о человеке сводится к следующему: «...человеку нужно век жить и век учиться и от вреда храниться, зане до старости истинного добра по естеству познать не способен, ...человек от начала жизни даже до престарения учиться нужду и пользу имеет, и что человеку учение свет, а неучение тьма есть...» (с. 68).

Этот подробный анализ стадий развития человека как такового приводит мыслителя к очень важному сопоставлению человеческого развития в процессе жизни и развития мира: «Мир весь подобен человеку, которого древние именовали микрокосмос. Но что касается до наук и разума прежних народов, то мы равно можем о них сказать, как о единственном человеке, что со младенчества ничего, в юности же мало что полезное показали, но приходя в стан мужеский, едва что полезное показывать стали» (с. 70). Таким образом, Татищев применяет антропологический подход к трактованию развития мира в целом и именно мировой культуры, хотя понятия «культура» в то время еще не существовало. Для Татищева же в первой половине XVIII в. под культурой подразумевалось «всемирное умопросвещение». По сути же культура, значащая дословно «обработку», в системе Татищева означала обработку наукой, знаниями. В этом Татищев был не одинок, поскольку уже в «Арифметике» Леонтия Магницкого 1703 г. издания звучало требование, чтобы человеческий ум «был удобрен наукою», получил развитие и помог человеку достичь «чести мира сего» и «довольства нуждных», т.е. благосостояния⁷.

Начиная с вопроса под номером 36 («Како разделяете состояние всего мира на станы младенческий, юношеский и протч.») ученый переходит к периодизации мировой культуры. Он утверждает, что «...первое просвещение ума подавало обретение письма, другое великое пременение учинило пришествие и учение Христово, третье — обретение тиснения книг» (с. 70). Выделяя три основных периода в развитии мировой культуры, Татищев связывает два из них (первый и третий) с, если так можно выразиться, технологией распространения знаний и наук — изобретение письменности и изобретение книгопечатания. Второй важный период в развитии мировой культуры связан с появлением христианства. И далее он подробно разъясняет, что дало мировой культуре каждое из трех открытий человечества.

Обретение письма называется великой переменой: «Понеже как младенец без речения... своего мнения и желанья изобразить и других

⁷ Магницкий Леонтий. Арифметика. М.: Печатный двор, 1703. Л. 3–8.

разуметь не может, ...подобно сему прародители наши без письма в памяти сохранить и других на полезное наставить не могли...» Конец этому периоду невежества, суеверия, сквернодействия и свирепости наступил именно с изобретением букв, ибо «...тогда вскоре многие нужные к наставлению нашему от умных и братолюбие совершенное имеющих людей начались книги, в которых истории прешедших времен или учение к нашей пользе представлялись..., другие же законы духовные и гражданские сочинять и людей на благое наставлять, а от зла удерживать стали» (с. 71). Особое осуждение Татищева вызывает язычество, которое в его интерпретации «паче скотского заблуждения было, не токмо светила небесные, но и огонь, и воздух..., зверей и гадов... камни и деревья, травы за богов почитали и им божеские силы и свойства приписывали» (с. 72). Татищев называет «мерзкими богами» Венеру, Юпитера и других, осуждает египтян за их обожествление кошек, крокодилов и т.д. Но на возражение, содержащееся в вопросе № 40 — «Кто сего времени лучшие философы были и чему учили?» — он дает развернутый и очень грамотный ответ, рассказывая о достижениях Пифагора, Эзопа, Сократа, Платона и Эпикура, подчеркивая при этом, что эти мудрецы в тот период неразвитости мировой культуры «по неразумности людей вместо благодарения имя афеистов получили» (с. 74). И тут же поясняет, что человек по естеству своему познать Бога способность имеет и это доказали Тертуллиан, Антоний Великий, Августин и Златоуст в своих книгах и «...наш Дмитрий Ростовский архиепископ утверждает» (с. 76). Впервые на страницы «Разговора дву приятелей» попал соотечественник Татищева Димитрий Ростовский, что явно доказывает знание им трудов митрополита. Показывая свои познания в области философии, Татищев также выделяет среди «генеральной философии» такие науки, как юриспруденция, математика, геометрия, астрономия. Этот довольно обширный обзор включает и оправдание «умных и ученых людей», обвиненных в атеизме и называемых безбожниками, среди которых Татищев называет Вергилия «за учение, что Земля шаровидна», Коперника «за то что написал: земля около солнца, а месяц около земли ходит», Декарта «за опровержение Аристотелевской философии и за учение, чтоб все сущими доказательствы, а не пустыми силлогисмы доводить», Пуфендорфа «за изъяснение естественного права» (с. 76). Этими словами завершается описание первого периода в развитии мировой культуры, названного автором «младенчеством мира».

Второй период Татищев связывает с принятием христианства, ставя вопрос: «Какая перемена пришествием Христовым в науках учини-

лась?» (с. 76). Ответ гласил следующее: «Великая и суще просвещение ума человеческого... И сие просвещение не токмо духовное, но и моральное...» (с. 77). Наконец, третья стадия развития мировой культуры связана, по мнению Татищева, с началом книгопечатания, поскольку «...через тиснение изданные хотя б во сте местах [книги. — Л.Ч.] погибли, то еще в 1000 и более таковые ж целы останутся... и чрез оные больший свет истиннаго разума открыли, тогда как в богословии, так философии, яко законоучении, математике, физике, истории, протчих вольных науках, яко в полезных ремеслах, великое исправление явилось...». Этот период Татищев называет «настоящим веком» и «совершенным мужеством» человечества (с. 78–79).

Последний раздел «Разговора...» посвящен обсуждению системы наук того времени, среди которых Татищев выделяет «щегольские» («стихотворство, музыка, танцование» и др.), «любопытные и тщетные» («астрология, физиогномия или лицезнание, хиромантия, алхимия»), «вредные науки», к которым он относит «волхование, ворожбу, колдовство, некромантию» и др. Завершается трактат оценкой состояния науки и училищ как в России, так и за рубежом, а также рассуждения о естественном праве, политике, «правилах мудрости, благоговения, справедливости, благоразумия» и т.п. (с. 91–132).

Таким образом, в своих рассуждениях и выводах относительно развития мировой культуры Татищев намного опережал свое время. По нашим наблюдениям, в Петровскую эпоху только-только начали подыскивать слово, которым можно было определить понятие «культура». Для современников Татищева таким понятием было слово «политичность», оно наполнялось содержанием, позволяющим поставить его в один ряд с понятиями «культура» или «цивилизация». Для людей того времени политичность означала то же самое, что культура, а именно «обработанность» естественного (природного) человека (варвара) посредством развития разума («удобрения разума наукой», по словам современников) и занятий «художествами», литературой (в особенности поэзией), искусством, музыкой. Учителя Славяно-греко-латинской академии пустили в оборот выражения: «политичное государство», «политичные обыкновения», «политичные обхождения», «политичный кавалер» и т.п., имея в виду именно такое понимание этого слова. Наиболее часто употреблял эти словосочетания учитель философии и префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Туробойский. Так, в «Преславном торжестве свободителя Ливонии», описывающем триумфальные врата в Москве 1704 г., Иосиф

Туробойский писал о поставленной Петром I особой задаче перед преподавателями Славяно-греко-латинской академии — наставлять учащихся в «политичных обыкновениях», т.е. воспитывать «политичных кавалеров»: «...не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях Российских юнош наставлять нам повелено есть»⁸. Именно на этих вратах была специальная живописная картина, изображавшая Петра I в образе, как говорилось в описании, «политичного кавалера» наряду с изображениями его в виде языческих богов и античных героев, а также библейских персонажей (Марса, Язона, Геркулеса и др.). Слово «политичный» в значении «культурный» звучало в петровское время не только в стенах Славяно-греко-латинской академии, но и в самых разнообразных источниках, начиная с записок П.А.Толстого о путешествии по Европе и заканчивая постановлением Сената о присуждении Петру I званий «Великий» и «Отец Отечества» в 1721 г.⁹ Этот подход к пониманию культуры можно назвать «бихевиористическим», делающим акцент на поведении людей в обществе, что органично укладывалось в концепцию «европеизации», предложенную Петром Великим и его сторонниками. Татищев же в своем трактате «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах» не использовал понятие «политичность», он предложил свой, новый подход к пониманию культуры, который во многом совпадает с современным «деятельностным» подходом.

В современной науке о культуре существует более 500 определений понятия «культура», множество различных подходов к ее изучению, начиная с «ценностного» (аксиологического) и заканчивая «игровым» и «системой запретов»¹⁰. Э.С. Маркарян был разработан и получил широкое распространение и так называемый «деятельностный», или «технологический» подход, определявший культуру как «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему надбиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе»¹¹.

⁸ Преславное торжество свободителя Ливонии. М., 1704. Л. 4.

⁹ См. подробнее: Черная Л.А. Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме» в России петровского времени // Диалог со временем. 2020. Вып.70. С. 397–405.

¹⁰ См.: Черная Л.А. Культурология: основы теории. М.: Логос, 2003. С. 3–103.

¹¹ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. С. 19.

Данный подход в теории культуры еще называют «технологическим», указывая на то, что под технологией в этом контексте подразумеваются исторически изменяющиеся нормы, ценности, процедуры, приемы, в совокупности характеризующие способ деятельности людей на том или ином этапе развития человечества. Сложные и глубоко верные наблюдения Э.С. Маркаряна, конечно же, слишком далеки от непосредственных, основанных на простом здравом рассуждении Татищева, однако же несомненно, что просветитель первой половины XVIII столетия мыслил в том же направлении. Смена способа получения информации после изобретения письменности, а затем и книгопечатания безусловно влияла в сильнейшей степени на развитие познаний человечества во всех областях жизнедеятельности.

Концепция развития мировой культуры, изложенная Василием Никитичем Татищевым в «Разговоре дву приятелей о пользе наук и училищах», может рассматриваться как своеобразный «предтеча» деятельностного подхода, сделавшего первые шаги в этом направлении. Татищев впервые в России предложил антропологическую посылку типологию и «деятельностную» по сути периодизацию развития мировой культуры, указав на способ деятельности человечества как основу для культурной эволюции. Исходя из этого, В.Н. Татищева с полным основанием можно считать первым российским культурологом, теоретиком развития мировой культуры.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Кононенко Б.И. *Культурология. Большой толковый словарь*. М.: Вече; АСТ, 2003. 509 с.
Kononenko B.I. *Cultural studies. A large explanatory dictionary*. Moscow: Veche; AST, 2003. 509 p. (in Russ.).

2. Кузьмин А.Г. *Татищев*. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1987. 352 с.
Kuz'min A.G. *Tatishchev*. 2nd ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1987. 352 p. (in Russ.).
3. Леонтий Магницкий. *Арифметика*. М.: Печатный двор, 1703.
Leonty Magnitsky. *Arithmetic*. Moscow: Printing yard, 1703 (in Russ.).
4. Маркарян Э.С. *Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ)*. М.: Мысль, 1983. 284 с.
Markaryan E.S. *Cultural theory and modern science (Logical and methodological analysis)*. Moscow: Mysl', 1983. 284 p. (in Russ.).
5. Плеханов Г.В. *История русской общественной мысли*. Кн. 2. Ч. III. М.; Л.: Госуд. изд-во, 1925. 204 с.
Plekhanov G.V. *The history of Russian social thought*. Book 2. Part III. Moscow; Leningrad: State publishing house, 1925. 204 p. (in Russ.).
6. Попов Н.А. *Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия*. М.: А. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. 804 с.
Popov N.A. *Tatishchev and his time: An episode from the history of state, public and private life in Russia in the first half of the last century*. Moscow: A. Soldatenkov and N. Shchepkin, 1861. 804 p. (in Russ.).
7. *Преславное торжество свободителя Ливонии*. М., 1704.
The glorious triumph of the liberator of Livonia. Moscow, 1704 (in Russ.).
8. Софронова А.М. В.Н. *Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: К 330-летию со дня рождения*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 319 с.
Sofronova A.M. *Tatishchev as an outstanding figure of enlightenment in Russia in the first half of the 18th century: On the 330th anniversary of his birth*. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2016. 319 p. (in Russ.).
9. Татищев В.Н. *Избранные произведения* / Общ. ред.: С.Н. Валк. Л.: Наука, 1979. 465 с.
Tatishchev V.N. *Selected works* / Gen. ed. by S.N. Valk. Leningrad: Nauka, 1979. 465 p. (in Russ.).
10. Чёрная Л.А. *Культурология: основы теории*. М.: Логос, 2003. 183 с.
Chernaya L.A. *Cultural studies: Fundamentals of theory*. Moscow: Logos, 2003. 183 p. (in Russ.).
11. Чёрная Л.А. Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме» в России петровского времени. *Диалог со временем*. 2020;(Вып. 70):397–405.

- Chernaya L.A. Ideas about the «political cavalier» and the «political lady» in Peter the Great's Russia. *Dialogue with Time*. 2020;(Iss. 70):397–405 (in Russ.).
12. Шакинко И.М. *Василий Никитович Татищев*. М.: Мысль, 1987. 128 с. Shakinko I.M. *Vasily Nikitovich Tatishchev*. Moscow: Mysl', 1987. 128 p. (in Russ.).
13. Юхт А.И. *Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в.* М.: Наука, 1985. 367 с. Yuht A.I. *V.N. Tatishchev's state activity in the 20s and early 30s of the 18th century*. Moscow: Nauka, 1985. 367 p. (in Russ.).

Чёрная Людмила Алексеевна
Ludmila A. Chernaya

доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории искусства
Московского государственного
академического художественного
института им. В.И. Сурикова,
ORCID: 0000-0003-0347-436X

D.Sc. (History), Professor of the of
Art Theory and History Department,
V.I. Surikov Moscow State Academic Art
Institute at the Russian Academy of Arts,
ORCID: 0000-0003-0347-436X

Поступила в редакцию /
Received
12.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
14.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
16.03.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

В.М. Тарелко*Санкт-Петербургский институт истории РАН,**г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**E-mail: ztarelko141@gmail.com*

Деятельность медицинского персонала Американского Красного Креста в России на Юго-Западном и Кавказском фронтах в годы Первой мировой войны

Аннотация

В данной работе автором была предпринята попытка рассмотреть историю миссии Американского Красного Креста в России, направленной на оказание медицинской помощи больным и раненым русским воинам в годы Первой мировой войны. На данный момент в отечественной и зарубежной историографии гуманитарное сотрудничество между Россией и США представлено весьма разрозненно и бессистемно, а означенная тема и вовсе не обрела заслуженного внимания исследователей. Автором была обозначена следующая цель настоящего исследования — проанализировать и дополнить имеющийся материал о деятельности миссии Американского Красного Креста в России, выявить особенности и механизмы ее работы, а также сделать общий вывод о значении этой миссии для США в целом и российско-американских отношений в частности. Статья написана на материалах американской периодической печати и архивных источников РГИА, РГВИА и РГА ВМФ. По итогам исследования сделан вывод о том, в условиях беспрецедентной по своим мас-

штабам войне данная помощь не могла сыграть существенной роли в налаживании российской санитарной службы. Однако это задача не является единственным определением значения этой миссии. По существу, миссия Американского Красного Креста стала одним из элементов непрямого участия Соединенных Штатов в войне до апреля 1917 г., а также инструментом популяризации американской организации Красного Креста среди американского населения. В российско-американских отношениях миссия находилась в русле публичной дипломатии и межнациональной коммуникации, направленной в сторону укрепления доверия и взаимного расположения между обоими народами.

Ключевые слова:

Американский Красный Крест; Российское общество Красного Креста; Американский госпиталь в Киеве; Американский госпиталь в Хое; американская колония в Петрограде; Эдвард Эгберт; София Киль; Люси Миннигероде

Для цитирования:

Тарелко В.М. Деятельность медицинского персонала Американского Красного Креста в России на Юго-Западном и Кавказском фронтах в годы Первой мировой войны // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 134–165. DOI: 111111111111111111

Vladislav M. Tarelko

*St. Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: ztarelko141@gmail.com*

The Activities of the American Red Cross Medical Personnel in Russia on the Southwestern and Caucasian Fronts during World War I

Abstract

This article attempts to examine the history of the American Red Cross mission in Russia aimed at providing medical care to sick and wounded Russian soldiers during World War I. Currently, in Russian and foreign historiography, humanitarian cooperation between Russia and the United States is presented in a fragmented and unsystematic manner, and this topic has not received the deserved academic attention. The author has identified the following objectives of this research: to analyze and supplement the existing material on the activities of the American Red Cross mission in Russia, to identify the features and mechanisms of its work, and to draw a general conclusion about the significance of this mission for the United States and Russian-American relations in particular. The article is based on materials from American periodical press and archival sources from the Russian State Historical Archive, Russian State Military Historical Archive, and Russian State Archive of the Navy. The research concludes that under the conditions of an unprecedented war, this assistance could not play a significant role in establishing Russian sanitary corps. However, this objective is not the only measure of the mission's importance. In fact, the American Red Cross mission became one element of the indirect participation of the United States in the war before April 1917, as well as a tool for promoting the American Red Cross among the American population. In Russian-American relations, the mission was part of public diplomacy and international communication aimed at strengthening trust and mutual goodwill between both peoples.

Keywords:

American Red Cross; Russian Red Cross society; American hospital at Kiev; American hospital at Khoi; American colony at Petrograd; Edvard Egbert; Sophia Kiel; Lucy Minnigerode

For citation:

Vladislav M. Tarelko. The Activities of the American Red Cross Medical Personnel in Russia on the Southwestern and Caucasian Fronts during World War I // *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 57. P. 134–165. DOI: !!!!!!!!!!!!!

истории российско-американских отношений пребывания американского медицинского персонала в России под эгидой Американского Красного Креста (далее — АКК) в годы Первой мировой войны не являлось первым и единственным сюжетом оказания американской помощи населению и солдатам. В российской и зарубежной историографии подробно рассмотрена история пребывания на русской службе американских врачей на фронтах Крымской войны¹, российской экспедиции в составе двух эскадр под командованием капитана 1-го ранга С.С. Лессовского и контр-адмирала А.А. Попова к берегам Северной Америки, в которой помимо политической подоплеки имела место и гуманитарная составляющая, выраженная в виде помощи населению Сан-Франциско при тушении пожара 23 октября 1863 г.² Также благодаря трудам

¹ *Dvoichenko-Markov E.* Americans in the Crimean War // *Russian Review*. Vol. 13. No. 2 (Apr., 1954). P. 137–145.; *Лобков Л.А.* Взаимоотношения русских и иностранных врачей в Крымскую войну // *Dictum — Factum: от исследований к стратегическим решениям*. 2020. №1. С. 87–96; *он же.* Письма Уильяма Рокуэлла Тролла и Уильяма Линна Макмиллена как источник изучения участия американских врачей в Крымскую войну // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. №2. С. 454–467; *он же.* Миф о бесполезности иностранных врачей в Крымскую войну, укоренившийся в отечественной историографии: критический обзор источников // *Миф в истории, политике, культуре*. Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции / Под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь, 2023. С. 427–448; и др.

² *Golder F.A.* The Russian Fleet and the Civil War. — *The American Historical Review*, October 1915. Vol. 20. No. 4. P. 801–812; *Saul N.E.* Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 339–354. Об историографии вопроса подробно см.: *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.;

Н. Сола и В.И. Журавлевой рассмотрена тема первой крупной зарубежной гуманитарной акции АКК в пользу голодающего русского населения в 1891–1892 гг.³ Стоит подчеркнуть, что последние два сюжета застыли в памяти обоих народов, став моральным и идеологическим мотивом не только для формирования диалога в сторону налаживания российско-американских отношений, но и последующего как со стороны Соединенных Штатов Америки (далее США) проведения гуманитарных акций в пользу русского населения, так и благожелательного восприятия этих акций в качестве акта доброй воли со стороны Российской империи. Затем историографический дискурс переместился в сторону изучения политики американской администрации по отношению к России в период революционного безвременья и Гражданской войны. В этом направлении нашлось заметное место для изучения и миссии Американского Красного Креста, и деятельности Американской Администрации Помощи, и Американской Ассоциации Молодых Христиан⁴.

В свою очередь, гуманитарное сотрудничество России и США в период Первой мировой войны представлено в историографии преимущественно

Д., 1939. С. 224–281; *Болховитинов И.И.* Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863–1864 гг. *Американский ежегодник*. 1994. М., 1995. С. 194–207.

³ *Saul N.E.* Concord and conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. P. 328–374; *Журавлева В.И.* Общее прошлое русских и американцев. Курс лекций. М.: Изд-во РГГУ, 2021. С. 39; см. также: *Журавлева В.И.* Из истории российско-американских отношений конца XIX века // *Американский ежегодник*. 1998. М., 1999. С. 148–164; *она же.* Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914. М., 2012. С. 209–257.

⁴ *Рогачев И.В., Силин А.В.* Американские неправительственные организации и политика США на европейском севере России, 1914–1919 гг. // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2019. № 3. С. 50–58; *Ипполитов С.С.* «Я видел мертвых...»: Российское Общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем востоке в 1918–1920 гг. // *Россия и современный мир*. 2018. № 1 (98). С. 100–112; *Стельмак М.М., Петин Д.И.* Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // *Вестник архивиста*. 2019. № 2. С. 357–374; *Шаламов В.А.* Неизвестный Тьюслер: руководитель Американского Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2020. Т. 33. С. 31–45; *он же.* Деятельность Американского Красного Креста в Восточной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11. № 1. С. 56–71; *Смит Д.* Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели / Пер. с англ. Е. Фоменко. М., 2021.; *Saul N.E.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence: University Press of Kansas, 2001; *Polk J.A.* Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. Ph.D. dissertation. University of Toronto, 2012; и др.

зарубежными исследованиями, иногда фрагментарно и местами упрощенно. Такое положение вещей дает нам возможность рассмотреть эти отношения через призму источников, отложившихся в российских архивах, и вновь обратиться к прочтению и интерпретации имеющихся источников, чтобы составить полное и единое представление о многообразии видов и форм гуманитарных связей между обоими государствами. На данный момент имеется весьма небольшой список работ, затрагивающих ту или иную сторону этого вопроса. В первую очередь необходимо отметить работу вышеупомянутого американского историка Нормана Сола. В ней гуманитарная часть российско-американских отношений вынесена в качестве самостоятельной темы, которая представлена в виде постановки первоначальной проблемы, требующей дальнейших научных изысканий⁵. Этот тезис подтвердила и отечественный историк В.И. Журавлева, отметив, что «изучение религиозных и гуманитарных аспектов двусторонних отношений <...> пока остается многообещающим направлением исследований»⁶.

В дальнейшем американские историки концентрировали свое внимание на отдельных эпизодах российско-американских отношений в этой области. Так, Любовь Гинзбург сфокусировалась на изучении деятельности Американской колонии в Петрограде, которая учредила в городе лазарет, являвшийся проводником публичной дипломатии среди русских солдат⁷. Другой американский историк Джошуа Сегал в своих работах рассмотрел сюжет пребывания группы американских врачей и медсестер на Юго-Западном и Кавказском фронтах, уделяя больше внимания особенностям их жизни и работы в госпиталях в Киеве, Хое и Казвине и отметив определяющую роль американского капитала и представителей американской колонии в сохранении добросердечных отношений между Россией и США посредством гуманитарных

⁵ *Saul N.E.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921... P. 36–53.

⁶ Журавлева В.И. Изучение истории российско-американских отношений в XXI веке по обе стороны Атлантики: исследовательские подходы и практики // Новая и Новейшая история. 2022. Т. 66. №4. С. 38.

⁷ *Ginzburg L.* Confronting the Cold war legacy: The forgotten history of the American colony in St. Petersburg. A case study of reconciliation. Ph.D. dissertation. University of Kansas, 2010. P. 238; Id. Rediscovering the “Living Human Document” of a goodwill initiative: Letters from Russian Soldiers Cared for at the Citi Hospital of the American Colony in Petrograd, 1914–1918 // *New Perspectives on Russian-American Relations*. N.Y.: Routledge, 2015. Available at: file:///C:/Users/ztare/OneDrive/Рабочий%20стол/Канд.диссер/Красный%20крест/американская%20литература/New%20Perspectives%20on%20Russian-American%20Relations%20(Routledge%20Studies%20in%20Cultural%20History)%20by%20William%20Benton%20Whisenhunt%20&%20Norman%20E.%20Saul.epub. (Accessed 19 Dec. 2024).

акций под знаменем АКК⁸. Тем не менее, по нашему мнению, история о первой миссии АКК в России (продлившаяся с 1914 по 1916 г.) может быть расширена с учетом привлечения новых источников, а также интерпретирована посредством повторного прочтения имеющихся материалов. Стоит отдельно подчеркнуть, что данная тема не может быть исчерпана в одной статье и заслуживает более пристального внимания исследователей.

С первых дней августа 1914 г. Старый Свет погрузился в хаос военных приготовлений. В то же время на другом краю света ситуация была относительно спокойной. Президент В. Вильсон и его администрация избрали позицию полного нейтралитета в европейском конфликте. Американская общественность в целом единодушно одобрила политику новоиспеченного президента. Однако американцы не желали продемонстрировать свою отчужденность от мировых военно-политических событий, наоборот, стремились проявить чувство искреннего сопереживания судьбам народов Европы. В рамках жестких условий политики нейтралитета основной формой косвенного участия американцев в войне стала гуманитарная деятельность, направленная на поддержку вдов, сирот, раненых солдат и военнопленных. Одним из видов такой помощи стала организация и отправка миссий Американского Красного Креста в воюющие страны по обе стороны конфликта.

В Россию отправились подразделения «С» под руководством доктора Эдварда Эгберта и «Н» во главе с доктором Уильямом Мэгилом, после его заменил доктор Филипп Ньютон⁹. Каждое подразделение по возможности представляло собой слаженный рабочий коллектив определенной больницы. По мнению руководства АКК, такой подход значительно повышал эффективность работы подразделения в новых условиях и экономил время, которое могло быть затрачено на сплочение команды, собранной из незнакомых друг другу сотрудников¹⁰. В сентябре 1914 г. из США американская группа добралась до шотландского города Данди, оттуда на корабле пересекла Северное море и причалила к берегам Норвегии, затем через Швецию направилась до финского города Раума, где их встретили А. Бобринский, представители Россий-

⁸ *Segal J.E. American Humanitarian Volunteerism in Russia's Military 1914–1917. Ph.D. dissertation. George Washington University, 2018; Id. American join the Russian Persia Expeditionary Force // The Journal of Russian-American Studies. 2023. No. 7.2. P. 125.*

⁹ *Ibid. P. 56.*

¹⁰ *Wadsworth Eliot. The Work of the Red Cross in the Event of War // The American Journal of Nursing. 1917. Vol. 17. No. 12. P. 1154.*

Киевский политехнический институт Императора Александра II.
Из открытых источников

ского общества Красного Креста (далее — РОКК) и посольства США, которые после сопроводили их на поезд до Петрограда¹¹. По воспоминаниям Софии Киль, уже в столице Российской империи их встретил глава тамошнего отделения РОКК доктор Брински, который при встрече оказал миссии знаки внимания, подчеркнув, что «они [русские. — В.Т.] никогда не забывали о щедрости Америки, отправившей в Россию корабли, наполненные грузом с мукой»¹².

Пока в Петрограде принималось решение о дальнейшей судьбе миссии АКК, американские сотрудники расположились в одном из госпиталей Общины сестер милосердия им. М.П. фон Кауфмана. За это время американцам оказали почетные знаки внимания как со стороны американского посла Джорджа Т. Мэри и консула Норта Уиншипа, так и со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹³.

В итоге миссия АКК была включена в состав РОКК в качестве особого подразделения. Американские врачи официально поступили на службу в российскую армию: докторам Эгберту и Ньютону были присвоены звания генералов, а остальным врачам — звания подполковников. В свою очередь сестры милосердия получили соответствующие

¹¹ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C at Kiev, Russia // *The American Journal of Nursing*. 1915. Vol. 16. No 3. P. 220–221; Военная хроника // *Русский инвалид*. 1914. № 217. С. 2.

¹² *Kiel Sophia*. Experiences in Russia. Proceedings of the Twenty-First Annual Convention of the American Nurses' Association // *The American Journal of Nursing*. 1918. Vol. 18. No. 11 P. 1037.

¹³ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 221.

сертификаты, удостоверяющие их статус в качестве сестер милосердия РОКК. Местом их будущей работы стал город Киев¹⁴, находившийся в тылу Юго-Западного фронта.

В качестве здания больницы послужило крыло Политехнического института. Здесь в ноябре 1914 г. после прибытия американского персонала за счет средств РОКК были проведены частичная реставрация и переоборудование помещений¹⁵. В распоряжении американцев находилось три этажа. Первый использовался в качестве помещения для персонала, администрации и аптеки. На других этажах располагались палаты, операционные и перевязочные помещения¹⁶. Позже при больнице были открыты кабинет рентгенографии, физико-терапевтическое отделение¹⁷ и стоматологический кабинет¹⁸. Последний пользовался особой популярностью в связи с частными челюстно-лицевыми травмами на войне.

Руководство РОКК также предоставило американскому персоналу в пользование все необходимые материалы и оборудование, а Община сестер милосердия им. М.П. фон Кауфмана прикомандировала в помощь к американскому госпиталю несколько своих медсестер, владеющих английским языком¹⁹. Свою посильную помощь также оказывала и администрация Политехнического института²⁰. В целом можно говорить, что Главное правление РОКК оказывало всю необходимую поддержку американской миссии, практически все обоснованные просьбы врачей удовлетворялись в полном объеме. Например, по просьбе врачей было закуплено 50 кроватей улучшенного типа для тяжелораненых, а в мае 1915 г. главноуполномоченный РОКК при армиях Юго-Западного фронта Б.Е. Иваницкий удовлетворил просьбу об увеличении кроватей до 800 шт.²¹ Также госпиталь снабдили пятью автомобилями со всем необходимым санитарным имуществом²².

Конечно, в свою очередь и главный комитет АКК стремился поддерживать работу своих зарубежных миссий. Основными источниками

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12733. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–26.

¹⁶ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 222.

¹⁷ РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 38–38 об.

¹⁸ РГВИА. Ф. 12677. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 18, 20, 24.

²⁰ РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 40–41.

²² Honor Paid to U.S. Red Cross Corps on the Way to Duty at Kiev, Russia // *The Washington Post*. 1914. 12 Oct. P. 2.

Американские врачи, руководители миссии Американского Красного Креста — Филипп Ньютон (слева) и Эдварт Х. Эгберт (справа).

Из открытых источников

ми финансирования для этих целей были членские взносы и частные пожертвования американских граждан. На эти деньги АКК обеспечивал содержание сотрудников и закупал все необходимое оборудование и медикаменты для своих миссий²³. Участие в этом по собственной инициативе также принимали и автономные местные отделения АКК²⁴. В частности, американскому госпиталю в Киеве поддержку оказывали Пасаденское и Принстонское отделения²⁵.

В целом американский госпиталь в Киеве состоял из 36 сотрудников: 6 американских врачей — Эдвард Эгберт, Филипп Ньютон, Пол и Артур Зинхан, Броун МакКлинтон и прикомандированный к миссии врач РОКК Леонард Гинцтон; 25 американских сестер милосердия: Хелена Скотт Хей, Люси Миннигероде, Шарлотта Бурджер, Эдвина Кли, Гертруда Хейд, Маргарита Магори, Мария Хилл, Мария Бауман, Альма Ферстер, Алиса Гимбурн, Марта Мориц, Анна Ганзен, Фрида Гартман, Люция Бартрам, Маргарита Пепшер, Бланш Хорнер, Флоренция Снайдер, Фредерика Фарлей, Рахил Торранс, Мод Миткаф, Елена Нортвуд,

²³ Eight months of European relief work // The American Red Cross. Vol. 10. No. 5. P. 179.

²⁴ Wadsworth Eliot. Op. cit. P. 1155.

²⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 544. Оп. 2. Д. 424. Л. 18.

Флоренс Фармер, Елена Линдерман, София Киль, Роберти Ли Кромвель; 5 сестер милосердия общины им. М.П. фон Кауфмана: Мария Павловна Майснер, Лидия Георгиевна де Молилари, Ольга Александровна Матвеева, Александра Вильгельмовна Гартман и Надежда Анатольевна Зворыкина. Также в состав отряда входили уполномоченный РОКК Федор Анатольевич Зворыкин, заведующий хозяйственной частью Владимир Федорович Петерсен, фармацевт Георгий Оскарович Бюнис²⁶. Позже назначен письмоводителем студент Киевского политехнического института Иван Карлович Вебер. В январе 1915 г. состав пополнился еще тремя врачами: Ван Дин, М.М. Кадец и заведующий стоматологическим кабинетом Л.И. Бланк²⁷. В последующем состав госпиталя изменился, летом 1915 г. в нем насчитывалось 43 медперсонала и 80 санитаров²⁸.

Работа в американском госпитале в Киеве была, по свидетельствам сотрудников, непросто тяжелой, а даже, можно сказать, героической. Близкое расположение к фронту означало нескончаемый поток раненых солдат. Как указал в опубликованном в газете *Washington Post* письме отцу американский врач Пол Зинхан: «Мы принимаем наших пациентов партиями от 10 до 250 человек, стараемся оказать им быструю и качественную медицинскую помощь и затем отправляем вглубь страны. В настоящее время в нашем рабочем графике более 400 операций в месяц, и мы за это время расходует более 10 000 комплектов перевязочных материалов»²⁹.

В газетных публикациях они описывали и характер травм, требующих сложного хирургического вмешательства, что было обусловлено совершенно новым воздействием снарядов и оружия. По свидетельствам американских хирургов, имелись случаи грыж головного мозга размером с «мужской кулак», серьезной раздробленности костей, проводилось сложное извлечение пуль из головы и области лица³⁰. Врачи Зинхан даже провели свою статистику в госпитале, отметив, что «наибольшее количество ранений приходилось в бедро, на втором месте были ранения в голову, на третьем — в предплечье»³¹.

Ежедневно выполняя врачебный и сестринский долг, американские сотрудники открывали для себя и совершенно иную сторону жизни в России. Благодаря общению со своими пациентами они знакомились

²⁶ РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

²⁷ РГВИА. Ф. 12677. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

²⁸ Busy in «Hell of war» // *Washington Post*. 1915. 2 Aug. P. 2.

²⁹ Ibid.

³⁰ Marvelous work by war surgeons // *Evening Star*. 1915. 2 Aug. P. 10.

³¹ Drs. Zinkhan home from war service // *Evening Star*. 1915. 18 Nov. P. 13.

Американский врач Артур Зинхан в окружении пациента и медсестер РОКК и АКК.
Из открытых источников

с неведомой ранее для себя русской культурой и менталитетом. По воспоминаниям многих американских сотрудников, русские солдаты вызвали только самые приятные впечатления. Сестра милосердия Люси Миннигероде отдавала дань уважения стойкости и терпеливости солдат: «Они были очень терпеливы, предъявляли мало требований и не жаловались. В условиях ограниченного числа медсестер уход за ними был бы невозможен, если бы они не обладали этими чертами характера»³². Врач Пол Зинхан проводит сравнение характеров русских и американцев: «Я провел в больницах почти всю свою жизнь, но здесь, в нашей больнице, я никогда не видел так мало нытиков и ворчунов среди мужчин, как в нашей больнице, хотя раны и страдания наших пациентов посрамили бы такое же количество наших пациентов дома, в Америке»³³. Однако не только мужчины, но и русские женщины заслужили похвалу американцев, отмечая их искреннюю жертвенность во имя страны. Вот как о них отзывался доктор Э. Эгберт: женщины «идут на всевозможные личные жертвы и с радостью выполняют любую работу ради общего дела»³⁴.

Помимо медицинского наблюдения и ухода за пациентами американские сестры милосердия старались поддерживать их настроение

³² Minnigerode Lucy. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 224.

³³ Busy in «Hell of war» // Washington Post. 1915. 2 Aug. P. 2.

³⁴ Marvelous work by war surgeons // Evening Star. 1915. 2 Aug. P. 10.

и бодрость духа на высоте. Они устраивали различные мероприятия, чтобы скрасить серые будни больничного быта. Например, в госпитале праздновали католическое и православное Рождество. На последнем «все солдаты, за исключением тяжелобольных, пришли на это празднование; лежащих больных спустили вниз вместе с постелью»³⁵. Сестры также преподнесли больным подарки: свитеры, носки, конфеты, пирожные. В обычное время несколько раз в неделю устраивались концерты, «когда мужчины играли и пели свои народные и маршевые песни, исполняли местные танцы <...> эти концерты — писала сестра, — всегда были для нас источником величайшего удовольствия»³⁶.

При тесном знакомстве с русскими, их историями из довоенной жизни или жизни на фронте у американцев менялось представление о России. Это происходило естественным образом, поскольку «русский мужик» не прилагал никаких усилий, чтобы, следуя каким-то определенным правилам, репрезентировать себя в хорошем, благоприятном образе, он просто был самим собой, он был настоящим. Впечатление американского персонала о жизни в России неоднократно поднималось в печати. Их тексты полны восторженных, красочных и эмоциональных выражений о чертах русского менталитета, и каждое такое сообщение заканчивалось словами признательности к русскому человеку. Вот воспоминание уже известной нам Люси Миннигероде, опубликованное в журнале *The American Journal of Nursing*: «Россия — страна настолько малоизвестная и считающаяся труднодоступной для путешествий, настолько обширная, с таким разнообразием рас и вероисповеданий, что потребовалась бы целая жизнь, чтобы по-настоящему понять ее, но даже короткого пребывания в ней достаточно, чтобы убедить человека в том, что многое из того, что о ней говорят, преувеличено, многое другое — неправда. В любой сфере жизни незнакомца, переступившего порог их дома, встречают с добротой и обходительностью. Каждый может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится, при условии соблюдения определенных правил. Их гостеприимство безгранично и непринужденно, и гостю в буквальном смысле предоставляется весь дом. Они обладают широким кругозором, они щедрый и имеют большое сердце; для меня большая честь иметь возможность познакомиться с ними в их собственной стране»³⁷.

³⁵ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 224.

³⁶ *Minnigerode Lucy*. The Heart of Hospital in Russia // *The American Red Cross magazine*. 1915. Vol. 10. No. 9. P. 314.

³⁷ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 226.

А вот в упомянутом нами письме П. Зинхана звучат следующие слова: «Воистину, это чудесная страна, и люди там тоже замечательные. Русский крестьянин самый счастливый человек, которого я когда-либо знал. Он вежлив, более того, он обходителен. Все, что у него есть, принадлежит вам. Как все это отличается от нашего западного представления о России. Сначала вы относитесь к этому с подозрением, затем вы начинаете понимать, и наконец, вы любите Россию и русских»³⁸.

В свою очередь и русские проникались взаимной симпатией к американскому персоналу. Довольно быстро, как выразилась сестра Хелена Скотт Хей, в сердцах русских солдат, ставших пациентами американского госпиталя, зарождалась привязанность «ко всем “американским” сестрам, даже к самым ворчливым и раздражительным!»³⁹. Солдаты, отвечая на вопрос вышестоящего начальства о степени налаживания контакта и диалога между ними и американцами, отзывались о них хорошо и отмечали, что нет нужды понимать, «когда они [американские сестры. — В.Т.] все делают за тебя»⁴⁰. Иными словами, забота и внимание американских сестер говорили пациентам о многом, что слова были излишни.

Своим неутомимым трудом американский медперсонал заполучил также признательность и расположение российских властей, что выразилось в приглашении их на встречу с императором Николаем II. Встреча состоялась на пассажирском железнодорожном вокзале в Царском павильоне в окружении гостей и представителей высокопоставленной знати⁴¹. Своими добрыми манерами и дружелюбием Император Всероссийский произвел на них самое приятное впечатление. Как выразилась сестра Хелена Скотт Хей: «Он покорила нас всех своей прямоотой и простотой»⁴². Он прибыл в простой «полковничьей форме, — продолжает американская сестра милосердия, — какую носят наши молодые врачи. Доктор Эгберт был генералом, и царь отдал ему честь». Император пожал руку всем врачам, уделил по мере возможности внимание каждому, чтобы лично поблагодарить американцев за хороший уход, оказанный русским солдатам⁴³.

³⁸ Busy in «Hell of war»... P. 2.

³⁹ *Hay Helen Scott. Meeting the Czar of all the Russias // The American Red Cross magazine. 1915. Vol. 10. No. 5. P. 185.*

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Высочайшее посещение г. Киева // Киевские епархиальные ведомости. 1915. LIV. № 5. С. 114.

⁴² *Hay Helen Scott. Meeting the Czar of all the Russias... P. 188.*

⁴³ Ibid.

Разобравшись с особенностями работы американской миссии в Киеве, следует уделить особое внимание ее значению как для самих американских сотрудников, так и для организации в целом. В такой ситуации можно говорить о двух уровнях восприятия значения миссии: первый — на уровне личных мотивов и взглядов непосредственно самих американских сотрудников; второй — на уровне поставленных перед организацией целей и задач, вызванных внутренними потребностями и внешними обстоятельствами.

В первом случае в мотивах и поступках американского медперсонала прослеживается параллель с историей пребывания американских врачей на русской службе в годы Крымской войны. Как описали отечественные исследователи В.Н. Пономарев и Н.Н. Болховитинов, американским врачам той эпохи такая авантюра «не сулила в награду ни материальных выгод, ни славы. Ехали энтузиасты, движимые искренним желанием помочь раненым и больным, а также приобрести практический опыт врачебной деятельности»⁴⁴. Те же мотивы и желания прослеживаются у американских сотрудников АКК. Так, для многих медсестер участие в зарубежной миссии стало «началом карьеры иностранной медсестры»⁴⁵, а уже после прибытия в Россию условия, с которыми столкнулись врачи и сестры в Киеве, расценивались ими как «вызов, а не повод для разочарования»⁴⁶.

Более того, помимо чувств сострадания и желания быть полезными в войне сотрудники исходили из чувства патриотизма. Они допускали мысль о возможном втягивании США в европейский конфликт, и с точки зрения работы в госпитале близ фронта эта миссия для них воспринималась как бесценный опыт и в организации коллектива в чрезвычайных условиях, и личного профессионального развития. «Ценность для нас, — описывает свои рассуждения американская сестра Л. Миннигероде, — заключается в опыте одновременного обращения со множеством пациентов, все они усталые, больные, голодные и замерзшие, и все стремятся к скорейшему выздоровлению. Чтобы выполнить эту задачу в кратчайшие сроки и при этом не нарушить распорядок дня больницы, требуется определенная организация и система, и только это я считаю

⁴⁴ Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н. Американские врачи в Крымской войне // США: Экономика, политика, идеология. 1980. № 6. С. 65.

⁴⁵ Kernodle P.V. The Red Cross Nurse in Action, 1882–1948. New York: Harper & Brothers, Publishers, 1949. P. 96.

⁴⁶ Ibid. P. 103.

неоценимым»⁴⁷. А когда доктор Э. Эгберт летом 1915 г. вновь оказался в США, он приглашал своего коллегу доктора Малькома Гроу отправиться с ним в Россию. Основным аргументом являлось получение бесценного опыта, которое можно будет направить на благо своей страны. «Я не знаю, но мы все чувствуем, все мы, кто находится в Европе, что Америка неизбежно будет втянута в этот великий мировой конфликт. Если так случится, то подготовка и опыт, — убеждал Э. Эгберт, — которые Вы получите в России, сослужат Вам хорошую службу, когда представится возможность послужить вашей собственной стране»⁴⁸. Эти слова стали определяющими в решении доктора М. Гроу отправиться в Россию.

В свою очередь, задачи, которые ставили перед собой АКК, отличались от представлений сотрудников и носили двойственный характер. Во-первых, благодаря организации, отправке и работе зарубежных миссий АКК намеривался решить собственную, наиболее острую проблему, связанную с низкой популярностью организации в самих Соединенных Штатах, что влекло за собой отсутствие роста членства и местных региональных отделений в Штатах. Перед войной организация насчитывала 17 тыс. членов и 107 отделений. Периодическое сравнение возможностей и мощностей других национальных обществ Красного Креста⁴⁹ и демонстрация в печати достижений своих сотрудников на войне и отзывчивой положительной реакции, слов благодарности от воюющих стран⁵⁰ должны были показать гражданам, что их жертвования и вместе с тем усилия АКК не напрасны и дают свои плоды. Можно предположить, что такая реклама могла поспособствовать повышению престижа АКК. Цифры свидетельствуют о следующем, что к концу войны заметно увеличился состав организации и ее территориальный охват — 20 млн человек и 3864 отделения⁵¹.

В то же время деятельность миссии АКК полностью соответствовала планам администрации президента В. Вильсона, по совместительству и президента АКК, по созданию исключительно благоприятного образа

⁴⁷ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 226.

⁴⁸ *Grow M.C.* Surgeon Grow. An American in the Russian fighting. New York: Frederick A. Stokes company publishers, 1918. P. 5.

⁴⁹ *The Campaign Grows by Leaps and Bounds // The American Red Cross magazine*. 1916. Vol. 11. No. 3. P. 85, 88.

⁵⁰ *Word from the Front // The American Red Cross magazine*. 1915. Vol. 10. No. 1. P. 37–41; *More Letters of Gratitude // The American Red Cross magazine*. 1915. Vol. 10. No. 9. P. 320–325.

⁵¹ American Red Cross. A Brief History of the American Red Cross. [online] Available at: <https://www.redcross.org/about-us/who-we-are/history.html> (Accessed 21 Dec. 2024).

США в глазах враждующих европейских государств. Данная акция предоставила уникальную возможность для американского президента провести внешнеполитический пиар-ход, направленный на демонстрацию США в образе миротворца и благодетеля, тем более это становилось актуальным в условиях, когда с первых месяцев войны американский президент стремился подвести враждующие страны к мирным переговорам⁵².

Во-вторых, деятельность зарубежных миссий АКК укладывалась и в рамки публичной дипломатии, что выражалось в продвижении среди медицинских служб европейских стран высоких стандартов работы американских больниц и сестринского дела, тем самым создавая и закрепляя положительный образ страны, как бы подтверждая в очередной раз статус успешной американской модели государства. Так, в одном из выпусков *The American Red Cross magazine* можно найти подтверждение тому, что некоторые европейские страны оказались под большим впечатлением от работы сотрудников, решив последовать их примеру. В частности, в Будапеште глава «городской миссии» попросил руководителя подразделения «Е» познакомить группу венгерских женщин с особенностями и методами обучения сестринского дела и их работой в США. А королева Греции была намерена организовать школу сестринского дела, отправив с этой целью на обучение в больницу в Филадельфии одну из своих подданных⁵³. Что касается России, то в период проведения уборки помещений новоиспеченной больницы в Киеве американские медсестры проявили профессиональный подход к соблюдению санитарных норм в помещениях, что вызвало позитивный отклик в местных газетах. Американскому примеру в будущем последовали 20 представительниц русской аристократии. При открытии другого здания под больницу они «убрали ее точно так же, как делали американские медсестры, и купали пациентов так, как, по их наблюдениям, это делали американцы»⁵⁴.

Американский персонал также старался создать в глазах русских благоприятный облик американцев. Как выразилась сестра Миннигероде в журнале *The American Journal of Nursing*: «Нет ни одного солдата, который, будучи пациентом американского госпиталя, не сообщил бы об этом домой и не рассказал бы о проделанной для него работе. Многие из наших пациентов прислали нам весточку из дома, и чаще всего

⁵² Шаццлло В.К. Россия и США: от Портсмутского мира до падения царизма. Очерки истории отношений. М., 2019. С. 168–200.

⁵³ Delano J.A. A chat about the nurses abroad // *The American Red Cross magazine*. 1915. Vol. 10. No. 2. P. 84–85.

⁵⁴ Kernodle P.B. *Op. cit.* P. 98.

в этих письмах содержались слова благодарности от их жен и матерей. <...> Когда мы осознаем, что поступающие к нам солдаты являются жителями со всех уголков России и что добрые слова о нашем госпитале разносятся по домам каждого из них в Сибири, на юге России, в Польше или Крыму, тогда приходит осознание того, что работа, проделанная Американским Красным Крестом, была ненеправильной. Вести о нашей работе с настоящего времени и в последующем будут известны и почитаемы от одного конца Империи до другого и будут передаваться от отца к сыну на протяжении многих поколений»⁵⁵.

В этих словах прослеживается параллель с первой благотворительной акцией *Christmas ship*, целью которой было, помимо действительной гуманитарной помощи, оставить о себе благоприятный след в памяти европейских народов и их будущих поколений, что в будущем даст возможность сплотить нации благодаря и вокруг Соединенных Штатов⁵⁶.

Также параллель прослеживается и с деятельностью американской колонии в Петрограде, которая учредила свой госпиталь в столице. Опираясь на массив писем благодарности в адрес Петроградского госпиталя, американская исследовательница Л. Гинзбург пришла к выводу о том, что, несмотря на незначительную помощь российским санитарным службам, «трудно недооценить явный и долговременный вклад Америки в непрерывный диалог между двумя странами в ходе вызванного войной кризиса. Благодаря тесным отношениям с русскими и непосредственному участию в жизни города американцы привнесли в него себя и свои идеалы, заложив основу публичной дипломатии»⁵⁷. Это замечание в полной мере можно отнести и к деятельности американского госпиталя в Киеве, поскольку характер деятельности американского персонала и содержание писем в их адрес похожи с работой Петроградского госпиталя.

⁵⁵ *Minnigerode Lucy*. Experience of unit C. at Kiev, Russia... P. 226.

⁵⁶ War orphans send thanks for gift // *Evening star*. 1915. 15 Feb. P. 5; Данный тезис подтверждается и в следующих источниках: *Heaton F.G.* Taking old Santa to Armageddon // *The American Red Cross magazine*. 1915. Vol. 10. No. 1. P. 36; *Bell L.* The story of the Christmas ship. Chicago: Rand McNally & Company, 1915. P. 34.

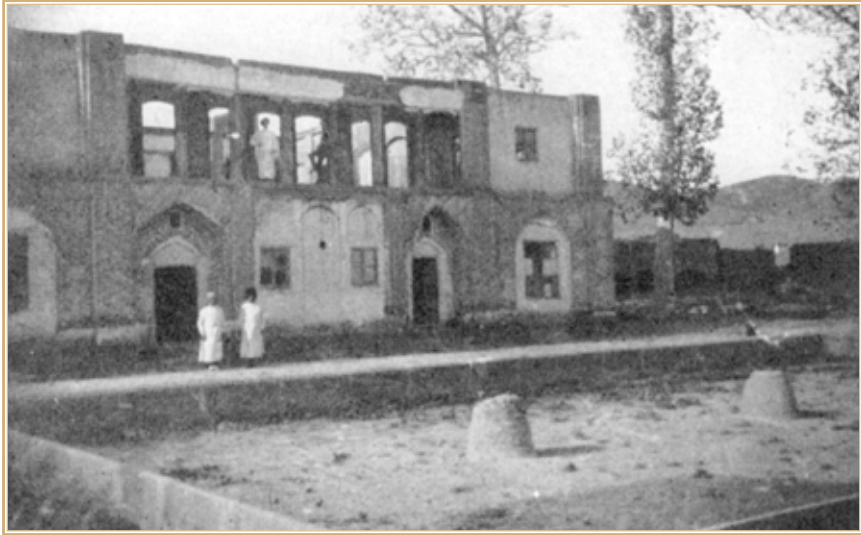
⁵⁷ *Ginzburg L.* Rediscovering the “Living Human Document” of a goodwill initiative: Letters from Russian Soldiers Cared for at the Citi Hospital of the American Colony in Petrograd, 1914–1918 // *New Perspectives on Russian–American Relations*. N.Y.: Routledge, 2015. Available at: file:///C:/Users/ztare/OneDrive/Рабочий%20стол/Канд.диссер/Красный%20крест/американская%20литература/New%20Perspectives%20on%20Russian-American%20Relations%20(Routledge%20Studies%20in%20Cultural%20History)%20by%20William%20Benton%20Whisenhunt%20&%20Norman%20E.%20Saul.epub. (Accessed 19 Dec. 2024).

Данный аргумент становится еще более убедительным, если учитывать тот факт, что вследствие ухудшения материального положения АКК американская миссия в Киеве должна была быть закрыта с 1 октября 1915 г. Однако это событие произошло раньше — 15 сентября, поскольку в результате произошедших летом 1915 г. изменений на Юго-Западном фронте и нависшей опасности вторжения немецких войск в Киев персонал, пациенты и оборудование американского госпиталя были в срочном порядке эвакуированы, остальное было уничтожено⁵⁸. В этот период часть персонала возвратилась обратно в США, а оставшаяся в городе группа американцев оказывала помощь раненым в перевязочных пунктах, расположенных в зданиях железнодорожного и трамвайного депо⁵⁹.

Выправить ситуацию старались члены американской колонии в Петрограде. Они собрали небольшую сумму в размере 4000 руб., чтобы на несколько месяцев продлить работу американского персонала в Киеве. Однако этого оказалось недостаточно, и члены американской колонии предприняли попытку вновь мобилизовать общественные силы в США с целью притянуть необходимые деньги. Основным приемом убеждения стала пропаганда результатов работы американских врачей и медсестер и важности их миссии в деле налаживания и укрепления российско-американских отношений. Как указано в бюллетене под названием «Сохранение престижа Америки в России», выпущенной американским пастором Методистской епископальной церкви в России и по совместительству главой американской колонии в Петрограде Дж. Саймоном, американский госпиталь в Киеве снискал благоприятную репутацию: «Квалифицированная и неустанная работа, проделанная самоотверженной группой врачей и медсестер Американского Красного Креста, по спасению жизней и облегчению страданий людей приобрела существенное значение в деле продвижения доброжелательности и глубокое уважение со стороны российского правительства и российского народа к Соединенным Штатам Америки <...> Госпиталь Американского Красного Креста в Киеве приобрел репутацию одного из образцовых госпиталей в России, и многие из самых тяжелых пациентов на фронте были доставлены сюда для проведения операций <...>», а закрытие госпиталя «может привести к ослаблению постоянно растущих дружеских чувств российского правительства и народа к Соединенным Штатам

⁵⁸ Segal J.E. American Humanitarian Volunteerism in Russia's Military 1914–1917... P. 121–122.

⁵⁹ Kiel Sophia. Op. cit. P. 1037–1038.

Тифозный госпиталь в Хое, Персия.
Из открытых источников

Америки»⁶⁰. В тот же момент на страницах сентябрьского номера журнала *The American Red Cross magazine* за 1915 г. было напечатано письмо похожего содержания, в котором вновь присутствовало воззвание к американцам направить силы на продолжение американской миссии в России. «Мы знаем, — говорится в письме, — что российские власти очень благодарны за помощь, оказанную Американским Красным Крестом, и, если возможно, хотели бы, чтобы это общество еще больше расширило свою благотворительную деятельность в этой стране <...> Не может быть лучшего способа укрепить дружеские связи <...> между двумя странами и способствовать развитию хороших отношений <...>, чем проявлять американцами активный и щедрый интерес к работе, которая так блестяще проводится»⁶¹.

Примечательно здесь не только содержание, но и фамилии лиц, поставивших под ним подпись. Среди них находится львиная доля представителей крупных и влиятельных американских компаний. Встречаются имена американского консула в России Генри Д. Бейкера, представителей *American Express Company* А. Спенсера, *The Harley-Davidson Motor Company* Дж. Финсона, вице-президента и генерального директора *Seattle Car and Foundry Company* О. Корвина и М. МакАллистера

⁶⁰ РГИА. Ф. 624. Оп.1. Д. 6. Л. 1–1 об.

⁶¹ *Minnigerode Lucy. The Heart of Hospital in Russia // The American Red Cross magazine. 1915. Vol. 10. No. 9. P. 311.*

Группа беженцев под присмотром персонала американской больницы в Хое, Персия.
 Фотография сделана коммерческим атташе США в Петрограде Г.Д. Бейкером

Смита, представлявшего интересы Guaranty Trust Company и др.⁶² Такое стечение обстоятельств является неслучайным.

С начала XX в. американский капитал стал активно проникать в Россию, что выражалось в широкой заинтересованности американских промышленников к богатым внутренним ресурсам страны. Параллельно с начала Великой войны американцы были заинтересованы в повышении и углублении финансовых и торговых отношений между Россией и США, вызванном тем, что им предоставился шанс занять место Германии в качестве основного торгово-экономического партнера. Первым делом американцы предприняли попытку возобновить переговоры насчет нового торгового договора и установления финансовых связей⁶³.

Американские дельцы понимали, что российские власти не испытывают обоюдного желания, поскольку все действия правительства были направлены на удержание страны в войне. В этой ситуации они избрали стратегию продолжать переговоры с властями и вместе с тем интенсивно готовить себе почву среди общественного благоприятствования, чтобы уже после окончания войны заполучить от российского правительства удовлетворение американских предложений и проектов. Одним из

⁶² Ibid.

⁶³ Ганелин Р.Ш. Россия и США, 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л.: Наука, 1969. С. 22–28.

основных инструментов для них стала благотворительность. Можно сказать, что американцы исходили из тезиса капитана Девида Хофа, высказанного в журнале *The Iron Age*: «Чтобы иметь успех в России <...> нужно уметь расположить русских на свою сторону. <...> Русским не нравится, если иностранный капитал работает исключительно для собственной выгоды, но они не прочь работать совместно с иностранцами в интересах России»⁶⁴.

Эту же мысль высказал и управляющий петроградским отделением *National City Bank of New York* Г. Фессенден Мезерв в рассуждениях насчет овладения русским железнодорожным строительством. В частности, он заявил, что действовать надо «с особой осторожностью и оглядкой — “в том же духе, как сами бы вы согласились, чтобы русские прибыли в Америку и начали там строительство частных железнодорожных дорог на свои деньги. <...> В чужой стране всегда существует опасность нечаянно восстановить против себя людей”»⁶⁵.

Наиболее ярко относительно связи между американским капиталом и благотворительностью выразился американский консул Г. Бейкер в ноябре 1915 г. на праздновании Дня благодарения в кругу членов американской колонии: «Такая политика, хотя и проистекает из чистого альтруизма и христианского следования золотому правилу, тем не менее имеет важное значение для увеличения внешней торговли, которая приносит нашей стране большую мощь и процветание. <...> Мне кажется, что в настоящий момент чрезвычайно важно, чтобы все американцы делали все возможное для содействия развитию еще более тесных дружеских связей между нашей страной и великой Российской империей. У этой империи есть особые коммерческие и промышленные проблемы, требующие решения, в которых американский опыт может оказаться наиболее ценным»⁶⁶.

Американские промышленники и финансовые круги не ограничились поддержкой только солдата. Они оказывали благотворительную помощь и пострадавшему населению, и военнопленным. В первом случае после известия о несчастном инциденте в Бакарице, в одном из портов Архангельска, на помощь жертвам трагедии откликнулись три нью-

⁶⁴ Россия с точки зрения американского инженера и делового человека // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. 1915. Вып. 1. С. 11; *Hough D.L. Russian from the point of view of an American Engineer and Business Man // The Iron Age. 1915. Vol. 95. No. 12. P. 665–666.*

⁶⁵ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 62.

⁶⁶ *Providence, progress and prosperity // Христианский поборник. 1915. № 84. С. 14.*

йоркские фирмы: American International Corporation, Allied Contracting Company (New York), National City Bank of New York, которые совместно с русским акционерным обществом технических снаряжений и сооружений направили 40 000 рублей в Россию⁶⁷. Во втором — на заседании Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в августе 1915 г. рассматривалось предложение от американской компании American Express Company оказать материальную помощь военнопленным и содействие в отправке денежных переводов и посылок русским пленным⁶⁸.

Конечно, венцом их благотворительной деятельности стала поддержка американской миссии АКК в России, или, если точнее сказать, той оставшейся в Киеве группы американских врачей и медсестер, которым предстояло проявить свои навыки и опыт в борьбе за жизни русских солдат в Хое на Кавказском фронте. Выбор в пользу миссии АКК проистекал из того понимания, что ее деятельность была широко известной и заметной американской акцией в России, о чем свидетельствует вышеизложенный отклик со стороны властей и общества.

Пока группа американских сотрудников располагалась в эвакуационном пункте, в Петрограде велись переговоры о их дальнейшей судьбе. На заседании 21 сентября 1915 г. ГУ РОКК было принято решение отправить отряд на Кавказ в распоряжение главноуполномоченного РОКК Голубева⁶⁹. В октябре 1915 г. был создан Российский комитет Американского Красного Креста, имевший статус аффилированной организации АКК. В задачи комитета входило поддержание, в большей степени финансовое, оставшегося в России медицинского персонала, который был задействован на Кавказском фронте. Пополнение фонда денежных средств осуществлялось благодаря пожертвованиям американских граждан, членским взносам и взносам различных американских фирм, представленных в России⁷⁰. При этом среди активной группы Российского комитета помимо американского консула Г. Бейкера и главы американской колонии Дж. Саймона были представители крупных американских компаний: мистера МакАллистер Смит, капитан Дэвид Хоф,

⁶⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 6. Д. 1057. Л. 1, 1 об., 9.

⁶⁸ РГИА. Ф. 525. Вн. оп. 225.2747. Д. 472. Л. 7.

⁶⁹ Полянская Е.Е. Российское общество Красного Креста на Кавказе и Кавказском фронте в 1905–1917 годах. Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. М., 2023. С. 65.

⁷⁰ Russian committee of American Red Cross // Христианский поборник. 1916. № 88. С. 14–15.

Палатка, используемая для раздачи медикаментов беженцам в Хое, Персия.
Главный врач госпиталя Американского Красного Креста в Хое
доктор Лайл Хэзлетт (в центре).
Из открытых источников

мистер Бриттенхэм и мистер Чарльз Престон. Количество собранных подписей на момент января 1916 г. обеспечило финансирование американской группы медперсонала на ближайшие полгода⁷¹.

Из Киева группа американского персонала во главе с бывшим командиром второго полевого госпиталя национальной гвардии штата Огайо, опытным врачом Г.Г. Свайтли⁷² (после руководство группой взял на себя Лайл Хэзлетт) прибыла 21 октября (3 ноября) в город Тифлис, 28 октября (10 ноября) — на ст. Джульфа, а на утро 29 октября (11 ноября) госпиталь прибыл в персидский город Хой. Он состоял из 19 лиц персонала, из них 3 врача, 5 американских сестер милосердия, и 49 санитаров РОКК⁷³. Согласно указаниям генерала Ф.Г. Чернозубова в задачи американского лазарета в Хое вверялось обслуживание линии Котур-Сарай-Ван⁷⁴.

В распоряжении американского отряда находился одноэтажный главный госпиталь РОКК в Хое, который представлял собой длинное глинобитное здание и по своему техническому состоянию не шел ни в какое сравнение с госпиталем в Киеве. Ранее здание служило в качестве караван-

⁷¹ Там же. С. 15. См. подробнее: Segal J.E. American Humanitarian Volunteerism in Russia's Military 1914–1917... P. 116–126.

⁷² Vivat American Red Cross in Russia! // Христианский поборник. 1915. №83. С. 16.

⁷³ РГВИА. Ф. 127333. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 9. Д. 15. Л. 5.

сарая, где путешественники проводили ночь, пока ухаживали за животными снаружи. Американским отрядом были предприняты те же первоочередные меры, что были проделаны в Киеве, по реконструкции здания в полностью пригодную для врачебной и хирургической деятельности больницу. Помещения были продезинфицированы и переоборудованы, в результате чего комплекс стал состоять из шести больших палат и одной операционной⁷⁵. Помимо этого, в госпитале размещались столовая, хранилище для лекарств, комнаты для персонала. Наладив систему канав для отвода грязной воды, сотрудникам также удалось разместить баню и прачечную. Кухня вместе с помещением для медсестер находилась в отдельном здании. Большая территория между палатами и двором служила приемной, где персонал осматривал пациентов и стерилизовал их одежду⁷⁶. Из Тифлисского полевого склада было доставлено все затребованное американцами медицинское имущество. Получив все необходимое, госпиталь, как следует из докладной записки, сумел «развернуться до 150 кроватей, из коих 25 специальных хирургических, кроме того еще 25 кроватей в сыпно-тифозном отделении и там же 25 для больных военнопленных турок. Итого, госпиталь предполагает развернуть до 200 кроватей»⁷⁷.

В Хое американскому отряду пришлось столкнуться с новыми полевыми условиями, уделяя больше времени и сил на борьбу с распространением тифа, что было для них первое время тягостным занятием, поскольку их основным профилем в Киеве было именно хирургическое лечение пациентов⁷⁸. Тем не менее достаточно быстро персонал освоился в новых обстоятельствах. Ими также была внедрена программа профилактики борьбы с различными инфекционными заболеваниями, которая включала в себя стерилизацию одежды, обработку тела керосином, утилизацию отходов и кипячение воды. Эти меры способствовали снижению распространения инфекционных болезней, в частности тифа, среди солдат и беженцев⁷⁹. Более того, при госпитале было открыто специальное сыпно-тифозное отделение под руководством врача Дундуа, имевшего опыт борьбы с тифозной эпидемией в Сербии зимой 1914 г.⁸⁰

По мере укрепления положения американского отряда в Хое их функции не ограничивались только уходом за ранеными солдатами и ти-

⁷⁵ Segal J.E. American Join the Russian Persia Expeditionary Force... P. 134.

⁷⁶ Ibid. P. 131–132.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 127333. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 об.

⁷⁸ Там же. Л. 17.

⁷⁹ Segal J.E. American Join the Russian Persia Expeditionary Force... P. 133.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 127333. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

София В. Киль, сестра Американского Красного Креста.
Из открытых источников

фозными больными. В скором времени они наладили работу по снабжению беженцев айсоров из Сайдавара пропитанием, оборудовав питательно-амбулаторный пункт при госпитале⁸¹, а в трех верстах от главной больницы был открыт и лазарет по уходу за военнопленными турками⁸². По собственной инициативе врачи и медсестры оказывали помощь местному населению, среди которых были персы, армяне, сирийцы и татары, а также проводили консультации для персидских врачей⁸³.

Эффективность работы американского отряда находилась на достаточно высоком уровне. По промежуточным отчетам видно, что до 6 марта 1916 г. через госпиталь прошло 674 пациента, из которых 175 человек нуждались в хирургическом вмешательстве, остальным 499 пациентам требовалась медицинская помощь. Всего за тот период смертельных случаев было 27⁸⁴, что в процентном соотношении составляет 4,01% от общего числа. До 6 мая 1916 г. количество пациентов составило 535 человек, из которых хирургического вмешательства требовали 207 человек, медицинского — 449 человек (с учетом оказания помощи

⁸¹ Там же.

⁸² Good Samaritan work // Христианский поборник. 1916. №92. С. 10.

⁸³ Graphic account of good Samaritan work of American hospital with Russian army // Христианский поборник. 1916. №88. С. 13.

⁸⁴ Quarterly report of American field hospital Caucasian front, temporarily at Khoi, Persia // Христианский поборник. 1916. №89. С. 13.

местному населению в частном порядке), всего было 18 смертельных случаев, что составляет 3,36% от общего числа⁸⁵.

Такие показатели становятся более существенными, если учитывать и тот факт, что работа американского персонала в Хое осложнялась различными факторами. В частности, из-за скудной транспортной сети, большой отдаленности от складов снабжения и иных госпиталей⁸⁶, опасности заболеть инфекционным заболеванием, что могло привести к летальному исходу, как, например, с гибелью нескольких санитаров, или к отстранению от работ врачей и медсестер⁸⁷.

На протяжении всего периода существования американского госпиталя в Хое российское военное руководство стремилось по возможности оказывать знаки внимания американскому персоналу с целью не только показать значимость их работы, но и создать ощущение сопричастности американцев к русской военной корпорации. Их действия выражались в награждении американских сестер милосердия медалями и орденами — сестра Клара Борнадаллар наравне с российскими сестрами была удостоена медалью «За усердие», а сестры Флоренс Фармер, Р.Ли. Кромвель и София Киль были награждены орденом Святой Анны⁸⁸. Благоприятное отношение военных властей выразалось и в приглашении американцев на празднование царских именин, где им были отведены «почетные места» среди других офицеров и командующего гарнизоном генералом Вороновым», а также в последующем визите начальника штаба заместника Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича генерала Н.Н. Янушкевича, назвавшего американскую больницу «лучшей среди тех, что находятся в пустыне»⁸⁹.

В конце лета 1916 г. по просьбе заместника, посчитавшего нежелательным пребывание на фронте иностранцев даже нейтральных госу-

⁸⁵ American hospital helps Russian army // Христианский поборник. 1916. №90. С. 12.

⁸⁶ Segal J.E. American Join the Russian Persia Expeditionary Force... P. 129.

⁸⁷ Ibid. P. 136.

⁸⁸ Three American Red Cross Nurses // Христианский поборник. 1916. №88. С. 16.; РГВИА. Ф. 127333. Оп. 1. Д. 2. Л. 88; Segal J.E. American Join the Russian Persia Expeditionary Force... P. 142; American Red Cross Nurse Sophia Valentine Kiel. Nursing Matters Past and Present // American Red Cross National Nursing Committee. 2022. Ed. 48. P. 10; Многие другие американские сестры милосердия были награждены золотыми и серебряными медалями «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте за службу в госпитале в Киеве и в Хое. См.: Награды // Сенатские ведомости. 1916. № 54. С. 279.

⁸⁹ Segal J.E. American Join the Russian Persia Expeditionary Force... P. 135

дарств, а также в связи с изменением условий эвакуации больных и раненых американский госпиталь был закрыт⁹⁰. Он был расформирован, хирургический лазарет передавался во введение 492-го полевого военного госпиталя, а сам госпиталь переориентировался в холерное отделение⁹¹.

Таким образом, за время пребывания миссии АКК персонал оказывал посильную, местами героическую медицинскую помощь раненым и больным русским солдатам на наиболее напряженных участках войны, неоднократно заслуживая признательность и российских властей, и своих пациентов. Конечно, по сравнению с общим объемом пострадавших в России за годы войны — более 3 млн человек масштаб американской помощи был незначительный — чуть более 4700 солдат прошли через госпиталь в Киеве и Хое. Однако эти цифры несравнимы с тем, какое значение американская миссия занимала в истории Американского Красного Креста и российско-американских отношений. Миссия стала одним из элементов непрямого участия Соединенных Штатов в войне до апреля 1917 г., а также инструментом повышения популярности АКК среди американского населения. В российско-американских отношениях миссия находилась в русле публичной дипломатии и межнациональной коммуникации, направленной в сторону укрепления доверия и взаимного расположения между обоими народами.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Болховитинов И.И. Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863–1864 гг., в: *Американский ежегодник 1994*. М.: Наука, 1995. С. 194–207.

⁹⁰ Полянская Е.Е. Указ. соч. С. 67.

⁹¹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 9. Д. 15. Л. 124, 155.

- Bolhovitinov I.I. Historians in search of truth: The visit of the Russian fleet to the USA in 1863–1864, in: *American yearbook 1994*. Moscow: Nauka, 1995. P. 194–207 (in Russ.).
2. Болховитинов Н.Н., Пономарёв В.Н. Американские врачи в Крымской войне. *США: Экономика, политика, идеология*. 1980;(6):63–69.
Bolhovitinov N.N., Ponomarev V.N. American doctors in the Crimean War. *USA: Economics, Politics, Ideology*. 1980;(6):63–69 (in Russ.).
3. Ганелин Р.Ш. *Россия и США, 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений*. Л.: Наука, 1969. 416 с.
Ganelin R.Sh. *Russia and the USA, 1914–1917. Essays on the history of Russian–American relations*. Leningrad: Nauka, 1969. 416 p. (in Russ.).
4. Журавлёва В.И. Американская помощь России в период голода 1891–1892 годов: Из истории российско-американских отношений конца XIX века, в: *Американский ежегодник 1998*. М.: Наука, 1999. С. 148–164.
Zhuravleva V.I. American relief to Russia during the famine of 1891–1892. From the history of Russian–American relations at the end of the 19th century, in: *American yearbook 1998*. Moscow: Nauka, 1999. P. 148–164 (in Russ.).
5. Журавлёва В.И. Изучение истории российско-американских отношений в XXI веке по обе стороны Атлантики: исследовательские подходы и практики. *Новая и новейшая история*. 2022;66(4):29–54.
Zhuravleva V.I. The study of the history of US–Russia relation in the 21st century on both sides of the Atlantic: Research approaches and methods. *Modern and Contemporary History*. 2022;66(4):29–54 (in Russ.).
6. Журавлёва В.И. *Общее прошлое русских и американцев. Курс лекций*. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 618 с.
Zhuravleva V.I. *The common past of Russians and Americans. Lecture course*. Moscow: Russian State University for the Humanities publishing house, 2021. 618 p. (in Russ.).
7. Журавлёва В.И. *Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914*. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 1136 с.
Zhuravleva V.I. *Understanding Russia in the United States: Images and myths. 1881–1914*. Moscow: Russian State University for the Humanities publishing house, 2012. 1136 p. (in Russ.).
8. Ипполитов С.С. «Я видел мертвых...»: Российское общество красного креста и Американский красный крест в Сибири

- и на Дальнем востоке в 1918–1920 гг. *Россия и современный мир*. 2018;98(1):100–112.
- Ippolitov S.S. «I saw dead...»: The Russian Red Cross and the American Red Cross in Siberia and the Far East in 1918–1920. *Russia and Contemporary World*. 2018;98(1):100–112 (in Russ.).
9. Лобков Л.А. Взаимоотношения русских и иностранных врачей в Крымскую войну. *Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям*. 2020;(1):87–96.
Lobkov L.A. Russian and foreign physicians during the Crimean war: Mutual perceptions. *Dictum – factum: From Research to Strategic Decisions*. 2020;(1):87–96 (in Russ.).
  10. Лобков Л.А. Миф о бесполезности иностранных врачей в Крымскую войну, укоренившийся в отечественной историографии: критический обзор источников, в: *Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции* / Ред.: А.В. Ставицкий. Севастополь, 2023. С. 427–448.
Lobkov L.A. The myth of uselessness of foreign doctors in the Crimean War, rooted in the domestic historiography: Critical review of sources, in: *Myth in history, politics, culture. Collection of materials of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference* / Ed. by A.V. Stavitskiy. Sevastopol, 2023. P. 427–448 (in Russ.).
  11. Лобков Л.А. Письма Уильяма Роквелла Тролла и Уильяма Линна Макмиллена как источник изучения участия американских врачей в Крымскую войну. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023;68(2):454–467.
Lobkov L.A. Letters of William Rockwell Thrall and William Lynn McMillen as a source for studying the participation of American doctors in the Crimean War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2023;68(2):454–467 (in Russ.).
  12. Малкин М.М. *Гражданская война в США и царская Россия*. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939. 332 с.
Malkin M.M. *The Civil War in the USA and Tsarist Russia*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1939. 332 p. (in Russ.).
  13. Полянская Е.Е. *Российское общество Красного Креста на Кавказе и Кавказском фронте в 1905–1917 годах*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 255 с.
Polyanskaya E.E. *The Russian Red Cross Society in the Caucasus and the Caucasian front in 1905–1917*. Diss. ... Cand. Hist. Sci. Moscow, 2023. 255 p. (in Russ.).

14. Рогачёв И.В. Силин А.В. Американские неправительственные организации и политика США на европейском севере России, 1914–1919 гг. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2019;(3):50–58.
Rogachev I.V. Silin A.V. American non-government organization and U.S. policy in the European north of Russia, 1914–1919. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2019;(3):50–58 (in Russ.).
15. Смит Д. *Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели* / Пер. с англ. Е. Фоменко. М.: Корпус, 2021. 352 с.
Smit D. *The Russian job. The forgotten story of how Americans saved the Soviet Union from ruin* / Transl. from Eng. by E. Fomenko. Moscow: Corpus, 2021. 352 p. (in Russ.).
16. Шаламов В.А. Деятельность Американского красного креста в Восточной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). *Новейшая история России*. 2021;11(1):56–71.
Shalamov V.A. The American Red Cross Activity in Eastern Siberia during the Russian Civil War (1918–1920). *Modern History of Russia*. 2021;11(1):56–71 (in Russ.).
17. Шаламов В.А. Неизвестные Тьюслер: руководитель Американского красного креста в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2020;33:31–45.
Shalamov V.A. Unknown Teusler: Head of the American Red Cross in Siberia and the Far East during the Civil War. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. 2020;33:31–45 (in Russ.).
18. Шацилло В.К. *Россия и США: от Портсмутского мира до падения царизма. Очерки истории отношений*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. 281 с.
Shatsillo V.K. *Russia and the USA: From the Portsmouth World to the Fall of Tsarism. Essays on the history of relationships*. Moscow: Scientific press Ltd. KMK, 2019. 281 p. (in Russ.).
19. Dvoichenko-Markov E. Americans in the Crimean War. *Russian Review*. 1954;13(2):137–145.
20. Ginzburg L. *Confronting the Cold war legacy: The forgotten history of the American colony in St. Petersburg. A case study of reconciliation*. Ph.D. Diss. Lawrence: University of Kansas, 2010. 405 p.
21. Ginzburg L. Rediscovering the «Living Human Document» of a goodwill initiative: Letters from Russian soldiers cared for at the Citi

- Hospital of the American Colony in Petrograd, 1914–1918, in: *New Perspectives on Russian–American Relations*. New York: Routledge, 2015. URL: file:///C:/Users/ztare/OneDrive/Rabochij%20stol/Kand.disser/Krasnyj%20krest/amerikanskaja%20literatura/New%20Perspectives%20on%20Russian-American%20Relations%20(Routledge%20Studies%20in%20Cultural%20History)%20by%20William%20Benton%20Whisenhunt%20&%20Norman%20E.%20Saul.epub (Accessed: 16.02.2024).
22. Golder F.A. The Russian fleet and the Civil War. *The American Historical Review*. 1915;20(4):801–812.
  23. Polk J.A. *Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–1924*. Ph.D. Diss. Toronto: University of Toronto, 2012. 514 p.
  24. Saul N.E. *Concord and conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. 654 p.
  25. Saul N.E. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. 448 p.
  26. Saul N.E. *War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. 483 p.
  27. Segal J.E. American join the Russian Persia Expeditionary Force. *The Journal of Russian–American Studies*. 2023;7(2):124–161.
  28. Segal J.E. *American humanitarian volunteerism in Russia's Military 1914–1917*. Ph.D. Thesis. Washington: George Washington University, 2018. 314 p.

Тарелко Владислав Михайлович
Tarelko Vladislav Mikhailovich

аспирант Санкт-Петербургского
Института истории РАН,
ORCID: 0009-0004-2915-7113,
SPIN-code: 1901-1606,
AuthorID: 1146913

Postgraduate student of the St. Petersburg
Institute of History Russian Academy
of Sciences,
ORCID: 0009-0004-2915-7113,
SPIN-code: 1901-1606,
AuthorID: 1146913

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
15.12.2025

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Н.А. Заяц¹, В.Ф. Заболотин²

1. Московский авиационный институт, г. Москва,
Российская Федерация.

2. Проект «Красный Юг по белым источникам», г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

E-mail: 1. nikza91@yandex.ru; 2. zabolot10@mail.ru

Ростовское вооруженное восстание (26 ноября — 3 декабря 1917 г.)

Аннотация

В историографии Гражданской войны в России Ростовское вооруженное восстание 26 ноября — 3 декабря 1917 г. остается малоисследованным эпизодом, хотя именно оно стало первым крупным столкновением между большевиками и структурированными силами контрреволюции на Юге России. Данная статья предпринимает попытку комплексного анализа этого конфликта на основе сравнительного изучения советской и современной историографии, критического анализа архивных документов, прессы и впервые вводимых в научный оборот свидетельств участников. Ключевое внимание уделяется детальной реконструкции хода событий, которая позволяет пересмотреть устоявшиеся трактовки причин и динамики восстания. Авторы опровергают распространенный тезис о том, что восстание было спровоцировано «ультиматумом большевиков» атаману Каледину, доказывая, что вооруженное выступление стало ответом на силовые действия казачьих властей. Исследование демонстрирует, что жесткая политика атамана Каледина, выразившаяся во введении военного положения, разоружении частей и арестах, послужила катализатором для консолидации разнородных революционных сил (большевиков, левых

эсеров, части меньшевиков) в единый Областной военно-революционный комитет. В работе также анализируются военно-политические причины поражения восставших, включая слабость Красной гвардии, пассивность гарнизона, тактические просчеты командования и деструктивную роль умеренных социалистов. Восстание рассматривается как важный рубеж, выявивший раскол в казачьей среде и ускоривший формирование противоборствующих лагерей в начале Гражданской войны.

Ключевые слова:

Ростовское восстание 1917 г.; Гражданская война в России; Донская область; атаман Каледин; Октябрьская революция; Красная гвардия; казачество

Для цитирования:

Заяц Н.А., Заболотин В.Ф. Ростовское вооруженное восстание (26 ноября — 3 декабря 1917 г.) // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 166–197. DOI: 111111111111111111

Nikolay A. Zayats¹, Vitaly F. Zabolotin²

1. *Moscow Aviation Institute, Moscow, Russian Federation.*

2. *Project «Red South by White Springs», Rostov-na-Donu, Russian Federation*

E-mail: 1. nikza91@yandex.ru; 2. zabolot10@mail.ru

Rostov armed uprising (November 26 — December 3, 1917)

Abstract

In the historiography of the Russian Civil War, the Rostov armed uprising of November 26 — December 3, 1917, remains a little-studied episode, although it was the first major clash between the Bolsheviks and

organized forces of the counterrevolution in southern Russia. This article attempts a comprehensive analysis of the conflict based on a comparative study of Soviet and modern historiography, critical analysis of archival documents, the press, and newly introduced testimonies of participants. Particular attention is paid to a detailed reconstruction of events, which makes it possible to reconsider the established interpretations of the causes and dynamics of the uprising. The authors refute the widespread thesis that the uprising was provoked by a “Bolshevik ultimatum” to Ataman Kaledin, demonstrating that the armed action was a response to coercive measures by the Cossack authorities. The study shows that the harsh policy of Ataman Kaledin—expressed in the imposition of martial law, disarmament of units, and arrests—served as a catalyst for the consolidation of diverse revolutionary forces (Bolsheviks, Left Socialist Revolutionaries, and part of the Mensheviks) into a unified Regional Military-Revolutionary Committee. The article also analyzes the military-political reasons for the defeat of the insurgents, including the weakness of the Red Guards, the passivity of the garrison, tactical miscalculations by the command, and the destructive role of moderate socialists. The uprising is considered an important turning point that revealed divisions within the Cossack community and accelerated the formation of opposing camps at the beginning of the Civil War.

Keywords:

Rostov Uprising of 1917; Russian Civil War; Don Region; Ataman Kaledin; October Revolution; Red Guard; Cossacks

For citation:

Nikolay A. Zayats, Vitaly F. Zabolotin. Rostov armed uprising (November 26 – December 3, 1917) // *The Historical Reporter.* 2026. Vol. 57. P. 166–197. DOI: !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Введение

В ночь с 25 на 26 ноября 1917 г. в Ростове-на-Дону, на Большой Садовой улице, на помещение театра «Марс», где находились Совет и штаб Красной гвардии, напали люди генерала Д.Н. Потоцкого — начальника

казачьих войск Ростовского округа¹. Целью был арест Военно-революционного комитета, однако к тому времени его заседание закончилось и делегаты разошлись. Одновременно было разгромлено здание Ротонды в Общественном саду, где располагалась газета большевиков «Наше знамя». Это событие послужило толчком к Ростовскому вооруженному восстанию 26 ноября — 3 декабря 1917 г.

Хотя это событие стало одним из первых актов Гражданской войны в России, исследовано оно явно недостаточно. В основном это были работы советских историков из Ростова-на-Дону — Ю.К. Кириенко, К.А. Хмелевского и ряд коллективных обзорных трудов². Из современных исследователей, затрагивавших отдельные аспекты этого сюжета, можно назвать специалистов по Гражданской войне А.В. Венкова, О.М. Морозову, Т.В. Шукину³. Сведения на этот счет содержат некоторые сборники документов и воспоминаний, как вышедшие в советские годы⁴, так и в современности⁵. Увы, комплексных работ, кроме монографии Кириенко, нет, и даже самые полные обзорные работы не лишены ошибок, оставшихся нераскрытыми вопросов и неточностей. Особенно это касается причин поражения восстания и поведения противоборствующих сторон. В связи с этим целью данной работы является реконструкция событий восстания в опоре на историческую литературу, архивные источники и газетную печать того времени. Методологически исследование основано на сравнительном анализе советской и современной историографии, с упором на критическом изучении архивных документов и печати того времени.

¹ Вольный Дон. № 197. 2 декабря 1917 г.

² Кириенко Ю.К. Крах калединщины. М.: Мысль, 1976. 246 с.; Хмелевский К.А. Буря над Тихим Доном. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1984. 176 с.; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1977. 302 с.; Революция на Дону (Ростовское восстание, с 15-го ноября по 2-е декабря 1917 года). Таганрог, 1930. 24 с.

³ Венков А.В. Бои за Ростов в ноябре — декабре 1917 года // Донской временник. Год 2017-й. Ростов н/Д., 2016. Вып. 25. С. 99–105; Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. 712 с.; Шукина Т.В. Социал-демократия осенью 1917 года // Донской временник. Ростов н/Д., 2006. Вып. 15. С. 87–91.

⁴ Октябрь 1917 г.: сборник статей и воспоминаний. Ростов н/Д.: Гос. изд-во. Донское отд., 1921. 79 с.; Пролетарская революция на Дону. Вып. 2. Ростов н/Д.: Гос. изд-во. Донское отд., 1921. 140 с.; Незабываемые годы. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1957. 416 с.

⁵ Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сборник документов. Т. 1: март 1917 — май 1918. Ростов н/Д.: Альтаир, 2017. 458 с.

Основная часть

Для начала опишем, что представляла собой конфигурация власти в Ростове. Осенью 1917 г. в городе формальная власть принадлежала градоначальнику кадету В.Ф. Зеелеру, представителю Временного правительства. По факту власть делили думы Ростова и Нахичевани, Ростово-Нахиванский Совет рабочих депутатов (а также Советы военных и крестьянских депутатов), начальник гарнизона генерал-майор Д.В. Чернояров и Областной военный комитет (далее — ОВК). ОВК состоял из 60 делегатов воинских частей Донской области, половина от казачьих, половина от пехотных⁶. Вначале он был частью местного органа власти, Донского исполнительного комитета, созданного после свержения царя из представителей общественности. Но в июле 1917 г. решением армейского съезда ОВК стал самостоятельным и часто оппонировал атаману Донского войска А.М. Каледину.

Узнав об Октябре в Петрограде, большевики, получившие большинство в президиуме Совета, выделили Военно-революционный комитет. 28 октября прошло его первое собрание, а также отдельно — заседание Совета, профсоюзов и Нахичеванской думы. На нем меньшевики, ведущая сила в думах, выступали против Совнаркома, заявив, что большевики нарушают демократическое единство. Однако обе стороны неожиданно были вынуждены сотрудничать после того, как Каледин 2 ноября ввел военное положение в Донбассе, а затем в Ростовском, Таганрогском, Новочеркасском округах и г. Азове⁷. Это показало общественности угрозу правой диктатуры. Неудивительно, что практически все местные власти, включая Советы, обе секции ОВК и даже думы высказались против атамана. Кроме того, Каледин нарушил данное его заместителем М.П. Богавским обещание думцам, что важные действия Войскового круга будут делаться с их согласия. Лояльный атаману Чернояров пытался убедить его отменить решение, но не преуспел. Вскоре Каледин назначил на его место генерала А.П. Потоцкого, о чем газеты известили 9 ноября. Через неделю в Таганрог с теми же целями был назначен генерал А.Н. Назаров⁸.

Тем временем большевики Ростова усиливали работу ВРК, который признал Совнарком и начал волну митингов солдат и рабочих за при-

⁶ Приазовский край. № 172. 19 июля 1918 г.

⁷ Вольный Дон. № 173. 3 ноября 1917 г.; № 174. 4 ноября 1917 г.

⁸ Воспоминания Д.В. Черноярова // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 30–32; Приазовский край. № 266. 9 ноября 1917 г.; Дон в годы революции. С. 144, 149.

Сергей Иванович Сырцов, председатель Ростовского ВРК. Фото 1930-х гг.
Из открытых источников

знание власти Советов. 5 ноября на конференции делегатов Советов, профсоюзов, фабзавкомов и рудничных комитетов ВРК был объявлен «областным органом» в борьбе против Войскового правительства. Еще до этого, 31 октября, ВРК в союзе с полковыми комитетами создал комиссариат для проведения своих приказов в гарнизоне. В ответ фракции меньшевиков и эсеров вместе с думой создали Комитет спасения родины и революции и предложили ВРК образовать промежуточный орган «для защиты демократии»⁹.

Большевики в итоге пошли на это, что отчасти объяснялось настроениями и взглядами их руководства, особенно С.И. Сырцова, отчасти — слабостью сил ВРК. Много данных говорит о том, что гарнизон не стремился сознательно участвовать в противостоянии. Делегаты солдат были распылены в разных органах, даже в полковых комитетах состояли офицеры, и в них на голосовании 7 октября были избраны умеренные социалисты. Надежнее была Красная гвардия. Но и ее создание началось лишь к середине ноября, и даже тогда она состояла из 250 плохо вооруженных рабочих¹⁰. Причем даже среди части пролетариата большевики уступали меньшевикам, особенно на Аксайском заводе и в мастерских железной дороги. Так что силовая опора ВРК была равна силам Потоц-

⁹ Выписки из газеты «Наше знамя» // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 33. Д. 572. Л. 27, 127, 10–11.

¹⁰ Пролетарская революция на Дону. С. 60–62, 56. Незабываемые годы. С. 29, 37.

Генерал Алексей Максимович Каледин.
Из открытых источников

кого, который держал в Ростове лишь две сотни казаков 6-го Донского пешего батальона: 4-я сотня была вместе с ним в здании лазарета у Ростовского вокзала, 3-я занимала Мореходное училище в порту. И у обеих сторон массы не желали кровопролития.

Поэтому план меньшевиков прошел после переговоров 12–14 ноября. За основу единой платформы большевики взяли проект левых эсеров — социалистическое правительство, будущее Учредительное собрание, непризнание Каледина. Новый орган избран 16 ноября как «Областной военно-революционный комитет объединенной демократии» (далее — ОВРК). В него вошли прежние члены ВРК, а также: от Советов — 15 членов, дум — 3, пехотной секции ОВК — 5, профсоюзов — 1, Совета завкомов, железнодорожных и почтово-телеграфных союзов — 3, от четырех полковых комитетов — по 1, от яхты «Колхида» — 1 и от трех партий — по 1. Всего 39 чел.¹¹ Так ВРК стал коалиционным. Задачей его официально являлась «мобилизация и организация всех сил демократии для борьбы с контрреволюцией... в Новочеркасске»¹². В целом это работало на авторитет большевиков. Тем более что 16 ноября стало известно, что на выборах в Учредительное собрание по Ростову они

¹¹ Дон в годы революции и Гражданской войны. Т. 1. С. 178; Приазовский край. № 274. 17 ноября 1917 г.; Копии приказов ВРК, обзоры и др. материалы // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 5. Д. 89. Л. 163.

¹² Выписки из газеты «Наше знамя» // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 572. Л. 2.

Генерал Дмитрий Николаевич Потоцкий.
Из открытых источников

одержали победу, набрав 33,4 % голосов¹³. Вместе с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами это была почти половина голосов — это показывало, что большевики имели в городе достаточно широкую поддержку.

В то же время 20 ноября Каледин в Новочеркасске разоружил ненадежных солдат, что еще больше обострило ситуацию. Еще 14 ноября пехотная секция ОВК, состоявшая в основном из левых эсеров, переехала из Новочеркаска в Ростов, объявила себя Военным комитетом пехотных неказачьих частей и стала сотрудничать с ВРК. Каледин тогда запретил распространение приказов ВРК и секции ОВК, а заодно — газету донских большевиков «Наше знамя» в Ростове¹⁴. Потоцкий выслал в типографию казаков, которые конфисковали тираж. Владелец типографии отказался ее печатать. 14 ноября редакция обратилась сама к рабочим и солдатам в сокращенном номере. В ответ она получила множество резолюций поддержки и вскоре перебралась в Совет, куда Потоцкий казаков отправить не решился¹⁵.

¹³ Приазовский край. № 272. 16 ноября 1917 г.

¹⁴ Вольный Дон. № 198. 3 декабря 1917 г.; Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 173; Вольный Дон. № 174. 4 ноября 1917 г.

¹⁵ Приазовский край. № 264. 7 ноября 1917 г.; Мартыненко К.М. Большеви́стская печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 — декабрь 1920). Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1986. С. 45–46.

Ситуация постепенно обострялась. В конце ноября произошло сразу несколько инцидентов. 19 ноября на Большой Садовой по распоряжению Войскового правительства был арестован член ОВК и ОВРК, ярый оппонент Каледина войсковой старшина Н.М. Голубов (интересно, что глава ОВК Арнаутов не был арестован, хотя был с ним). Ночью его вывезли в Новочеркасск¹⁶. ВРК оценил это «как прямой и грубый вызов революционной демократии»¹⁷. Почти одновременно 20 ноября на ст. Гниловской возле Ростова Потоцкий арестовал эвакуированный конвой эшелона тракторных частей и попытался отправить в Новочеркасск и его, но этому воспротивились железнодорожники¹⁸. Потоцкий даже лично приходил на их съезд, но они его освистали и по просьбе солдат разобрали пути и развели мост¹⁹. В ответ в Ростов были посланы две сотни 41-го казачьего полка и пулеметная команда из Аксая. Потоцкий попытался стянуть и весь полк — его 4 сотни, конно-пулеметная команда и команда связи были переведены в станицу Ольгинскую до прибытия 30-й батареи, 2-я сотня оставлена в станице Кагальницкой для прикрытия²⁰.

ОВРК в тот день как раз проводил заседание, где в борьбе с «умеренными» (14 за, 12 против) был подтвержден приказ № 1, в котором он объявлялся областной властью²¹. Сразу после этого в ОВРК прибыл от идущих казаков войсковой старшина Смагин с вопросом о перемирии. ВРК в ответ предложил снять военное положение и прекратить продвижение. Его делегаты посетили и Потоцкого, но тот не дал конкретных обещаний, а для снятия военного положения предложил сначала разоружить красногвардейцев. Одновременно ОВРК выслал солдат. Столкновение могло пройти в районе Нахичеванского вокзала, но сотни после переговоров отошли в Александровскую станицу. А 22 ноября выяснилось, что стороны самостоятельно установили на станции совместный караул. Похоже, роль в этом сыграли переговоры ОВРК и казаков, убедившихся, что в Ростове спокойно. В тот же день на заседании ОВРК большинство

¹⁶ Вольный Дон. № 188. 21 ноября 1917 г.

¹⁷ Наше знамя. № 101. 21 ноября 1917 г.

¹⁸ Приазовский край. № 276. 21 ноября 1917 г.; Пролетарская революция на Дону. С. 36.

¹⁹ Воспоминания В.Ф. Болтручука «О выступлении юнкеров в Ростове на-Дону» // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 116. Л. 2.

²⁰ Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 150.

²¹ Рабочее дело. 1917. № 158. 23 ноября 1917 г.

Бои слева направо: 1 Бой на вокзале. 2 Расположение театра «Марс». 3 Баррикада на Нахичеванской меже. 4 Вверху, место боя в 1-й Балабановской роще. 5 Бой в Кизитериновской балке.
 Из открытых источников

высказалось за то, чтобы изменить требования: снять военное положение во всей Донской области и не препятствовать эвакуируемым частям, как это было с тракторной школой. При этом Красную гвардию обещали перевести на мирное положение и частично разоружить²².

Положение в Ростове резко изменил приезд матросов. 6–19 ноября 1917 г. в Севастополе проходил 1-й Общечерноморский съезд военных моряков. На нем с просьбой о помощи выступил делегат ВРК И.Д. Ченцов, отправленный для получения деталей для артиллерии. Съезд отправил Каледину телеграмму с требованием отмены военного положения в Ростове, на которую тот не ответил²³. Тогда из Севастополя 12 ноября вышла целая флотилия, в которую вошли эсминцы «Гневный» и «Капитан Сакен», тральщики «Федор Феофани» и «Роза», два сторожевых катера. На них был десант в 150 человек. Также флот послал в Ростов поездами 1-й Черноморский революционный отряд в 2500 чел. Однако он поступил по пути под начало В.А. Антонова-Овсеенко и в Ростов не прибыл²⁴. Узнав о судах, Потоцкий 16 ноября

²² Приазовский край. № 278. 24 ноября 1917 г.; Пролетарская революция на Дону. С. 36.

²³ Вольный Дон. № 180. 11 ноября 1917 г.

²⁴ Телеграмма из сборника материалов об истории красногвардейских отрядов // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 240. Л. 6.

пытался не пустить их в город, для чего потушил у канала маяк и уничтожил обозначения фарватера. Один судовладелец даже дал баржу с плохим углем для затопления в судоходной части Дона. Но штаб Красной гвардии занял караулами порт и баржи, а за день до прихода судов конфисковал в управлении порта оружие — 19 револьверов Смит-Вессон²⁵.

Тем временем выехавшая в Таганрог делегация ВРК с трудом отыскала флотилию. Под угрозой Назарова обстрелять ее из орудий «Капитан Сакен» остался на рейде у берега. Часть судов также была оставлена по дороге. Так что 23 ноября в Ростов пришло лишь три корабля: «Роза», «Федор Феофани» и «Яков». Они встали прямо у мореходной школы, где были казаки. Действия Потоцкого оказались бесполезны — флотилия захватила как проводника торговый пароход²⁶. Управлявший ею «Совет пяти» целиком вступил в ОВРК. Так флотилия резко усилила позиции комитета. Тот даже позднее перешел на военную яхту «Колхида», рядом с которой встали корабли. Сама яхта стояла в Ростове на ремонте еще с 1916 г., и ее моряки были полностью на стороне ОВРК²⁷. Между матросами и казаками установились хорошие отношения. Как писал репортер, они пели песни, обменивались табаком, папиросами, решили сходить на рыбалку и т.п.: «Общее впечатление у всех таково, что никаких боевых действий между матросами и казаками не будет. Матросы убедились на месте, что казаки вовсе не бесчинствуют и никого не расстреливают. Отношения матросов и казаков самые дружелюбные»²⁸. Также 24 ноября делегат матросов посетил Каледина и сообщил, что они не идут против трудового казачества, а прибыли из-за слухов, что он «ввел военное положение, не пропускает угля» для флота «и чтобы уладить конфликт мирным путем». Увы, но в итоге переговоры ни к чему не привели²⁹. Внешне напряжение пошло на спад. Но впечатление было обманчиво — до выступления Потоцкого оставалось три дня.

Трудно говорить уверенно о его причинах. Однако во многих, если не во всех исследованиях говорится, что нападение произошло в ответ

²⁵ Приазовский край. № 278. 24 ноября 1917 г.; № 279. 25 ноября 1917 г.

²⁶ Октябрь 1917 г. С. 26.

²⁷ Воспоминания С.И. Сырцова «Революционная борьба на Дону» // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 632. Л. 29.

²⁸ Приазовский край. № 279. 25 ноября 1917 г.

²⁹ Вольный Дон. № 192. 26 ноября 1917 г.

на ультиматум ВРК Каледину, принятый 25 ноября³⁰. Рискнем заявить, что 25 ноября ВРК *не выдвигал* ультиматума. Это заблуждение, которое длится уже более ста лет. В литературе не приводится ни текста ультиматума, ни общих требований такого характера. По информации газет, попытка ВРК принять ультиматум была днем ранее, 24 ноября, но она была неудачной. Ультиматум с требованием к Каледину снять военное положение и отказаться от власти в 24 часа набрал 14 за при 15 против. Поэтому были выдвинуты более мягкие условия. По вопросу снятия военного положения была принята формула меньшевика П.С. Петренко об оставлении при этом охраны на рудниках, выдаче оружия пехотных полков Новочеркаска — штабу неказачьих войск, Красной гвардии — полковым комитетам. Красногвардейцы получали право обучения «военному искусству». Более того — большинством было решено предложить флотилии удалиться. Очевидно, что принятые благодаря меньшевикам условия означали почти одностороннее разоружение³¹. Вероятно, эти условия и были переданы Потоцкому вечером 24 ноября³². Большевики в ответ привели на заседание ОВРК 25 ноября представителей матросов. Благодаря им с перевесом в один голос (20 за, 19 против) было принято, что ВРК «уполномочивает своих представителей лишь выслушать представителей Войскового правительства, но не уполномочивает их вести переговоры». Теперь уже возмутились эсеро-меньшевики, которые вышли из ОВРК и выпустили негодующее воззвание³³. Последнее большевиков не смутило, и они отказались от груза соглашателей с видимым облегчением.

О том же говорил и помощник Потоцкого, войсковой старшина С.Г. Елатонцев. На Большом Войсковом круге 3 декабря он сообщил, что 25 ноября в 20 ч. 30 мин. встретился в Ростовской думе с представителем ВРК И.В. Решетковым в присутствии Потоцкого, Зеелера и Петренко. Решетков сообщил, что ВРК решения не вынес и заседание для этого планируется на завтра. Елатонцев ответил, что Войсковое правительство готово на уступки при уступках ВРК, в противном случае оно передаст

³⁰ Революция на Дону. Таганрог, 1930. С. 10; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 1. Ростов н/Д.: Ростгиздат, 1973. С. 392; Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 88–90; Хмелевский К.А. Указ. соч. С. 11; Дон советский. Ростов н/Д.: Ростовское книгоиздательство, 1986. С. 17; Разиньков М.Е., Морозова О.М. Указ. соч. С. 268; Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 11.

³¹ Наше знамя. № 106. 26 ноября 1917 г.

³² Приазовский край. № 279. 25 ноября 1917 г.

³³ Приазовский край. № 281. 28 ноября 1917 г.

требования Кругу, который будет через пять дней³⁴. Примечательно, что отчет большевиков в «Нашем знамени» полностью подтверждает слова Елатонцева, но отмечает: «По наблюдениям одного из делегатов военно-революционного комитета представители войскового пр[авительст]ва стремятся затянуть переговоры»³⁵. Последнее, похоже, верно.

В любом случае ни о каком ультиматуме тут нет и речи. До нападения на Совет оставалось четыре часа и произошло оно в период мирных переговоров. Большевики так и писали в «Нашем знамени»: «Ультиматум не был предъявлен»³⁶. Ничего про ультиматум не говорил и Каледин. 3 декабря на Круге он заявил, что Потоцкий напал, чтобы предупредить арест офицеров большевиками³⁷. В этом отношении он повторял самого Потоцкого. Тот придерживался той же версии на допросах большевиков и ссылался на некие публикации об этом в прессе. Ничего подобного в газетах, однако, нет — со стороны Потоцкого виден явный обман. Попутно опровергнем еще один миф — Потоцкий, вопреки всем историческим справкам, не бежал из советского плена в Петрограде. Согласно его делу, он по решению Следственной комиссии Петросовета был официально отпущен со своим адъютантом 22 марта 1918 г. под подписку о возможной явке. А вскоре дело и вовсе было закрыто³⁸.

Откуда же пошла версия про ультиматум? Возможно, что из выступления меньшевика Б.С. Васильева, главы Ростовской думы. Уже после подавления восстания он был в Новочеркасске на Большом круге вечером 3 декабря. Стараясь показать лояльность, он говорил, что нападение прошло по инициативе юнкеров, Потоцкий же «в силу своего рыцарского отношения к делу лишь прикрыл выступление своим именем». Потом Васильев вдруг заявил, что большевики выдвигали ультиматум с угрозой открыть военные действия в 24 часа. По сути, он выдал не прошедший 24 ноября вариант резолюции за якобы принятую 25 ноября. При этом ранее на заседании думы 26 ноября Васильев призывал требовать от Войскового правительства отстранения Потоцкого за нападение на Совет³⁹.

³⁴ Вольный Дон. № 193. 28 ноября 1917 г.; Дон в годы революции и Гражданской войны. Т. 1. С. 176–177.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 572. Л. 19–21.

³⁶ Наше знамя. № 108. 29 ноября 1917 г.

³⁷ Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 180.

³⁸ Следственное дело Д.Н. Потоцкого и М.А. Бонкевича // ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 367. Л. 30, 33, 1.

³⁹ Вольный Дон. № 199. 5 декабря 1917 г.; Приазовский край. № 282. 1 декабря 1917 г.

Семен Филиппович Васильченко.
Председатель Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б).
Из открытых источников

Сразу после него, чтобы исправить «некоторые неточности предыдущего оратора», выступил Елатонцев, изложив представленную выше информацию. Мало того что его версия явно не совпадала со словами Васильева — Елатонцев еще и заявил: «Несмотря на такое заявление, большевики через несколько часов после этого перешли к активному выступлению». Так как это обвинение было слишком нелепо, Васильев тут же его удобно «поправил»: «Вновь выступает с короткой репликой г. Васильев, подтверждающий, что разгром помещения Совета... дал большевикам лишь внешний повод к открытому выступлению, сам же Военно-революционный комитет еще и до этого занял непримиримую по отношению к казачеству позицию: война до победного конца»⁴⁰. Несмотря на все эти вопиющие противоречия, данный доклад Васильева был использован исследователями⁴¹. Возможно, это произошло потому, что обнаруженный ими в архиве ЦДНИРО документ не имеет выходных данных и выглядит как отрывок мемуаров, без упоминаний о выступлении Елатонцева. Установить его происхождение нам удалось лишь при сопоставлении текста со стенограммой заседания Большого круга, опубликованной в газете «Вольный Дон».

⁴⁰ Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 181.

⁴¹ Разиньков М.Е., Морозова. Указ. соч. С. 268.

Театр «Марс» в 1917 г.
Из открытых источников

Другим источником версии об ультиматуме может быть воспоминание некоего большевика В.М. Ботвинова. В сборнике воспоминаний в 1922 г. он сообщал, что в ВРК было два крыла — умеренное под руководством Сырцова и радикальное в лице М.П. Жакова и С.Ф. Васильченко. Последнее буквально за несколько часов до нападения победило при общепартийном голосовании с перевесом в 3–4 голоса⁴². Что конкретно требовали «радикалы», Ботвинов, однако, в своих неопределенных воспоминаниях не говорит. Однако именно на этой хрупкой основе утвердилась версия о выдвижении лозунгов выступления со стороны «радикалов», так как она хорошо ложилась на дальнейший, более поздний раскол этих двух частей руководства большевиков в начале 1918 г.⁴³ Примечательно, что версия утвердилась очень рано: уже в 1923 г. об ультиматуме писал заведующий ростовским Истпартом В. Толмачев в своей обзорной статье «Начало великой борьбы»⁴⁴. Между тем никаких других свидетельств о заседании, про которое говорил Ботвинов, не найдено, оно не упоминается в воспоминаниях членов ВРК и проверка этого заявления еще ждет своего часа.

Более достоверным выглядит упоминание Черноярова, что нападение началось по инициативе местной организации Добармии, кото-

⁴² Пролетарская революция на Дону. С. 41–42.

⁴³ Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 89.

⁴⁴ Трудовой Дон. № 683. 7 ноября 1923 г.

Кунда — член ВРК, убит в театре «Марс» отрядом Потоцкого
в ночь на 26 ноября 1917 г.
Из открытых источников

рая стала его ударной силой⁴⁵. Так или иначе, 25 ноября Потоцкий через штабс-капитана Станислава Захаревича и других офицеров распустил слух о скором выступлении большевиков. По его приказу для ареста ВРК Захаревич собрал к 11 часам вечера офицеров и юнкеров в лазарете № 13. С полсотни человек выступили в 1 ч. 15 мин. ночи, прошли по Крепостному и Нахичеванскому переулкам и оцепили «Марс». Нападение началось в 1 ч. 30 мин. Самих Потоцкого и Захаревича там не было, хотя они обещали скоро прибыть, а заодно говорили про скорый приезд эшелона юнкеров в поддержку⁴⁶.

Сначала юнкера обстреляли штаб из сада Коммерческого клуба, бывшего через дорогу. Потом в здание ворвалась группа во главе с поручиком Фисенко. Газета «Вольный Дон» писала, что он и еще двое юнкеров были ранены, тогда остальные дали залп и убили всех семерых человек. Сам Фисенко скончался через два часа⁴⁷. Однако все советские воспоминания утверждают, что погромщики ловили и добивали жертв. Выломав окна и стреляя из револьверов, беглецы выпрыгнули во двор, но были настигнуты выстрелами и штыками. Из семи человек были убиты красногвардейцы Кунда, Казберюк, реалист Введенский и анархист Евгений Стрижа-

⁴⁵ Воспоминания Д.В. Черноярова // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 35.

⁴⁶ Вольный Дон. № 197. 2 декабря 1917 г.; Наше знамя. № 109. 30 ноября 1917 г.

⁴⁷ Вольный Дон. № 197. 2 декабря 1917 г.

Ротонда городского сада, в которой находился комитет РСДРП в 1917 г.
Из открытых источников

ков. Здание было разгромлено и разграблено. Перед этим 30–40 казаков разгромили в Ротонде комитет большевиков и помещение типографии. Были уведены экспедиторы газеты Татищев и Швец, а также извозчик комитета⁴⁸. Менее чем через час ВРК узнал о нападении. Черноярлов писал, что он тут же послал на выручку учебную команду 187-го полка, а казаки в Мореходном училище отказались помогать офицерам, и те «разбежались, оставя несколько трупов»⁴⁹. Красногвардейцы заняли «Марс» и здание Ротонды. Успели захватить и автомобиль Потоцкого, лично приехавшего к «Марсу», но ни одного пленного⁵⁰. По словам Сырцова: «Той же ночью я имел разговор с генералом Потоцким, которому задал вопрос, он ли организатор нападения на Совет и получил такой же утвердительный ответ и заявление, что отчет он будет давать не нам. Началась развязка. Следующий день прошел в последних боевых приготовлениях»⁵¹.

Исследователь А.В. Венков пишет: «В тот же день моряки вступили в бой с калединскими войсками»⁵². На самом деле 26 ноября прошел

⁴⁸ Воспоминания красногвардейца Жоржа Яковенко // ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1296. Л. 1–2об.; Наше знамя. № 107. 28 ноября 1917 г.; Дон в годы революции и Гражданской войны. Т. 1. С. 316.

⁴⁹ Воспоминания Д.В. Черноярлова // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 36.

⁵⁰ Дон в годы революции и Гражданской войны. Т. 1. С. 316.

⁵¹ Пролетарская революция на Дону. Ростов-н/Д., 1922. С. 51.

⁵² Венков А.В. Указ. соч. С. 102.

Разгромленное помещение ВРК после нападения генерала Потоцкого.

ЦДНИРО. Ф. Р-3619. Оп. 2. Д. 5. Л. 1

вообще без боев. Вместо этого стороны собирали силы. ВРК арестовал градоначальника Зеелера, которого отправили на «Колхиду»; вместо него назначили Решеткова. Начальником гарнизона стал глава Совета солдатских депутатов солдат В.В. Блюм. Начальником военного отдела — глава ОВК офицер Арнаут⁵³. Были мобилизованы красногвардейцы. Их отряд под командой члена штаба Тулака занял с пулеметами Донские гирла. 26 ноября дума запросила ВРК отменить арест Зеелера и признала желательным «отозвание» (!) Потоцкого. Вместе с тем дума и продуправа заявили, что будут соблюдать нейтралитет. ВРК же разоружил юнкеров в госпитале № 72 и конфисковал 2 пулемета и 175 винтовок в лазарете № 13⁵⁴. Были разоружены и отпущены из города казачьи караулы, отнято оружие у офицеров в гостиницах. Заминка была лишь у занятой караулом 3-й сотни почтово-телеграфной конторы, которую окружили солдаты ВРК. После долгих споров и угроз установился совместный караул, а потом красногвардейцы заняли телефонную станцию. Матросы приходили на переговоры и к 3-й сотне в Морском училище, но вечером казаки ушли к Потоцкому, по пути уничтожив пулеметный расчет из четырех человек на колокольне. Сам Потоцкий со своей сотней стоял в эвакуационном

⁵³ Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 97.

⁵⁴ Наше знамя. № 107. 28 ноября 1917 г.

пункте и лазарете рядом с вокзалом — на обоих этажах лазарета стояли по два пулемета⁵⁵.

По словам Черноярова, у него были также офицерский отряд местной Добрармии под командой Захаревича и Панченко и «ударная рота» из молодежи («преимущественно воспитанников Ростовских Мореходных классов»), которую формировал унтер-офицер Кострюков, «стоявший во главе организации добровольческих отрядов для фронта действующей Армии»⁵⁶. Но их явно было меньше сотни, учитывая, что для налета на «Марс» наскребли именно столько людей. Поэтому утром 26 ноября Потоцкий вызвал в Ростов из Аксая 29-ю батарею и 46-й Донской полк из трех неполных сотен, а также направил в Аксай и Александровскую части 41-го полка. Но разложившиеся казаки отказались выдвигаться. От 46-го полка прибыли лишь пулеметная команда, офицеры и немного казаков. От 41-го полка в Аксай — штаб, связисты и пулеметчики, 4-я сотня и 38 человек 1-й сотни⁵⁷. ВРК хотя и приказал, но не успел разобрать пути — железнодорожники сами убедили казаков не участвовать в кровопролитии⁵⁸.

Единственное подкрепление Потоцкого — Киевская школа юнкеров в женской гимназии не проявила себя и была разоружена 27 ноября. Сырцов вспоминал: «...для этого потребовалось 2 пушечных холостых выстрела с траллера и вид наших пулеметов»⁵⁹. Одновременно красногвардейцы разоружили Мореходное училище. Все, что оставалось Потоцкому — надеяться на помощь Войскового правительства. Оно же спешно созвало Круг и 26 ноября обратилось за помощью к Алексееву. Благодаря ему под Ростов в тот же день отправилось несколько сотен юнкеров, офицеров и казаков под командой генерала Орлова⁶⁰.

Утром 27 ноября отряды высадились на Нахичеванском вокзале⁶¹. Пройдя к Ростову, они заняли позиции в 1-й Балабановской роще между Питомником и Софиевским кладбищем и обстреляли казармы 252-го пехотного полка. Завязался бой. Вскоре к солдатам подошло подкрепление красногвардейцев. Один из них писал: «...в понедельник... в 4 утра, отряд Калединских войск в числе 500 человек высадился на Нахичеван-

⁵⁵ Приазовский край. № 282. 1 декабря 1917 г.; Вольный Дон. № 282. 1 декабря 1917 г.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 34–35.

⁵⁷ Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 159–160, 150–152.

⁵⁸ Наше знамя. № 107. 28 ноября 1917 г.

⁵⁹ Пролетарская революция на Дону. С. 51.

⁶⁰ Венков А.В. Указ. соч. С. 103.

⁶¹ Приазовский край. № 282. 1 декабря 1918 г.

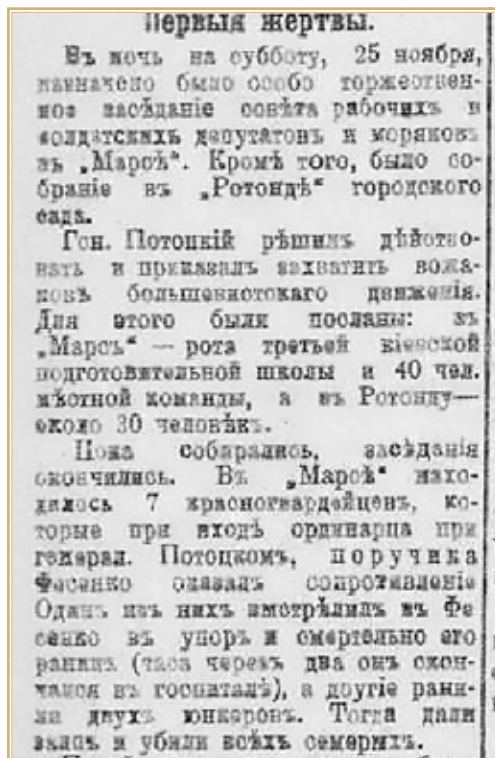

Газета «Приазовский край». №30. 12 декабря 1917 г.
 Баррикады красногвардейцев между Ростовом и Нахичеванью.
 Из открытых источников

ском полустанке и густой колонной направились на казармы гарнизона и пытались захватить их врасплох, но были встречены дружным огнем гарнизона и отошли за близ расположенную рошу и заняли канаву... против казарм, другой отряд... высадился за Нахичеванью, заняли полустанок, окопались и подняли стрельбу»⁶². Без движения перестрелки шли почти два дня. Юнкеров часто обстреливали траллеры, но флотилия стояла в трех километрах за возвышенностью, и матросы стреляли, видимо, вслепую. Сами юнкера вспоминали, что снаряды летели постоянно, но падали позади, в Дон и даже на левый берег⁶³. Юнкера тоже обстреливали Нахичевань из артиллерии и с таким же результатом. На помощь юнкерам прислали казаков, но они не захотели сражаться и саботировали. Начались даже братания, где казаки говорили: «Что же это такое? Мы добивались мира на фронте, а теперь нужно воевать здесь!» Такие настроения тщательно поддерживались меньшевиками. 27 ноября они созвали собрание полковых комитетов и ОВК, где провели резолюцию с требованием прекратить бои и угрожали, что ответственность падет на отказавшихся от переговоров. То же они предлага-

⁶² Доклад красногвардейца П.П. Зудеца командующему 2-м Минским революционным отрядом // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 621. Л. 56.

⁶³ Венков А.В. Указ. соч. С. 103.

Газета «Вольный Дон». №197. 2 декабря 1917 г. Первые жертвы.

Сообщение о нападении на «Марс»

Из открытых источников

ли и Каледину, откровенно признав, что рассчитывают на «моральное поражение» ВРК. Атаман без раздумий отказал. Это меньшевиков все равно не остановило: известно, что они распространяли среди солдат приказ Каледина об отправлении их в отпуск⁶⁴.

Другие бои шли у Ростовского вокзала, где засел Потоцкий. Тут перестрелка началась около 16 часов 27 ноября и шла до самого утра. Вокзал прочно осадили солдаты, но они не рисковали идти в атаку, и рабочим самим пришлось раз за разом его штурмовать. В одной атаке они пытались подойти по рельсам, но потеряли 15 человек и отступили. Тогда траллер «Роза» с 4 до 6 часов утра выпустил 60 снарядов из трехдюймовок по вокзалу⁶⁵. Эффекта это не принесло — были повреждены только вокзальные часы и соседние киоски. В полночь на вокзальную площадь прибыл броневик с пулеметами, но легко простреливаемую позицию

⁶⁴ Приазовский край. № 282. 1 декабря 1917 г.; Дон в годы революции и Гражданской войны. С. 181; Пролетарская революция на Дону. С. 66.

⁶⁵ Вольный Дон. № 197. 2 декабря 1917 г.; Приазовский край. № 282. 1 декабря 1917 г.

быстро пришлось покинуть. Еще минимум три раза красногвардейцы атаковали вокзал и даже входили в него, но выбивались. Также казакам повезло найти на вокзале оружейный склад милиции с двумя пулеметами. Но наконец казаки осознали безнадежность сопротивления, и между 9 и 10 утра 28 ноября Потоцкий сдался⁶⁶.

После обещаний о неприкосновенности он отдал погоны и шашку и был отвезен на «Колхиду», куда попал и Захаревич. Большинство офицеров отвезли в «Марс». Уже в Новочеркасске казаки Е.П. Ермаков и П.М. Исаенков описали сдачу якобы из-за истощения патронов и еды — и на диво спокойное отношение к пленным. Красногвардейцы отвели 220 казаков в театр на Темернике, а на обед даже отпустили по местным жителям под честное слово. На следующий день матросы провели их в «Марс», а вскоре перевели в бараки у Нахичевани, те самые, где были бои. Солдаты встретили казаков дружелюбно, никто их не удерживал, и к утру их осталось 80 человек. Утром оставшихся напоили чаем и проводили за Ростов. Такое отношение было, похоже, ко всем сдавшимся. Так, в тот же день 29 ноября в 4 часа утра на ст. Гниловская был задержан эшелон кубанских казаков. Когда оказалось, что казаки едут домой, они были пропущены⁶⁷. Даже Чернояров подтверждает: «Шестидневное владычество местных большевиков прошло без террористических актов: “пленных” офицеров не расстреливали, жилищу и магазинов не грабили и не разоряли»⁶⁸.

Явно из-за поражения Потоцкого утром 29 ноября юнкера покинули рошу и вокзал и отошли по железной дороге, оставив броневик, оружие, 8 убитых и раненых. Передышка дала возможность подсчитать потери. В этих боях ВРК потерял десятки человек: «за три дня 27, 28, 29 ноября в покойницкую поступило 73 человека, из них 2 женщины, 1 кадет и 70 рабочих»⁶⁹. Что до жертв белых, А.В. Венков пишет: «За два дня из строя выбыли 5 убитых и 28 раненых (по другим данным, убиты 5 юнкеров, ранены 5 офицеров и 29 юнкеров)». Но, похоже, жертв было больше. Сам же Венков упоминает, что в первом же бою был перебит весь 1-й взвод юнкеров Хованского. Об удачном попадании снаряда

⁶⁶ Наше знамя. № 108. 29 ноября 1917 г.; Вольный Дон. № 196. 1 декабря 1917 г.

⁶⁷ Наше знамя. № 109. 30 ноября 1917 г.; Вольный Дон. № 196. 1 декабря 1917 г.; Выписка из газеты «Известия Ростово-Нахичеванского Совета». № 115. 30 ноября 1917 года // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 652. Л. 35.

⁶⁸ Воспоминания Д.В. Черноярова // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 39.

⁶⁹ Пролетарская революция на Дону. С. 102; Приазовский край. № 283. 2 декабря 1917 г.

в отряд юнкеров вспоминали и большевики. Также в прессе Новочеркаска есть упоминание о прибытии в город 120 раненых и убитых. Это заставляет поверить мнению лидера ВРК Жакова, который считал, что за время боев погибло около 200 человек⁷⁰. Так или иначе, далее бои шли уже в районе следующей станции Кизитеринка, ближе к Новочеркасску, откуда Каледин подвозил подкрепления в станицу Александровскую. Большим упущением ВРК было то, что он не решился атаковать Кизитеринку и дал противнику время для сбора сил.

Самому Каледину тоже было нелегко это сделать — ни одна казачья часть не согласилась участвовать в штурме. Пришлось, как он сам говорил, «составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей». Мешали и думы. 29 ноября с предложением о переговорах Каледина посетила делегация меньшевиков Ростова, а на следующий день — думы и организаций Новочеркаска. Однако он ответил, что готов к обсуждению лишь после подавления большевизма, и отказался остановить бои⁷¹. Даже часть Войскового правительства оказалась недовольна, что он игнорирует «мирные средства», и подала в отставку — В.Я. Бирюков, М.Е. Генералов, И.Т. Семенов, С.В. Макаров и М.П. Агеев⁷².

Тем не менее это моральное давление не имело конкретного значения. Собранный 26 ноября Войсковой круг в целом поддержал подавление восстания, и Каледин кое-как набрал отряды. В тот же день он собрал в Александровской свои силы: 46-й и 48-й Донские полки, 5-й Донской батальон, офицеров, юнкеров, стариков-казаков и т.д.; всего, по некоторым подсчетам, 4526 штыков, 2117 шашек, 12 орудий, 4 броневика и 400 «алексеевцев»⁷³. Правда, есть данные, что и тогда костяк был из «добровольцев». Например, один из очевидцев сообщал: «Среди отправившегося в Ростов эшелона было очень много юнкеров и офицеров, казаков мало было; юнкера и офицеры были одеты в солдатские шинели»⁷⁴. Так Добровольческая армия проявила себя впервые под Ростовом и вскоре полностью выйдет из «подполья».

Сколько же было у ВРК — сказать точно нельзя. Но, видимо, меньше. Жаков считал, что у Каледина было 5000 человек, из которых реально воевали 1500–2000: «У нас было несколько больше, но на первой линии нико-

⁷⁰ Венков А.В. Указ. соч. С. 103; Пролетарская революция на Дону. С. 103; Вольный Дон. № 196. 1 декабря 1917 г.; Октябрь 1917 г. С. 30.

⁷¹ Вольный Дон. № 200. 6 декабря 1917 г.; № 197. 2 декабря 1917 г.

⁷² Ростовская речь. № 284. 8 декабря 1918 г.

⁷³ Венков А.В. Указ. соч. С. 104.

⁷⁴ Наше знамя. № 109. 30 ноября 1917 г.

гда не бывало более 1000–1200 человек. Артиллерия с обеих сторон почти не играла роли. ...У белых был перевес в пулеметах и руководстве». По его словам, из гарнизона боролось не более 200–300 солдат⁷⁵. Подкреплений Ростов почти не получил, видимо, самое крупное — Батайская дружина в 300 человек⁷⁶. В ночь на 30 ноября со ст. Тихорецкая пришло 250 красногвардейцев, на следующий день — небольшой отряд солдат из Азова⁷⁷.

Огромным недостатком красногвардейцев было полное отсутствие у них опыта и дисциплины. Многие свидетельства говорят, что они ходили на позиции как на рабочую смену, с 8–9 утра и до вечера с перерывом на обед. ВРК не проявлял к ним должного давления. В итоге, как писал красногвардеец Зудец: «...между красногвардейцами был полнейший разлад, кто хотел тот шел на позицию, но большинство побрали винтовки и сидели дома или же расхаживали по улицам»⁷⁸. При этом все советские участники отмечали высокую самоотверженность участников боев. Командующий Арнаутков с сожалением писал: «Если бы обстоятельства позволили придать этой массе надлежащую организацию, она выдержала бы любой боевой экзамен»⁷⁹.

30 ноября — 1 декабря начался бой между Нахичеванью и Александровской, которые разделяла пологая, но широкая Кизитериновская балка. Со стороны ВРК стреляли траллеры — но, как и ранее, неудачно. У белых наступали 3–4 сотни юнкеров и казаков, пулеметная команда, юнкерский батальон алексеевцев, офицерский отряд и т.п. Силы ВРК быстро осознали, что положение не в их пользу. Среди них стали нарастать деморализация и уход с фронта, принявший почти открытую форму. К вечеру 1 декабря на позициях осталось меньшинство. Даже матросы на судах «несколько раз прекращали стрельбу и собирались на митинги по вопросу о возвращении в Севастополь». Этому способствовали и меньшевики. 1 декабря они созвали «демократическое совещание» делегатов военных организаций и Совета крестьянских депутатов, на котором призвали не участвовать в боях и провели резолюцию с требованием к сторонам вступить в переговоры⁸⁰. На следующий день

⁷⁵ Октябрь 1917 г. С. 28.

⁷⁶ Выписка из газеты «Социал-демократ». № 227. 7 (20) декабря 1917 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 632. Л. 2.

⁷⁷ Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 102.

⁷⁸ Октябрь 1917 г. С. 28; Доклад красногвардейца П.П. Зудеца командующему 2-м Минским революционным отрядом // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 621. Л. 56.

⁷⁹ Рабочее дело. № 167. 5 декабря 1917 г.

⁸⁰ Венков А.В. Указ. соч. С. 103; Октябрь 1917 г. С. 34, 30, 16–17.

подобную резолюцию меньшевики провели во Владикавказских железнодорожных мастерских⁸¹.

Разумеется, калединцам не было дела до этих резолюций. Решающим их успехом стало наступление юнкеров на Нахичевань ранним утром 2 декабря вдоль балки, под прикрытием тумана⁸². Отряд легко занял город, отрезал путь красногвардейцев на Аксайских позициях и разгромил их. Это стало результатом их деморализации и плохой работы ВРК. В частности, у него имелся кустарный бронепоезд, который можно было использовать для охраны балки, но он всего два раза был на позиции, один раз обстреляв лог у Нахичевани. Калединцы обеспечили себе и настроение солдат Нахичевани, которые не приняли участия в боях. Газета меньшевиков утверждает, что это произошло из-за того, что 46-й казачий полк неожиданно для солдат нарушил нейтралитет и добился их разоружения. Похоже, им пообещали реализовать приказ Каледина об отпусках. Солдаты действительно через два дня стали распускаться «в отпуск», хотя это быстро было прекращено⁸³. Впрочем, уклонение гарнизона было и ранее. Так, по словам Черноярова, 252-й полк «...видя, что дело дошло до кровопролития, — стал “распыляться”: разъезжались по домам не только одиночным порядком, но целыми партиями; их примеру стали следовать и прочие запасные полки». Даже «начальник гарнизона» солдат Блюм не проявлял инициативности и активно контактировал с полковником⁸⁴.

После этого прорыва можно было ожидать сопротивления на другой стороне — на Нахичеванской меже, между Ростовом и Нахичеванью. По словам Каледина, он знал, что там делались баррикады, но они оказались брошены и, видимо, не окончены. Одновременно казачий отряд из 11 сотен легко прорвался в Ростов со стороны Олимпиадовки⁸⁵. Город стал занимать к полудню. 2 декабря, в 3 часа дня Каледин уже ехал по Большой Садовой в автомобиле⁸⁶. Командующим Ростовским округом он назначил генерала А.М. Назарова, который начал разоружения и аресты.

Прохождению белых способствовали сами же члены ВРК. Узнав рано утром о прорыве, они прибыли в штаб Красной гвардии в «Марс»

⁸¹ Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 102.

⁸² Революция на Дону. Таганрог, 1930. С. 21.

⁸³ Октябрь 1917 г. С. 29–30, 35; Выписка из газеты «Социал-демократ». № 227. 7 (20) декабря 1917 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 632. Л. 2.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 37, 39.

⁸⁵ Вольный Дон. № 199. 5 декабря 1917 г.; Венков А.В. Указ. соч. С. 104.

⁸⁶ Приазовский край. № 284. 3 декабря 1917 г.

Похороны рабочих, павших в боях с казаками Каледина и отрядами Добармии в декабре 1917 г. под Ростовом-на-Дону. 13 декабря 1917 г.
Из открытых источников

и, выяснив безнадежность положения, призвали войска к отходу в сторону Тихорецкая — Азов. Предполагалось отступить эшелонами в Таганрог. Местом сбора была назначена набережная около «Колхиды». Однако калединыцы предупредили это. От Таганрога у станицы Гниловской 2 декабря встала батарея А.М. Назарова при пулеметной команде 51-го Донского полка (2 орудия и 900 бойцов), что перекрыло выход в Азовское море. Батарея укрылась в котловине за железной дорогой, а наблюдатели встали на самой насыпи⁸⁷. После обстрела тральщики тут же ушли ниже по Дону, к Колузаевской пристани⁸⁸. Прибывшие часам к двум члены ВРК застали почти пустую набережную и разошлись, чтобы самостоятельно выбраться из города. К вечеру в Ростов вошли юнкера из Нахичевани. «Колхида» тоже ушла с траллерами, но села на мель в восьми верстах от города у Гниловской⁸⁹.

Команда перешла на суда, взорвав машины. Потоцкий и Зеелер остались в руках 7–8 матросов (видимо, членов «Совета пяти»), которые после переговоров отпустили их в обмен на 14 своих моряков. Он прошел в нескольких верстах от гирла Дона⁹⁰. Вскоре Назаров хвастал на

⁸⁷ Венков А.В. Указ. соч. С. 104.

⁸⁸ Приазовский край. № 284. 3 декабря 1917 г.

⁸⁹ Октябрь 1917 г. С. 18, 30, 35.

⁹⁰ Раенко Я.Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 1: Март 1917 г. — март 1918 г. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1939. С. 103.

заседании Круга: «Он, Зеелер, гарантировал им жизнь. Вообще матросы дрожали за свою шкуру. Из этого можно заключить, что большевики — хулиганы. К ним надо применять кулаки, единственное действительное против них средство. Так с ними и было поступлено»⁹¹. Однако на деле Назаров не мог не учитывать силы флотилии и пропустил ее в Азовское море — как и матросов «Колхиды». Правда, газета меньшевиков писала, что когда эти пять матросов отправились в Новочеркасск, их «по дороге истязали: выкручивали руки, вырезывали языки и т.п.»⁹². Это сомнительно, хотя свидетельств об убийствах в городе красногвардейцев «добровольцами» сохранилось очень много, включая прессу меньшевиков⁹³. В связи с разгулом террора почти все части из Ростова вывели уже через несколько дней. На этом восстание и завершилось.

Однако в городе еще долго шло пассивное сопротивление рабочих контрреволюции, выразившееся в мирных формах протеста (забастовках, жалобах в печати, демонстрациях на похоронах жертв белого террора) и нелегальной подпольной борьбе. Часть красногвардейцев отступила к ст. Тихорецкой, где продолжила воевать и блокировала пути на Царицын. К тому же восстание объективно способствовало задержке офицерских и казачьих сил на Дону, дав время большевикам на севере для сбора военных отрядов. В итоге оно оказалось первым актом борьбы, в котором победа контрреволюции оказалась непрочной и временной. В связи с этим командир отрядов Арнаутов писал в газете меньшевиков: «1) роль ростовской красной гвардии еще не сыграна, 2) только что завершился первый эпизод гражданской войны на Дону»⁹⁴. Эти слова оказались пророческими.

Выводы

Ростовское восстание 1917 г. стало ключевым этапом в борьбе на Юге России, выявив слабости и потенциал большевиков. С одной стороны, у них имелся ряд недостатков, которые и стали залогом поражения восстания: плохая подготовка Красной гвардии и матросской артил-

⁹¹ Стенограмма заседания Войскового круга от 3 декабря 1917 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 568. Л. 57.

⁹² Выписка из газеты «Социал-демократ» // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 632. Л. 5.

⁹³ Ратьковский И.С. Белый террор. Гражданская война в России. СПб.: Питер, 2021. С. 133.

⁹⁴ Рабочее дело. № 167. 5 декабря 1917 г.

Ростовская филармония, бывший театр «Марс». Современный вид.
 Фото автора

лерии, хаотичное командование, пассивная оборона и зависимость от ненадежных союзников. Особенно стоит отметить пассивное поведение гарнизона — между тем решительное взятие его под свой контроль с отстранением умеренных элементов позволило бы выделить хотя бы часть добровольцев для борьбы.

С другой стороны, на стороне ВРК были значительная поддержка рабочих и солдат, политическая гибкость (что продемонстрировала коалиция через ОВРК), использование пацифизма казаков. Поражение имело и стратегические плюсы — выявило слабость Каледина, сплотило рабочий Донбасс и ускорило создание революционных войск на севере.

Крайне сложно однозначно оценить курс ВРК на объединение демократических элементов в противостоянии Каледину: насколько верным он был в сложившихся условиях и не лучше ли в интересах восставших было объявить о решительном размежевании с умеренными элементами, как это сделали лидеры большевиков в Петрограде? Этот вопрос заботил участников борьбы уже в 1920-е, когда левые оппоненты Сырцова М.П. Жаков и С.С. Турло обвиняли его за данную политику в политическом оппортунизме и ответственности за поражение⁹⁵. Думается, реконструкция событий показывает, что вне зависимости от желания ВРК

⁹⁵ Кислицын С.А. Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20–30-е гг. Ростов н/Д., 1992. С. 25.

сложившаяся обстановка делала такое поведение объективно сложным в осуществлении. В Ростове рабочие и солдаты на тот момент не были настолько мотивированы и радикализированы для такого шага — среди них объединительно-демократические настроения были еще сравнительно популярны. Большую роль играла и инерция массового сознания, не желавшая кровопролития. Радикализация общества, которая приведет его к гражданской войне, должна была стать следствием демонстрации объективно нерешаемого противоречия между социально-политическими силами, а силы ВРК на это были еще не способны.

Поэтому главный вывод нашего исследования заключается в том, что восстание было хотя и не случайным, но в то же время вынужденным шагом — оно стало ответом на выступление калединцев, ускорившим поляризацию общества. Победа над ВРК при этом была обеспечена во многом офицерами-добровольцами, тогда как казаки оставались более пассивны, что говорило о временности успеха. Значение восстания тем самым выходит за локальные рамки: его следует рассматривать как важный рубеж в процессе формирования противоборствующих сил на Юге России, который наглядно продемонстрировал невозможность сохранения «третьего пути» в условиях нарастающей гражданской конфронтации.

События ноября — декабря 1917 г. в Ростове поэтому стали не только первым крупным вооруженным столкновением Гражданской войны в регионе, но и показательным примером динамики революционного процесса в казачьих областях, где военные факторы оказались тесно переплетены с социально-политическими.

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования; изучение архивных источников; работа с историографией; обработка написанного текста; формулирование вступления и выводов исследования; корректура, сверка, оформление — Н.А. Заяц (доля вклада автора — 1/3).

Выявление всех газетных источников; работа с историографией; написание основной части статьи — В.Ф. Заболотин (доля вклада автора — 2/3).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Венков А.В. Бои за Ростов в ноябре-декабре 1917 года, в: *Донской вестник. Год 2017-й*. Вып. 25. Ростов-на-Дону, 2016. С. 99–105.
Venkov A.V. The battles for Rostov in November–December 1917, in: *Donskoy Vremennik. Year 2017*. Iss. 25. Rostov-on-Don, 2016. P. 99–105 (in Russ.).
2. *Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920*. Сборник документов в 2 т. Т. 1: март 1917 — май 1918. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. 458 с.
The Don Region during the Revolution and Civil War. 1917–1920. Collection of documents in 2 vols. Vol. 1: March 1917 — May 1918. Rostov-on-Don: Al'tair, 2017. 458 p. (in Russ.).
3. *Дон советский*. Ростов-на-Дону: Ростовское книгоиздательство, 1986. 267 с.
The Soviet Don Region. Rostov-on-Don: Rostovskoe knigoizdatel'stvo, 1986. 267 p. (in Russ.).
4. Кириенко Ю.К. *Крах калединщины*. Москва: Мысль, 1976. 245 с.
Kirienko Yu.K. *The collapse of Kaledinshchina*. Moscow: Mysl', 1976. 245 p. (in Russ.).
5. Кислицын С.А. *Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20–30-е гг.* Ростов-на-Дону: Ростовское книгоиздательство, 1992. 241 с.
Kislitsyn S.A. *The Syrtsov variant: From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in Soviet society in the 1920s–1930s*. Rostov-on-Don: Rostovskoe knigoizdatel'stvo, 1992. 241 p. (in Russ.).
6. Мартыненко К.М. *Большевицкая печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 — декабрь 1920)*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1986. 175 с.
Martynenko K.M. *The Bolshevik press in the struggle for Soviet power on the Don and in the North Caucasus (March 1917 — December 1920)*. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 1986. 175 p. (in Russ.).
7. *Незабываемые годы*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1957. 416 с.
Unforgettable years. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 1957. 416 p. (in Russ.).

8. *Октябрь 1917 г.: сборник статей и воспоминаний*. Ростов-на-Дону: Гос. изд-во. Донское отд., 1921. 79 с.
October 1917: Collection of articles and memoirs. Rostov-on-Don: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Donskoe otделение, 1921. 79 p. (in Russ.).
9. *Октябрь на Дону и Северном Кавказе*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1977. 302 с.
October on the Don and in the North Caucasus. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 1977. 302 p. (in Russ.).
10. *Очерки истории партийных организаций Дона*. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1973. 551 с.
Essays on the history of party organizations of the Don Region. Part 1. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1973. 551 p. (in Russ.).
11. *Пролетарская революция на Дону*. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Гос. изд-во. Донское отд., 1921. 140 с.
The Proletarian Revolution on the Don. Iss. 2. Rostov-on-Don: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Donskoe otделение, 1921. 140 p. (in Russ.).
12. Раенко Я.Н. *Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье*. Вып. 1: Март 1917 г. – март 1918 г. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1939. 156 с.
Rayenko Ya.N. *Chronicle of historical events on the Don, Kuban, and in the Black Sea Region*. Iss. 1: March 1917 – March 1918. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1939. 156 p. (in Russ.).
13. Разиньков М.Е., Морозова О.М. *Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности*. Москва, 2021. 712 с.
Razinkov M.E., Morozova O.M. *Socio-political dialogue in Russia (1917–1918): Trends, mechanisms, regional features*. Moscow, 2021. 712 p. (in Russ.).
14. Ратьковский И.С. *Белый террор. Гражданская война в России*. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 496 с.
Ratkovsky I.S. *White terror: The Civil War in Russia*. St. Petersburg: Piter, 2021. 496 p. (in Russ.).
15. *Революция на Дону (Ростовское восстание, с 15-го ноября по 2-е декабря 1917 года)*. Таганрог, 1930. 24 с.
The Revolution on the Don (The Rostov Uprising, from November 15 to December 2, 1917). Taganrog, 1930. 24 p. (in Russ.).
16. Хмелевский К.А. *Буря над Тихим Доном*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1984. 176 с.

- Khmelevsky K.A. *Storm over the Quiet Don*. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 1984. 176 p. (in Russ.).
17. Щукина Т.В. Социал-демократия осенью 1917 года, в: *Донской временник. Год 2007-й*. Вып. 15. Ростов-на-Дону, 2006. С. 87–91.
Shchukina T.V. Social Democracy in the Autumn of 1917, in: *Donskoy Vremennik. Year 2007*. Iss. 15. Rostov-on-Don, 2006. P. 87–91 (in Russ.).

Николай Алексеевич Заяц
Nikolay A. Zayats

кандидат исторических наук, ассистент
кафедры истории Московского
авиационного института,
ORCID: 0009-0008-3265-2456,
SPIN-код: 8404-6016,
AuthorID: 959848

C.Sc. (History), assistant of the history
department of the Moscow Aviation
Institute,
ORCID: 0009-0008-3265-2456,
SPIN-код: 8404-6016,
AuthorID: 959848

Виталий Федорович Заболотин
Vitaly F. Zabolotin

независимый исторический
исследователь, организатор научно-
популярного исторического проекта
«Красный Юг по белым источникам»

independent historical researcher,
organizer of the popular historical project
«Red South by White Springs»

Поступила в редакцию /
Received
10.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.02.2026

Принята к публикации /
Accepted
15.03.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Ю.М. Голанд*Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация**E-mail: golandyury@yandex.ru*

Смерть М.В. Фрунзе в свете борьбы за власть в руководстве компартии (к столетию со дня смерти)

Аннотация

Статья приурочена к 100-летию со дня смерти председателя Реввоенсовета (РВС) и наркома по военным и морским делам СССР М.В. Фрунзе. Он умер в возрасте 40 лет через два дня после неудачно проведенной операции по поводу язвенной болезни, от которой он давно страдал. Решение об операции было принято при разногласиях в консилиуме врачей. На операции настаивал генсек компартии И. Сталин, несмотря на то что его предупреждали о связанных с ней рисках. Он мотивировал свое требование необходимостью полностью излечить Фрунзе для его полноценной работы. В статье рассматриваются другие возможные мотивы его требования, ранее выдвигавшиеся, и дается новое объяснение этому.

На основании беседы автора с бывшим членом партийного руководства А.И. Микояном и нескольких воспоминаний, а также архивных документов выдвинуто предположение о том, что Фрунзе являлся альтернативой Сталину на пост генсека. Он отличался редкостным сочетанием сильной воли с человечностью, тактичностью и умением ладить с людьми разных взглядов. Оппоненты Сталина в Политбюро Г. Зиновьев и Л. Каменев в начале 1925 г. предложили, чтобы генсек перешел на должность председателя РВС, а зампреда РВС

Фрунзе стал генсеком. Из-за возражений Сталина это предложение не было принято.

Но Сталин помнил об этом предложении, и настаивая на тяжелой операции, он стремился на длительный период отстранить Фрунзе от активной политической деятельности и не допустить его участия в намеченном на декабрь 1925 г. съезде партии и первом организационном заседании нового ЦК партии, где он мог быть избран в Политбюро. А это изменило бы соотношение сил в этом высшем органе и, возможно, помешало бы реализации сталинских планов по разгрому оппонентов в партийном руководстве и постепенному достижению фактически бесконтрольной власти.

В статье делается вывод о том, что со смертью Фрунзе была потеряна возможность объединить вокруг пользовавшейся большим авторитетом сильной и обаятельной личности всех несогласных в партийном руководстве с этим стремлением Сталина. Это могло позволить реализовать альтернативу сталинскому курсу.

Ключевые слова:

операция; перитонит; Реввоенсовет; Политбюро; генсек

Для цитирования:

Голанд Ю.М. Смерть М.В. Фрунзе в свете борьбы за власть в руководстве компартии (к столетию со дня смерти) // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 198–235. DOI: 111111111111111111

Yury M. Goland

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: golandyury@yandex.ru*

The death of M. V. Frunze in the context of the power struggle in the leadership of the Communist Party

(on the 100th anniversary of his death)

Abstract

The article is dedicated to the 100th anniversary of the death of the chairman of the Revolutionary Military Council (RMC) and People's Commissar for Military and Naval Affairs of the USSR M.V. Frunze. He died at the age of 40 two days after an unsuccessfully performed operation for a peptic ulcer disease from which he had long suffered. The decision on the operation was made during the disagreements in the doctors' council. General Secretary of the Communist Party I. Stalin insisted on the operation, despite being warned about its risks. He justified his demand by the need to completely cure Frunze so that he could work to his full capacity.

The article considers other possible motives for Stalin's insistence that had previously been suggested and offers a new explanation. It is based on the author's conversation with former party leadership member A.I. Mikoyan and several memoirs, as well as archival documents, and advances the hypothesis that Frunze was an alternative candidate to Stalin for the post of general secretary. He was distinguished by a rare combination of strong will and humanity, tactfulness and the ability to get along with people of different views.

Opponents of Stalin in the Politburo, G. Zinoviev and L. Kamenev, in early 1925 proposed that the general secretary be transferred to the post of chairman of the RMC and that Frunze, then deputy chairman of the RMC, become general secretary. Because of Stalin's objections, this proposal was not accepted. However, Stalin remembered this proposal and, insisting on the serious operation, aimed to remove Frunze from active political life for a long period and to prevent him from taking part in the party congress scheduled for December 1925 and the first organizational session of the new Central Committee, where he could have been elected to the Politburo.

This would have changed the balance of forces in this high organ and, perhaps, prevented the implementation of Stalin's plans for the defeat of opponents in the party leadership and the gradual achievement of uncontrolled power. The article concludes that Frunze's death meant the loss of the opportunity to unite around the strong and charming personality all those in party leadership who disagreed with Stalin's plans. This could have made it possible to implement an alternative to Stalin's course.

Keywords:

Surgery; Peritonitis; Revolutionary Military Council; Politburo; General Secretary

For citation:

Yury M. Goland. The death of M.V. Frunze in the context of the power struggle in the leadership of the Communist Party (on the 100th anniversary of his death) // *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 57. P. 198–235. DOI:!!!!!!!!!!!!

Через два дня после неудачной операции 31 октября 1925 г. умер нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР (РВС) М.В. Фрунзе. Он пользовался большой популярностью в стране как герой Гражданской войны, победоносно командовавший последовательно тремя фронтами. Его смерть явилась полной неожиданностью. Фрунзе было всего 40 лет, и он активно работал как на посту наркома, так и состоя кандидатом в члены Политбюро. Только близкие к нему люди знали, что он много лет страдал от язвенной болезни.

После окончания с золотой медалью гимназии Фрунзе поступил в 1904 г. на экономическое отделение Петербургского политехнического института, но не окончил его. С 1905 г. он энергично включился в революционное движение, в 1905–1907 гг. участвовал в боевых столкновениях с правительственными войсками и полицией. В 1907 г. он был арестован в городе Шуе, обвинен в участии в подпольной боевой организации, среди прочего в том, что ранил из револьвера полицейского урядника.

Военно-полевой суд приговорил его в 1909 г. к смертной казни, но по апелляции дело было пересмотрено и направлено на новое рассмо-

трение. В 1910 г. суд подтвердил ранее вынесенный приговор, который позже был решением командующего войсками Московского военного округа заменен на 6 лет каторжных работ. Пребывание в течение нескольких месяцев в камере смертников и нескольких лет в каторжных тюрьмах вызвало желудочные заболевания, которые преследовали его и в последующие годы. Правда, обострения болезни проходили после лечения и отдыха.

Однако в октябре 1925 г. консилиум врачей рекомендовал провести Фрунзе операцию, приведшую к его смерти. Сразу после операции в газетах было опубликовано много материалов о ходе болезни Фрунзе, но далеко не всему в них можно доверять, учитывая желание властей оправдать сам факт срочной операции. Опубликованная информация использовалась в нескольких книгах и множестве статей на эту тему, хотя зачастую без ссылок и с добавлением различных домыслов. Я попробую выбрать наиболее достоверные факты и добавить некоторые архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Шуйского историко-художественного и мемориального музея (ШИХММ) им. Фрунзе, чтобы дать по возможности полную картину развития всей ситуации.

Начать имеет смысл с июля 1925 г. Секретарь ЦК В. Молотов сообщил Сталину: «С Фрунзе случилось несчастье. Он вылетел из автомобиля на полном ходу. Наружных повреждений нет. Но чем это кончится — сказать трудно. Пока врачи требуют лежать и молчать»¹. Врачебная комиссия 7 июля рекомендовала предоставить Фрунзе незамедлительно двухнедельный отпуск, о чем он написал в Политбюро. Он предполагал провести его под Москвой, не прекращая общего руководства Наркоматом. Такой отпуск ему и был предоставлен начиная с 9 июля. В августе ему стало значительно лучше, и 19 августа Политбюро предоставило Фрунзе очередной отпуск для поездки в Крым с 7 сентября. Перед тем как отправиться на отдых, он собирался заехать 31 августа на Украину для смотра частей. Однако в конце августа у него ухудшилось самочувствие, и Политбюро отложило его поездку. Выезд был поставлен в зависимость от письменного разрешения врачей.

В сообщении о болезни Фрунзе в «Правде» 31 октября говорилось о том, что у него заболевания желудочно-кишечного тракта делятся

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 43.

М.В. Фрунзе на маневрах. Худ. И.И. Бродский.

Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации. Москва

около десяти лет: «За эти годы более значительные кишечные кровотечения имели место три раза... Последнее сильное кишечное кровотечение было в начале сентября сего г. после ушиба при падении из автомобиля». При этом не уточнялось, когда было это падение. Тем не менее 5 сентября заведующий терапевтическим отделением Кремлевской больницы Л. Левин дал заключение о том, что состояние здоровья наркома не препятствует отъезду. Фрунзе перенаправил это заключение Молотову и в тот же день опросом членов Политбюро получил разрешение на выезд в отпуск. Он поехал в дом отдыха «Мухалатка» в Крыму, где в это время отдыхал и Сталин.

Вместе с Фрунзе поехал заведующий хирургическим отделением Центрального военного госпиталя П. Мандрыка, командированный для медицинского наблюдения и лечения. Он вел дневник здоровья Фрунзе с 5 по 12 сентября, который хранится в ШИХММ в городе Шуя. В нем он констатировал наличие раны от ушиба при падении, на которую наложил пластырь, но в целом 5 и 6 сентября состояние было удовлетворительным. В ночь на 7 сентября самочувствие было скверным, но переезд в Крым пациент перенес удовлетворительно. С 8 по 10 сентября состояние больного тревог не вызывало. Так, запись в дневнике 10 сентября свидетельствовала: «Общее состояние

Петр Васильевич Мандрыка.
Из открытых источников

удовлетворительное. Больной купается, лежит на пляже. Рана заживает хорошо»². Но уже 11 сентября врач отмечал: «Самочувствие плохое. Больной больше лежал».

Такие колебания в самочувствии были иногда характерны для состояния здоровья Фрунзе. Когда ему становилось лучше, он проявлял чрезмерную активность, забывая о своей болезни, а потом снова возникали обострения. 14 сентября Сталин вернулся в Москву из отпуска, и после этого врачи в Москве активизировали свои действия. Мандрыка был отозван в Москву и 16 сентября сделал доклад консилиуму из нескольких врачей. Среди них были, в частности, уже упоминавшийся Левин и заведующий хирургическим отделением Боткинской больницы В. Розанов, который пользовался доверием у Сталина, после того как в 1921 г. успешно удалил ему аппендикс. Консилиум признал необходимым незамедлительно командировать в «Мухалатку» хирурга и терапевта для того, чтобы осуществлять контроль за состоянием здоровья Фрунзе. «Он должен лежать с соблюдением абсолютного покоя и жидкой диеты»³.

На следующий день Политбюро приняло по предложению Сталина следующее постановление: «а) Предписать т. Фрунзе неукосни-

² ШИХММ. 95-н.в. 4286.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 16.

Владимир Николаевич Розанов.
Из открытых источников

тельно выполнять все предписания врачей. б) Поручить т. Семашко установить строгое наблюдение за соблюдением врачебных предписаний»⁴. 1 октября Фрунзе вернулся в Москву, и 2 октября газета «Экономическая жизнь», орган СТО (Совет труда и обороны — комиссия Совнаркома, руководившая текущей экономической деятельностью), в разделе «Хроника», где публиковались официальные новости, поместила такое сообщение: «Вчера возвратился из отпуска и приступил к исполнению своих обязанностей председатель Реввоенсовета СССР тов. М.В. Фрунзе». По-видимому, это сообщение было основано на информации о его нормальном состоянии, что было естественно после отдыха в Крыму под контролем врачей. А вот другие центральные газеты «Правда» и «Известия» информировали читателей в тот же день о возвращении Фрунзе 1 октября в Москву без указания на то, что он приступил к работе. Возможно, они печатались несколько позже и получили более точную информацию о его направлении в Кремлевскую больницу.

2 октября консилиум профессоров при Лечебно-санитарном управлении Кремля под руководством начальника управления и Лечебной комиссии ЦК РКП(б) П. Обросова с участием Розанова и Левина принял решение «поместить Фрунзе с 2 октября в Кремлевскую

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л. 5.

Николай Александрович Семашко.
Из открытых источников

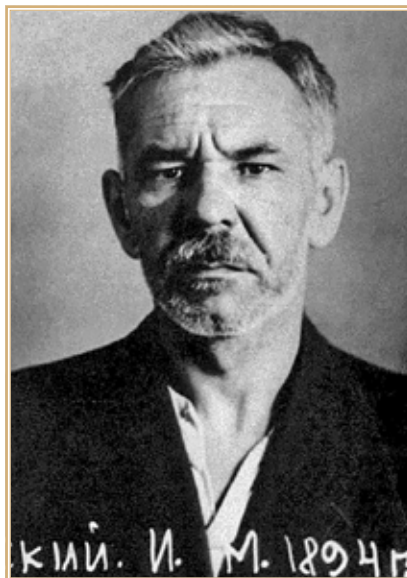
больницу для всесторонних клинических исследований и наблюдения на предмет установления точного диагноза и рассмотрения чрезвычайно серьезного вопроса о показании к оперативному вмешательству. До нового постановления консилиума больной должен находиться в больнице без выхода»⁵. Это означало, что он не мог принять участие в работе пленума ЦК РКП(б), который открылся 3 октября. Возражать Фрунзе не мог после принятия выше цитированного постановления Политбюро.

Следующий консилиум состоялся 8 октября с участием наркома здравоохранения Н. Семашко и 11 врачей. Консилиум признал, что Фрунзе болен язвой двенадцатиперстной кишки и остатками инфлюэнции, начавшейся на пути из Крыма в Москву. Главный вывод консилиума заключался в том, что «болезнь ввиду ее упорства и склонности к кровотечению требует оперативного вмешательства»⁶. Указывалось, что для подготовки к операции Фрунзе должен не менее десяти дней оставаться в больнице, а точной срок операции будет установлен следующей консультацией.

Новый консилиум из 15 человек, уже без Семашко, который уехал из Москвы, состоялся 24 октября. Он подтвердил прежний диагноз

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 17.

⁶ Правда. 3 ноября 1925.

Иван Михайлович Гронский.
Из открытых источников

и вывод о необходимости операции: «Длительность заболевания и наклонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно-опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением»⁷. Вместе с тем в заключении признавалось, что операция будет трудной и серьезной, после нее возможны рецидивы, и в дальнейшем от больного потребуется соблюдать определенный режим и продолжить лечение. Тем не менее консилиум наметил операцию на ближайшие дни.

Во время пребывания в больнице Фрунзе чувствовал себя работоспособным, читал документы, встречался с должностными лицами, принимал посетителей, но накануне операции стал нервничать. Показательно письмо жене от 26 октября, которое она не успела получить, так как срочно выехала в Москву, узнав о проведенной операции. Письмо вернулось в секретариат Фрунзе и 5 ноября было направлено Сталину. Оно неоднократно частично цитировалось в книгах и статьях, но тем не менее здесь не обойтись без некоторых цитат. Фрунзе писал: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, но даже думать об операции... У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки

⁷ Там же.

после отдыха и лечения»⁸. В этой связи он выражал удивление решением врачей об операции: «Тем не менее оба консилиума постановили ее делать». Желая успокоить больную жену, он утверждал: «Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть и попытаются наметить настоящее лечение». В конце письма Фрунзе писал: «Я настроен хорошо и совершенно спокоен»⁹.

В тот же день он встретил в Кремлевской больнице партийного работника И. Гронского, с которым виделся однажды во время Гражданской войны. Гронский вспоминал, как Фрунзе говорил ему, что операция предстоит не столь значительная: «Владимир Николаевич Розанов уверяет, — а я верю ему, — что в больнице долго меня не задержат»¹⁰. Настрой Фрунзе на скорое продолжение своей деятельности подтверждается и содержанием его пространного письма Сталину, написанного на следующий день 27 октября. В нем он высказывал свои соображения о разных государственных делах, рассказывал, как он их обсуждал 26 октября на встречах с полпредом СССР в Китае Л. Карahanом (Фрунзе возглавлял Китайскую комиссию Политбюро, созданную в марте 1925 г.) и с председателем ВСНХ и ОГПУ Ф. Дзержинским. При этом он заметил, что вся история, связанная с операцией, «по крайней мере, на несколько недель оторвет меня от работы»¹¹.

С другим настроением Фрунзе говорил со своими старыми друзьями. Его приятель И. Гамбург, помощник командующего ВВС, был у него за несколько дней до операции и заметил, что он мрачно настроен перед операцией. Гамбург убеждал его отказаться от нее, раз у него плохие предчувствия: «Но он отрицательно покачивал головой: — Сталин настаивает на операции; говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решился лечь под нож»¹². Конечно, многие люди испытывают опасения перед операциями, но в случае с Фрунзе ситуация осложнялась тем, что он чувствовал себя здоровым и проводил деловые встречи в больнице.

29 октября в «Правде» появилось краткое сообщение о болезни Фрунзе. В нем говорилось о том, что согласно заключению четырех профессоров, среди которых назывались Обросов и Розанов, Фрунзе

⁸ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: Наука, 1991. С. 262.

⁹ Там же. С. 263.

¹⁰ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников М.: Политиздат, 1985. С. 234.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² Гамбург И. Так это было... Воспоминания. М.: Политиздат, 1965. С. 182.

был помещен в Боткинскую больницу «для ликвидации болезненных явлений со стороны желудочно-кишечного тракта». Для людей близких к медицине и партийным верхам это означало, что готовится операция, потому что в Кремлевской больнице подобные операции не делали. Тем не менее сообщение заканчивалось успокоительно: «Самочувствие тов. Фрунзе хорошее, пульс и температура нормальные».

В тот же день, когда появилось это сообщение, Розанов, который считался ведущим хирургом страны, провел операцию. На операции присутствовал Обросов в качестве политического контролера. Согласно заключению об операции «больной трудно засыпал и оставался под общим наркозом 1 час 5 минут, а сама операция продолжалась 35 минут»¹³. Наркоз давал ученик Розанова А. Очкин, который был знаком со Сталиным со времен Гражданской войны, когда он работал главным врачом в госпитале 1-й Конной армии. Вначале он безрезультатно пытался усыпить больного эфиром, дав ему 140 граммов, а затем прибег к большой дозе хлороформа — 60 граммов по официальному сообщению¹⁴, что, по мнению врачей, и тогда, и сейчас считается опасным. В результате операции возникли обострение гнойного воспаления брюшины и упадок сердечной деятельности, от чего Фрунзе и умер спустя два дня. В протоколе вскрытия говорилось о «нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции»¹⁵. Известный публицист М. Кольцов писал в «Правде» 3 ноября: «Можем ли мы упрекнуть бедное сердце за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа».

Сразу после публикации в газетах протокола вскрытия и информации о ходе операции во врачебной среде появились разговоры о врачебных ошибках. Например, профессор Терешенков прислал в «Рабочую газету» заметку под названием «Нельзя молчать. От чего умер Фрунзе», которую редакция переслала Сталину 4 ноября. Приводя конкретные примеры из опубликованной информации, врач делал вывод: «Несомненно, в операции тов. Фрунзе мы имеем большие промахи врачей»¹⁶.

Конечно, мнение отдельного врача не может являться бесспорной истиной. Но все подобные разговоры послужили основанием

¹³ Правда. 3 ноября 1925.

¹⁴ Правда. 31 октября 1925.

¹⁵ Правда. 1 ноября 1925.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 68.

Александр Николаевич Винокуров.
Из открытых источников

для обсуждения смерти Фрунзе на заседании бюро общества старых большевиков 19 ноября с приглашением Семашко. В РГАСПИ хранится протокол этого заседания. На нем присутствовали 10 человек, занимавших ответственные посты. С докладом выступил председатель Верховного суда СССР А. Винокуров. Он получил медицинское образование на медицинском факультете Московского университета и до революции некоторое время вел частную врачебную практику наряду с участием в революционном движении. Сопоставляя данные диагноза до операции с результатами вскрытия, он делал вывод об отсутствии показаний к срочной операции: «Можно было ждать и сделать операцию с вызовом заграничных спецов в этой области. В результате операции получился гнойный перитонит (воспаление брюшины), поведший быстро к смерти от паралича сердца»¹⁷.

Вслед за ним выступил Семашко, попытавшийся защитить и необходимость операции, и врачей, ее проводивших. Он заявил, что у Фрунзе были неоднократные кровотечения, приведшие к тяжелому упадку сил. Вместе с тем он признал, что на первом консилиуме с его присутствием (8 октября) «между врачами были разногласия. Против операции был Левин, а также Розанов». Далее он сообщил: «Перед операцией Розанов беседовал с тт. Сталиным и Зиновьевым, объяснив,

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 15. Л. 134.

что операция очень сложная, что это случай застарелой болезни и т.д. В результате т. Сталин высказался за операцию (о позиции Зиновьева Семашко ничего не сказал). Розанов отсрочивал операционное вмешательство». Причиной смерти Семашко назвал наркоз, которому Фрунзе поддавался чрезвычайно тяжело, при наличии осложняющего положения перитонита.

Прокурор Верховного суда П. Красиков задал вопрос: «Почему не были привлечены заграничные знаменитости или почему нельзя было оперировать тов. Фрунзе за границей, где и наркоз производится легче?»¹⁸ Отвечая ему, Семашко сказал, что операции язвы желудка здесь делаются весьма часто, Розанову можно полностью довериться. Иного мнения он был об Обросове: «Правда, что я выставил его из наркомата здравоохранения, но что же делать, если ЦК и ЦКК (Центральная контрольная комиссия) ему доверяют». Он заявил, что если бы присутствовал при самой операции, то, может быть, приостановил ее продолжение. Здесь стоит заметить, что Розанов, вероятно, мог остановить операцию, когда выявились трудности с засыпанием больного, но тогда он должен был вступить в конфликт с Обросовым, чего не хотел.

Красикова объяснения Семашко не удовлетворили. По его словам, «вопрос о консилиуме стоит неправильно: при разногласии следует устроить еще более компетентный консилиум». Принципиально важное утверждение он высказал, говоря о политконтроле: «Слова Сталина и Зиновьева нам ничего не говорят, так как они не медики. Политический врач должен иметь решающее слово, а не Сталин. Обросов не авторитет, несмотря на то что его признают ЦК и ЦКК». В словах Красикова были определенные противоречия. Употребляя термин «политический врач», он имел в виду квалифицированного врача, члена партии, но в соответствии с партийной дисциплиной тот всегда говорил бы то, что хотел Сталин.

Председательствовавший на заседании член ЦКК Н. Подвойский за несколько дней до операции посетил Фрунзе, и для него смертельный исход был полной неожиданностью. Он говорил достаточно резко: «Картина, как т. Фрунзе сомневался и метался или сообщение, как д-р Левин хотел отговаривать т. Фрунзе от операции, меня страшно удручает. Фрунзе колебался, врачи колебались, а наркомздрав уезжает,

¹⁸ Там же. Л. 134 об.

Борис Соломонович Вейсброд.
Из открытых источников

оставляя больного на руках Обросова и Розанова»¹⁹. Он видел и вину врачей, особенно Обросова: «Последние бюллетени носили характер самооправдания врачей. ...Как тов. Семашко мог, выгнав Обросова из НКЗ, сохранить его в ЦК и оставить на его попечение тов. Фрунзе»²⁰. Справедливости ради, надо сказать, что вряд ли от Семашко в конечном счете зависело назначение руководителя Лечебно-санитарного управления Кремля и Лечебной комиссии ЦК.

В защиту врачей попытался выступить на заседании авторитетный деятель медицины Б. Вейсброд. Он еще до революции много лет работал в хирургическом отделении 1-й градской больницы Москвы, а с 1922 г. был главным врачом 2-й градской больницы. Он утверждал: «Операция безусловно нужна была. Иначе тов. Фрунзе все равно скоро бы стал инвалидом»²¹. Но ведь не умер бы. Вместе с тем врач признал: «При разногласии консилиума нельзя было так быстро согласиться на операцию». По его мнению, смерть наступила от перитонита, которого не было до операции.

В постановлении бюро подчеркивалась «необходимость обновления группы врачей, лечащих ответственных работников, ввиду ряда

¹⁹ Там же. Л. 135.

²⁰ Там же. Л. 135 об.

²¹ Там же. Л. 134 об.

Борис Андреевич Пильняк (Бернгард Вогау).
Из открытых источников

неудачных случаев»²². В качестве примера такого случая приводилась смерть крупного партийного и государственного деятеля председателя Центральной ревизионной комиссии РКП(б) и председателя Всероссийского текстильного синдиката В. Ногина. Он несколько лет страдал от болей в области желудка, был установлен диагноз «язва двенадцатиперстной кишки» в еще более тяжелой форме, чем у Фрунзе. 17 мая 1924 г. Розанов провел ему операцию, но через 5 дней Ногин умер от воспаления брюшины. Безусловно, хирург помнил о таком исходе и потому пытался отсрочить операцию Фрунзе. Вероятно, и Сталин помнил о кончине Ногина после необходимой ему операции.

Из протокола заседания бюро ясно следует, что операция была проведена по настоянию Сталина. Но остается вопрос, почему он настаивал. Сам он говорил, что заботится о состоянии здоровья Фрунзе, хотя знал о рисках, связанных с операцией. Один из ближайших соратников Сталина А. Микоян, в то время бывший секретарем Северо-Кавказского крайкома партии, в своих воспоминаниях рассказывает, как он со Сталиным встречались незадолго до операции с Розановым. Сталин спросил хирурга: «Верно ли, что операция, предстоящая Фрунзе, не опасна?» Тот ответил, что, как и всякая операция, она определенную долю опасности представляет. Тогда Сталин задал вопрос: «Ну,

²² Там же. А. 134.

а если бы вместо Фрунзе был, например, ваш брат, стали бы вы делать ему такую операцию или воздержались бы?»²³ Розанов ответил, что воздержался бы, и далее разъяснил, что язвенная болезнь такова, что, если больной будет выполнять предписанный режим, можно обойтись и без операции. Затем он добавил очень неубедительную фразу о том, что Фрунзе невозможно удержать в рамках такого режима. После этого, как пишет Микоян, решение об операции осталось в силе.

Слухи о причастности Сталина к решению об операции Фрунзе послужили поводом Б. Пильняку написать «Повесть непогашенной луны», которая была опубликована в майском номере журнала «Новый мир» за 1926 г. Он написал ее на основе разговоров с близкими к Фрунзе людьми, в частности с редактором журнала «Красная новь» А. Воронским, кому и была посвящена повесть. В ней командарму Гаврилову вопреки его желанию какой-то безымянный большой начальник приказывает сделать операцию, чтобы излечиться от язвы желудка. Правда, в предисловии автор писал, что он не имел в виду описать смерть Фрунзе, но в это мало кто поверил.

Вскоре после выхода журнала с повестью в свет 13 мая 1926 г. было принято постановление Политбюро, в котором повесть признавалась «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии»²⁴. И далее в постановлении фактически подтверждалось широкое распространение тех слухов, которыми пользовался Пильняк: «Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка “Повесть непогашенной луны” не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор»²⁵. Тираж журнала был конфискован. Сталин на пленуме ЦК партии в июле 1926 г. назвал намек в повести на его причастность к смерти Фрунзе «гнусной легендой»²⁶.

Пильняк опроверг все обвинения в свой адрес в письме председателю Совнаркома СССР А. Рыкову в октябре 1926 г., когда он вернулся из-за границы. Он утверждал, что не думал обвинить Сталина, а «задумал написать рассказ о том, как машина человеческого кол-

²³ Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 284.

²⁴ Млечин Л. Фрунзе. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 245.

²⁵ Там же. С. 246.

²⁶ Объединенный пленум ЦК И ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 722.

Бела Кун, Жак Садуль, Лев Троцкий, Михаил Фрунзе, Сергей Гусев.
Из открытых источников

лектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические непоправимости, ...злобствовал я только против врачей»²⁷. Независимо от того, что он лукавил, в его объяснении было много справедливого.

Эта повесть была переиздана во время перестройки, и уже тогда появилась идея о том, что Сталин хотел руками врачей устранить крупного политика Фрунзе, чтобы заменить его послушным К. Ворошиловым на посту наркома. Эта идея и в постсоветской России получила хождение. Так, В. Тополянский, врач по профессии, подробно исследовал смерть Фрунзе в своей книге «Вожди в законе», вышедшей в 1996 г. В ней он утверждал, что операция была необходима, и в то же время указывал на ошибки Очкина, давшего чрезмерную дозу наркоза. Их он связывал с указаниями Сталина. К концепции Тополянского присоединился Л. Млечин, который цитировал его в своей книге «Фрунзе», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2014 г.

Думаю, что объяснение требований Сталина о проведении операции, несмотря на возможные риски для жизни больного, его желанием заменить Фрунзе Ворошиловым навеяно репрессиями против выс-

²⁷ Киянская О., Фельдман Д. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов. М.: Форум, 2015. С. 118–119.

шего командного состава в 30-е гг. Но в середине 20-х ситуация была иная. Фрунзе, с которым у Сталина были нормальные отношения, подчинялся партийной дисциплине, и его можно было при желании снять решением Политбюро, не лишая жизни. Какова же более вероятная причина действий Сталина?

В ее поиске мне помог разговор с бывшим членом партийного руководства А. Микояном, состоявшийся осенью 1977 г. Я приехал к нему в Кремль, чтобы договориться о выступлении в Институте физических проблем, где я тогда работал, в связи с очередной круглой датой со дня Октябрьской революции. Он уже выступал у нас в 1967 г., и его выступление вызвало большой интерес. Спустя 10 лет директор института академик П.Л. Капица предложил вновь его позвать. В разговоре с Микояном я спросил, была ли реальная альтернатива Сталину как лидеру партии. Он ответил, что был только один деятель в руководстве партии, которой мог составить такую альтернативу — это Фрунзе. Микоян в 1925 г. был членом ЦК компартии и сам близко знал всех членов партийного руководства. Он называл человека, за которого тогда действительно могли проголосовать члены ЦК в случае выдвижения его кандидатуры на пост генсека.

Сходную с мыслью Микояна выразила позднее в своих воспоминаниях Е. Драбкина, дочь крупного партийного деятеля С. Гусева, занимавшего различные ответственные посты. В частности, в 1920 г. он был членом РВС Южного фронта, когда им командовал Фрунзе, в 1921 г. — начальником Политического управления Реввоенсовета, а в середине 20-х гг. — заведующим отделом печати ВКП(б), членом Президиума ЦКК. В этом качестве он присутствовал на многих заседаниях партийного руководства и знал настроения в партийных верхах. От отца Драбкина тоже знала об этих настроениях.

В книге «Зимний перевал», опубликованной в 1990 г., она напоминала о том, что делегаты XIII съезда партии не последовали совету Ленина в его «Письме к съезду» сместить Сталина с поста генсека, и добавляла: «Были, однако, товарищи, которые считали, что завещание Ленина должно быть, безусловно, выполнено. Было имя, которое называлось, как имя человека, способного сменить Сталина на посту генсека, имя Михаила Васильевича Фрунзе»²⁸. Далее она объясняла, почему его уважали: «Прежде всего потому, что дар выдающегося военачальника сочетался в нем с цельностью характера и талантом това-

²⁸ Драбкина Е. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990. С. 362.

рищества, создававшим вокруг него отрадную атмосферу благородного содружества».

Действительно, в воспоминаниях о Фрунзе отмечались его обаяние, человечность, умение подходить к людям. Так, секретарь ВЦИК А. Киселев, много лет знавший Фрунзе, писал: «Он был редкостным человеком: необыкновенная чуткость, мягкость, человечный подход к каждому товарищу»²⁹. Комиссар его штаба В. Сулацкий вспоминал: «Особенно восхищало нас умение Михаила Васильевича разговаривать с людьми. Он никогда никого не унижал, никогда не навязывал другому своих мыслей, а терпеливо убеждал»³⁰. Военком бригады Я. Чанышев писал, что «ни разу не слышал от Фрунзе ругани, грубости и унижения своих подчиненных»³¹. Его близкий друг Воронский отмечал: «Он умеет ладить»³². Сталин в своих письмах знакомым Фрунзе после его смерти также писал о его тактичности. Например, в письме командиру корпуса на Украине Я. Фабрициусу от 25 ноября 1925 г. он называл Фрунзе «милым и отнюдь не жестким человеком»³³. Ленин в «Письме к съезду» рекомендовал избрать на пост генсека человека, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности»³⁴. Фрунзе как раз удовлетворял этим критериям.

Характерной чертой Фрунзе являлась его способность ладить с людьми, которые друг друга с трудом выносили. Так, он привлекал для работы бывших царских офицеров и генералов. Когда он командовал Восточным и Туркестанским фронтами, его заместителем был генерал Ф. Новицкий. Такую линию он вел в соответствии с курсом, который проводил председатель Реввоенсовета Троцкий при поддержке Ленина, защищавший этот курс от нападок радикальных коммунистов, выступавших против привлечения царских офицеров на командные посты.

Но и после того, как с 1923 г. перестал работать Ленин, а против Троцкого началась борьба тройки членов Политбюро — Сталина,

²⁹ Большевик-воин. Михаил Васильевич Фрунзе. М., 1926. С. 33.

³⁰ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. С. 240.

³¹ Там же. С. 177.

³² Большевик-воин. Михаил Васильевич Фрунзе. М., 1926. С. 41.

³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 821. Л. 63.

³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. С. 346.

председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева и председателя СТО Л. Каменева, Фрунзе продолжал ту же линию. Он защищал военспецов от обвинений со стороны органов ОГПУ, которые возбуждали против них дела, в частности, против сотрудников артиллерийского управления во главе с руководителем управления генерал-лейтенантом Г. Шейдеманом. Незадолго до смерти 18 августа 1925 г. Фрунзе писал заместителю председателя ОГПУ Г. Ягоде по поводу продолжения расследования по делу артуправления: «С результатами старых дознаний я ознакомился полностью и оснований для создания процесса, по-моему, нет. Наиболее целесообразным я считал бы прекратить это дело, по крайней мере, в отношении Шейдемана и дать ему возможность использовать остаток своих сил для работы»³⁵.

С другой стороны, он сохранял дружеские отношения с К. Ворошиловым и С. Буденным, которые были в числе тех, кто с недоверием относился к бывшим царским офицерам. Эта его способность находить общий язык с разными людьми позволяет объяснить, почему некоторые партийные деятели видели в нем приемлемую компромиссную фигуру, когда начался конфликт между членами тройки членов Политбюро.

Его начал Сталин, стремясь к своей бесконтрольной власти. Через две недели после того, как пленум ЦК в начале июня 1924 г. вновь избрал его генсеком, он выступил с докладом об итогах XIII съезда партии на курсах секретарей уездных комитетов партии при ЦК РКП(б). В докладе, опубликованном в «Правде», содержались нападки на Зиновьева и Каменева. Этот его публичный поступок нарушал договоренности внутри так называемой «семерки». Она действовала с начала 1924 г. и состояла из шести членов Политбюро (за исключением Троцкого) и председателя ЦКК В. Куйбышева. По словам Зиновьева, она вначале была малооформленной.

Целью ее создания было нахождение консенсуса по острым вопросам в закрытом порядке без привлечения должностных лиц. А затем на заседаниях Политбюро с участием более широкого круга чиновников принятое на «семерке» решение уже оформлялось. По некоторым важным деликатным темам ограничивались обсуждением на «семерке». Идея была в том, чтобы разногласия внутри большинства Политбюро не становились публичными и известными даже многим членам ЦК.

³⁵ ШИХММ. 95-н.в.4075.

Выступление Сталина разрушило этот план, и Зиновьев с Каменевым стали обсуждать меры противодействия его замыслу. Было решено вынести конфликт на уровень ЦК, но не в полном составе, а в виде так называемой «фракции ленинцев» с исключением сторонников Троцкого и хозяйственников. В начале августа Политбюро приняло решение о созыве в середине августа очередного пленума ЦК, во время которого и должно было пройти заседание фракции. В ходе подготовки к этому заседанию Зиновьев и Каменев обсуждали с некоторыми его участниками различные способы ослабления претензий генсека на единовластие. Кто-то предлагал найти и другую кандидатуру на этот пост, среди прочих называлась и фамилия Фрунзе по вышеизложенным причинам.

Сталин знал заранее о всех замыслах своих оппонентов. Как пишет бывший секретарь Сталина Б. Бажанов, сбежавший в 1928 г. за границу, Сталин с помощью специальной установки автоматической телефонной связи мог подслушивать разговоры своих коллег, которые велись по узкой правительственной связи — «вертушке»³⁶. Для снижения угрозы он решил прибегнуть к помощи врачей, чтобы не допустить Фрунзе на заседание фракции. Ведь факт наличия у него хронической болезни желудочно-кишечного тракта был давно известен руководству страны. Еще в начале апреля 1922 г. Политбюро рассматривало результаты медицинского осмотра ответственных работников, и в нем среди прочего было рекомендовано направить Фрунзе на лечение в Германию.

7 августа 1924 г. Политбюро отправило его в месячный отпуск для лечения. Замысел Сталина, по-видимому, состоял в том, чтобы не допустить его выступления, как авторитетного и беспристрастного человека, которое могло повлиять на настроения многих членов ЦК, опасавшихся открытого раскола среди членов Политбюро. Они могли прислушаться к каким-нибудь компромиссным предложениям Фрунзе.

Здесь Сталин мог вспомнить о своем опыте ограничения деятельности Ленина в период его болезни. 18 декабря 1922 г. пленум ЦК возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами. Среди прочего ему были запрещены свидания и получение информации о политической

³⁶ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: III тысячелетие, 2002. С. 61.

жизни, чтобы не волновать, но было разрешено диктовать заметки. В дневнике дежурных секретарей Ленина есть запись Л. Фотиевой от 9 февраля 1923 г., согласно которой Ленин сказал, что немецкий врач Ферстер нашел улучшение и склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. Но уже через 3 дня 12 февраля Фотиева записала, что Ленину стало хуже: «Его расстроили врачи до такой степени, что дрожали губы. Ферстер сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация». На вопрос Ленина, что он имеет в виду под ней, врач ответил, например, вас интересует вопрос о переписи советских служащих. «Эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»³⁷.

В этом как раз и была суть сталинского способа, которую Ленин раскусил раньше своих коллег по Политбюро. Даже немецкий врач Ферстер был готов выполнять указания Сталина, вероятно, потому что получал очень большой гонорар за лечение. Особенно Сталина беспокоила возможность свидания Зиновьева и Каменева с Лениным, о котором они просили. Им троим стало известно ленинское письмо к съезду с рекомендацией снять Сталина с поста генсека. Хотя Зиновьев и Каменев выступали против этого предложения, чтобы не допустить Троцкого на этот пост, Сталин опасался перемены их позиции под влиянием разговора с Лениным.

Молотов так излагал весь этот эпизод в беседе с Ф. Чуевым: «Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: “ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина”. — “Но Ленин сам хочет этого!” — “Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить”»³⁸.

Тем не менее Зиновьев и Каменев настаивали, как ближайшие многолетние соратники Ленина, на встрече с ним. Тогда Сталин внес в Политбюро предложение об освобождении его от обязанностей наблюдать за исполнением режима, установленного врачами для Ленина. Политбюро 1 февраля 1923 г. отклонило его предложение. Можно не сомневаться, что Сталин предварительно убедил других коллег по Политбюро Рыкова и руководителя профсоюзов М. Томского в том,

³⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. С. 485.

³⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. С. 212.

что для лечения Ленина необходимо не допускать к нему никого, и получил в результате большинство. Само по себе ограничение свиданий с Лениным было оправдано, потому что у Ленина ухудшалось здоровье, если ему сообщали плохие новости. Но от встречи с ближайшими сотрудниками ему хуже бы не стало, а от запрета на нее могло быть.

На заседании фракции ленинцев в середине августа 1924 г. большинство осудило публичную критику Сталиным Зиновьева и Каменева. Шли разговоры о том, чтобы перевести его на другой пост, оставляя в Политбюро. Проявив свой твердый и сильный характер, Сталин 19 августа направил Куйбышеву просьбу об отставке, которая в наши дни неоднократно цитировалась. Мне кажется важным обратить внимание на то, что он писал не только об отставке с поста генсека, но и о сложении с себя обязанностей члена Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Это означало, что ни на какой другой пост, кроме генсека, он не собирался соглашаться. Отставка Сталина не была принята.

Фракция организационно оформила ранее действовавшую «семерку», к членам которой были с совещательным голосом добавлены кандидаты в члены Политбюро и среди них Фрунзе. Члены «семерки» обязывались публично не выступать друг против друга. Как сообщил Зиновьев в июле 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, «эта фракционная семерка собиралась каждый вторник, иногда и чаще... составляла порядок дня Политбюро и предварительно его обсуждала... Она обсуждала не только вопросы, по которым мы расходились с т. Троцким, но и вопросы, касающиеся всей жизни и деятельности партии»³⁹.

И после этого заседания фракции ленинцев Сталин продолжал более тонкими методами добиваться ослабления влияния Зиновьева и Каменева. Так, он не стал препятствовать выходу в октябре 1924 г. статьи Троцкого «Уроки Октября». В ней автор напоминал о публичном несогласии Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. с вооруженным восстанием. На конец октября 1924 г. были намечены пленум ЦК и соответственно заседание фракции ленинцев, где Зиновьев и Каменев могли снова поставить вопрос о генсеке.

И опять возникает необходимость лечения Фрунзе. 2 октября 1924 г. Политбюро приняло решение о месячном отпуске Фрунзе и Ворошилова, а спустя неделю конкретизировало постановление от-

³⁹ Объединенный пленум ЦК ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 625.

носителем Фрунзе на основании письма Семашко: «а) Обязать тов. Фрунзе выехать за границу для лечения на срок, указанный врачами. б) Поручить т. Молотову выяснить с тов. Семашко действительное положение тов. Фрунзе»⁴⁰. За границу Фрунзе так и не поехал, но и в работе октябрьского пленума ЦК участия не принимал.

Зиновьев на октябрьском пленуме ЦК вопрос о генсеке не поднимал. Он решил избрать более надежный путь для одобрения своего предложения. В речи на пленуме он делал упор на выдвинутый им еще летом 1924 г. лозунг «Лицом к деревне», надеясь получить поддержку в борьбе со Сталиным таких сторонников улучшения отношения к крестьянству, как члены Политбюро Н. Бухарин, Рыков, председатель ВЦИК М. Калинин. В кулуарах пленума Сталин обвинял Зиновьева в крестьянском уклоне, но после изменил тактику и сам стал сторонником такого улучшения. В результате принципиальная основа для борьбы со Сталиным сузилась и на первый план выдвинулись личные взаимоотношения.

После октябрьского пленума ЦК развернулась оголтелая кампания критики Троцкого за «Уроки Октября». В проекте резолюции, которую подготовили для «семерки» Зиновьев и Каменев, Троцкого обвиняли в «сознательном извращении истории партии»⁴¹. Каменев пошел еще дальше. В проекте резолюции совещания актива МК РКП (б), отправленном в «семерку» 17 ноября, он обвинял статью Троцкого в том, что она «по своему идейному содержанию является попыткой подменить ленинизм троцкизмом»⁴². На этом проекте Сталин написал «Правильно»⁴³. 26 ноября в «Правде» были опубликованы выступления Каменева и Сталина с резкой критикой Троцкого. В ноябре — декабре в адрес ЦК партии поступило много резолюций местных партийных комитетов с требованием снять Троцкого с поста председателя РВС и вывести из Политбюро.

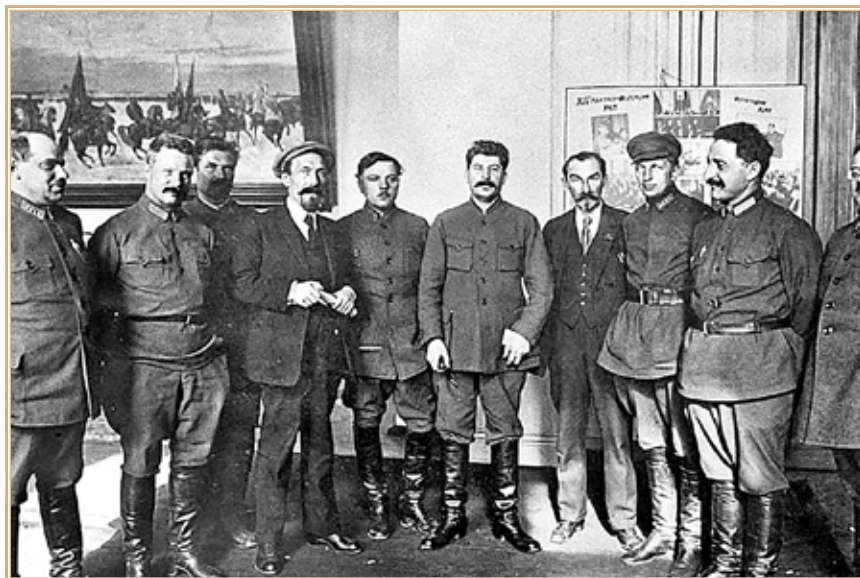
В конце декабря снятие Троцкого с этого поста было предрешиено в партийном руководстве, и его естественным преемником должен был стать Фрунзе, ставший заместителем председателя РВС в марте 1924 г. И тут у Зиновьева и Каменева появилась идея выдвинуть на пост председателя РВС Сталина, а генсеком предложить Фрунзе, пользовавшегося большим авторитетом в стране. Эту рокировку руководящих

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 467. Л. 6.

⁴¹ Известия ЦК КПСС. № 7. 1991. С. 159.

⁴² Там же. С. 165.

⁴³ Там же. С. 166.

XIV партконференция, апрель 1925 г. (М.В. Фрунзе второй слева).
Из открытых источников

кадров Зиновьев в декабре обсуждал на узком совещании с некоторыми ведущими членами ЦК, среди которых был генеральный секретарь ЦК компартии Украины Э. Квиринг.

Об этой идее узнал Сталин. А 5 января 1925 г. Квиринг написал Сталину письмо, в котором фактически подтвердил уже известную ему информацию о планах лишить его поста генсека. Он сообщал, что на совещаниях секретарей губкомов с военными работниками Украины называлась кандидатура Сталина или Дзержинского на должность предреввоенсовета⁴⁴. Дзержинский, конечно, был назван для отвода глаз. Позднее председатель ЦКК компартии Украины Д. Лебедь прислал Сталину докладную записку, в которой сообщал, что на совещании Политбюро ЦК КП(б)У «Квиринг признался, что был на одном узком совещании, где обсуждался вопрос о различных персональных комбинациях и, в частности, основной»⁴⁵. Действительно, вопрос о выборе генсека был основным, а оставлять Троцкого в Политбюро или нет — второстепенным.

Сталин сделал выводы из полученной информации. 3 января Политбюро в присутствии Фрунзе по заключению врачей постановило: «Обязать т. Фрунзе пролежать с 5 по 12 января 25 г. в «Архангель-

⁴⁴ Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 180.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 48. Л. 15.

ском»⁴⁶. Как раз на эту неделю было намечено заседание «семерки» с обсуждением кандидатур на должность председателя РВС, в котором Фрунзе был лишен возможности принять участие.

Еще один вывод заключался в том, что генсек неожиданно резко изменил свою позицию по отношению к исключению Троцкого из Политбюро, которое предлагал Зиновьев в своем проекте резолюции «семерки», направленной Сталину 4 января. 5 января Сталин вместе с Бухариным внес поправку к проекту Зиновьева резолюции «семерки», в которой предлагалось: «т. Троцкий освобождается от поста предреввоенсовета и остается членом Политбюро»⁴⁷. Мотивировалось оставление Троцкого в Политбюро малоубедительно: «Партии выгоднее иметь т. Троцкого внутри Политбюро в качестве 7-го члена, чем вне Политбюро».

В чем на самом деле была причина такой внезапно появившейся терпимости Сталина? Бухарин действительно был изначально против вывода Троцкого из Политбюро, так как выступал за преодоление раскола в руководстве. Присоединяясь к нему, Сталин получал сторонника при обсуждении предложений оппонентов о снятии его с поста генсека. Против исключения Троцкого выступил и другой член «семерки» — Томский, о чем он написал Сталину накануне заседания 6 января⁴⁸.

Вопрос о снятии Троцкого и выборе замены обсуждался на заседании «семерки» 6 января. В воспоминаниях сторонника троцкистской оппозиции А. Боярчикова, передающего слова Каменева, говорится, что на этом заседании Зиновьев предложил на пост генсека Фрунзе⁴⁹. На том же заседании Каменев предложил выдвинуть Сталина на пост председателя Реввоенсовета, о чем рассказал Молотов на XIV съезде компартии в декабре 1925 г.⁵⁰ Боярчиков пишет, что Сталин резко выступил на заседании против его перевода с поста генсека. Он заявил, что «такая перегруппировка выгодна только врагам партии и приведет партию к расколу»⁵¹.

«Семерка» решила большинством голосов выдвинуть на пост председателя РВС Фрунзе, оставив Троцкого в Политбюро, о чем Сталин

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 483. Л. 5.

⁴⁷ Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 180.

⁴⁸ Там же. С. 181.

⁴⁹ Боярчиков А. Воспоминания. М.: АСТ, 2003. С. 107.

⁵⁰ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М; Л.: ГИЗ, 1926. С. 484.

⁵¹ Боярчиков А. Воспоминания. М.: АСТ, 2003. С. 108.

сообщил в телеграмме Квириngu 11 января⁵². Не исключено, что если бы Фрунзе присутствовал на этом заседании, то наряду с дебатами о конфликте Сталина с Зиновьевым и Каменевым больше внимания было уделено выбору наилучшего кандидата на пост генсека между Сталиным и Фрунзе. Тогда и результат голосования мог бы стать иным.

Тем не менее до утверждения решения «семерки» пленумом ЦК РКП(б) у оппонентов Сталина еще оставалась надежда на нем добиться исключения Троцкого из Политбюро, исходя из того, что «семерка» приняла за основу проект резолюции о выступлении Троцкого, написанный Зиновьевым. В нем тот обвинялся в попытке подменить ленинизм троцкизмом, и при принятии такого обвинения казалось странным сохранить его в высшем партийном органе.

Показательно, что уже после получения телеграммы от Сталина Квириng 12 января прислал генсеку шифровку с результатами голосования участников Пленума ЦК КП(б)У по выводу Троцкого из Политбюро: «Пленуму ЦК на закрытом заседании сообщил вашу телеграмму. Большинством 27 против двух пленум постановил считать необходимым снять также и с Политбюро»⁵³. Это не означало, что члены ЦК КП(б)У встали на сторону Зиновьева по основному вопросу о замене Сталина на посту генсека. Близкий к Сталину украинский партийный работник А. Заславский сообщал ему: «В ЦК здесь было два длинных ночных заседания. Обсуждали положение и к кому примкнуть. Были обвинения Квириngu, что он зашел к Зиновьеву, а не был у Сталина. Все сошлись на том, что поддерживать надо Сталина»⁵⁴. Поддержка Сталина не противоречила голосованию по выводу Троцкого из Политбюро, потому что генсек не менее резко, чем Зиновьев, критиковал «Уроки Октября».

Надежды оппонентов Сталина добиться исключения Троцкого из Политбюро на фракции ленинцев накануне объединенного пленума ЦК и ЦКК, который проходил с 17 по 20 января, не оправдались. Как писал позднее Зиновьев в статье «История создания фракционного центра», «Сталин на фракции внес предложение, чтобы осторожно готовить снятие Троцкого из ПБ»⁵⁵, и оно было принято фракцией. К этому Зиновьев добавил, что «Троцкий уже в августе 1924 г.

⁵² Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 183.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 48. Л. 29.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 11.

был отстранен от партийного руководства и его пребывание в ПБ мыслилось большинством исключительно для того, чтобы продемонстрировать перед массами желание привлечь т. Троцкого к работе, хотя фактически такого желания не было»⁵⁶. Объединенный пленум в полном составе одобрил принятую фракцией резолюцию с осуждением позиции Троцкого, освобождением его от обязанностей председателя РВС, но с оставлением в Политбюро. В соответствии с фракционной дисциплиной Зиновьев и Каменев с предложением исключить Троцкого из Политбюро на пленуме ЦК не стали выступать. Фрунзе был утвержден председателем РВС, но ввести его в Политбюро было нельзя, пока сохранялась ранее установленная численность в 7 человек.

После решения пленума Зиновьев и Каменев выдвинули предложение расширить Политбюро. Это позволило бы включить в него Фрунзе даже при сохранении Троцкого в составе высшего органа. Это предложение было отклонено. О мотивах отклонения, ссылаясь на сообщения из Москвы, писали члены ЦК и ЦКК КП(б)У в середине февраля 1925 г. в письме членам «семерки». В нем они писали: «Мы не считаем целесообразным произвести в настоящее время предложенное расширение Политбюро, ибо такое расширение грозит превратить Политбюро в орган менее деловой, чем надо быть П/Б, а с другой стороны, широкий состав П/Б неизбежно ослабит значение пленума ЦК, чего нельзя допустить... Мы не видим никаких причин, которые побуждали бы тт. Каменева и Зиновьева будировать против Сталина и остальных товарищей руководящей группы. Особенно вредными мы считаем разговоры о пересадке работников»⁵⁷.

В последних словах и была суть — нельзя допустить замену Сталина Фрунзе на посту генсека. Сталин не хотел допускать перевода Фрунзе из кандидатов в члены Политбюро, что становилось возможным при расширении Политбюро. По-видимому, он полагал, что раз Фрунзе дал согласие Зиновьеву на выдвижение его кандидатуры на пост генсека, а без такого согласия оно было невозможно, то он, став членом Политбюро, будет там поддерживать его оппонентов.

Позднее Томский на XIV съезде партии в декабре 1925 г. вспоминал, как Зиновьев и Каменев предлагали изменить состав Политбюро: «Это Политбюро не идет за ними, надо значит создать другое Полит-

⁵⁶ Там же. Л. 13.

⁵⁷ Известия ЦК КПСС. № 8 1991. С. 189, 190.

Похороны Фрунзе.
Из открытых источников

бюро. Конечно, не просто переизбрать, а расширить, т.е. дополнить... Как мы к этому отнеслись? Отвергли — и больше ничего»⁵⁸.

Троцкий пишет в книге о Сталине, что «Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина»⁵⁹. Думается, что, скорее, он пытался бы не допустить разрастания конфликта, добиться компромисса. Но как раз компромисса Сталин не хотел. Решающую роль в отклонении предложения о назначении генсеком Фрунзе сыграла позиция входивших в «семерку» Бухарина, Рыкова и Томского. Личные отношения с генсеком у них были лучше, чем с Зиновьевым и Каменевым, а выбор Фрунзе был бы воспринят как победа оппонентов Сталина.

Фрунзе успешно выполнял обязанности наркома и кандидата в члены Политбюро, и никаких решений о его лечении не принималось. Но к августу 1925 г. вновь стали обостряться отношения между Сталиным и его оппонентами. В это время произошла непонятная авария с автомобилем Фрунзе, и в начале сентября Сталин настоял на приезде Фрунзе в Мухалатку. Первоначально тот собирался ехать в Ялту, где лечилась его жена от туберкулеза. Но генсек, который отдыхал в Мухалатке, 5 сентября послал Молотову шифровку, в которой

⁵⁸ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М; Л.: ГИЗ, 1926. С. 283.

⁵⁹ Троцкий Л. Сталин. Кн. 2. М.: Эксмо, 2011. С. 261.

говорилось: «Убедите Фрунзе поехать на отдых в Мухалатку. Здесь лучше»⁶⁰.

Сталин хотел затруднить Зиновьеву и Каменеву возможность контактов с наркомом и в то же время в спокойной обстановке побеседовать с Фрунзе для того, чтобы убедить его не поддерживать их. Для Сталина было важно, чтобы он не повторил своего согласия на выдвижение на пост генсека на очередном съезде партии, намеченном на декабрь 1925 г. На нем генсек планировал одержать окончательную победу над своими оппонентами.

Беседы с Фрунзе в Мухалатке, по-видимому, убедили Сталина в том, что тот склонен к компромиссам в происходящей внутривнутрипартийной борьбе. Следовательно, надо было продолжить использование врачей. То решение Политбюро 17 сентября 1925 г., которое выше цитировалось, принималось четырьмя членами этого органа, помимо Сталина присутствовали Зиновьев, Каменев и Троцкий. Это были его оппоненты, которые всерьез полагали, что предложение Сталина мотивировано только желанием обеспечить здоровье Фрунзе. Они не учли, что Сталин может давать инструкции врачам не по медицинским соображениям, а по политическим причинам. В результате постановление Политбюро открыло путь к операции, хотя оно предусматривало только следование предписаниям врачей, но речи о возможности рискованной операции тогда не шло.

Дальнейший ход борьбы за власть показал, что Сталин был прав, опасаясь участия Фрунзе в приближавшемся пленуме ЦК. Сталин и поддерживавшее его большинство «семерки» активизировали попытки ограничить влияние Каменева, запретив 30 сентября публикацию написанной им статьи за преувеличение кулацкой опасности. На следующий день Зиновьев, Каменев, нарком финансов Г. Сокольников и вдова Ленина Н. Крупская направили в Политбюро «секретное деловое письмо». В нем среди прочего критиковалось большинство Политбюро за поддержку Бухарина, который, по мнению авторов, недооценивает политических последствий своего лозунга вращающегося кулака в социализм и обращения к нему с призывом «обогащайтесь».

Сразу после этого Бухарин предложил Крупской встретиться с представителями большинства, и она согласилась. Однако через несколько часов члены и кандидаты в члены Политбюро, включая Фрунзе, направили ей короткое письмо, датированное 1 октября, с отказом от

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1420. Л. 68.

этой встречи. В ней они писали: «Уважаемый товарищ, ввиду того, что Вы поставили нас перед фактом и подписали фракционную платформу, нападающую на ЦК, не сделав ни малейшей попытки предварительно переговорить со сторонниками большинства ЦК, мы с сожалением констатируем, что нашу беседу, о которой Вы уславливались с т. Бухариным, Вы сделали тем самым в настоящий момент излишней»⁶¹.

Фрунзе подписал это в целом корректное по тону письмо, потому что он был сторонником предварительных компромиссных договоренностей. Однако уже спустя два дня он не подписал развернутый ответ девяти членов и кандидатов в члены Политбюро на декларацию «четверки», содержащий резкие нападки на нее. В нем их документ назывался «насквозь лицемерным и фальшивым», смысл которого сводится «к замаскированному требованию перегруппировки сил внутри ЦК с угрозой апелляции ко всей партии путем открытой дискуссии»⁶².

Таким образом, большинство встало на путь конфронтации. Речь идет не о сути разногласий. «Четверка» была неправа по важному вопросу об отношении к зажиточному крестьянству. Но взгляды Сталина недалеко от нее отходили. Для него важнее всего была возможность использовать их ошибки для ослабления влияния оппонентов, и это подтвердили заседания фракции ленинцев, начавшиеся 5 октября. Как обычно в политической борьбе, обе стороны допускали неточности и преувеличения. На заседании фракции развернулась очень резкая дискуссия, и в ночь на 6 октября Дзержинский написал письмо Сталину с грубыми нападками на Зиновьева и Каменева, обвиняя их в раскольнической деятельности. 6 октября председательствовавший на заседании фракции Рыков зачитал по согласованию со Сталиным это письмо. После этого Зиновьев со своими сторонниками покинули зал заседания.

Микоян, вспоминая это заседание фракции, пишет: «На всех тех членов ЦК, которые хотели сохранить единство, их уход произвел действие шока. Наиболее чувствительный и эмоциональный Г. Орджоникидзе даже разрыдался. Он выступил против Рыкова и со словами: “Что ты делаешь?” бросился из зала в другую комнату. Я вышел за ним, чтобы успокоить»⁶³. Члены ЦК потребовали послать группу к Зиновье-

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 30.

⁶² Там же. Л. 117.

⁶³ Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 267.

еву с приглашением вернуться, в которую вошел и Микоян. Ушедшие согласились вернуться.

Сталин, чувствующий настроения большинства, предложил следующую резолюцию по этому поводу: «1. Фракция считает письмо т. Дзержинского неправильным по содержанию и недопустимым по тону. 2. Фракция считает, что тов. Сталин поступил неправильно, не представив предварительно письмо т. Дзержинского в семерку. 3. Фракция образует Президиум из трех с включением в него представителя из ушедших товарищей»⁶⁴. В результате обсуждения разногласий в «семерке» фракция 8 октября приняла компромиссную резолюцию. Сталин не собирался выполнять эту резолюцию и целеустремленно продолжал в период подготовки к съезду и на самом съезде линию на отсечение от руководства Зиновьева и Каменева, а также их соратников. Их поражение было зафиксировано в резолюциях съезда. Но уже через несколько месяцев после завершения съезда Сталин фактически начал отходить от курса, вытекающего из принятых резолюций, стремясь к постепенному свертыванию нэпа и достижению бесконтрольной власти.

Эта история показывает, что среди членов ЦК было немало тех, кто хотел сохранить единство и был готов препятствовать стремлению Сталина устранить из руководства политиков, не обязанных ему своим положением. Но эта группа цекистов не имела в своем составе неформального лидера с твердой волей, способного добиться выполнения принятых решений. Таким лидером мог бы быть Фрунзе. Многие имевшие с ним дело отмечали его мягкость, тактичность, но эти качества сочетались с твердым и сильным характером. Его бессменный адъютант и помощник С. Сиротинский отмечал: «Фрунзе, внешне производивший на многих впечатление мягкого человека, таил в себе железную волю»⁶⁵. Вокруг этой пользовавшейся большим авторитетом личности могли объединиться все несогласные в партийном руководстве со стремлением Сталина к своей бесконтрольной власти.

Фрунзе считал необходимым соблюдать партийную дисциплину, поэтому он следовал решению Политбюро о выполнении предписаний врачей. Но когда речь шла об обсуждении еще не принятых решений, он занимал принципиальную позицию. Так, было, например, на

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 56. Л. 63.

⁶⁵ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. С. 199.

Сборник памяти М.В. Фрунзе. 1938 г.
Из открытых источников

заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу в апреле 1923 г., где он спорил со Сталиным.

Сталин хорошо разбирался в людях и знал о твердом характере Фрунзе, проявлявшемся как в обсуждении принципиальных вопросов, так и в стремлении находить компромиссные решения. Как мы видели, он старался при помощи врачей не допустить Фрунзе на те заседания, где прямо выраженная им позиция могла повлиять на колеблющихся участников при возникновении разногласий между генсеком и его оппонентами. Конечно, можно сказать, что во всех этих случаях накануне заседаний наблюдались обострения его болезни, но как-то трудно поверить в неоднократные совпадения.

Может быть, заменить Сталина на посту генсека на первом после XIV съезда организационном пленуме ЦК не удалось бы, даже если бы не было операции, и Фрунзе принял бы участие в съезде и пленуме ЦК после него. Но как наркомвоенмора и председателя РВС его наверняка включили бы в состав Политбюро, тем более что его численность была увеличена до девяти человек и туда вошел заменивший его на посту председателя РВС верный соратник Сталина К. Ворошилов.

Сталин стремился не допустить появления независимого и сильного политика в составе Политбюро при расширении численности этого высшего органа, а для этого требовалось лишить Фрунзе его постов. Думается, что по замыслу Сталина, операция была призвана

помочь решить эту задачу. Он знал от врачей, что она связана с риском ухудшения здоровья пациента. В цитированном мною ранее заключении консилиума врачей от 24 октября 1925 г. утверждалось, что и после операции возможны рецидивы и потребуется продолжить лечение. При таком вероятном ее исходе она могла помочь убедить других членов Политбюро в необходимости отстранить Фрунзе от активной политической деятельности по состоянию здоровья.

Входивший в состав консилиума И. Греков, который был ассистентом Розанова на операции, спустя два дня после смерти наркома дал интервью газетам. В нем он вопреки фактам уверял, что «Фрунзе пожелал подвергнуться операции, так как считал свое состояние лишающим его возможности продолжать ответственную работу»⁶⁶. Это измышление соответствовало установке Сталина, которая была представлена членам консилиума.

Реализации сталинского замысла способствовала сложившаяся к тому времени система власти. Хотя Политбюро не выносило решения о проведении операции Фрунзе, но волевой генсек, руководя всей организационной работой, имел возможность, с одной стороны, обязывать врачей давать желаемые рекомендации, а другой стороны, ссылаясь на эти рекомендации, убеждать других членов Политбюро не возражать против проведения рискованной операции.

Вероятно, Сталин опасался, что появление наркома в составе Политбюро может помешать реализации его планов по разгрому оппонентов в партийном руководстве и достижению фактически бесконтрольной власти путем появления в составе ЦК и Политбюро зависимых от Сталина партийных деятелей. В результате избрания Фрунзе изменилось бы соотношение сил в Политбюро. В нем появился бы политик с сильной волей, способный объединить деятелей, не согласных с курсом Сталина на постепенное свертывание нэпа, к чему он вел дело с середины 1926 г. Как показало дальнейшее развитие событий без Фрунзе, противники линии Сталина, входившие в Политбюро, но не обладавшие твердым характером и способностью ладить с людьми разных взглядов, не смогли завоевать большинство в ЦК партии и противодействовать его курсу.

О взглядах Фрунзе на общеэкономические проблемы можно судить по его речи на литературной комиссии ЦК РКП(б) в марте 1925 г. Тогда он говорил о противоречиях между рабочим классом и кре-

⁶⁶ Известия. 3 ноября 1925.

стьянством, которые, по его мнению, «выгодно не заострять, а смягчать». Развивая эту мысль, Фрунзе заявил: «Линия административного нажима и прижима может и должна уступить место экономическому влиянию государства в лице нашего государственного хозяйства и кооперации. Мы можем теперь во всех областях жать гораздо меньше, чем жали прежде»⁶⁷.

Стоит отметить, что Сталин проявлял глубокое сожаление по поводу смерти Фрунзе, по всей видимости, искреннее. Однако наличие у него таких человеческих качеств отнюдь не помешало ему настаивать на операции, зная о рисках с ней связанных, ибо для него соображения борьбы за власть были важнее.

Дело специалистов-медиков выяснять, какие ошибки были допущены в ходе операции. Бесспорным является факт работоспособного состояния Фрунзе накануне ее, о чем свидетельствовали его деловые встречи. Следовательно, отсутствовала необходимость срочной операции, на которой настаивал Сталин. Можно было выполнить ранее принятые постановления Политбюро о посылке его за границу для лечения или привлечь для консультации зарубежных знаменитостей. Со смертью Фрунзе была потеряна возможность объединить вокруг сильной и обаятельной личности всех сторонников альтернативы сталинскому курсу.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Бажанов Б.Г. *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*. М.: НП «III тысячелетие», 2002. 303 с.
Bazhanov B.G. *Memories of Stalin's former secretary*. Moscow: NP «III tysyacheletie», 2002. 303 p. (in Russ.)

⁶⁷ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: Наука, 1991. С. 250.

2. Боярчиков А.И. *Воспоминания*. М.: АСТ, 2003. 320 с.
Boyarchikov A.I. *Memories*. Moscow: AST, 2003. 320 p. (in Russ.)
3. Вокруг статьи Л. Троцкого «Уроки Октября». *Известия ЦК КПСС*. 1991;(8):180–197.
Around L. Trotsky's article «Lessons of October». *Izvestiya TsK KPSS*. 1991;(8):180–197 (in Russ.)
4. Гамбург И.К. *Так это было...: Воспоминания*. М.: Политиздат, 1965. 191 с.
Gamburg I.K. *That's how it was...: Memories*. Moscow: Politizdat, 1965. 191 p. (in Russ.)
5. Драбкина Е.Я. *Зимний перевал*. М.: Политиздат, 1990. 400 с.
Drabkina E.Ya. *Winter transition*. Moscow: Politizdat, 1990. 400 p. (in Russ.)
6. Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. 448 с.
Kiyanskaya O.I., Feldman D.M. *Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism of the 1920s and 1930s: Portraits and scandals*. Moscow: Forum, 2015. 448 p. (in Russ.)
7. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. 729 с.
Lenin V.I. *Complete works*. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1982. 729 p. (in Russ.)
8. Микоян А.И. *Так было. Размышления о минувшем*. М.: Вагриус, 1999. 637 с.
Mikoyan A.I. *This is how it was: Reflections on the past*. Moscow: Vagrius, 1999. 637 p. (in Russ.)
9. Млечин Л.М. *Фрунзе*. М.: Молодая гвардия, 2014. 267 с.
Mlechin L.M. *Frunze*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2014. 267 p. (in Russ.)
10. *О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников*. М.: Политиздат, 1985. 287 с.
About Mikhail Frunze: Memories, essays, and articles by contemporaries. Moscow: Politizdat, 1985. 287 p. (in Russ.)
11. *Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы*. М.: Научно-политическая книга, 2023. 1206 с.
Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), July 14–23, 1926.

- Documents and Materials*. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2023. 1206 p. (in Russ.)
12. Тополянский В.Д. *Вожди в законе. Очерки физиологии власти*. М.: Права человека, 1996. 320 с.
Topolyansky V.D. *Leaders in the law. Essays on the physiology of power*. Moscow: Prava cheloveka, 1996. 320 p. (in Russ.)
  13. Троцкий Л.Д. *Сталин*. В 2 кн. Кн. 2. М.: Эксмо, 2011. 720 с.
Trotsky L.D. *Stalin*. In 2 books. Book 2. Moscow: Eksmo, 2011. 720 p. (in Russ.)
  14. Фрунзе М.В. *Неизвестное и забытое*. М.: Наука, 1991. 271 с.
Frunze M.V. *Unknown and forgotten*. Moscow: Nauka, 1991. 271 p. (in Russ.)
  15. Чуев Ф.И. *Сто сорок бесед с Молотовым*. М.: Терра, 1991. 623 с.
Chuev F.I. *One hundred and forty conversations with Molotov*. Moscow: Terra, 1991. 623 p. (in Russ.)
  16. XIV съезд ВКП(б). *Стенографический отчет*. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 1032 с.
XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Verbatim report. Moscow; Leningrad: GIZ, 1926. 1032 p. (in Russ.)

☞ **Голанд Юрий Маркович** ☞
Yury M. Goland

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН
SPIN -1910-4590
Orcid –[https://orcid.org/
0000-0002-6270-0163](https://orcid.org/0000-0002-6270-0163)

PhD (Economics), Leading Researcher
at the Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences
SPIN -1910-4590
Orcid –[https://orcid.org/
0000-0002-6270-0163](https://orcid.org/0000-0002-6270-0163)

Поступила в редакцию /
Received
22.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
22.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
13.02.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Д.Е. Мишин*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация**E-mail: d.mishin@ivran.ru*

Йемен под властью Сасанидов. Статья первая. Правление Йаз'ана

Аннотация

Завоевание Йемена войсками сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531–579) зимой 571–572 г. привело к превращению Южной Аравии в территорию, подвластную Сасанидам. Первоначально в Йемене была реализована применявшаяся и в ряде иных регионов (в частности, в Хире) модель косвенного управления, при которой наместником являлся подчиненный Сасанидам правитель из местной знати. Таким наместником в данном случае стал представитель знатного южноаравийского рода Йаз'анов, фигурирующий в средневековых мусульманских источниках под именем Сайф или Ма'дикариб. Хотя согласно источникам Йаз'ан был инициатором похода в Йемен, предводитель сасанидского войска по указанию Хосрова передал ему власть только после того, как убедился, что его провозглашение правителем будет принято йеменской знатью. Официально Йаз'ан правил с титулом, который звучал примерно как *химйаран-шах*. Следуя примеру Хосрова, он учредил реестр южноаравийской знати и вождей подчиненных арабских племен, который определял место каждого вельможи в общественной иерархии. С другими арабскими племенами отношения Йаз'ана основывались на договорах, условия которых определялись в зависимости от конкретного случая. Придя к власти в начале 572 г., Йаз'ан оставался правителем Йемена около 4 лет, до начала 576 г. Тогда

он был убит, после чего Хосров, не веря в способность Йаз'анов управлять Йеменом, передал власть иранскому наместнику.

Ключевые слова:

арабы; доисламская Аравия; Сасаниды; Йемен

Для цитирования:

Мишин Д.Е. Йемен под властью Сасанидов. Статья первая. Правление Йаз'ана // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 236–259. DOI: 11111111111111111111111111111111

Dmitriy E. Mishin

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: d.mishin@ivran.ru*

Yemen under the Sasanids. Article One. The Rule of Yaz'an

Abstract

The conquest of Yemen by Sasanid king Khusraw I Anushirwan (531 – 579) resulted in South Arabia becoming a territory under the Sasanid power. Initially, a model of indirect rule involving the administration by a local ruler, a vassal of the Sasanids, was applied, as was the case in some other regions, e.g., in al-Ḥīra. That ruler was a member of the noble family of Yaz'an, who appears in the sources under the name of Sayf or Ma'dikarib. Although he had initiated the conquest of Yemen, the Sasanid general, in compliance with Khusraw's instructions, vested him with power only after becoming sure that his enthronement would be agreed to by Yemenite aristocracy. Yaz'an ruled under a title sounding like *ḥimyarān-shāh* (King of the Ḥimyarites).

Following Khusraw's example, Yaz'an made a register of South Arabian noblemen and chieftains of vassal Arabic tribes, which identified the place of each nobleman in social hierarchy. Yaz'an's relationship with other Arabic tribes was based upon agreements the contents of which varied from case to case. Yaz'an's rule lasted for about 4 years, from the beginning of 572 till the beginning of 576 when he was assassinated. Then Khusraw, distrusting the Yaz'an family's ability to rule over Yemen, appointed an Iranian governor.

Keywords:

Arabs; Pre-Islamic Arabia; Sasanids; Yemen

For citation:

Dmitriy E. Mishin. Yemen under the Sasanids. Article One. The Rule of Yaz'an // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 236–259. DOI: !!!!!!!!!!!!!!!

Настоящую работу, представляющую собой исследование истории владычества Сасанидов в Йемене (571/2 — 30-е гг. VII в.), следует начать с некоторых вводных замечаний. С одной стороны, объем требующих внимания материалов таков, что результаты их исследования трудно уместить в одной статье. Поэтому автор счел целесообразным представить результаты своих изысканий в двух статьях, разделив изучаемый период на две части — правление Йаз'ана, подчиненного Сасанидам представителя южноаравийской знати, и правление иранских наместников. Настоящая статья — первое из этих двух исследований. С другой стороны, данная работа представляет собой продолжение исследования, начатого в статье «Сасанидское завоевание Йемена»¹. Поэтому здесь имеет смысл повторить некоторые выводы и наблюдения, сделанные в ней. Сасанидский царь Хосров I Ануширван (531–579) завоевал Йемен зимой 571/72 г. Насколько можно судить по историческому контексту, им двигали прежде всего соображения военно-стратегического характера: царь стремился навсегда исключить возможность

¹ *Мишин Д.Е. Сасанидское завоевание Йемена // Исторический вестник. 2025. Т. LI. С. 112–137. Для краткости эта работа будет далее именоваться «Завоевание».*

удара по сасанидским владениям с юго-запада, из внутренних областей Аравии, а также лишить главного противника, Византию, важнейшего союзника на юге.

В том, что Хосров принял решение закрепиться в Йемене, определенную роль могли сыграть и иные соображения. Как показано в «Завоевании», одним из инициаторов похода стал укрывшийся у Сасанидов представитель знатного южноаравийского рода Йаз'анов, который в большинстве источников фигурирует под именем Сайф (*Sayf*)². В одном из наиболее ранних рассказов, принадлежащем перу Ибн Исхака (*Ibn Ishāq*, ум. в 60-е гг. VIII в.), Сайф говорит Хосрову I: «Горы земли моей — не что иное, как золото и серебро». Далее Ибн Исхак делает значимое добавление: «Он (Сайф. — Д.М.) старался вызвать у него (Хосрова. — Д.М.) стремление овладеть ей (т.е. его страной, Йеменом)»³. Трудно поручиться за то, что в действительности были сказаны именно эти слова, однако вполне вероятно, что Йаз'ан, стремясь убедить сасанидского царя в целесообразности похода, говорил в том числе и о возможности получить рудники драгоценных металлов. Как будет показано в Статье второй, есть данные об освоении таких рудников при Сасанидах.

После разгрома эфиопских войск перед Хосровом I стояла задача установления в Йемене прочной власти. Прежде всего было необходимо определиться с тем, кто станет наместником. Насколько можно судить, Хосров принимал во внимание нежелание сасанидской знати воевать в Аравии собственными силами (если верить рассмотренным в «Завоевании» сообщениям о мятеже на кораблях, направлявшихся в Йемен, оно проявилось и во время похода⁴) и потому считал наилучшим назначить наместником человека, власть которого была бы принята как южноаравийской знатью, так и вождями арабских племен. О намерении наладить отношения с этими силами свидетельствует то, что после победы над эфиопами Вехриз велел своим вои-

² Как показано в «Завоевании», вопрос о собственном имени этого человека (Сайф или Ма'дикариб, *Ma'dikarib*) окончательно не решен (*Мишин Д.Е. Сасанидское завоевание... 2025. С. 114*). Поэтому здесь, как и в «Завоевании», он будет называться родовым именем Йаз'ан.

³ *Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995. Pt. 1. P. 106. Ср. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 947; *Nihāyat al-arab fī funūn al-adab. Ta'lif ... al-Nuwayrī*. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949. P. 310.

⁴ *Мишин Д.Е. Сасанидское завоевание... 2025. С. 127–128*.

нам уничтожать только их, не трогая химьяритов и арабов⁵. Однако если южноаравийская знать и арабские вожди приняли установление власти Сасанидов в целом (по крайней мере источники не сообщают, что кто-то из них выступил за реставрацию правления эфиопов), вопрос о том, кто именно будет наместником, оставался открытым. Наместнику предстояло встать над знатью и племенами, и для них он должен был быть достоин такого возвышения. С этой точки зрения кандидатура Йаз'ана, главного союзника Сасанидов, не была бесспорной: он не принадлежал к царскому роду правителей Химьяра и Сабы, а заслуги в организации похода сами по себе не ставили его на первое место среди знати. В пользу верховенства Йаз'ана могло — разумеется, если сообщения источников верны — говорить лишь то, что его отец в 525 г., после поражения и гибели последнего царя объединенной державы Химьяра и Сабы Иосифа Ас'ар Йас'ара (*Ywsf 's' r Yt' r* южноаравийских надписей), провозгласил себя правителем и попытался организовать сопротивление эфиопам, но проиграл решающее сражение при ас-Сахуле (*al-Sahūl*) и вскоре погиб⁶. В этом случае Йаз'ан мог

⁵ Annales... 1881–1882. P. 955.

⁶ Khizānat al-adab wa lubb lubāb liṣān al-ʿarab. Taʿlif ʿAbd al-Ḳādir ... al-Baḡhdādī. Ed. A. Hārūn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1997. Pt. 2. P. 293; Kitāb al-iklil li ... al-Hamdānī. Pt. 2. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṭbaʿat al-sunna al-muḥammadiyya, 1966. P. 258; Tārīkh al-ʿallāma Ibn Khaldūn. Beirut: Dār al-kitāb al-lubnānī, Cairo: Dār al-kitāb al-miṣrī, 1999. Vol. 3. P. 116; Ṭurfat al-aṣḥāb fī maʿrifat al-ansāb. Taṣnīf al-sulṭān al-Malik al-Ashraf ʿUmar Bin Yūsuf Bin Rasūl. Ed. K.W. Zetterstéen. Beirut: Dar Ṣādir, 1992. P. 48. В пользу достоверности этого сообщения свидетельствует то, что последний из авторов, на труды которых сделана ссылка, не только был ученым, но и принадлежал к правившей в Йемене династии Расулидов, что давало (или по крайней мере облегчало) ему доступ к более ранним источникам, в том числе и не сохранившимся до наших дней. Следует, впрочем, отметить, что в некоторых других рассказах после победы эфиопов над Иосифом Ас'ар Йас'аром сопротивление им возглавляет представитель другого рода, принадлежавшего к южноаравийской высшей знати — Гадапов (Kitāb al-aghānī li-l-imām Abī-l-Faradj al-Aṣbahānī. Ed. A. al-Shinkīṭī. Cairo, 1905. Pt. 16. P. 69; Nashwat al-ṭarab fī tāriḫ dǧhiliyyat al-ʿarab. Taʿlif Ibn Saʿīd al-Andalusī. Ed. N. ʿAbd al-Raḥmān. Amman: Maktabat al-Aqṣā, 1982. P. 158; al-Rawḍ al-unuf fī sharḥ al-sīra al-nabawiyya li Ibn Hishām li ... al-Suhaylī. Ed. ʿA. al-Wakīl. Part 1. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967. P. 219). В целом ряде источников именно Гадан называется последним царем объединенной державы Химьяра и Сабы, правившим после Иосифа Ас'ар Йас'ара (*Garbers* K. Eine Ergänzungen zur Sachaus Ausgabe von al-Bīrūnīs «Chronologie orientalischer Völker» // Documenta islamica inedita. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. S. 49; Ḥadīkat al-aḳālīm. Taʿlif ... Bilgrāmī. Lucknow, 1879. P. 9; Liber Mafātīh al-olūm ... auctore ... al-Khowarezmi. Ed. G. Van Vloten. Lugduni-Batavorum, 1895. P. 110; al-Mukhtaṣar fī akhbār al-bashar li ... Abī-l-Fidāʿ. Ed. M.Z.M. ʿAzib, Y.S. Ḥusayn, M.F. al-Waṣīf. Pt. 1. Cairo: Dār al-maʿārif, 1998. P. 91; Nashwat ... 1982. P. 157; al-Rawḍ ... 1967. Pt. 1. P. 219; al-ʿUmda fī maḥāsīn al-shiʿr

Хосров I Ануширван (изображение на блюде).
Из открытых источников

считаться человеком, который принадлежал к царскому роду и потому стоял выше остальной знати. Понимая, что назначение Йаз'ана могло повлечь за собой споры о старшинстве в среде южноаравийской знати, а в самом неблагоприятном случае — и смуту, Хосров I действовал очень осторожно. Согласно источникам, он приказал Вехризу сделать Йаз'ана правителем Йемена, только если среди знати будет достигнуто согласие на этот счет⁷. Как видно из сообщений, на которые сделана

---

wa adābi-hi wa naḳdi-hi. Ta'rif ... Ibn Rashīq. Ed. M.M. 'Abd al-Ḥamīd. Beirut: Dār al-djīl, 1981. Pt. 2. P. 227). Данные версии не являются взаимоисключающими: бывшие сановники Иосифа Ас'ар Йас'ара могли действовать и независимо друг от друга. Доводом против этого предположения можно считать то, что в источниках Йаз'ан и Гадан никогда не упоминаются вместе; каждый из них появляется только в отсутствие другого. Однако этот довод нельзя считать неоспоримым: мы не знаем первоисточников, а дошедшие до нас тексты могут восходить к разным местным преданиям.

⁷ Из наиболее ранних рассказов о сасанидском завоевании Йемена этот сюжет обнаруживается в повествованиях аш-Ша'би (*al-Sha'bi*, род. ок. 660 г., ум. в 20-е гг. VIII в.) и Абу Убайды Ма'мара ибн ал-Мусанна (*Abū 'Ubayda Ma'mar Ibn al-Muthannā*, род. в 728/9 г., ум. в 824/5 или 828/9 г.). Аш-Ша'би: «Затем он (Вехриз. — Д.М.) написал Хосрову о победе. А Хосров написал ему, веля ему спросить о Сайфе ибн зи Йазане — и [сказав так:] “Если окажется, что он из йеменских царевичей, поставь его на царство его и уезжай от него, а если он не из царевичей — отруби ему голову”. И, когда письмо Хосрова об этом было доставлено Вехризу, он собрал к себе вельмож (*ashbrāf*), знатных людей (*ahl al-nabāba*) и предводителей (*[ahl] al-ri'āsa*) кахтанитов (т.е. потомков Кахтана (*Qaḥṭān*), традиционно считающихся южными арабами в отличие от северных арабов — потомков Аднана (*'Adnān*), аднанитов. — Д.М.), зачитал им письмо Ануширвана и спросил их

ссылка в прим. 7 и 10, знать признала Йаз'ана старшим в своей среде, и он получил власть.

Юридически Йаз'ан занял положение подчиненного Сасанидам правителя области, подобного, например, хирским Лахмидам. Он считался наместником и носил титул, который должен был звучать примерно как *ḥimyarān-shāh*, т.е. «правитель химьяритов»⁸. Этот титул,

о Сайфе. Они же сообщили ему, что он — из потомков (*wuld*) царя зу Нуваса (т.е. Иосифа Ас'ар Йас'ара. — Д.М.), который напал на жителей Наджрана и сжигал их во рве (*ukhdūd*), того, чье нападение на жителей Наджрана стало причиной нападения эфиопов в их землю. И Вехриз, услышав это, передал Сайфу царскую власть над Йеменом, оставил с ним персов, которые были с ним в Сане, и отбыл к Хосрову» (*Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-ʿarab*. Ed. M.T. Dānīshpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97. P. 319. Ср. *Nihāyat ...* 1949. P. 310–311). Абу Убайда: «Вехриз, вступив в Сану, призвал их (сторонников Сайфа. — Д.М.) и спросил: “Кто Сайф среди вас?” Они сказали: “Он — сын царей наших, благороднейший из нас, отомстивший за нас”. Тогда он (Вехриз. — Д.М.) дал ему (Сайфу. — Д.М.) [почетное] одеяние, облачил его и передал ему власть собирать подати (*kharādj*) и вершить дела (*ʿamal*) (*Kitāb al-dībādj. Taʿlīf ... Abī ʿUbayda Muʿammar Ibn al-Muthannā al-Taymī*. Ed. ʿA. al-Djarbūʿ, ʿA. al-ʿUthaymīn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1991. P. 105–106). Аналогичные, причем независимые от приведенных выше, известия можно найти и у более поздних авторов (*Kitāb al-ilmām bi-l-ʿilām fī-mā djarat bi-hi al-aḥkām wa al-umūr al-maḥḍiyya fī waḳʿat al-Iskandariyya li ... al-Nuwayrī al-Iskandarānī*. Pt. 1. Ed. E. Combe, ʿA.S. ʿAtīyya. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1968. P. 294–295; *Mulūk Ḥimyar wa aḳyāl al-Yaman. Ḳaṣīdat Nashwān bin Saʿīd al-Ḥimyarī ... wa sharḥu-hā al-musammā Khulāṣat al-sīra al-djāmīʿa li ʿadjaʿib akhbār al-mulūk al-tabābiʿa*. Ed. ʿA. al-Muʿayyad, I. al-Djarāfī. Cairo: al-Maṭbaʿa al-salafiyya, 1974. P. 151; *Nuzhat al-djalīs fī munyat al-adīb al-anīs. Taʿlīf ... al-Makkī*. Najaf: al-Maktaba al-ḥaydariyya, 1967. Pt. 1. P. 418). См. также прим. 10.

⁸ Титул Йаз'ана можно восстановить на основе того, что в перечне правителей, которых Ардашир (т.е. Ардашир I (240–225), основатель Сасанидской державы) наделил титулами шахов, у Ибн Хордадбеха (*Ibn Khurdādhbih*, писал в середине — второй половине IX в.) фигурирует *شاه يمان* или, согласно написанию в одной из рукописей, *سمدار شاه* (*Kitāb al-masālik wa'l-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharādj auctore Kodāma ibn Dja'far*. Ed. M.J. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889. P. 17). Упоминание об Ардашире I не должно вводить в заблуждение: фактически список содержит названия титулов, которые Сасаниды присваивали в разное время. Что касается формы *سمدار شاه*, М.Я. де Гуйе, издатель труда Ибн Хордадбеха, предлагал, хотя и не категорично, читать *سمدان*, сближая это с названием крепости Самадан в Йемене, о которой упоминает Йакут (*Muʿdjam al-buldān li ... Yaḳūt*. Beirut: Dār Ṣādir, 1977. T. 3. P. 246). Однако более правильным кажется объяснение этой формы на основании аналогий с текстами на среднеперсидском языке. В рассказе о легендарных иранских царях Кеянидах в трактате *Бундахишн (Bundahišn, «Сотворение основы»)* говорится, что Кей-Кавус был обманом захвачен в плен в стране *Samīrān* (*The Būndahishn*. Ed. T.D. Anklesaria. Bombay, 1908. P. 212). В тексте издания (факсимиле рукописи) стоит форма , которая, очевидно, представляет собой искаженное . В трактате «Города Иранской страны» (*Shabrastānīhā-*

Хосров I Ануширван с приближенными (изображение на блюде).
Из открытых источников

впрочем, употреблялся в сасанидском официозе; арабы, насколько можно судить по одному стиху современника описываемых событий, поэта Умаййи ибн Аби-с-Салта (*Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt*), называли

ī-Ērānshahr) упоминается город, название которого читается как *S.m.lān*; далее в том же фрагменте сообщается, что легендарный царь Фридон (Феридун) предал смерти царя *S.m.rān*-а и вновь сделал землю *S.m.rān*-а владением Ирана, отдав пустоши арабов их царю (The Pahlavi Texts. II. Ed. J.M. Jamasp-Asana. Bombay, 1913. P. 23). На письме формы (*S.m.lān*) и (*S.m.rān*) почти не различаются, и можно исходить из того, что речь идет об одном названии, а не двух разных. В комментариях к «Городам Иранской страны» эта форма справедливо сближается с названием *Химьяр* (*Daryae T. Šahrestānīhā ī Ērānšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, Inc., 2002. P. 52; Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974. P. 176*) — очевидно, через восстановление исходного написания как через промежуточную, появившуюся в результате искажения, форму . Эта форма, очевидно тождественная той, которую мы видим в *Бундахшиш*-е, при ее транслитерации арабской графикой выглядит как *سميران*. С другой стороны, в одном из рассказов о прибытии Йазана к Хосрову мы находим один важный фрагмент: сасанидский царь спрашивает лахмидского правителя, является ли Йазан царем *S.m.rān*, и получает утвердительный ответ (Mulūk ... 1974. P. 150). Форма *سمران* (*S.m.rān*) и является, очевидно, промежуточным звеном между *himyarān-shāh* и *سمدار* Ибн Хордадбеха. Сказанное позволяет предположить, что титул Йаз'ана звучал примерно как *himyarān-shāh*, однако его написание среднеперсидской графикой было изменено с на . Именно в таком виде этот титул стоял, по-видимому, в списке, бывшем в распоряжении источника Ибн Хордадбеха. Впоследствии уже арабские переписчики исказили непонятные им формы, в результате чего появилось *سمران*, а затем и *سمدار*.

Йаз'ана «царем» (*malik*)⁹. Знаком власти Йаз'ана была полученная от сасанидского царя тиара, его резиденцией — царский дворец Гумдан (*Ghumdān*)¹⁰. При этом Йаз'ан был полностью подчинен сасанидскому царю. По словам Вахба ибн Мунаббиха (*Wahb Ibn Munabbih*, ум. в 728/9 или 732/3 г.), «Сайф ибн зи Йазан был правителем от Хосрова, переписывался с ним и в делах поступал так, как он считал нужным»¹¹. Это сообщение хорошо дополняют слова, приводимые ат-Табари (*al-Ṭabarī*, 838/39 — 923) со слов Ибн Исхака: «Хосров наложил на Сайфа ибн зи Йазана ежегодные подати¹², которые он должен был

⁹ «Когда достигнут они (верблюды. — Д.М.) Саны — окажутся в столице, обители древней славы. | [Направляемся мы] к царю с лицом открытым и веселым, который осыпал нас дарами» (*Dīwān Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt*. Ed. 'A. al-Siṭfī. Damascus: al-Maṭba'a al-ta'āwuniyya, 1974. P. 426).

¹⁰ Это видно по одному стиху Умаййи ибн Аби-с-Салта, где есть слова, обращенные к Йаз'ану (в тексте — Ибн зи Йазан): «Так испей — а на тебе тиара (*tādīj*) — то, что тебе полезно и благоприятно — а на вершине Гумдана есть обитель (*dār*), в которой ты часто пребываешь» (*Dīwān ...* 1974. P. 458). В рассказах о том, как Вехриз по указанию Хосрова спрашивал йеменскую знать о Йаз'ане, неоднократно упоминается тиара, которую сасанидский царь до начала похода отдал своему полководцу для возможного последующего возведения Йаз'ана на престол. Например: «...Хосров дал Вехризу тиару (*tādīj*), одеяние и пояс и велел ему: “Когда окажешься в Йемене, спроси его обитателей об этом человеке (Сайфе. — Д.М.), и, если он — из царей, передай ему власть, надень на него тиару, одеяние и пояс, а если не из царей — пошли мне его голову и управляй страной пока к тебе не поступит мое распоряжение”» (*Mulūk ...* 1974. P. 151). В другом рассказе Хосров говорит Вехризу: «Когда ты окажешься в Йемене и победишь этих людей, собери жителей его и спроси их о Сайфе ибн зи Йазане. И если он — из царевичей, как он рассказывал и утверждал, коронуй его этой тиарой (*tādīj*) — а он (Хосров. — Д.М.) дал ему тиару и два браслета — и поставь его царем над его народом» (*Kitāb al-ilmām ...* 1968. P. 294). Что касается Гумдана, весьма показательное приводимое в одном источнике со ссылкой на Ибн Исхака утверждение о том, что «царской резиденцией (*mulk*) его (Сайфа ибн зи Йазана. — Д.М.) и отца его был Гумдан; туда приезжали к нему правители (*maqāwil*) и вельможи (*asbrāf*), там окружали его посетители и гости» (*al-Fāṣil bayna al-ḥaqq wa al-bāṭil min mafākhīr abnā' Kaḥṭān wa al-yaman li mu'allif madjḥūl*. Ed. M.'A. Djāzim, M. 'Arbash. Sana: al-Ma'had al-faransī li-l-āthār wa-l-'ulūm al-idjtimā'iyya bi Ṣan'a', al-Ma'had al-almānī li-l-āthār bi Ṣan'a', 2009. P. 53; ср. *al-Mukhtaṣar...* 1998. P. 91; *Tārīkh...* 1999. Vol. 3. P. 123). Ибн Хордадбех утверждал, что Сайф ибн зи Йазан жил в Гумдане, приводя в качестве довода слова из стиха Умаййи ибн Аби-с-Салта, перевод которых дан выше (*Kitāb al-masālik...* 1889. P. 136 (ар. текст)). Как будет показано ниже, в Гумдане Йаз'ан принял посольство арабских племен, в том числе и курейшитов. Один из источников Йакута утверждал, что Гумдан принадлежал роду зу Йазана (*Mu'djam...* 1977. T. 4. C. 153). Вероятно, этот род обосновался в Гумдане именно в правление Йаз'ана.

¹¹ *Kitāb al-tidjān fi mulūk Ḥimyar*. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḥāth al-yamaniyya, 1979. P. 317.

¹² Эти понятия передаются в тексте мусульманскими терминами *джизья* (*djizya*) и *хардж* (*khardj* — так в источнике) соответственно.

Хосров I Ануширван (изображение на блюде).
Из открытых источников

платить ему каждый год в определенном объеме»¹³. Согласно еще одному рассказу, на каком-то этапе Хосров вызвал Йаз'ана к себе и дал ему понять, чего не следует делать¹⁴. Не исключено, что Йаз'ан, как и Лахмиды, должен был периодически, в определенное время года, ездить к сасанидскому царю¹⁵.

Предыдущий абзац относится к устроению центральной власти. О положении дел на местах известно гораздо меньше, и имеющиеся сведения сводятся в основном к словам Хишама ал-Калби (*Hishām al-Kalbī*, род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) о том, что Вехриз при завоевании Йемена назначил наместников над его областями¹⁶. Как будет показано далее, южноаравийские знатные роды сохранили власть в областях, которыми правили; следовательно, можно предположить, что назначенные Вехризом люди были командующими сасанидскими гарнизонами, поставленными в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах.

¹³ Annales... 1881–1882. P. 949–950.

¹⁴ «Хосрову стало известно, что Сайф берет себе женщин, и написал ему, веля ему прибыть. И он (Сайф. — Д.М.) сделал так. Хосров сказал: “Тебе доставляет удовольствие сидеть с детьми в гареме?” Он (Сайф. — Д.М.) понял [все] и сказал: “Я не вернусь [туда]”. Тогда он (Хосров. — Д.М.) сказал: “Возвращайся в свои владения”. И он (Сайф. — Д.М.) вернулся» (Kitab al-dībādj, 1991. P. 106).

¹⁵ Об этом установлении для Лахмидов см.: Мишин Д.Е. История государства Лахмидов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 272–273.

¹⁶ Annales... 1881–1882. P. 956.

Возведя Йаз'ана на престол, Вехриз оставил с ним сасанидское войско с военачальником и вернулся к Хосрову¹⁷. О последующем правлении Йаз'ана сведений немного, но они позволяют представить себе хотя бы основные направления его действий. По словам Ибн Исхака, Йаз'ан преследовал остававшихся в Йемене эфиопов, действуя при этом весьма жестоко, и в конечном счете истребил многих из них, сделав остальных своими слугами¹⁸.

Установление власти Йаз'ана как царя (пусть и подчиненного Сасанидам) означало его верховенство над йеменской знатью. Воспоминания об этом отражаются, кажется, в одном приводимом у мусульманского автора первой половины — середины X в. ал-Хамдани (*al-Hamdānī*) стихе, в котором Йаз'ан назван *ḡayl al-maḡāwil*, т.е. «князь князей»¹⁹. Об отношениях между Йаз'аном и знатью известно очень мало, однако до нас дошли два показательных известия, которые позволяют представить развитие событий хотя бы в общих чертах. Согласно недавно изданному трактату неизвестного автора «Разделение верного и пустого из предметов гордости кахтанитов и йеменцев», Сайф зу Йаз'ан боролся со знатным родом зу Манах (*dhū Manākh*), который характеризуется как второй по общественному положению после царского; сообщается, что члены этого рода были дядьями царей объединенной державы Химьяра и Сабы (*tabābi'a*) по отцовской линии²⁰. Проверить, насколько это верно, трудно, так как о роде зу Манах в целом известно мало: в южноаравийских надписях упоминания о нем не обнаруживаются, а в списках восьми наиболее знатных родов доисламской Южной Аравии (*mathāmina*) у мусульманских авторов он встречается довольно редко. В «Разделении» мы далее читаем, что Сайф одержал победу и утвердился у власти²¹. Эти слова не следует понимать как указание на военную победу Йаз'ана над непокорным родом и устранение последнего с исторической арены: в источниках упоминается некий Набит ибн ар-Райян (*Nābit Ibn al-Rayyān*), который вел дела, связанные с заключением мирного

¹⁷ Наиболее подробно об этом — у Ибн Халдуна (*Ibn Khaldūn*, 1332–1406) (*Tārīkh ...* 1999. Vol. 3. P. 123).

¹⁸ *Annales...* 1881–1882. P. 956; ср. *Nihāyat...* 1996/97. P. 319.

¹⁹ *al-Hamdānī*. *Al-Iklīl*. Erstes Buch. Hrsg. O. Löfgren. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB. Heft 2, 1965. S. 80.

²⁰ *al-Faṣīl ...* 2009. P. 192.

²¹ *Ibid.*

Хосров I Ануширван (изображение на монете).
Из открытых источников

договора между Сайфом ибн зи Йаз'аном и родом зу Манах²². Косвенное указание на то, что конфликт закончился достижением договоренности, есть и в тексте «Разделения», где утверждается, что к этим событиям относится стих поэта конца доисламской эпохи Маймуна Подслеповатого (*al-A'shā Maimūn*): «А если поправят химьяриты дела свои и устроят, как им вместе поить детей их...»²³ Сопоставляя изложенные сведения, мы можем заключить, что предводители рода зу Манах капитулировали и признали верховенство Йаз'ана; о других условиях этих договоренностей ничего не известно.

Другое известие содержится в персидском переводе истории ат-Табари, сделанном Бал'ами (*Bal'amī*, ум. в 974 г.), и заключается в том, что Йаз'ан создал для химьяритов и арабов *диван* (*dīwān*), т.е. реестр, и назначил во все города наместников из людей, указанных в нем²⁴. Представляется, что Йаз'ан следовал примеру, а вероятно — и указанию — Хосрова Ануширвана, учредившего подобный реестр для сасанидской знати. Такой реестр позволял упорядочить набор войска, а также определить для каждого вельможи его место в среде знати, в чем Хосров нуждался после разгрома маздакитов, а Йаз'ан —

²² Kitāb al-iklīl ... 1966. P. 163.

²³ al-Faṣīl ... 2009. P. 192. Стих см. в: Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-'Aṣā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928. S. 54.

²⁴ Tārīkh-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānīdeh-i-mansūb be Bal'amī. Ed. M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995. P. 732.

после создания государства, главой которого, пусть и подчиненным Сасанидам, он теперь был.

Строго говоря, мы не можем сказать, как названные известия соотносятся друг с другом: предводителей рода зу Манах могло не устраивать как само воцарение Йаз'ана, так и отведенное им место в реестре. Однако общий смысл событий можно понять: Йаз'ан, за спиной которого стояли сасанидские войска, заставил йеменские знатные роды признать его верховенство и установил в отношениях между ними порядок, отведя каждому его место.

Отношения Йаз'ана с арабскими племенами были неоднозначны; все зависело от соотношения сил в тех или иных обстоятельствах. Одни племенные вожди признали над собой верховную власть Йаз'ана; вероятно, именно они вошли в реестр, о котором речь шла выше. Другие так или иначе договаривались с новым правителем. Согласно пространенному в мусульманских источниках рассказу, после победы Сайфа ибн зи Йаз'ана арабы стали направлять к нему посольства; далее следует подробное упоминание поездки посольства курейшитов, которое Сайф принял в Гумдане²⁵. В некоторых случаях дело доходило до военного союза. По источникам известен случай, когда предводители племени бану Хаулан (*Banū Khawlān*) по совету человека по имени 'Алкама ибн Зайд (*'Alkama Ibn Zayd*), о котором сообщается, что он ездил к правителям Йемена и Сирии, обратились к Йаз'ану за помощью против племен бану Хавāзин (*Banū Hawāzin*) и бану Сулайм (*Banū Sulaym*). Йаз'ан послал в земли бану Хаулан на помощь им четырех князей (*aḳwāl*), однако сообщения об этом очень кратки и не позволяют сказать, чем закончился этот поход²⁶.

По единодушному мнению средневековых мусульманских авторов, Йаз'ан был убит пленными эфиопами, которых сделал своими

²⁵ al-Ansāb li ... al-'Awtabī al-Ṣuḥārī. Ed. M. Iḥsān al-naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaḳāfa, 2006. P. 251–254 (со ссылкой на Хишама ал-Калби и Ибн Аббаса, участника арабских завоеваний первой половины VII в. и ученого); Dalā'il al-nubuwwa wa ma'rifat aḥwāl ṣāhib al-sharī'a li Abī Bakr ... al-Bayhaḳī. Ed. 'A. al-Ḳalādī. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmīyya, 1988. Vol. 2. P. 9–13; Dalā'il al-nubuwwa li ... Abī Nu'aym al-Aṣbahānī. Ed. M.R. Ḳal'atdī, 'A. 'Abbās. Beirut: Dār al-nafā'is, 1986. P. 95–99; al-Fāṣil ... 2009. P. 53–55; Kitāb al-aghānī ... 1905. Pt. 16. P. 72–74; Kitāb al-'iḳd al-farīd. Ta'līf ... Ibn 'Abd Rabbihī al-Andalusī. Pt. 2. Ed. A. Amīn, A. al-Zayn, I. al-Abyārī. Cairo: Ladjnat al-ta'līf wa-l-tardjama wa-l-nashr, 1956. P. 23–27; *al-Mas'ūdī*. Murūdj al-dhahab wa ma'ādin al-djawhar. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmi'a al-lubnāniyya. Pt. 2, 1966. P. 206–208; Mulūk ... 1974. P. 152–155; Nihāyat ... 1996/7. P. 320–322.

²⁶ *al-Hamdānī*, 1965. S. 133; Kitāb al-iklīl ... 1966. P. 118.

Монета Хосрова I Ануширвана.
Из открытых источников

телохранителями²⁷. О том, что происходило далее, имеющиеся сведения неоднозначны. Согласно недавно изданному комментарию к «Касыде, подобной разящему удару, который поражает голову и достигает мозга» (*al-qaṣīda al-dāmigha*) ал-Хамдани, составленному, по мнению издателя, его сыном (но при его участии), Сайфа ибн зи Йаз'ана сменил на престоле его брат Шурахбил (*Shurāḥbīl*), правивший 3 года²⁸. Этот человек более нигде не упоминается как правитель Йемена; во всех дошедших до нас источниках Йемен находился под управлением иранских наместников²⁹. По словам Ибн Исхака, после гибели Сайфа ибн зи Йаз'ана некий эфиоп поднял восстание, на подавление которого Хосров I направил Вехриза³⁰. Об этих

²⁷ Annales ... 1881–1882. P. 957; Kitāb al-aghānī ... 1905. Pt. 16. P. 72; Kitāb tārikh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā'. Ta'rif Ḥamza ... al-Aṣḥānī. Berlin: Kavianī GmbH, 1921/22. P. 90; Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Ṭāhir el-Maqdisī attribué à Abou-Zēid Aḥmed ben Sahl el-Balkhī. Pub. et tr. Cl. Huart. T. III. Paris, 1903. P. 195; al-Ma'ārif li Ibn Ḳutayba. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981. P. 638; *al-Mas'ūdī*. Murūdj ... 1966. P. 208; Nihāyat ... 1996/97. P. 323; Wafayāt al-a'yān wa anbā' abnā' al-zamān li ... Ibn Khallikān. Ed. I. 'Abbās. Beirut: Dār Ṣādir, 1977. Vol. 6. P. 36.

²⁸ Kitāb al-Dāmigha qaṣīdat ... al-Hamdānī bi tafsīri-hā wa ma'ānī-hā. Ta'rif ... al-Hamdānī. Ed. M. 'A. al-Aḥmadī. Sana: Madjma' al-'Arabiyya al-sa'īda, 2023. P. 594. В другом произведении ал-Хамдани упоминает о Шарахиле (*Sharāḥīl*), младшем брате Сайфа, который встал у власти после него (Kitāb al-iklīl ... 1966. P. 256, 258). Сходство произношения и написания обоих имен дает основания полагать, что речь идет об одном и том же человеке.

²⁹ Об этом см. Статью вторую настоящего исследования.

³⁰ Annales ... 1881–1882. P. 957.

событиях несколько более подробно повествует ал-Мас‘уди; по его словам, после гибели Ма‘дикариба предводитель сасанидского войска, которого с ним оставил Вехриз, подавил выступление эфиопов, о чем уведомил Вехриза письменным донесением. Вехриз сообщил о происшедшем Хосрову, который вновь послал его в Йемен, велел истребить всех находившихся там эфиопов³¹. Вахб ибн Мунаббих повествует, что «власть (*amr*) распространилась среди йеменцев, и они не стали ставить над собой царем одного человека, но в каждой области поставили над собой царем мужа из химьяритов; они (правители областей, о которых идет речь. — Д.М.) были подобны удельным царям, и так продолжалось до тех пор, пока Аллах не принес ислам»³². В словах Вахба примечательно упоминание об «удельных царях», которых он называет *mulūk al-ṭawāʿif*. Понятие *mulūk al-ṭawāʿif* в ранних мусульманских источниках обычно обозначает правителей отдельных областей бывшей Ахеменидской державы, властвовавших во время от ее разгрома Александром Македонским до начала правления Сасанидов (поэтому можно предполагать, что оно представляет собой передачу среднеперсидского *kadagxwadāyān*). У средневековых мусульманских авторов эпоха *mulūk al-ṭawāʿif* считается временем слабости царей (Аршакидов) и всевластия местных правителей³³. Поскольку авторы дошедших до нас сочинений воспроизводили представления своих предшественников, в том числе и Вахба ибн Мунаббиха, слова об «удельных царях» означают, что местные правители (вероятно, прежде всего — те, кто принадлежал к высшей знати) укрепились в своих владениях и сделались фактически независимыми. Вероятно, между «удельными царями» вновь вспыхнули оставшиеся от прошлого распри. Ал-Хамдани приводит стих одного не названного по имени поэта из бану Хаулан, начинающийся словами «затмились звезды князей Химьяра (*maḳāwil ḥimyar*), покрылись тенью солнце и месяц их»; через две строки следует: «ушел [в небы-

³¹ *al-Masʿūdī*. Murūdī ... 1966. P. 210.

³² *Kitāb al-tīdjān* ... 1979. P. 317. Ср. *al-Maʿārif* ... 1981. P. 639.

³³ Рассмотрение сведений об аршакидском периоде в истории Ирана выходит за пределы настоящего исследования. Однако в качестве иллюстрации высказанного тезиса имеет смысл привести слова Бируни (*Bīrūnī*, ум. после 1050 г.), согласно которому Аршакиды «были самыми достойными из удельных правителей (*mulūk al-ṭawāʿif*), а остальные из них (удельных правителей. — Д.М.) не подчинялись им (Аршакидам. — Д.М.), но лишь почитали их, ибо они (Аршакиды. — Д.М.) принадлежали к царскому дому персов» (*Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî*. Hrsg. E. Sachau. Leipzig, 1878. S. 113).

тие] сын зу Йазана и оставил среди них начавшуюся ранее войну, пламя которой не затухает»³⁴.

Сопоставляя эти указания, мы получаем следующую картину. Убийство Йаз'ана положило начало восстанию эфиопов, которое, будучи подавлено в Сане сасанидским гарнизоном, продолжалось в других областях Йемена. Шурахбил (Шарахил) был, судя по всему, наиболее влиятельным в роду Йаз'анов и мог рассчитывать на назначение наместником, однако не получил его. Южноаравийские магнаты укрепились в своих владениях (восстание эфиопов могло угрожать и им или, по крайней мере, некоторым из них) и не признавали верховенство Шурахбила (Шарахила), так как не приносили ему клятвы на верность. Без поддержки знати Шурахбил (Шарахил) мог опираться только на силы Йаз'анов, которых, однако, было недостаточно для победы над эфиопами и распространения его власти на весь Йемен.

Согласно рассказам источников, Вехриз, прибыв в Йемен с четырехтысячным войском, повел жестокую борьбу с эфиопами, безжалостно истребляя их. Перебив оставшихся эфиопов, он известил о победе Хосрова I, и тот назначил его наместником³⁵.

Восстановив таким образом последовательность событий, мы должны теперь определиться с их хронологией. За отправную точку можно принять указание ал-Мас'уди (*al-Mas'ūdī*, ум. в 956/957 г.) о том, что Ма'дикариб стоял у власти 4 года³⁶. Таковую же протяженность правления (но Сайфа ибн зи Йаз'ана)³⁷ указывает Ибн Халликан (*Ibn Khallikān*, 1211–1282), который, к сожалению, не ссылается при этом на источник³⁸. Менее правдоподобным представляется мнение аш-Ша'би, согласно которому, правление Сайфа ибн зи Йаз'ана продолжалось 7 лет³⁹. Если принимать эту датировку, убийство Йаз'ана должно приходиться на 579 г. Однако тогда встает вопрос, мог ли в то время Хосров I, умерший весной 579 г., вновь послать войска на завоевание Йемена. По той же причине невозможно принять встре-

³⁴ Kitāb al-ikhlīl ... 1966. P. 273.

³⁵ Так — согласно наиболее подробному рассказу, приводимому в источниках со ссылкой на Ибн Исхака (*Annales* ... 1881–1882. P. 957–958; *Tārīkh* ... 1999. Vol. 3. P. 124). Ср. *al-Mas'ūdī*. Murūdī ... 1966. P. 210; *Nihāyat* ... 1996/97. P. 323 (со ссылкой на аш-Ша'би).

³⁶ *al-Mas'ūdī*. Murūdī ... 1966. P. 208.

³⁷ В обоих случаях речь идет о Йаз'ане (см. прим. 2).

³⁸ *Wafayāt* ... 1977. Vol. 6. P. 36.

³⁹ *Nihāyat* ... 1996/97. P. 323, 324.

чающееся в некоторых источниках утверждение о 20 годах правления Сайфа⁴⁰.

Если считать, что Йаз'ан стоял у власти в течение 4 лет начиная со времени завоевания, т.е. с зимы 571/72 г., его правление должно было закончиться к весне 576 г. Ал-Мас'уди сообщает также, что начальник сасанидского гарнизона, подавив выступление эфиопов, отправил донесение об этом Вехризу, который получил его, находясь при дворе Хосрова I в Ктесифоне⁴¹. Ктесифон был зимней столицей Сасанидов. Наиболее точные данные о том, когда именно Сасаниды пребывали там, содержатся в китайской «Истории Северных Вэй». Согласно переложениям данных этого источника на наш календарь, сасанидский царь уезжал из Ктесифона в апреле — мае⁴² или в четвертом месяце китайского года, т.е. в мае — июне⁴³, а возвращался в ноябре⁴⁴ или ноябре — декабре⁴⁵. Если исходить из приведенных выше данных, известие о гибели Йаз'ана поступило в Ктесифон самое позднее в мае, т.е., если придерживаться представленного выше расчета, в мае 576 г.

Этот промежуточный вывод следует сопоставить со словами ал-Мас'уди о том, что Вехриз одержал победу над эфиопами и убил их царя Масрука по истечении 45 лет правления Хосрова I Ануширвана⁴⁶. В таких указаниях срок обычно исчисляется от времени фактического прихода царя к власти⁴⁷. Царствование Хосрова I началось в сентябре 531 г.; 45 лет его истекли, следовательно, в сентябре 576 г. Нельзя пол-

⁴⁰ Kitāb al-Dāmigha ... 2023. P. 594. Cp. Turfat ... 1992. P. 48.

⁴¹ al-Mas'ūdī. Murūdj ... 1966. P. 210.

⁴² Hori K. A Chinese Account of Persia in the Sixth Century // Spiegel Memorial Volume. Bombay, 1908. P. 248.

⁴³ Daffinà P. La Persia sassanide secondo le fonti cinesi // Rivista degli studi orientali. Vol. 57 (1983). P. 156.

⁴⁴ Hori K. A Chinese Account ... 1908. P. 248.

⁴⁵ Daffinà P. La Persia... 1983. P. 156. Новый перевод Ф. Тьерри был, к сожалению, недо-ступен автору этих строк. Согласно еще одному переводу, в четвертом месяце китайского года царь не уезжал, а возвращался в столицу (*Tashakkurī* 'A. Īrān be riwāyat-i-Chīn-i-bāstān. S.l.: Mu'assasa-i-rawābiṭ-i-baynalmilālī, 1977/78. P. 123). В этом случае, однако, получается, что царь приезжал в Ктесифон на лето, что противоречит имеющимся сведениям о Сасанидах. Известно, что Сасаниды пребывали в Ктесифоне в период конца осени — начала весны, а в жаркое время года уезжали на север своих владений (Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 73).

⁴⁶ al-Mas'ūdī. Murūdj ... 1966. P. 204–205.

⁴⁷ Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван ... 2014. С. 39.

ностью исключать и то, что имеется в виду окончание сорок пятого года царствования Хосрова, как он исчислялся по принятому у Сасанидов календарю; оно пришлось на июль 576 г.

Нельзя не обратить внимания на то, что в обоих случаях мы приходим, хотя и разными путями, в 576 г. Это едва ли представляет собой совпадение; напротив, события выстраиваются в стройную хронологическую цепь:

- первые месяцы 576 г. — убийство Йаз'ана, восстание эфиопов;
- до мая 576 г. — доставка известия об убийстве Йаз'ана в Ктесифон;
- время после сентября (или, менее вероятно, июля) 576 г. — поход Вехриза в Йемен против эфиопов.

На основании сказанного можно предположить, что слова ал-Мас'уди о походе Вехриза против эфиопов по истечении 45 лет правления Хосрова I относятся не к первоначальному завоеванию Йемена (когда погиб эфиопский правитель, именуемый в мусульманских источниках Масрук), а к действиям полководца по подавлению восстания, последовавшего за убийством Йаз'ана. Когда именно Вехриз совершил свой второй поход в Йемен, сказать трудно (определенное время должны были занять сбор войска, подготовка и т.п.). Если считать, что это произошло после сентября 576 г., напрашивается гипотеза, согласно которой этот поход, как и первый, 571–572 гг., состоялся зимой (т.е. зимой 576/77 г.), и флот, перевозивший войско, использовал благоприятные для плаваний в Аравию муссоны. В этом случае мы должны предполагать, что посылка войска в Йемен не была срочным делом. Это лучше всего объяснять тем, что сасанидский наместник Саны, подавив восстание в ней, сохранял власть над частью земель Йемена, хотя был не в состоянии уничтожить очаги сопротивления на местах; это и стало задачей Вехриза.

Примечательно и политическое решение Хосрова I, который не стал назначать наместником никого из Йаз'анов (упомянутый выше Шурахбил (Шарахил) появляется в источниках только как правитель, но не как сасанидский наместник). По-видимому, сасанидский царь, следя за событиями по поступавшим к нему донесениям, разочаровался в Йаз'анах, которые оказались неспособными справиться с восстанием эфиопов и всевластием местной знати, да и предотвратить покушение на правителя. О том, помышлял ли Хосров передать власть какому-либо другому йеменскому роду, источники не сообщают; если принять во внимание исторический контекст, трудно представить

себе, что могло бы убедить сасанидского царя в том, что тот или иной род справится с управлением Йеменом лучше, чем Йаз'аны. Начался новый этап в истории Йемена — время его нахождения под властью иранских наместников. Его предполагается рассмотреть в Статье второй настоящего исследования.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Мишин Д.Е. *История государства Лахмидов*. М.: Садра, 2017. 448 с. Mishin D.E. *History of the Lakhmid state*. Moscow: Sadra, 2017. 448 p. (in Russ.).
2. Мишин Д.Е. Сасанидское завоевание Йемена. *Исторический вестник*. 2025;51:112–137. Mishin D.E. The Sasanid conquest of Yemen. *Historical Reporter*. 2025;51:112–137 (in Russ.).
3. Мишин Д.Е. *Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха*. М.: ИВ РАН, 2014. 696 с. Mishin D.E. *Khusraw I Anushirwan (531–579), his epoch, and his biography and admonition in Miskawayh's history*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. 696 p. (in Russ.).
4. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1881–1882.
5. al-Ansāb li ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī / M. Iḥsān al-naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaḳāfa, 2006. Genealogies by ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī / Ed. by M. Iḥsān al-naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaḳāfa, 2006 (in Arab.).

6. *Dalāʾil al-nubuwwa wa maʿrifat aḥwāl ṣāhib al-sharīʿa li Abī Bakr ... al-Bayḥakī* / ʿA. al-Ḳalʿadǰī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1988.
Proofs of [Muḥammad] being a Prophet and knowledge of the story of the one who came up with the Sharīʿa, by Abū Bakr ... al-Bayḥakī / Ed. by ʿA. al-Ḳalʿadǰī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1988 (in Arab.).
7. *Dalāʾil al-nubuwwa li ... Abī Nuʿaym al-Aṣḥabānī* / M.R. Ḳalʿatdǰī, ʿA. ʿAbbās. Beirut: Dār al-nafāʿis, 1986.
Proofs of [Muḥammad] being a Prophet, by Abū Nuʿaym al-Iṣḥābānī / Ed. by M.R. Ḳalʿatdǰī, ʿA. ʿAbbās. Beirut: Dār al-nafāʿis, 1986 (in Arab.).
8. Daryaei T. *Šahrestānīhā ī ʿErānšahr. A Middle Persian text on late Antique geography, epic, and history*. Costa Mesa (Cal.): Mazda Publishers Inc., 2002.
9. *Dīwān Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt* / ʿA. al-Siṭlī. Damascus: al-Maṭbaʿa al-taʿāwuniyya, 1974.
Collection of poetry by Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt / Ed. by ʿA. al-Siṭlī. Damascus: al-Maṭbaʿa al-taʿāwuniyya, 1974 (in Arab.).
10. *al-Fāṣil bayna al-ḥakk wa al-bāṭil min mafākhīr abnāʾ Ḳaḥṭān wa al-yaman li muʿallif madǰhūl* / M.ʿA. Djāzim, M. ʿArbash. Sana: al-Maʿhad al-faransī li-l-āthār wa-l-ʿulūm al-idǰtimāʿiyya bi Ṣanʿāʾ, al-Maʿhad al-almānī li-l-āthār bi Ṣanʿāʾ, 2009.
Division between the truth and the futile among objects of pride of Ḳaḥṭān's sons and of the Yemenites, by an unknown author / Ed. by M.ʿA. Djāzim, M. ʿArbash. Sana: al-Maʿhad al-faransī li-l-āthār wa-l-ʿulūm al-idǰtimāʿiyya bi Ṣanʿāʾ, al-Maʿhad al-almānī li-l-āthār bi Ṣanʿāʾ, 2009 (in Arab.).
11. *Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-ʿAšā* / Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928.
12. *Ḥadīkat al-aḳālim. Taʿlīf ... Bilgrāmī*. Lucknow, 1879.
Garden of Climates, by Bilgrāmī. Lucknow, 1879 (in Arab.).
13. Hori K. A Chinese account of Persia in the sixth century, in: *Spiegel Memorial Volume*. Bombay, 1908. P. 246–250.
14. *Khizānat al-adab wa lubb lubāb lisān al-ʿArab. Taʿlīf ʿAbd al-Ḳādir ... al-Baḡhdādī* / A. Hārūn. Cairo: Maktabat al-Khāndǰī, 1997.
Treasury of literature and the very best of [what has been said] in the language of the Arabs / Ed. by A. Hārūn. Cairo: Maktabat al-Khāndǰī, 1997 (in Arab.).
15. *Kitāb al-aḡḥānī li-l-imām Abī-l-Faradǰ al-Aṣḥabānī* / A. al-Shinḳīṭī. Cairo, 1905.

Book of songs by Imam Abū-l-Faradj al-Isfahānī / Ed. by A. al-Shinkīṭī. Cairo, 1905 (in Arab.).

16. *Kitāb al-Dāmigha ḡaṣīdat ... al-Hamdānī bi tafsīri-hā wa maʿānī-hā. Taʿlīf ... al-Hamdānī* / M.ʿA. al-Aḡmadī. Sana: Madjmaʿ al-Arabiyya al-saʿīda, 2023.

The book [like] a blow smashing the head and reaching the brain, a poem by al-Hamdānī, with its interpretation and the explanation of the meaning of its different parts, by al-Hamdānī / Ed. by M.ʿA. al-Aḡmadī. Sana: Madjmaʿ al-Arabiyya al-saʿīda, 2023 (in Arab.).

17. *Kitāb al-dībādj. Taʿlīf ... Abī ʿUbayda Muʿammar Ibn al-Muthannā al-Taymī* / ʿA. al-Djarbūʿ, ʿA. al-ʿUthaymīn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1991.

Brocade-[like] book by Abū ʿUbayda Muʿammar Ibn al-Muthannā al-Taymī / Ed. by ʿA. al-Djarbūʿ, ʿA. al-ʿUthaymīn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1991 (in Arab.).

18. *Kitāb al-ʿiḡd al-farīd. Taʿlīf ... Ibn ʿAbd Rabbīhi al-Andalusī. Pt. 2* / A. Amīn, A. al-Zayn, I. al-Abyārī. Cairo: Ladjnat al-taʿlīf wa-l-tardjama wa-l-nashr, 1956.

Book [like] a unique necklace, by Ibn ʿAbd Rabbīhi al-Andalusī. Pt. 2 / Ed. by A. Amīn, A. al-Zayn, I. al-Abyārī. Cairo: Ladjnat al-taʿlīf wa-l-tardjama wa-l-nashr, 1956 (in Arab.).

19. *Kitāb al-iklīl li ... al-Hamdānī. Pt. 2* / M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṭbaʿat al-sunna al-muḡammadiyya, 1966.

Crown-[like] book by al-Hamdānī. Pt. 2 / Ed. by M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṭbaʿat al-sunna al-muḡammadiyya, 1966 (in Arab.).

20. *Kitāb al-ilmām bi-l-iʿlām fi-mā djarat bi-hi al-aḡkām wa al-umūr al-maḡdiyya fi waḡʿat al-Iskandariyya li ... al-Nuwayrī al-Iskandarānī. Pt. 1* / E. Combe, ʿA.S. ʿAṭiyya. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1968.

Book bringing knowledge on what executable orders were made on, about the Battle of Alexandria, by al-Nuwayrī al-Iskandarānī. Pt. 1 / Ed. by E. Combe, ʿA.S. ʿAṭiyya. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1968 (in Arab.).

21. *Kitāb tāriḡh sunī mulūk al-arḡ wa al-anbiyāʿ. Taʿlīf Ḥamza ... al-Aṣfahānī. Berlin: Kaviani GmbH, 1921/1922.*

Book on the history of the years of the kings of the Earth and of the Prophets by Ḥamza ... al-Isfahānī. Berlin: Kaviani GmbH, 1921/1922 (in Arab.).

22. *Kitāb al-tīdjān fi mulūk Ḥimyar. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḡāth al-yamaniyya, 1979.*

- Book of crowns on the kings of Ḥimyar*. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḥāth al-yamaniyya, 1979 (in Arab.).
23. *al-Maʿārif li Ibn Ḳutayba* / Th. ʿUkāsha. Cairo: Dār al-maʿārif, 1981.
Book of knowledge by Ibn Ḳutayba / Ed. by Th. ʿUkāsha. Cairo: Dār al-maʿārif, 1981 (in Arab.).
24. al-Masʿūdī. *Murūdj al-dḥabab wa maʿādin al-djawhar*. Pt. 2 / Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya. 1966.
al-Masʿūdī. *Meadows of gold and mines of pearls*. Pt. 2 / Ed. by Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya, 1966 (in Arab.).
25. *Muʿdjam al-buldān li ... Yāḳūt*. Beirut: Dār Ṣādir, 1977.
Reference-book on countries and settlements, by Yāḳūt. Beirut: Dār Ṣādir, 1977 (in Arab.).
26. *al-Mukhtaṣar fī akhbār al-baṣhar li ... Abī-l-Fidāʿ*? Pt. 1 / M.Z.M. ʿAzib, Y.S. Ḥusayn, M.F. al-Waṣīf. Cairo: Dār al-maʿārif, 1998.
Abridged history of mankind by ... Abū-l-Fidāʿ? Pt. 1 / Ed. by M.Z.M. ʿAzib, Y.S. Ḥusayn, M.F. al-Waṣīf. Cairo: Dār al-maʿārif, 1998 (in Arab.).
27. *Mulūk Ḥimyar wa aḳyāl al-Yaman. Ḳaṣīdat Nashwān bin Saʿīd al-Ḥimyarī ... wa sharḥu-hā al-musammā Khulāṣat al-sīra al-djāmiʿa li ʿadjāʿib akhbār al-mulūk al-tabābiʿa* / ʿA. al-Muʿayyad, I. al-Djarāfi. Cairo: al-Maṭbaʿa al-salafiyya, 1974.
Kings of Ḥimyar and princes of Yemen. Poem by Nashwān Ibn Saʿīd al-Ḥimyarī and its explanation called 'Abridgement of the history inclusive of amazing stories of the Tabābiʿa kings' / Ed. by ʿA. al-Muʿayyad, I. al-Djarāfi. Cairo: al-Maṭbaʿa al-salafiyya, 1974 (in Arab.).
28. *Nashwat al-ṭarab fī tāriḫ djābiliyyat al-ʿarab. Taʿlīf Ibn Saʿīd al-Andalusī* / N. ʿAbd al-Raḥmān. Amman: Maktabat al-Aḳṣā, 1982.
Rapture-[bringing] book on the history of the Arabs' Djābiliyya by Ibn Saʿīd al-Andalusī / Ed. by N. ʿAbd al-Raḥmān. Amman: Maktabat al-Aḳṣā, 1982 (in Arab.).
29. *Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-ʿarab* / M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafāḫir-i-farhangī, 1996/1997.
The utmost of what may be sought in the history of Persians and Arabs / Ed. by M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafāḫir-i-farhangī, 1996/1997 (in Arab.).
30. *Nihāyat al-arab fī funūn al-adab. Taʿlīf ... al-Nuwayrī*. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949.

The utmost of what may be sought in various arts of literature, by al-Nuwayrī. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949 (in Arab.).

31. *al-Rawḍ al-unuf fī sharḥ al-sīra al-nabawiyya li Ibn Hishām li ... al-Subaylī. Part 1 / ʿA. al-Wakīl. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967.*

[Book like a] garden with an intact green grass, with explanation of Ibn Hishām's biography of the Prophet, by al-Subaylī. Part 1 / Ed. by ʿA. al-Wakīl. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967 (in Arab.).

32. *Nuzbat al-djalīs fī munyat al-adīb al-anīs / Taʿlīf ... al-Makkī. Najaf: al-Maktaba al-ḥaydariyya, 1967.*

[Book] of the enjoyment of the one sitting besides, on what a literate friend may desire / Ed. by Taʿlīf ... al-Makkī. Najaf: al-Maktaba al-ḥaydariyya, 1967 (in Arab.).

33. Nyberg H.S. *A manual of Pahlavi. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974. 286 p.*

34. *Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām / M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995.*

Biography of the Prophet by ... Ibn Hishām / Ed. by M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995 (in Arab.).

35. *Tārīkh al-ʿallāma Ibn Khaldūn. Beirut; Cairo: Dār al-kitāb al-lubnānī; Dār al-kitāb al-miṣrī, 1999.*

History by Ibn Khaldūn the Knowledgeable. Beirut; Cairo: Dār al-kitāb al-lubnānī; Dār al-kitāb al-miṣrī, 1999 (in Arab.).

36. *Tārīkh-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānīdeh-i-mansūb be Balʿamī / M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995.*

[al]-Ṭabarī's history. A translation ascribed to Balʿamī / Ed. by M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995 (in Pers.).

37. Tashakkurī ʿA. *Īrān be riwāyat-i-Chīn-i-bāstān. S.l.: Muʿassasa-i-rawābiṭ-i-baynalmilālī, 1977/1978.*

Tashakkurī ʿA. Iran [as described] in ancient Chinese accounts. S.l.: Muʿassasa-i-rawābiṭ-i-baynalmilālī, 1977/1978 (in Pers.).

38. *The Būndahishn / Ed. by T.D. Anklesaria. Bombay, 1908. 369 p.*

39. *The Pahlavi texts. II / Ed. by J.M. Jamasp-Asana. Bombay, 1913. 190 p.*

40. *Ṭurfat al-aṣḥāb fī maʿrifat al-ansāb. Taṣnīf al-sulṭān al-Malik al-Ashraf ʿUmar Bin Yūsuf Bin Rasūl / K.W. Zetterstéen. Beirut: Dār Ṣādir, 1992.*

[Book being] a gift to friends, for learning genealogies, by sultan, the most noble king ʿUmar Ibn Yūsuf Ibn Rasūl / Ed. by K.W. Zetterstéen. Beirut: Dār Ṣādir, 1992 (in Arab.).

41. *al-‘Umda fī maḥāsin al-shi‘r wa adābi-bi wa naḥdi-bi. Ta‘līf ... Ibn Rashīk* / M.M. ‘Abd al-Ḥamīd. Beirut: Dār al-djīl, 1981.
Pillar[-like] book on the virtues and rules of, and distinction between good and bad, in the poetry, by Ibn Rashīk / Ed. by M.M. ‘Abd al-Ḥamīd. Beirut: Dār al-djīl, 1981 (in Arab.).
42. *Wafayāt al-a‘yān wa anbā’ abnā’ al-zamān li ... Ibn Kballikān* / I. ‘Abbās. Beirut: Dār Ṣādir, 1977.
Deaths of eminent persons and accounts of those who were sons of their epochs / Ed. by I. ‘Abbās. Beirut: Dār Ṣādir, 1977 (in Arab.).

Мишин Дмитрий Евгеньевич
Dmitriy E. Mishin

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
SPIN-код: 1783-3113,
AuthorID: 111810

C.Sc. (History), Senior Research Fellow
at the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences,
SPIN-code: 1783-3113,
AuthorID: 111810

Поступила в редакцию /
Received
15.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
16.02.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

М.М. Якушев

*Историко-документальный департамент
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mtyakushev456@gmail.com*

Посольские церкви в Константинополе — форпосты русского духовного присутствия на Босфоре (1721–1821 гг.)

Аннотация

По Константинопольскому трактату 1700 г. Россия получила право иметь в Османской столице постоянного дипломатического представителя. Следствием этого явилось также создание посольских церквей, настоятели которых были, как правило, «домовыми священниками» или «капелланами» русской дипломатической миссии были православные паломники: Андрей Игнатьев, Варлаам (в миру Василий) Леницкий, Анастасий Пауссиус Кондоиди (Кандиди). Самым знаменитым русским богомольцем XVIII в., посетившим Иерусалим, был уроженец Киева Василий Григорьевич Григорович-Барский. Первой постоянной домовою церковью российской дипломатической миссии на Босфоре стал основанный и освященный в 1721 г. при резиденте И.И. Неплюеве (1721–1734) храм Антония и Феодосия Печерских. Его штатным настоятелем стал Петр Злоткович. На его место в августе 1733 г. из Киево-Печерского монастыря был командирован иеромонах Константин Политанский или Неаполитанский (1733–1736 гг., 1740–

1742 г.), заменивший ослепшего Злотковича. Казненный в 1742 г., он был причислен позднее Константинопольской православной церкви к лику святых. Поскольку посольский дом и помещавшаяся в нем церковь со всей утварью сгорели (1808), все члены церковного причта возвратились в Россию, а богослужения прекратились. При новом российском посланнике графе Г.А. Строганове (1816) в связи с «Высочайшим повелением» был устроен небольшой постоянный храм святых равноапостольных царя Константина и царицы Елены (1818), богослужения в котором совершались летом, а в зимнее время члены посольства ходили в греческую церковь Кафийской Божией Матери. Учреждение русской церкви в Константинополе стало одним из первых важных шагов на пути развития русского духовного присутствия на Босфоре.

Ключевые слова:

Русская церковь в Константинополе; русское паломничество; русское духовное присутствие; А. Игнатьев; В. Леницкий; А. Кондоиди; К. Политанский; Д. Возмуйлов; Леонтий.

Для цитирования:

Якушев М.М. Посольские церкви в Константинополе — форпосты русского духовного присутствия на Босфоре (1721–1821 гг.) // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 260–277. DOI: 111111111111111111

Mikhail M. Yakushev

*Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: mmyakushev456@gmail.com*

Embassy Churches in Constantinople — Outposts of Russian Spiritual Presence on the Bosphorus (1721–1821)

Abstract

Under the Treaty of Constantinople of 1700, Russia obtained the right to maintain a permanent diplomatic representative in the Ottoman capital. One consequence of this was the establishment of embassy churches, whose rectors were usually “house priests” or “chaplains” of the Russian diplomatic mission. Among Orthodox pilgrims were Andrey Ignatyev, Varlaam (in the world Vasily) Lenitsky, and Anastasius Paussius Kondoidi (Kandidi). The most famous Russian pilgrim of the 18th century to visit Jerusalem was Vasily Grigorievich Grigorovich-Barsky, a native of Kyiv. The first permanent house church of the Russian diplomatic mission on the Bosphorus was the Church of Saints Anthony and Theodosius of the Caves, founded and consecrated in 1721 under Resident I.I. Neplyuyev (1721–1734). Its regular rector was Pyotr (Petr) Zlotkovich. In August 1733, he was replaced by the hieromonk Konstantin Politansky (or Neapolitansky), sent from the Kyiv-Pechersk Lavra (served 1733–1736 and 1740–1742), who took the place of the now-blind Zlotkovich. Executed in 1742, he was later canonized by the Orthodox Church of Constantinople. After the embassy residence and the church housed within it, along with all its furnishings, burned down in 1808, all members of the church clergy returned to Russia and services ceased. Under the new Russian envoy Count G.A. Stroganov (1816), in accordance with an imperial decree, a small permanent church of Saints Constantine and Helena Equal-to-the-Apostles was established in 1818. Services were held there in the summer, while in winter members of the embassy attended the Greek Church of the Mother of God of Kaffa. The establishment of a Russian church in Constantinople became one of the first important steps in the development of Russian spiritual presence on the Bosphorus.

Keywords:

Russian church in Constantinople; Russian pilgrimage; Russian spiritual presence; A. Ignatiev; V. Lenitsky; A. Kondoidi; K. Politansky; D. Vozmuylov; Leonty

For citation:

Mikhail M. Yakushev. Embassy Churches in Constantinople – Outposts of Russian Spiritual Presence on the Bosphorus (1721–1821) // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 260–277. DOI: !!!!!!!!!!

Начало русского духовного присутствия на Босфоре, как и возникновение российских посольских церквей, относится к периоду правления Петра I. По Константинопольскому трактату 1700 г. Россия получила право иметь в османской столице постоянного дипломатического представителя. Первым чрезвычайным посланником при Высокой Порте был назначен П.А. Толстой (1702–1714 гг.)¹. Духовными лицами при первых дипломатических эмиссарах России на Босфоре были православные поклонники, посетившие Иерусалим. Настоятелей посольских церквей называли «домовыми священниками» или «капелланами»².

Первым известным представителем духовенства, посетившим Константинополь после учреждения первой постоянной дипломатической миссии на Босфоре, был московский священник-старообрядец Иоанн Лукьянов (1701–1703 гг.)³. Во время пребывания в османской столице

¹ Якушев М.М. «Приятель ево работают великому государю в чем могут усердно». Иностранцы на русской службе в Царьграде в первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2025. №8. Август. С. 20.

² Капеллан (лат. *капелланус*, от слова «капелла» — часовня) — полковой, походный или домовый священник, совмещающий церковные обязанности (постоянное пастырское попечение, полное или частичное богослужение) с другой деятельностью (обязанностями личного секретаря или архивариуса).

³ Иоанн Лукьянов происходил из купеческого сословия и жил в Москве. Как следует из его проезжей грамоты, он был священником в церкви Николая Чудотворца на Песках («церковь Николы, что на желтых песках, в Стрелецкой слободе»). Он побывал в Иерусалиме вместе с монахами Лукой, Григорием и Адрианом и детально описал свое паломничество.

паломник-писатель встречался с П.А. Толстым, упомянув о нем в своем путевом дневнике⁴.

Первым капелланом русской дипломатической миссии на Босфоре был московский священник Андрей Игнатъев. В 1702–1707 гг. он был домовым священником при чрезвычайном посланнике П.А. Толстом в Адрианополе. В 1707–1708 гг. паломник-писатель Андрей Игнатъев вместе с братом Стефаном посетил Иерусалим и подробно описал свое паломничество⁵. В Иерусалиме он участвовал в служении в храме Гроба Господня. В 1708 г. он вновь служил домовым священником при чрезвычайном посланнике П.А. Толстом в Константинополе. Вскоре Андрей Игнатъев покинул османскую столицу, вернулся в Россию и через несколько лет постригся в монахи в Новоиерусалимском монастыре, приняв имя Аарон.

Вторым капелланом русской дипломатической миссии в Константинополе был иеромонах⁶ Свято-Михайловского Киевского монастыря Варлаам (в миру Василий) Леницкий⁷. В 1711 г. он был домовым священником при графе Б.П. Шереметеве в Прутском походе, а в 1711–1712 гг. — домовым священником при чрезвычайных послах графе М.Б. Шереметеве и бароне П.П. Шафирове в Адрианополе и Константинополе. В 1712–1713 гг. паломник-писатель Варлаам Леницкий посетил Иерусалим и подробно описал свое паломничество. В 1714 г. Варлаам Леницкий покинул османскую столицу вместе с П.А. Толстым, М.Б. Шереметевым и П.П. Шафировым.

Третьим капелланом русской дипломатической миссии на Босфоре был священник греческого происхождения Анастасий Пауссиус Кондоиди (Кандиди), родившийся на острове Кандия (Крит). В 1711 г.

⁴ Лукьянов Иоанн. Хождение в Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова (1701–1703) // Русский архив. 1863.

⁵ Игнатъев Андрей. Хождение во святой град Иерусалим священника Андрея Игнатъева при царе Петре Алексеевиче / РГБ ОР (Российская государственная библиотека Отдел рукописей). Ф. 172 («Архив Московской духовной академии»). К. 487. № 14. Л. 1–41.

⁶ Иеромонах (греч. *хиерос монахос*, «священный монах») — в православии монах, имеющий сан священника. Сан иеромонаха соответствует сану иерея в «белом духовенстве».

⁷ Епископ Русской православной церкви (1719 г.): епископ Суздальский и Юрьевский (1719–1722 гг.), епископ Коломенский и Каширский (1724–1727 гг.), епископ Астраханский и Ставропольский (1727–1730 гг.), епископ Переяславский и Бориспольский, викарий Киевской епархии (1730 г.), епископ Астраханский (1730 г.), епископ Псковский и Нарвский (1731–1739 гг.). Скончался и был погребен в Киево-Печерском монастыре в 1741 г.

Варлаам (Леницкий) — архиепископ Псковский и Нарвский.
Портрет первой половины XVIII в.
Российский государственный исторический архив

в ходе Прутского похода он был замечен царем Петром I. В 1712–1714 гг. Анастасий Кондоиди был домовым священником при чрезвычайном посланнике П.А. Толстом. В 1714 г. Анастасий Кондоиди покинул Константинополь вместе с П.А. Толстым, М.Б. Шереметевым и П.П. Шафировым, которые были освобождены из Семибашенного замка. В 1721 г. Анастасий Кондоиди был сделан ассессором Святейшего синода и за верную службу при П.А. Толстом получал не ассессорское, а советническое жалованье (1000 рублей). В 1722 г. Анастасий Кондоиди принял монашеский постриг с именем Афанасий⁸.

В период правления Петра I Святую землю посетили другие известные русские паломники-писатели малороссийского происхождения: иеромонахи Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря Макарий и Сильвестр (1704–1707 гг.)⁹, иеромонах Черниговского Бо-

⁸ Епископ Русской православной церкви (1726 г.): епископ Вологодский и Белозерский (1726–1735 гг.), епископ Суздальский и Юрьевский (1726–1735 гг.). Перед смертью завещал передать свою личную библиотеку частично в Московскую духовную академию, а частично в Петропавловский собор Санкт-Петербурга.

⁹ Макарий и Сильвестр. Описание путешествия в Иерусалим иеромонахов Макария и Сильвестра в 1704 году. РГБ ОР. Ф. 310 («Собрание рукописных книг В.М. Ундольского»). № 717.

рисоглебского монастыря Ипполит Вишенский (1707–1709 гг.)¹⁰, иеромонахи Свято-Николаевского Пустынно-Рыхловского монастыря Черниговской губернии Сильвестр и Никодим (1722–1723 гг.)¹¹, оставившие подробные описания Константинополя и Святой земли, а некоторые из них встречались с российскими дипломатическими представителями и духовными лицами в османской столице¹².

В 1721 г. при резиденте И.И. Неплюеве (1721–1734 гг.) в загородном районе Буюкдере был основан и освящен храм святых преподобных Антония и Феодосия Печерских, основоположников монашеского жительства на Руси. В том же году в Константинополь из России был командирован постоянный священник, получавший жалованье из посольской казны¹³.

Домовая церковь Антония и Феодосия Печерских стала первой постоянной домовою церковью российской дипломатической миссии на Босфоре. Культовое учреждение именовали «русская посольская церковь», «министерская домовая церковь», «русский храм при императорском посольстве» и «русский домовый храм при Константинопольской миссии». На церковных богослужениях присутствовали члены дипломатической миссии в Константинополе, русские паломники и купцы, посещавшие османскую столицу по дороге в Иерусалим или на обратном пути из Святого града, а иногда на богослужения ходили местные христианские жители.

Одним из первых штатных настоятелей посольской церкви в османской столице был Петр Злоткович, который в 1733 г. лишился зрения и вернулся в Россию.

Российский резидент в Константинополе И.И. Неплюев пригласил для временного служения в церкви священника-грека и просил Святейший правительствующий синод прислать из Киева в османскую столицу вдового священника, причем его кандидатура, рекомендованная

¹⁰ *Вишенский И.* Пельгримажия или путешественник Ипполита Вишенского во град Иерусалим в 1707–1709 году // РГБ ОР. Ф. 148 («Архив архимандрита Леонида (Кавелина)». К. 11. № 17.

¹¹ *Сильвестр (Диканский) и Никодим.* Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г. // Труды Киевской духовной академии. 1883. Т. 2. № 5. (май).

¹² Еще одним известным русским паломником-писателем, посетившим Константинополь и Иерусалим в первой половине XVIII в., был иеромонах Чигиринского Свято-Троицкого Матронинского монастыря Серапион Множинский (1749–1751 гг.).

¹³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89 («Сношения России с Турцией»). Оп. 89/1. 1721. Д. 8. Л. 24–24 об.

Афанасий (Кондоиди) — епископ Суздальский и Владимирский. Портрет XVIII в.
ФГБУК «Государственный Ростово-Ярославский
архитектурно-художественный музей-заповедник»

церковными властями, должна была получить одобрение Коллегии иностранных дел, так как посольские церкви являлись собственностью Русского государства.

Просьба И.И. Неплюева была удовлетворена, и в августе 1733 г. из Киево-Печерского монастыря на Босфор был командирован иеромонах Константин Политанский, или Неаполитанский (1733–1736 гг., 1740–1742 гг.), заменивший ослепшего Петра Злотковича и служивший в домовый церкви при российском резиденте в Константинополе А.А. Вешнякове (1735 г., 1742–1745 гг.), который сменил на резидентском посту И.И. Неплюева. Константин Политанский стал одним из самых известных настоятелей посольской церкви в османской столице.

Некоторые ученые считают Константина Политанского «великороссиянином», основываясь на переводе слова «Неаполитанский» и указывая местом его происхождения Новгород (греч. *нео полис* — новый город), другие считают его «малороссиянином» и сотоварищем пилигримов Василия Григоровича-Барского и Варлаама Леницкого по Киево-Могиланской академии.

В 1733 г. Константин Политанский получил назначение в посольскую церковь на Босфоре. В 1736–1739 гг. он посетил Иерусалим и Афон. Несколько раз он служил литургию и читал проповеди на греческом языке в храме Гроба Господня. В 1740 г., вернувшись из паломничества в Иерусалим, Константин Политанский представил резиденту А.А. Вешнякову

свидетельства о поведении своем за последние пять лет, подписанные Иерусалимским, Антиохийским и Константинопольским патриархами, а также Афонскими архимандритами. По отзыву Барского, иеромонах Константин — «словесный муж в латинском учении». Константин Политанский проявил «особенную заботливость по украшению церкви», на что давал и свои денежные средства, отличался особенной ревностью к «божественной службе», почти каждый день служил литургию и два раза в неделю вел духовные беседы на русском и греческом языках. Однако 8 августа 1742 г. Константин Политанский¹⁴ по неизвестной причине сбежал к османам и «потурчился». В своем письме Киевскому архиепископу Рафаилу Заборовскому А.А. Вешняков сообщил о вероотступничестве Политанского, называя его «плутом», «изменником», «апостатом», «ренегатом» и «недостойным иеромонахом при дворцовой церкви».

Через несколько дней Константин Политанский раскаялся и отрекся от магометанства, «проклинал пророка Мухаммада, топтал и рвал все султанские дары», вследствие чего был казнен. 23 октября 1742 г. А.А. Вешняков в своем письме Киевскому архиепископу Рафаилу отметил, что Константин Политанский «чистым покаянием и кровию своею омыл, яко преждебывший христолюб, чем венчал славою его прежнюю ангельскую жизнь». Константин Политанский был причислен Константинопольской православной церковью к лику святых мучеников, а имя Константина внесено в Собор Афонских преподобных¹⁵.

К сожалению, впоследствии среди членов причта русской церкви в Константинополе был еще один случай отпадения от православной веры. Это произошло в 1820 г. с причетником Василием Ивановичем Савиным, который был командирован в Константинополь в 1818 г. Неизвестно, по какой причине, он убежал к османам и принял магометанство. Четыре года он «ходил в турецком платье и покрывался чалмой», а в 1824 г. возвратился в православие, «над ним был совершен чин присоединения иноверных, наложена на него двенадцатилетняя епитимия и сам он исключен из духовного звания»¹⁶.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1742. Д. 31. Дело о смене иеромонаха Константина Политанского при миссии в Константинополе находящегося другим из Киева определенным иеромонахом или вдовым священником купно с причетом и певчими церковными.

¹⁵ Антонов В.В., Кобак А.В. Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005. С. 354.

¹⁶ Здравомыслов К. Мученическая кончина иеромонаха Константина неаполитанского (К истории православной церкви в Константинополе) // Русский архив. № 9. 1894. С. 306–318.

Вид на Константинополь из нидерландского посольства в районе Пера.
Художник Ж.-Б. Ванмур. XVIII в.
Рейксмузеум (Амстердам)

Самым знаменитым русским богомольцем XVIII в. был уроженец Киева Василий Григорьевич Григорович-Барский¹⁷. Его предки были жителями города Бар Могилевского уезда Подольской губернии. В 1726–1728 гг. В.Г. Григорович-Барский посетил Иерусалим. В 1734 г. в Дамаске Антиохийский патриарх Сильвестр постриг его в монахи с именем Василий и посвятил в иподиаконы, а позже он поселился на острове Патмос, где прожил с 1736 по 1743 г.

В 1743 г. резидент в Константинополе А.А. Вешняков вызвал Григоровича-Барского в османскую столицу и предложил ему должность священника при посольской церкви и референта при дипломатической миссии, однако паломник-писатель отказался, так как намеревался преподавать греческий язык в Киево-Могилянской академии. А.А. Вешняков сообщил о Григоровиче-Барском и трудах его императрице Елизавете Петровне. В 1744–1746 гг. Григорович-Барский посетил Афон¹⁸. Однако, вернувшись в Константинополь, он не поладил с новым рези-

¹⁷ Использовал следующие псевдонимы: Василий Киевский, Василий Плака, Василий Плака-Альбов и др. Скончался в 1747 г. и был похоронен в Киево-Братском Богоявленском монастыре.

¹⁸ Григорович-Барский В. РГБ ОР. Ф. 299 («Собрание рукописных книг Н.С. Тихонова»). №. 437. Л. 1–349.

дентом А.И. Неплюевым (1746–1750 гг.), обвинившим его в грекофильстве и предательстве национальных интересов¹⁹. Образ В. Григоровича-Барского описан его братом, известным русским архитектором Иваном Григорьевичем Григоровичем-Барским, и помещен в предисловии к первому изданию путевых записок: «Портрета сего отца Василия нет, а приметамы был он таков: возраста высокого, волосы на голове и бороде черные без всякия седины, лицом смугл, телом дороден, брови черные, высокие, большие и почти вместе сошедшиеся, глаза острые, карие, нос короткий; как одеянием, так и произношением речей похож на грека, почему и мать его родная по возвращении его в дом после 24 лет путешествия не могла и чрез час в разговорах узнать; в прочем был нрава веселаго и шутливаго, любопытен ко всяким наукам и художествам, а наипаче к рисованию, и имел с детских лет охоту видеть чужие страны, и что самым делом исполнил». В 1778 г. светлейший князь Г.А. Потемкин поручил издать книгу Барского²⁰. Василий Григорович-Барский стал самым знаменитым русским паломником-писателем XVIII в.

Самым известным настоятелем посольской церкви в османской столице был архимандрит Леонтий (в миру Лука) Зелинский (1766–1799 гг.)²¹, посетивший Иерусалим в 1763–1766 гг. и описавший свое путешествие²². В 1763 г. иеромонах Полтавского Крестовоздвиженского монастыря Леонтий побывал в османской столице по дороге в Иерусалим и познакомился с резидентом в Константинополе А.М. Обресковым (1752–1768 гг.)²³.

В 1766 г. иеромонах Леонтий, рукоположенный Иерусалимским патриархом Ефремом в сан архимандрита, вернулся в Константинополь, где встретил своего земляка Степана Мельникова, служившего секретарем и драгоманом в российской дипломатической миссии на Босфоре. По протекции Мельникова он был определен на службу настоятелем

¹⁹ Якушев М.М. Резиденты и секретные агенты России в Константинополе 1721–1751 гг. // Исторический вестник. 2025. № 52. С. 80.

²⁰ Впоследствии книга неоднократно переиздавалась и в конце XIX в. вышла как научное издание для Императорского Православного Палестинского общества под названием «Странствование Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.». СПб., 1885–1887 гг.

²¹ Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

²² Леонтий (Зелинский). История жизни младшего Григоровича. Письма монаха Полтавского монастыря отцу Мартиниану / АВПРИ. Ф. 152 («Библиотека Азиатского департамента»). Оп. 505. Т. 6. 1766. Д. 11.

²³ Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-русских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018.

посольской церкви при дипломатическом представительстве России в Константинополе, заменив тяжелобольного иеромонаха Пахомия (1765 г.), который, в свою очередь, сменил на посту иеромонаха греческого происхождения Дорофея Возмуйлова, или Возмуйлоса (1759–1765 гг.)²⁴.

В начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. иеромонах Леонтий вместе с другими сотрудниками русской дипмиссии был посажен в Семибашенный замок, потом вместе с российским резидентом в Константинополе А.М. Обресковым полтора года сопровождал великого визиря в обозе османского войска. В 1771 г. Леонтий прибыл в Россию и с 1771 по 1775 г. жил в Киево-Печерской лавре, а в 1775 г. вернулся в Константинополь с посольством чрезвычайного и полномочного посла князя Н.В. Репнина (1775–1776 гг.), приехавшего в Константинополь на ратификацию Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В 1787 г., в связи с началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Леонтий вновь приехал в Россию, а после окончания войны вернулся в Константинополь. Иеромонах Леонтий, в своих сочинениях называвший себя полушутливо «младшим Григоровичем», стал одним из самых известных русских паломников-писателей XVIII в.

Посольский или министерский дом, где помимо жилых помещений находилась домовая посольская церковь, неоднократно перестраивался²⁵.

В конце XVIII в. в посольской церкви проходили богослужения и литургии, приуроченные к праздничным торжествам, связанным с императрицей Екатериной II и членами императорской семьи, на которых присутствовали чрезвычайный и полномочный посол князь М.И. Голенищев-Кутузов (1793–1794 гг.), прибывший в Константинополь на ратификацию Ясского мирного договора 1791/1792 г., его свита и сотрудники миссии²⁶.

Иеромонах Мелетий отметил, что среди церквей Константинополя есть «церковь российская в императорском министерском доме».

²⁴ Епископ Русской православной церкви (1787 г.): епископ Феодосийский и Мариупольский (1787–1790 гг.). Императрица Екатерина II лично подарила ему крест и панагию.

²⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1757. Д. 7. Дело о перестройке находящейся в казенном министерском в Константинополе доме церкви.

²⁶ Ранее, 22 сентября 1793 г., во время стоянки в лагере при Сан-Стефано М.И. Голенищев-Кутузов и его свита слушали «молебствие с коленопреклонением» по случаю годовщины восшествия на престол императрицы Екатерины II / АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1793–1794. Д. 777. Л. 128 об.

По его словам, 1 октября 1793 г., на праздник Пресвятой Богородицы, «в министерской домово́й церкви при отправлении божественной литургии, певчие посольства, в первый еще раз пели концерт»²⁷. Мелетий писал, что «дом российского посланника стоит на большей улице, которая почти от самого берега с полуденной стороны, хотя несколько не прямо, чрез все селения протягается на север, на самом высоком месте на левой стороне идучи от полудни», заметив, что «палаты стоят посреди двора... внутри двора за палатами на западной стороне имеется водособиралище, цистерна, которую сделал прежде бывший» чрезвычайный посланник и полномочный министр Я.И. Булгаков (1781–1787 гг.)²⁸, сменивший на посту А.С. Стахиева (1776–1781 гг.). По описанию Мелетия, домовая церковь Святых Антония и Феодосия Печерских, в которой «служба Божия отправляется по-славенски, довольно пространна, но видом смиренна»²⁹.

24 ноября 1793 г. по случаю тезоименитства императрицы Екатерины II свита посольства собралась в посольском доме, пошла в церковь «для слушания литургии», после которой прошел «молебен с коленопреклонением», причем «за здравие» императрицы Екатерины II «при возглашении многолетия» здесь находящиеся российские суда «по зделанному сигналу производили пушечную пальбу»³⁰. 12 декабря 1793 г. по случаю дня рождения великого князя Александра Павловича «в присутствии посла и всей свиты отправлялось литургии молебствие в посольской церкви». 13 января 1794 г. «в присутствии посла и свиты в церкви посольской отправлялось молебствие» по случаю дня рождения великой княгини Елизаветы Алексеевны. 4 февраля 1794 г. по случаю дня рождения великой княгини Марии Павловны в посольской церкви также «отправлялось молебствие»³¹.

Домовая церковь святых преподобных Антония и Феодосия Печерских просуществовала до 1808 г., а штат причта изменялся в 1743 и 1779 гг. Последними настоятелями посольской церкви были иеромонах Иерофей (1799–1801 гг.), архимандриты Самуил (1801–1804 гг.)

²⁷ Мелетий. Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительная Пустыни иеромонаха Мелетия в 1793–1794 годах / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 357 («Собрание Саровской пустыни»). Оп. 1. Д. 305. Л. 1–350 (черновой оригинал); М., 1800. С. 19–20.

²⁸ Там же. С. 34.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1793–1794. Д. 777. Л. 128 об., 284 об.

³¹ Там же. Л. 524, 525, 525 об.

и Вениамин (1804–1808 гг.). Русские паломники-писатели прапорщики братья Иван и Василий Вешняковы, а также их спутник Михаил Новиков, посетившие Константинополь в 1804 г. на пути в Иерусалим, упомянули о том, что в Пере, «в старом на высокой горе стоящем доме русского посланника», пребывали «пречестнейшие иноки» и «капелланы»: архимандрит Вениамин и иеродиакон Киево-Печерской лавры Епифаний, которые «оказывали» богомольцам «много благоприятства во всяких случаях»³².

В 1808 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе А.Я. Италинский (1802–1806 гг., 1812–1816 гг.) в своем донесении отмечал, что «посольский дом и помещавшаяся в нем церковь со всею утварью сторели», а служащие причта покинули османскую столицу и вернулись в Россию. Поэтому русские паломники-писатели подпоручик Илья Сысоев и его спутник Петр Хостов, посетившие Константинополь в 1817 г. на пути в Иерусалим, не упоминали ни о пострадавшей при пожаре домово́й церкви, ни о священнослужителях, окормлявших свою паству³³.

В 1808–1816 гг. из-за отсутствия посольского храма сотрудники дипломатической миссии посещали греческую церковь Влахернской Божией Матери в Айвансараяе, церковь Богородицы Радующейся в Балате и другие греческие храмы, в основном в Пере и Галате.

В 1816 г. по императорскому указу «в стране, населенной толиком обилием наших единоверцев и служившей колыбелью первобытному христианству, обязательно было богослужение, причем выбирались бы к такому месту духовные особы, которые соединяли бы свое учение с примером христианских добродетелей и оправдали бы благие намерения государя Императора»³⁴.

В 1818 г. при чрезвычайном посланнике и полномочном министре в Константинополе бароне Г.А. Строганове (1816–1821 гг.) в пригородном посольском доме в Буюкдере на втором этаже «древесного

³² Вешняков И.И. Путевые записки во Святой Град Иерусалим и окрестности оно́го Кадужской губернии дворян Вешняковых и ме́дынского купца Новикова в 1804–1805 гг. М., 1813. С. 5, 11, 14.

³³ Сысоев И.С. Путевые записки во Святой град Иерусалим и его окрестности Новгородской губернии города Старой Руссы подпоручика Ильи Степановича Сысоева и крестьянина Петра Хостова в 1817–1818 гг. / РНБ ОР (Российская национальная библиотека Отдел рукописей. Ф. 536 («Собрание Общества любителей древней письменности»). № 623.

³⁴ Шкаровский М.В. Русские православные общины в Турции // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета (ПСТГУ). 2009. Вып. 1 (30). С. 21.

флигеля посольской канцелярии был устроен маленький храм» святых равноапостольных царя Константина и матери его Елены, ставший второй постоянной домовою церковью российской дипломатической миссии на Босфоре³⁵. Первым настоятелем нового посольского домового храма был иеромонах Мелхиседек (1818–1821 гг.). Паломник-писатель К.И. Бронников (1820–1821 гг.), посетивший Константинополь в 1820 г. по дороге в Иерусалим, оставил сведения о домовою церкви и иеромонахе Мелхиседеке. По описанию К.И. Бронникова, «Его Высокопреподобие отец Мелхиседек» принял русского богомольца «как родственника». По его словам, «в придворной церкви было малое повечерие... церковь немалая и красивая, утвари довольно»; с вечера было всенощное бдение с благоговением, поутру водоосвящение, в 9 часов утра начались часы и проскомидия; «во время часов» чрезвычайный посланник и полномочный министр Г.А. Строганов «со всеми находящимися при посольстве чиновниками прибыл в церковь, иностранных членов довольно было, началась литургия, и после оной молебн Святому Александру Невскому с канонем и потом многолетие»³⁶.

Дипломатическое представительство России в османской столице располагалось в Буюкдере только в летнее время года, а зимой оно переезжало в Перу. Российские дипломаты «нанимали» квартиры в центральной части Константинополя: сначала в доме Фонтана, а потом в доме Франкини. В зимнее время года сотрудники дипломатической миссии посещали греческую церковь Кафийской Божией Матери.

В 1838 г. при чрезвычайном посланнике и полномочном министре А.П. Бутенева (1830–1843 гг.) в Пере состоялась закладка посольского дома для зимнего пребывания, в котором была «устроена» третья постоянная посольская церковь — святителя Николая Чудотворца. В 1845 г. при чрезвычайном посланнике и полномочном министре в Константинополе В.П. Титове (1843–1853 гг.) церковь, расположенная на третьем («верхнем») этаже нового строения дипломатической миссии в Пере, была освящена.

³⁵ Шкаровский М.В. Русские церковные общины на территории Турции (Османской империи) в XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2 (33–34). С. 176.

³⁶ Бронников К.И. Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824. С. 9–10.

Таким образом, с начала XVIII в. посольские церкви в Константинополе, будучи составными частями дипломатической миссии России на Босфоре, были форпостами русского духовного присутствия в регионе, а служившие в них или описавшие их священнослужители и церковнослужители оставили свой след в истории русской дипломатии на Ближнем Востоке и русского паломничества на Святую землю.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Антонов В.В., Кобак А.В. *Русские храмы и обители в Европе*. СПб.: Лики России, 2005. 399 с.
Antonov V.V., Kobak A.V. *Russian churches and monasteries in Europe*. St. Petersburg: Liki Rossii, 2005. 399 p. (in Russ.).
2. Бронников К.И. *Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершённое в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кириллом Бронниковым*. М.: Тип. С. Селивановского, 1824. 287 с.
Bronnikov K.I. *A journey to the Holy places located in Europe, Asia and Africa, made in 1820–1821 by Kir Bronnikov, a resident of the village of Pavlovo*. Moscow: Typography of S. Selivanovskiy, 1824. 287 p. (in Russ.).
3. Вешняков И.И. *Путевые записки во Святой Град Иерусалим и окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804–1805 гг.* М.: Университетская типография, 1813. 212 с.
Veshnyakov I.I. *Travel notes to the Holy City of Jerusalem and its environs by the Veshnyakov nobles of Kaluga province and the Medyn merchant Novikov in 1804–1805*. Moscow: University printing house, 1813. 212 p. (in Russ.).

4. Здравомыслов К. Мученическая кончина иеромонаха Константина неаполитанского (К истории православной церкви в Константинополе). *Русский архив*. 1894;(9):306–318.
Zdravomyslov K. The martyrdom of the Neapolitan Hieromonk Constantine (Towards a history of the Orthodox Church in Constantinople). *Russkiy Arkhiv*. 1894;(9):306–318 (in Russ.).
5. Кириллина С.А. *Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий*. М.: Изд-во ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; Ключ-С, 2010. 564 с.
Kirillina S.A. «Enchanted wanderers»: *The Arab-Ottoman world through the eyes of Russian pilgrims of the 16th–18th centuries*. Moscow: Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University; Klyuch-S, 2010. 564 p. (in Russ.).
6. Лукьянов Иоанн. Хождение в Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова (1701–1703). *Русский архив*. 1863. Вып. 1–5.
Lukyanov Ioann. The pilgrimage to the Holy Land of the Moscow priest Ioann Lukyanov (1701–1703). *Russkiy Arkhiv*. 1863. Iss. 1–5 (in Russ.).
7. Сильвестр (Диканский) и Никодим. Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г. *Труды Киевской духовной академии*. 1883;2(5).
Sylvester (Dikansky) and Nikodim. Description of the journey of the Hieromonks of Rykhlovsky St. Nicholas monastery Sylvester and Nikodim to Tsargrad and Jerusalem in 1722. *Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii*. 1883;2(5) (in Russ.).
8. Шкаровский М.В. Русские православные общины в Турции. *Вестник Православного Свято-Тихоновского университета (ПСТГУ)*. 2009;30(Вып. 1):21–34.
Shkarovsky M.V. Russian Orthodox communities in Turkey. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2009;30(Iss. 1):21–34 (in Russ.).
9. Шкаровский М.В. Русские церковные общины на территории Турции (Османской империи) в XVIII–XX вв. *Вестник церковной истории*. 2014;33–34(1–2):176–230.
Shkarovsky M.V. Russian church communities on the territory of Turkey (the Ottoman Empire) in the 18th–20th centuries. *Vestnik Tserkovnoi Istorii*. 2014;33–34(1–2):176–230 (in Russ.).
10. Якушев М.М. «Приятели ево работают великому государю в чем могут усердно». Иностранцы на русской службе в Царьграде

в первой четверти XVIII века. *Военно-исторический журнал*. 2025;(8, авг.):20.

Yakushev M.M. «His friends work diligently for the Great sovereign in whatever they can»: foreigners in Russian service in Tsargrad in the first quarter of the 18th century. *Voенно-Istoricheskii Zhurnal*. 2025(8, Aug.):20 (in Russ.).

11. Якушев М.М. Резиденты и секретные агенты России в Константинополе 1721–1751 гг. *Исторический вестник*. 2025;(52):80–97.

Yakushev M.M. Russian residents and secret agents in Constantinople, 1721–1751. *Historical Reporter*. 2025;(52):80–97 (in Russ.).

12. Якушев М.М. *Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-русских отношений (1774–1847 гг.)*. М.: Индрик, 2018. 512 с.

Yakushev M.M. *Russian Orthodox pilgrimage to the Middle East in the context of Ottoman–Russian relations (1774–1847)*. Moscow: Indrik, 2018. 512 p. (in Russ.).

Якушев Михаил Михайлович
Mikhail M. Yakushev

кандидат исторических наук,
советник Историко-документального
департамента Министерства
иностраных дел Российской Федерации,
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
SPIN-code: 8178-3806,
AuthorID:875714

Ph.D. in History, Advisor to the Historical
and Documentary Department of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, senior researcher at the
Institute of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences
SPIN-code: 8178-3806,
AuthorID:875714

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
15.12.2025

DOI: 1111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

Янь Цзунь, Е.И. Волгин

*кафедра общественных движений и политических партий МГУ,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: 563771319@qq.com; plytony@yandex.ru*

Китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1979 г. в контексте советско-китайского противостояния

Аннотация

Данное исследование предлагает важные ключи к пониманию современной динамики в отношениях Китая с Вьетнамом и Россией. Китайско-вьетнамский конфликт конца 1970-х гг. представляет собой значительный пример противоречий между социалистическими государствами. При этом важно подчеркнуть, что данный конфликт имел глубокие исторические предпосылки, а его ключевым катализатором, помимо двусторонних разногласий, стали уже испорченные к тому моменту китайско-советские отношения. Таким образом, настоящее исследование открывает ценные перспективы для анализа эволюции китайско-советских (российских) отношений, трансформации китайско-вьетнамского взаимодействия и изменений геополитического ландшафта в Юго-Восточной Азии.

Данная статья исследует, как после объединения Вьетнама национальные интересы Китая и Вьетнама эволюционировали от совпадения к фундаментальному конфликту, в результате чего разногласия по практическим интересам превзошли традиционные идеологические связи. Анализируются ключевые противоречия: территориальные споры, проблема хуацяо и борьба за влияние в Кампучии. Особое внимание уделяется роли советско-китайского раскола, когда Москва путем военной помощи и политического союза с Ханоем способствовала сдерживанию Китая.

В заключение раскрывается, что китайско-вьетнамское сотрудничество изначально имело непрочную основу и было обусловлено общей стратегической необходимостью в период до объединения Вьетнама. После 1975 г. геополитическая ситуация кардинально изменилась: объединенный Вьетнам стал проводить более независимую внешнюю политику, а углубляющийся советско-китайский раскол создал условия для переориентации Ханоя. В этих условиях Вьетнам выбрал курс на сближение с Советским Союзом, что привело к формированию де-факто антикитайского альянса и окончательной конфронтации с Китаем в конце 1970-х гг.

Ключевые слова:

Китай; Вьетнам; Советский Союз; раскол СРВ и КНР; внешняя политика Китая; китайско-вьетнамские отношения; Третья Индокитайская война; советская политика в Азии

Для цитирования:

Янь Цзунь, Волгин Е.И. Китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1979 г. в контексте советско-китайского противостояния // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 278–301. DOI: 111111111111111111

—
Yan Zun, Evgeny I. Volgin

*Department of Social Movements and Political Parties,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: 563771319@qq.com; plytony@yandex.ru*

The 1979 Sino-Vietnamese Armed Conflict in the Context of Soviet-Chinese Confrontation

Abstract

This study offers important clues to understanding the current dynamics of China's relations with Vietnam and Russia. The Sino-

Vietnamese conflict of the late 1970s represents a significant example of the contradictions between socialist states. It is important to emphasize that this conflict had deep historical antecedents, and its key catalyst, in addition to bilateral disagreements, was the already damaged Sino-Soviet relations. Thus, this study opens valuable perspectives for analyzing the evolution of Sino-Soviet (Russian) relations, the transformation of Sino-Vietnamese interactions, and the changing geopolitical landscape in Southeast Asia.

This article examines how, after the unification of Vietnam, the national interests of China and Vietnam evolved from convergence to fundamental conflict, resulting in differences over practical interests surpassing traditional ideological ties. Key contradictions are analyzed: territorial disputes, the issue of the Chinese diaspora (Huaqiao), and the struggle for influence in Kampuchea. Particular attention is given to the role of the Sino-Soviet split, when Moscow, through military aid and a political alliance with Hanoi, contributed to the containment of China.

The article concludes by revealing that Sino-Vietnamese cooperation was initially fragile and was driven by shared strategic imperatives in the period before Vietnam's unification. After 1975, the geopolitical situation changed dramatically: a unified Vietnam began to pursue a more independent foreign policy, and the deepening Sino-Soviet split created the conditions for Hanoi's reorientation. Under these circumstances, Vietnam chose a course of rapprochement with the Soviet Union, which led to the formation of a de facto anti-Chinese alliance and a final confrontation with China in the late 1970s.

Keywords:

China; Vietnam; Soviet Union; split of Vietnam and China; Chinese foreign policy; Sino-Vietnamese relations; Third Indochina War; Soviet policy in Asia

For citation:

Yan Zun, Evgeny I. Volgin. The 1979 Sino-Vietnamese Armed Conflict in the Context of Soviet-Chinese Confrontation // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 278–301. DOI: !!!!!!!!!!!

Вооруженный конфликт 1979 г. между Китаем и Вьетнамом представляет собой масштабное региональное противостояние, имевшее значительные последствия. Его формальной причиной стали территориальные и пограничные споры, однако глубинная сущность отражала идеологические разногласия внутри социалистического лагеря и столкновение стратегических интересов. Под воздействием реальных геополитических факторов ранее существовавшая «пролетарская революционная дружба» уступила место военному противостоянию, продолжавшемуся около десяти лет.

Всестороннее исследование данного конфликта обладает значительной академической ценностью. Это событие является ключевым элементом для понимания дипломатического курса Китая на начальном этапе политики реформ и открытости, которое также повлияло на формирование стратегической ориентации Вьетнама в период обновления «Дой Мой». Более того, китайско-вьетнамское столкновение явилось следствием различий во внешнеполитических подходах Пекина и Москвы в конце 1970-х гг. и может послужить важным ориентиром для исследования отношений этих стран.

Объектом исследования являются китайско-вьетнамские отношения в 1975–1979 гг., а предметом — влияние советско-китайского противостояния на эскалацию двустороннего конфликта и возникновение войны 1979 г. Цель работы — выявить механизмы, через которые глобальный советско-китайский раскол трансформировал противоречия между КНР и СРВ и привел к вооруженному конфликту. Для этого анализируются изначальные китайско-вьетнамские противоречия; исследуется, как советский фактор (дипломатическая поддержка, военно-экономическая помощь) усугубил их и радикализовал позиции сторон; определяется роль СССР как «стратегического тыла» Вьетнама в ходе войны и оценивается влияние советско-китайского соперничества на тупиковый характер послевоенных переговоров.

Научная новизна работы заключается в применении трехстороннего (КНР-СССР-СРВ) подхода на основе разнообразных, включая малоиспользованные в отечественной науке китайские, источников (внутренние документы, годовые дипломатические сборники). Впервые в российском научном дискурсе комплексно исследуется региональный аспект советско-китайского противостояния, где китайско-вьетнамская война и кампучийский кризис рассматриваются как взаимосвязанные следствия единой логики борьбы за сферы влияния.

В основе работы лежат историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный методы. Первый выявляет преемственность в политике сторон после 1975 г. как продолжение логики Второй Индокитайской войны. Второй позволяет анализировать КНР, СССР и СРВ как три взаимодействующие системы, а их отношения — как подсистемы. Третий используется для сопоставления официальных позиций Китая и Вьетнама с целью реконструкции механизмов эскалации.

На теоретическом уровне исследование опирается на концепции «треугольной дипломатии» и «региональной гегемонии». Китай и СССР, борясь за доминирование в Юго-Восточной Азии, действовали как гегемонистские соперники. Вьетнам, занимая более слабую позицию в треугольнике, применял стратегию балансирования для защиты своих интересов.

Эскалация китайско-вьетнамского конфликта

Идеологические лозунги о дружбе и солидарности не смогли заслонить собой нараставшие противоречия в сферах национальных интересов и региональной безопасности. Оба государства, твердо отстаивая свои стратегические позиции, вступили в соперничество за доминирование, что и привело к глубокой напряженности в их двусторонних связях. Прежде всего, это был территориальный спор. Сухопутная граница между Китаем и Вьетнамом долгое время оставалась спорной, но главные противоречия были особенно остро связаны именно с морскими границами. Претензии обеих сторон на морские границы в Южно-Китайском море (особенно на острова Парасель и Спратли) существенно пересекались. По вопросу территориального суверенитета в Южно-Китайском море обе стороны заняли диаметрально противоположные позиции.

После объединения Вьетнама в 1975 г. власти страны установили контроль над шестью объектами в архипелаге Спратли. В мае 1975 г. Министерство иностранных дел Китая направило официальный протест посольству Вьетнама, решительно отвергнув территориальные претензии Вьетнама на острова Спратли. В ответ 3 июня 1975 г. МИД Вьетнама опубликовало заявление, в котором подтвердило свой суверенитет над архипелагами Чьонгша (Спратли) и Хоангша (Парасель).

В ходе визита Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана в Китай в сентябре 1975 г. китайские лидеры вновь четко и твердо выразили свою позицию, отвергнув вьетнамские претензии. Стремясь снизить напря-

Ле Зуан.

Из открытых источников

женность, 10 ноября 1975 г. Вьетнам предложил Китаю прекратить публичную полемику по спорным вопросам и найти путь к урегулированию разногласий. Однако Китай решительно отверг это предложение, считая свой суверенитет над Южно-Китайским морем неоспоримым¹.

Постепенно нарастала напряженность вдоль китайско-вьетнамской сухопутной границы. Китай и Вьетнам приводят различные данные о количестве пограничных инцидентов. Так, по оценкам китайской стороны, в 1975 г. было зафиксировано 439 инцидентов, в то время как вьетнамская сторона сообщает лишь о 234 (что тоже немало). В 1978 г. разногласия между странами усугубились: Китай указывает на 1108 случаев, тогда как Вьетнам — уже на 2175^{2, 3}. Притом что статистические оценки сторон кардинально различаются, их общая риторика совпадает в части взаимных обвинений в провокации. Ультимативный характер территориальных претензий с обеих сторон привел к перманентному нарастанию числа пограничных инцидентов, что в конечном счете сыграло критическую роль в окончательной деградации двусторонних отношений.

¹ Редакционный комитет «Дипломатия современного Китая». Дипломатия современного Китая. Пекин: Издательство «Современный Китай», 2009. С. 230.

² Ся Исянь. История дипломатии Китая нового времени 1949–1995. Пекин: Издательство «Молодежь Китая», 1997. С. 329.

³ Отдел по связям Политического управления Чэндуского военного округа, Институт исследований Юго-Восточной Азии Академии общественных наук провинции Юньнань (сост.). Сборник материалов по вьетнамской проблеме: 1975–1986 (Часть 1). Чэнду, 1987. С. 237.

Наконец, еще одна проблема, связанная с диаспорами (хуацяо), также стала серьезным фактором углубления раскола между Пекином и Ханоем. Согласно китайским данным, до объединения Вьетнама в Северном Вьетнаме проживало около 300 тыс. хуацяо, а в Южном — примерно 1,5 млн. В ответ на рост китайской диаспоры вьетнамские власти инициировали политику «вьетнамизации». Одной из мер ее реализации стало закрытие 3 сентября 1976 г. единственной в стране ежедневной газеты на китайском языке «Синь Юэ Хуа Бао».

В рамках политики интеграции вьетнамское руководство применяло меры административного характера, побуждавшие этнических китайцев к получению вьетнамского гражданства. Ключевым инструментом стало введение профессиональных ограничений для лиц, сохранявших гражданство КНР. Им был запрещен доступ к работе в ряде отраслей, включая рыболовство, лесное хозяйство, полиграфическое производство, а также в сферах, связанных с использованием коммуникационной техники (радио, телевидение), управлением транспортными средствами и судами⁴. В отношении китайских эмигрантов, отказавшихся от политики «вьетнамизации», вьетнамские власти применяли меры принудительного характера: переселение или депортацию. К концу 1977 г. в результате этой политики более 40 тыс. хуацяо были репатриированы в Китай⁵.

В период существования Южного Вьетнама капитал этнических китайцев играл доминирующую роль в ключевых секторах экономики. Согласно вьетнамским источникам, на него приходилось приблизительно 80 % в обрабатывающей промышленности, 100 % в оптовой торговле, 50 % в розничной торговле, 80 % банковских кредитов и около двух третей общих годовых инвестиций⁶. После объединения Вьетнама китайская диаспора, рассматривавшаяся в рамках кампании по борьбе с капиталистическими элементами, подверглась экспроприации собственности. По оценкам Шанхайского общества истории китайцев, проживающих за рубежом, финансовые потери данной общины (исключая недвижимость) составили не менее 3 млрд долл. в США⁷. Китай рассматривал действия Вьетнама как антикитайскую политику, в то время как Вьетнам рассматривает это как часть своей социалистиче-

⁴ Мурашева Г.Ф. Политика КНР в странах Индокитая (1975–1985 гг.): Вьетнам, Лаос, Камбоджа // Народы Азии и Африки. 1981. № 4. С. 131–167. С. 150.

⁵ Го Мин. Эволюция китайско-вьетнамских отношений за последние 40 лет. Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1992. С. 122.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Там же. С. 129.

ской трансформации. В условиях обострения отношений между двумя странами Ханой рассматривает поддержку Китаем своих диаспор как средство «гегемонии» и вмешательства во внутренние дела страны.

Для обеих сторон этот вопрос имеет принципиальное значение, что обусловило их жесткие и бескомпромиссные позиции. Различия в политических подходах и стратегическом видении Пекина и Ханоя еще более углубили существующий раскол, усиливая системное противоречие в их отношениях. В условиях нараставшего давления и стратегического дисбаланса Ханой действительно оказался перед сложным выбором: сохранять жесткую линию в ущерб национальным интересам или искать внешние точки опоры. Ориентация на Москву стала для Вьетнама не столько идеологическим решением, сколько прагматичной стратегией выживания в контексте регионального соперничества. Однако в контексте советско-китайского раскола этот шаг был воспринят Пекином как прямая угроза, что лишь ужесточило его позицию и углубило региональный кризис.

Советский фактор в эволюции китайско-вьетнамского конфликта

После ухода США из Индокитая Китай и СССР перестали сотрудничать по вопросу Вьетнама. Их соперничество превратилось в борьбу за влияние в Юго-Восточной Азии, и Вьетнам стал главным призом в этой борьбе. В результате Вьетнам получил некоторую свободу действий, но был вынужден очень аккуратно выстраивать отношения с обеими могущественными странами.

В этой обстановке визит Ле Зуана в Пекин в сентябре 1975 г. стал настоящей лакмусовой бумажкой. Китайцы прямо предложили Вьетнаму стратегию совместной борьбы с «гегемонией» СССР, но Ле Зуан отреагировал уклончиво, заговорив о «единстве социалистических стран». Более того, пытаясь сохранить баланс, генсек КПВ сразу же направился в Москву. Уже через два дня была подписана «Совместная советско-вьетнамская декларация», где Вьетнам хвалил внешнюю политику СССР и намеренно обходил молчанием Китай⁸.

С китайской точки зрения, такие действия Ханоя были прямым вызовом внешнеполитическому курсу Пекина и усугубили его опасения по поводу растущего советско-вьетнамского сближения. В этой связи Мао Цзэдун даже заявлял, что Вьетнам может стать «орудием совет-

⁸ «Правда». 1975. 31 октября.

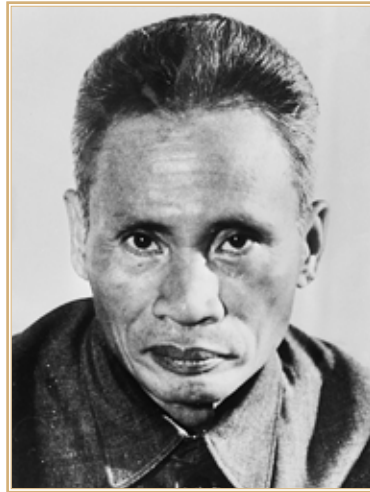
Мао Цзэдун.

Из открытых источников

ского империализма в Азии»⁹. В качестве ответной меры Китай пошел на сокращение помощи Вьетнаму, официально объяснив это «внутренними экономическими трудностями». В то же время Советский Союз, активно освещая успехи переговоров с Вьетнамом на страницах «Правды», еще больше наращивал свою поддержку Ханюю. После 1975 г. позиция Пекина в отношении Вьетнама претерпела изменения: китайское руководство, более не считая приемлемым тесное сотрудничество Ханюя с Москвой, начало открыто призывать Вьетнам присоединиться к антисоветской коалиции. В ответ Советский Союз, оказывая давление на Пекин, активно пропагандировал идею «нерушимой советско-вьетнамской дружбы». В результате великодержавное противостояние между Китаем и СССР переместилось на площадку Индокитая, сделав Вьетнам его центральным элементом. Это положило конец уникальному периоду, когда Вьетнам одновременно получал масштабную поддержку от обеих коммунистических держав.

Хотя Вьетнам в своей внешней политике и тяготел к Москве, он пытался сохранять определенный нейтралитет и в отношении Пекина. Эта стратегия стала несостоятельной после апреля 1977 г., когда эскалация пограничного конфликта с Кампучией привела к резкому охлаждению между Ханюем и Пекином. Получив уведомления от обеих сторон, Пе-

⁹ Мурашева Г.Ф. Политика КНР в странах Индокитая (1975–1985 гг.): Вьетнам, Лаос, Камбоджа // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1981. № 4. С. 131–167; Го Мин. 1992. С. 132.

Фам Ван Донг.
Из открытых источников

кин, стремясь избежать чьей-либо стороны, избрал уклончивую позицию. Китай воздержался от каких-либо публичных заявлений, однако в закрытом порядке довел до сведения как Вьетнама, так и Кампучии, что не намерен вмешиваться в их двусторонний спор¹⁰.

Однако уклончивая позиция Пекина привела к парадоксальному результату: она фактически подтолкнула Вьетнам в объятия Москвы. Уже в мае 1977 г. премьер-министр Фам Ван Донг посетил советскую столицу, где стороны договорились об усилении стратегической координации на международной арене и открытии новых направлений военного сотрудничества. Наиболее значимым итогом стало получение Советским Союзом доступа к вьетнамским объектам военного назначения. 18 июля 1977 г. советская военная делегация во главе с главным маршалом авиации П.С. Кутаховым тайно посетила Дананг, Камрань и другие бывшие американские базы. Вскоре после этого в заливе Камрань была развернута крупная советская военно-морская и авиационная база. Кроме того, в результате нескольких раундов переговоров Вьетнам и СССР достигли стратегического соглашения о совместных действиях по свержению режима Пол Пота. В свете этой договоренности Советский Союз резко изменил свою риторику, начав открыто осуждать внутреннюю и внешнюю политику «красных кхмеров»¹¹.

¹⁰ Ван Тайтин. 50 лет дипломатии нового Китая. Ч. 1. Пекин: Пекинское издательство, 1999. С. 195.

¹¹ Самородный О. Пол Пот. Камбоджа — империя на костях? М.: Родина, 2025. С. 123.

Павел Степанович Кутахов.
Из открытых источников

Действия Вьетнама спровоцировали резкую реакцию Пекина. На состоявшемся в конце июля 1977 г. III пленуме ЦК КПК десятого созыва Вьетнам в закрытых обсуждениях был впервые назван агрессивным «региональным гегемоном», что ознаменовало кардинальное ужесточение китайской риторики¹² [4, с. 144]. 30 июля 1977 г. министр иностранных дел Китая Хуан Хуа публично выразил поддержку Кампучии, заявив: «Мы поддерживаем борьбу Кампучии против советского социал-империалистического ревизионизма и не останемся сторонними наблюдателями»¹³. Хотя министр иностранных дел Китая в своей речи и не упомянул Вьетнам прямо, ее подтекст содержал недвусмысленное предупреждение в адрес Ханоя.

Несмотря на то, что разногласия между Китаем и Вьетнамом не предавались огласке, с лета 1977 г. их «братская дружба» сохранялась лишь на бумаге, выродившись в пустую формальность. Так что в ноябре 1977 г. визит Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана в Пекин был воспринят как последняя попытка предотвратить окончательный разрыв между Китаем и Вьетнамом. Однако позиции сторон кардинально различались: Китай по-прежнему стремился склонить Вьетнам к своей антигегемонистской (по сути, антисоветской) линии. Вьетнам, в свою оче-

¹² Мурашева Г.Ф. Политика КНР в странах Индокитая (1975–1985 гг.): Вьетнам, Лаос, Камбоджа // Народы Азии и Африки. 1981. № 4. С. 131–167. С.144.

¹³ Самородный О. Пол Пот. Камбоджа — империя на костях? М.: Родина, 2025. С. 125.

Хуан Хуа.
Из открытых источников

редь, рассчитывал, что Пекин окажет сдерживающее влияние на «красных кхмеров» и займет его сторону в конфликте с Кампучией. Визит Ле Зуана находился под пристальным наблюдением Москвы. В качестве демонстрации поддержки советская газета «Правда» специально опубликовала заявление вьетнамского лидера, в котором тот отказывался от вступления в какой-либо антисоветский альянс¹⁴.

Однако возобновление пограничного конфликта между Кампучией и Вьетнамом 16 декабря 1977 г. окончательно похоронило последние попытки по сохранению китайско-вьетнамской дружбы. Китай занял жесткую позицию, осудив ввод вьетнамских войск на территорию Кампучии и отклонив требования Вьетнама о совместных действиях по оказанию политического давления на Демократическую Кампучию. В январе 1978 г. китайское правительство выступило с официальным заявлением, в котором потребовало немедленного вывода вьетнамских войск с территории Кампучии и призвало к разрешению конфликта за столом переговоров¹⁵.

В рамках этой конфронтации Советский Союз демонстрировал полную поддержку Вьетнаму и явно надеялся спровоцировать его на более решительные шаги в неповиновении китайским предостережениям.

¹⁴ «Правда». 1977. 22 ноября.

¹⁵ Го Мин. Эволюция китайско-вьетнамских отношений за последние 40 лет. Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1992. С. 161.

Иван Григорьевич Павловский.
Из открытых источников

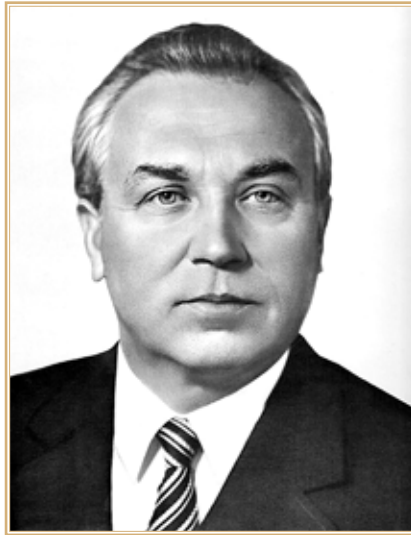
В январе 1978 г. советский военачальник Иван Павловский, обращаясь к вьетнамцам, предельно кратко сформулировал эту мысль: «Сделайте Чехословакию»¹⁶. Иными словами, он предлагал осуществить в Пномпене сценарий, аналогичный вводу советских войск в Прагу в 1968 г.

В результате конфликта для Ханоя стало очевидно, что главным препятствием в кампучийском вопросе является Пекин. В свою очередь китайское руководство окончательно убедилось в том, что военно-политический союз между Вьетнамом и Советским Союзом стал свершившимся фактом. В феврале 1978 г. в результате переговоров Г.В. Романова с вьетнамским руководством СССР добился важного успеха: Вьетнам принял решение окончательно встать на сторону Советского Союза в его противостоянии с Китаем. Этот шаг привел к открытому разрыву китайско-вьетнамских отношений. Немедленной реакцией стало заявление вьетнамского государственного радио «Радио Ханоя» от 21 февраля 1978 г. Здесь прозвучала критика в адрес «некой крупной державы», которую обвинили в инструментализации Кампучии с целью агрессии против Вьетнама¹⁷.

После того как Ханой окончательно встал на путь союза с СССР против Китая, его позиция в спорных с Пекином вопросах стала заметно ужесточаться. Это проявилось, в частности, в двух ключевых моментах:

¹⁶ Самородный О. Пол Пот. Камбоджа — империя на костях? М.: Родина, 2025. С. 124.

¹⁷ Там же. С. 125.

Григорий Васильевич Романов.
Из открытых источников

эскалации напряженности на китайско-вьетнамской границе и начале массового исхода этнических китайцев из страны. Согласно статистическим данным, к концу 1978 г. более 200 тыс. чел. этой этнической группы были вынуждены бежать или вернуться в Китай¹⁸.

Пользуясь советской поддержкой, вьетнамская сторона отошла от своей прежней сдержанной позиции на переговорах, начав открыто и в резкой форме осуждать внешнеполитический курс Китая. Уже на первом раунде переговоров в Ханое (июнь — июль 1978 г.) китайская и вьетнамская делегации перешли к открытой конфронтации. Вьетнам обвинил Пекин в организации политического заговора под видом «кризиса беженцев», целью которого было разрушение вьетнамской экономики и социалистического строя. В ответ Китай категорически отверг эти обвинения, охарактеризовав ситуацию как «управляемую, спланированную и целенаправленную» антикитайскую акцию со стороны Ханоя¹⁹.

В ходе второго раунда китайско-вьетнамских переговоров 8 августа 1978 г. вьетнамская сторона резко ужесточила риторику, публично обвинив китайскую диаспору (хуацяо) в роли «пятой колонны», проводящей политику Пекина в регионе. Эти обвинения, широко тиражируемые официальными СМИ Вьетнама, были восприняты Китаем как

¹⁸ Го Мин. Эволюция китайско-вьетнамских отношений за последние 40 лет. Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1992. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 130.

превращение переговоров в инструмент пропаганды. Ввиду полного отсутствия прогресса 26 сентября глава китайской делегации Чжун Сидун предложил бессрочно приостановить встречи, после чего делегация покинула страну.

Летом 1978 г. китайско-вьетнамский раскол стал свершившимся фактом. Китай последовательно свернул экономическую помощь Вьетнаму, отозвав своих экспертов. Знаковым событием стало посещение Пекина кампучийской военной делегацией во главе с Сон Сенном в июле 1978 г., после чего Китай первый раз открыто заявил о поддержке сопротивления вьетнамскому режиму в Кампучии²⁰. Кульминацией этой информационной кампании стала публикация 1 августа 1978 г. в газете «Жэньминь жибао» программной статьи, где Вьетнам впервые был публично назван «мелким гегемоном» и «Кубой Востока», что символизировало его окончательную идентификацию в китайской официальной риторике как сателлита СССР и регионального противника.

Параллельно Вьетнам активизировал получение от СССР необходимой политической, экономической и военной поддержки, которая в критической степени обеспечила возможность проведения масштабной военной операции по свержению режима Пол Пота в Кампучии. Важным шагом в этом процессе стало вступление Вьетнама в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) на 32-й конференции этой организации в Бухаресте в 1978 г. Идеологическим же оформлением этого курса послужил четвертый пленум ЦК КПВ четвертого созыва, состоявшийся в июле того же года. На нем был совершен решительный поворот во внешнеполитической доктрине: Китай впервые был официально обозначен как «прямой враг» и «враг номер один»²¹. Именно тогда была сформулирована стратегическая установка, определявшая США как «долгосрочного врага», а Пекин и Кампучию — как «прямых врагов»²². 4 ноября 1978 г. состоялось подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Вьетнамом. Согласно условиям данного документа, СССР получал правовые основания для прямого вмешательства в возможные «китайские угрозы» на Индокитайском полуострове.

²⁰ Ван Тайпин. 50 лет дипломатии нового Китая. Ч. 1. Пекин: Пекинское издательство, 1999. С. 195.

²¹ Редакционный комитет «Дипломатия современного Китая». Дипломатия современного Китая. Пекин: Издательство «Современный Китай», 2009. С. 243.

²² Там же. С. 339.

Следствием этой конфронтации стало формирование в Индокитае двух противоборствующих блоков: советско-вьетнамского и китайско-кампучийского. Обе стороны при активном содействии своих союзников начали ускоренную милитаризацию.

Масштабы военной поддержки были значительными. К концу 1978 г. Китай поставил Кампучии (Демократической Кампучии) военное вооружение, включая четыре патрульных катера, 200 танков, 300 артиллерийских орудий, 30 тыс. тонн боеприпасов, шесть истребителей и два бомбардировщика. Кроме того, на территории Кампучии находилось около 15 тыс. китайских технических специалистов и военных советников²³.

Со своей стороны Советский Союз предпринял шаги по укреплению вооруженных сил Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). СССР передал Вьетнаму две подводные лодки, один эсминец, большое количество патрульных судов и четыре эскадрильи истребителей МиГ-21. К концу 1978 г. общий объем советской военной помощи Вьетнаму достиг 75 млн долл.²⁴

Под предлогом реакции на ситуацию в Кампучии Китай развернул масштабную подготовку к конфликту с Вьетнамом. После скрытой переброски войск осенью 1978 г. 8 декабря Центральный военный совет официально отдал приказ о подготовке к войне. К 10 января 1979 г. эта подготовка была завершена: в приграничных районах была развернута группировка общей численностью 325 тыс. военнослужащих, из которых 225 тыс. составляли боевые подразделения²⁵. Однако, несмотря на получение от Советского Союза гарантий военной безопасности, Вьетнам остался непреклонен и, как и планировалось, 25 декабря 1978 г. начал полномасштабное наступление на Демократическую Кампучию, собрав для этого 250-тысячную группировку.

Опираясь на военную поддержку Москвы, Вьетнам взял курс на окончательный разрыв с Пекином. Его политика, направленная на утверждение своих региональных интересов (включая борьбу за влияние в Кампучии), приобрела жесткий, а в ряде случаев и вооруженный характер. Эта серия конфронтационных шагов, подогреваемая территориальными спорами и проблемами с диаспорой, была воспринята

²³ Kiernan B. *The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979*. New Haven; London: Yale University Press, 2008. P. 379.

²⁴ Самородный О. Пол Пот. Камбоджа — империя на костях? М.: Родина, 2025. С. 123.

²⁵ Ли Чуанхуэй. Десять лет китайско-вьетнамской войны. Кн. 1. Гонконг: Издательство «Тяньсиньцзянь», 2010. С. 86.

в Китае как прямая угроза его безопасности и привела к переходу противостояния в открытую военную фазу.

Для противодействия влиянию Пекина в регионе Ханой наращивал сотрудничество с СССР. Однако Китай воспринял усиление советского присутствия как прямую угрозу своей безопасности и начал оказывать давление на Вьетнам, чтобы снизить его зависимость от Москвы. Эти действия лишь усилили стратегические опасения Ханоя, подтолкнув его к еще более тесному сближению с Советским Союзом. Углубление советско-вьетнамских отношений, в свою очередь, усилило озабоченность Пекина. Стоит отметить, что СССР не ограничивался ролью противовеса Китаю, а активно использовал растущую зависимость Вьетнама, продвигая инициативы, способные привести к полному разрыву китайско-вьетнамских отношений — включая поддержку свержения режима «красных кхмеров».

В международной политике привлечение влияния внешних держав для сдерживания регионального игрока является классической стратегией балансирования. Однако к тому времени китайско-советские отношения достигли состояния почти откровенной вражды, что предопределило их взаимоисключающие позиции по вьетнамскому вопросу. В результате стабильная треугольная динамика между Пекином, Москвой и Ханоем оказалась невозможной. Эта нестабильность стала катализатором эскалации регионального конфликта, который в итоге перерос в прямое военное столкновение.

Трехстороннее противостояние в 1979 г.

Кризис в Кампучии в начале 1979 г. стал катализатором серьезного конфликта в социалистическом лагере. 7 января вьетнамские войска взяли Пномпень, свергнув режим Демократической Кампучии. В тот же день была создана просоветская Народная Республика Кампучия, которую СССР признал уже на следующий день и немедленно начал поддерживать значительной экономической помощью. С этого момента Москва и Ханой установили совместный контроль над Кампучией. Уже в 1979 г. НРК получила от СССР безвозмездную помощь на сумму 85 млн долл. Поставки включали 159 тыс. тонн продовольствия, 50 тыс. тонн нефтепродуктов, 4,6 млн метров тканей, медикаментов на 1 млн руб., а также 660 автомобилей и 106 тракторов. Эта помощь была направлена на стабилизацию ситуации в стране и укрепление нового правительства, что

положило начало периоду тесного советско-вьетнамского сотрудничества в управлении Кампучией²⁶.

Однако это расширение влияния вызвало резкую реакцию Китая. Стремясь сдержать советско-вьетнамскую попытку, 17 февраля 1979 г. китайская армия начала наступательную операцию против Вьетнама. На следующий день три социалистические страны — Китай, СССР и Вьетнам обменялись резкими заявлениями и взаимными обвинениями. Эта открытая конфронтация вывела на поверхность и обострила давние идеологические и геополитические разногласия внутри социалистического блока. Для Китая и Вьетнама конфликт ознаменовал болезненный исторический поворот: от риторики братских отношений они перешли к полномасштабному вооруженному противостоянию, движимому непримиримыми национальными интересами.

Завершение китайской военной операции 16 марта 1979 г. имело далеко идущие стратегические последствия. Достигнув заявленных целей, Китай добился перелома на кампучийском театре: Вьетнам был вынужден снять с этого направления шесть боеспособных дивизий для защиты севера. Это позволило «красным кхмерам», оказавшимся на грани поражения, не только избежать уничтожения, но и провести перегруппировку и начать контрнаступление. Кроме того, угроза потенциального «второго урока» надолго связала основные силы вьетнамской армии (до 60%) на северном направлении, обеспечив Китаю устойчивое стратегическое преимущество [13, с. 977].

Советское военное присутствие оказывало значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Пекина. После начала конфликта Советский Союз оказал Вьетнаму решительную поддержку. Уже 18 февраля 1979 г. в Ханой прибыла первая группа советников во главе с генералом армии Г.И. Обатуровым. Одновременно СССР наращивал военное присутствие в регионе: в Южно-Китайское море вошли корабли Тихоокеанского флота во главе с авианосцем «Минск», а вдоль китайской границы начали сосредотачиваться сухопутные силы. Демонстрация силы достигла пика 12 марта 1979 г., когда СССР провел масштабные учения с участием сотен тысяч солдат, тысяч единиц бронетехники и авиации^{27, 28}.

²⁶ Кобелев Е.В. Народная Республика Кампучия. М.: Знание, 1981. С. 55.

²⁷ Ли Инань. «Три основных препятствия» и нормализация китайско-советских отношений: Дис. ... канд. ист. наук. 2018.

²⁸ Кобелев Е.В. Причины войны 1979 г. и фактор советской помощи СРВ (ответ вьетнамскому профессору) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 126–130.

Геннадий Иванович Обатуров.
Из открытых источников

Получив твердую поддержку со стороны Советского Союза, Ханой обрел уверенность для противостояния давлению Китая. Это лишило Пекин возможности добиться своей первоначальной цели — так называемого «урока» Вьетнаму. Вместо ослабления мощная внешняя поддержка лишь укрепила решимость Вьетнама и его готовность к конфронтации. На китайско-вьетнамских переговорах в апреле 1979 г., проходивших после конфликта, была заявлена жесткая позиция Вьетнама, подкреплённая поддержкой СССР. На переговорах китайская сторона выдвинула новые требования, адресованные, по сути, советскому присутствию во Вьетнаме, включавшие обязательства не направлять войска за рубеж, не вступать в военные союзы, направленные друг против друга, и не предоставлять иностранным государствам военные базы. Это можно было рассматривать как попытку Пекина ограничить советское влияние в регионе. Со своей стороны Вьетнам настаивал на том, чтобы Китай признал сложившийся в Кампучии статус-кво, что являлось ключевым пунктом вьетнамской повестки.

После череды дипломатических переговоров, не приведших к значительным результатам, Вьетнам предпринял шаг по эскалации конфликта в информационной сфере. В октябре 1979 г. его МИД опубликовал «Белую книгу» — «Правда о тридцатилетних китайско-вьетнамских отношениях». В данном документе пекинская внешняя политика

подверглась не только системной критике, но и был оспорен сам факт существования особых союзнических отношений между двумя странами. Китай был представлен как государство, проводящее курс на гегемонизм и экспансию, а его действия были охарактеризованы как предательские по отношению к нормам международного права.

Китай дал жесткий и незамедлительный ответ на вьетнамские обвинения. Уже 19 октября 1979 г., в ходе второго раунда переговоров, глава китайской делегации Хань Няньлун прямо заявил, что вьетнамская сторона в своих заявлениях «искажает факты и занимается откровенной ложью» [16, с. 858]. Он подчеркнул, что подобная позиция демонстрирует отсутствие со стороны Вьетнама элементарной искренности, необходимой для продуктивного диалога, урегулирования разногласий и восстановления нормальных двусторонних отношений.

Вслед за этим Китай нанес мощный пропагандистский контрудар. 27 ноября того же года официальная газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью Хоанг Ван Хоана — высокопоставленного вьетнамского перебежчика, экс-члена Политбюро КПВ. В этом материале автор последовательно разбирал и опровергал тезисы вьетнамской «Белой книги». Его критика была нацелена на действовавшее руководство Компартии Вьетнама и завершилась прямым призывом к соотечественникам «свергнуть фашистскую власть клики Ле Зуана»²⁹.

Параллельно с прямым противостоянием Пекин пытался оказать косвенное влияние на обстановку в Индокитае через диалог с Москвой. В октябре 1979 г. на переговорах на уровне заместителей министров иностранных дел глава китайской делегации Ван Юпин прямо заявил, что «советская военная поддержка Вьетнама» является ключевым препятствием для нормализации советско-китайских отношений, и выразил по этому поводу официальный протест. Однако советский представитель Л.Ф. Ильичев отклонил эти претензии, подчеркнув, что двусторонние советско-китайские переговоры не должны быть направлены против третьих стран. В результате этот дипломатический канал также не принес прорыва.

В результате к декабрю 1979 г. многосторонние переговоры между Китаем, Советским Союзом и Вьетнамом окончательно забуксовали. Краткосрочный военный конфликт не смог разрешить глубинные противоречия между социалистическими странами. Напротив, после сры-

²⁹ Ван Чжэньчуань (гл. ред.). Ежегодник Китая по новой эпохе реформ и открытости. 1979 год. Пекин: Издательство «Китайская демократия и законность», 2015. С. 938.

Хоанг Ван Хоан.
Из открытых источников

ва диалога противостояние двух лагерей лишь усугубилось и приобрело хронический характер.

Раскол между Китаем и Вьетнамом, приведший к вооруженному конфликту 1979 г., стал прямым следствием углублявшегося советско-китайского противостояния. Вывод американских войск в 1975 г. и устранение влияния США в Индокитае лишили китайско-советское «сотрудничество по необходимости» главной объединяющей цели. На этом фоне Ханой лишился возможности лавировать между Москвой и Пекином и, оказавшись в тисках давних противоречий с Китаем, был вынужден сделать стратегический выбор в пользу сближения с СССР.

Таким образом, китайско-вьетнамский конфликт наглядно продемонстрировал приоритет национальных интересов над идеологией. Он послужил ключевым фактором в эволюции внешней политики обеих стран, привел к долгосрочной региональной напряженности и переоценке альянсов внутри социалистического лагеря, окончательно закрепив переход от сотрудничества к противостоянию.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Кан дай Джунго вай цзяо / Кан дай Джунго вай цзяо бянь цзи вэй юан хуэй. Бэй цзин: Кан дай Джунго чубань шэ, 2009 нянь. 444 е. [*Дипломатия современного Китая* / Сост.: Редакционный комитет «Дипломатия современного Китая». Пекин: Издательство «Современный Китай», 2009. 444 с.].
Contemporary Chinese Diplomacy / Compil. by Editorial Committee of «Contemporary Chinese Diplomacy». Beijing: Contemporary China publishing house, 2009. 444 p. (in Chin.).
2. Се И сянь. *Джунго кан дай вай цзяо ши 1949–1995*. Бэй цзин: Джунго цин нянь чубань шэ, 1997 нянь. 529 е. [*Ся Исянь. История дипломатии Китая нового времени, 1949–1995*. Пекин: Молодёжь Китая, 1997. 529 с.].
Xia Yixian. *A history of contemporary Chinese diplomacy, 1949–1995*. Beijing: China Youth publishing house, 1997. 529 p. (in Chin.).
3. Юэнань вэнь ти цзы ляо сюань бянь: 1975–1986 (шан) / Чэнду цзюнь цю чжэн чжи бу лянью ло бу, Юньнань шэн шэ кэ юань Дуннань я янь цзю суо бянь. Чэнду, 1987 нянь. 357 е. [*Сборник материалов по вьетнамской проблеме: 1975–1986 (Часть 1)* / Сост.: Отдел по связям Политического управления Чэндуского военного округа, Институт исследований Юго-Восточной Азии Академии общественных наук провинции Юньнань. Чэнду, 1987. 357 с.].
Selected materials on the Vietnam issue: 1975–1986. Part 1 / Compil. by Liaison Department of the Political Department of the Chengdu Military Region, Institute of Southeast Asian Studies of the Yunnan Provincial Academy of Social Sciences. Chengdu, 1987. 357 p. (in Chin.).
4. Мурашева Г.Ф. Политика КНР в странах Индокитая (1975–1985 гг.): Вьетнам, Лаос, Камбоджа. *Специальный бюллетень. Институт Востоковедения АН СССР*. 1981;(4):131–167.
Murasheva G.F. The PRC's policy in the countries of Indochina (1975–1985): Vietnam, Laos, Cambodia. *Special Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. 1981;(4):131–167 (in Russ.).
5. Го Мин. *Джун Юэ гуань си янь бянь сы ши нянь*. Нань нин: Гуанси жэнь минь чубань шэ чубань, 1992 нянь. 279 е. [Го Мин. *Эволюция*

- китайско-вьетнамских отношений за последние 40 лет. Наньнин: Народное изд-во Гуанси, 1992. 279 с.].
Guo Ming. The evolution of Sino-Vietnamese relations over forty years. Nanning: Guangxi People's publishing house, 1992. 279 p. (in Chin.).
6. *Правда*. 1975 (31 окт.).
Pravda. 1975 (Oct. 31).
  7. Ван Тайпин. *Синь Джунго вай цзяо 50 нянь*. Шан. Бэй цзин: Бэй цзин чубань шэ, 1999 нянь. 638 е. [Ван Тайпин. *50 лет дипломатии нового Китая*. Ч. 1. Пекин: Пекинское издательство, 1999. 638 с.].
Wang Taiping. *50 Years of diplomacy of New China*. Part 1. Beijing: Beijing publishing house, 1999. 638 p. (in Chin.).
  8. Самородный О. *Пол Пот. Камбоджа — империя на костях?* М.: Родина, 2025. 320 с.
Samorodny O. *Pol Pot: Cambodia — An empire on bones?* Moscow: Rodina, 2025. 320 p. (in Russ.).
  9. *Правда*. 1977 (22 нояб.).
Pravda. 1977 (Nov. 22).
  10. Kiernan B. *The Pol Pot regime: Race, power, and genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979*. New Haven; London: Yale University Press, 2008. 477 p.
  11. Ли Чуанхуэй. *Ши нянь Джун Юэ чжань чжэн*. Шан. Сян ган: Тянь синь цзянь чубань шэ чубань, 2010 нянь. 558 е. [Ли Чуанхуэй. *Десять лет китайско-вьетнамской войны*. Книга 1. Гонконг: Изд-во «Тяньсинь-цзянь», 2010. 558 с.].
Li Chuanhui. *Ten years of the Sino-Vietnamese War*. Book 1. Hong Kong: Tianxinjian publishing house, 2010. 558 p. (in Chin.).
  12. Кобелев Е.В. *Народная Республика Кампучия*. М.: Знание, 1981. 64 с.
Kobelev E.V. *The People's Republic of Kampuchea*. Moscow: Znanie, 1981. 64 p. (in Russ.).
  13. Ли Чуанхуэй. *Ши нянь Джун Юэ чжань чжэн*. Ся. Сян ган: Тянь синь цзянь чубань шэ чубань, 2010 нянь. 558 е. [Ли Чуанхуэй. *Десять лет китайско-вьетнамской войны*. Книга 2. Гонконг: Изд-во «Тяньсинь-цзянь», 2010. 558 с.].
Li Chuanhui. *Ten years of the Sino-Vietnamese War*. Book 2. Hong Kong: Tianxinjian publishing house, 2010. 558 p. (in Chin.).
  14. Ли И нань. «*Сань да чжан ай*» юй Джун Су гуань си чжэн чан хуа. [D], 2018 [Ли Инань. «*Три основных препятствия*» и нормализация китайско-советских отношений. Дис., 2018].

- Li Yinan. *The «Three major obstacles» and the normalization of Sino-Soviet relations*. PhD diss., 2018 (in Chin.).
15. Кобелев Е.В. Причины войны 1979 г. и фактор советской помощи СРВ (ответ вьетнамскому профессору). *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2014;(23):126–130.
Kobelev E.V. The causes of the 1979 War and the factor of Soviet aid to the SRV (A response to the Vietnamese professor). *Southeast Asia: Current Problems of Development*. 2014;(23):126–130 (in Russ.).
16. Ван Чжэнь чуань чжу бянь. *Джунго гай гэ кай фан синь ши ци нянь цзянь. 1979 нянь*. Бэй цзин: Джунго минь чжу фа чжи чубань шэ, 2015 нянь. 998 с.[Ван Чжэньчуань (Гл. ред.). *Ежегодник Китая по новой эпохе реформ и открытости. 1979 год*. Пекин: Изд-во «Китайская демократия и законность», 2015. 998 с.].
Wang Zhenchuan (Ed.). *China yearbook of the New era of reform and opening up: 1979*. Beijing: China Democracy and Legal System publishing house, 2015. 998 p. (in Chin.).

Янь Цзунь
Yan Zun

аспирант 2-го года обучения кафедры
общественных движений и политических
партий МГУ

Second-year PhD student, Department
of Social Movements and Political Parties,
Lomonosov Moscow State University

Волгин Евгений Игоревич
Evgeny I. Volgin

кандидат политических наук, доцент,
сотрудник кафедры общественных
движений и политических партий МГУ

PhD in Political Science, Associate
Professor, Faculty member, Department
of Social Movements and Political Parties,
Lomonosov Moscow State University

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
24.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
17.03.2026

DOI: 111111111111111111

Оригинальная статья / Original paper

А.В. Миргородский*Министерство экономического развития Ростовской области.**Ростов-на-Дону, Российская Федерация**E-mail: mirgorodski@mail.ru*

Евгений (Эжен) де Вильнёв в Москве: неизвестные страницы биографии

Аннотация

На основе архивных первоисточников из фондов ЦГА Москвы, РГАЛИ и РГИА в научный оборот вводятся новые подробности жизни и деятельности Евгения Францевича де Вильнёва (1802–1879?) — литератора, историка, археолога и директора старейшего в Новороссийском крае Феодосийского музея древностей. В публикации освещаются сведения, касающиеся первого посещения России де Вильнёвым и его супругой, а также их пребывания в Москве в 1826–1827 гг. В статье установлены московские адреса литератора, описаны круг его общения, литературный салон княгини З.А. Волконской, встреча де Вильнёвых в Кремле с императором Николаем I и его супругой Александрой Федоровной, поэтические посвящения французской княжне С.А. Урусовой. На основе архивных документов устанавливается факт пристального внимания к нему со стороны российского Министерства иностранных дел и шефа жандармов. Особое внимание уделено изданию за рубежом первой книги французского литератора — греческого дневника, описывающего его пребывание в Греции и Османской империи в 1825–1826 гг., публикациям фрагментов этого сочинения в «Московском телеграфе», рассмотрены наиболее вероятные причины запрета распространения книги в России Комитетом цензуры иностранной. Дополнением статьи является впервые выполненная публикация текстов ряда доку-

ментов 1827–1828 гг., а именно: отношения Главногоуправляющего Третьего отделения А.Х. Бенкендорфа в адрес московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына, переписки Д.В. Голицына и московского обер-полицмейстера Д.И. Шульгина относительно пребывания в городе де Вильнёва, записки министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде. Комментарии к документам и перевод с французского языка выполнены автором статьи.

Ключевые слова:

Евгений Францевич де Вильнёв; Одесса; Москва; французы Крыма; Франция; Зинаида Волконская; цензура

Для цитирования:

Миргородский А.В. Евгений (Эжен) де Вильнёв в Москве: неизвестные страницы биографии // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 302–321. DOI: 111111111111111111

Alexander V. Mirgorodsky

*The Ministry for Economic Development of Rostov Oblast,
Rostov on Don, Russia
E-mail: mirgorodski@mail.ru*

**Yevgeny (Eugène) de Villeneuve
in Moscow:
unknown facts from his biography**

Abstract

Based on archival primary sources from the Central State Archive of Moscow, the Russian State Archive of Literature and Art, and the Russian State Historical Archive, the article introduces new details about the life and work of Eugène (Evgeny) Frantsevich de Villeneuve (1803–1879?), a writer,

historian, archaeologist, and director of the Feodosia Museum of Antiquities, the oldest museum in the Novorossiysk region. The publication sheds light on his first visit to Russia with his wife and their stay in Moscow in 1826–1827. The article identifies the writer's Moscow addresses, describes his social circle, the literary salon of Princess Zinaida Volkonskaya, his meeting in the Kremlin with Emperor Nicholas I and his wife Alexandra Feodorovna, and the poetic dedications he wrote to Princess S.A. Urusova. Archival documents reveal that he attracted close attention from the Russian Ministry of Foreign Affairs and the Chief of Gendarmes. Particular attention is paid to the publication abroad of his first book (a diary describing his stay in Greece and the Ottoman Empire in 1825–1826) as well as the publication of excerpts from this work in *Moskovsky Telegraph*. The article examines the most likely reasons why the Foreign Censorship Committee banned the distribution of the book in Russia. As a supplement, the article presents (for the first time in academic circulation) the texts of several documents from 1827–1828, including correspondence from the head of the Third Department A.Kh. Benckendorff to the Moscow Military Governor-General D.V. Golitsyn, letters exchanged between Golitsyn and the Moscow Chief of Police D.I. Shulgin regarding de Villeneuve's stay in the city, and a memorandum by Foreign Minister Count K.V. Nesselrode. The commentary on these documents and their translation from French were carried out by the author of the article.

Keywords:

Eugène de Villeneuve; Odessa; Moscow; French in the Crimea; France; Zinaida Volkonskaya; Censorship

For citation:

Alexander V. Mirgorodsky. Yevgeny (Eugène) de Villeneuve in Moscow: unknown facts from his biography // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 302–321. DOI: !!!!!!!!!

Евгений (Эжен) де Вильнёв — филэллин, литератор, историк, археолог, член Одесского общества истории и древностей, получивший известность в России как один из лучших хранителей старейшего в Новороссийском крае Феодосийского музея древностей. В 2026 г. исполняется 200 лет первому приезду француза в Россию и посещению Москвы, а в 2027 г. — 200 лет с момента выхода его первой книги — греческого дневника, описывающего пребывание в Греции и Турции в 1825–1826 гг.

Портрет Пьер-Франсуа-Шарль-Эжена де Вильнёва
на фронтисписе греческого дневника. 1827 г.
Из открытых источников

В Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы) хранятся несколько небольших документов 1827 г., объединенных под следующим заголовком: «Канцелярия московского генерал-губернатора. Дело о сборе сведений о некоем Вильнёве». Эти первоисточники дополняют те сведения о 1826–1827 гг. в жизни француза, которые уже были нам известны из его греческого дневника или из путевого дневника французской поэтессы Адель Оммер де Гелль. Кроме того, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) нам удалось найти рапорт цензора о греческом дневнике де Вильнёва. Этот первоисточник, в свою очередь, проясняет причины запрета книги для русской публики.

Пьер-Франсуа-Шарль-Эжен де Вильнёв происходил из дворян Королевства Франция и был римско-католического вероисповедания. Он появился на свет в небольшом городке Сент-Север-сюр-Эндр пятого флореаля в 10-й год Французской Республики (25 апреля 1802 г.)¹.

¹ Archives départementales de l'Indre (ADI). Sainte-Sévère-sur-Indre — État civil (Naissances) | 1793–1826. Cote: 3 E 208/07: Naissances au 10. Naissance de Pierre François Charles Eugène Devilleneuve. F. 5.

Родового имени француз не имел, воспитывался в отеческом доме под надзором известного профессора Бургского лицея де Табо. Эжен поступил на службу в Королевскую гвардию 18 марта 1819 г. и находился на ней до 1 ноября 1821 г.²

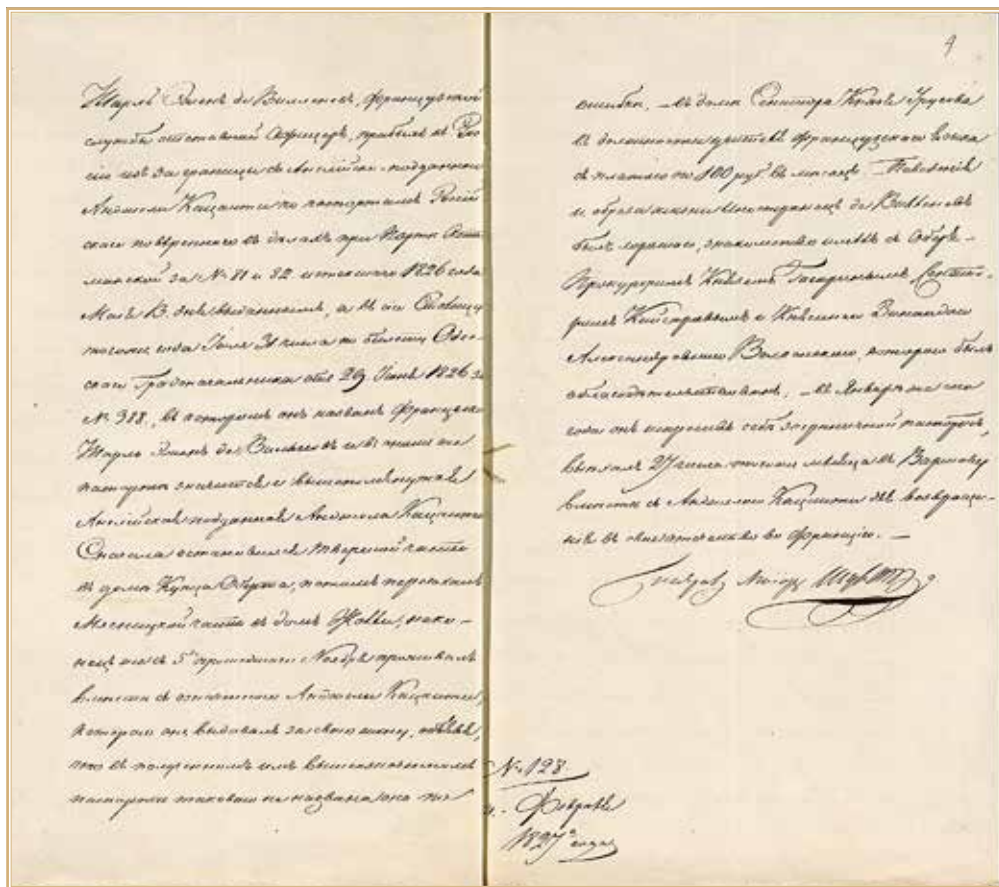
Еще в юности он имел возможность постраниковать по свету, но долгое время нигде не мог обрести счастья и душевного покоя: «Мое желание — просто найти уголок, где умы блистают во всем своем великолепии без страха преследования, такой уголок, где добродетельный человек может считать свои дни, не опасаясь несправедливых законов угнетателей и тиранов. Я еще молод, но успел побывать в чужих краях и познакомиться с южными штатами Америки, Англией, Шотландией, Ирландией, Германией, Швейцарией и Италией. У меня было желание немного изучить людей, но во всех этих странах мне встречались только несправедливые и коварные их представители, готовые преследовать несчастных невинных и защищать богатых преступников»³.

Сочувствуя патриотам Эллады, французский романтик, как и многие молодые люди Европы, отправился в охваченную войной Грецию, чтобы принять участие в вооруженной борьбе ее народа за независимость от Османской империи. Он выехал из Нанси 26 декабря 1824 г. и в марте 1825 г. ступил на остров Корфу. С мая до сентября 1825 г. Эжен де Вильнёв служил ротмистром в греческой армии и, побывав в Триполице, Наварине, Наполи-ди-Романья (Нафплионе), Афинах, на острове Гидра и в других местах, лично общался со многими героями революции. Именно в Греции, в самый разгар войны, состоялось знакомство де Вильнёва с любовью всей его жизни — юной гречанкой Анжелой Кацаити, которой на тот момент едва исполнилось 13 лет, ее старшей сестрой, а также с родителями этих девиц. Уволившись со службы в греческой армии, весной 1826 г. он женился на девушке, которая годом ранее выхаживала его во время болезни и чью семью он несколько месяцев отчаянно пытался разыскать.

Важная дневниковая запись была сделана де Вильнёвом на рейде Смирны 11 (23) апреля 1826 г. В ней участник Греческой войны за независимость впервые сообщает о своем намерении посетить Рос-

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 78. Д. 487. Л. 5.

³ Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва, ротмистра Греческой армии, составленный в Греции в 1825 и 1826 годах / Пер. с фр., вступ. ст., коммент. А.В. Миргородского. СПб.: Алетейя, 2024. С. 136.

Сведения об Эжене де Вильнёве из секретного рапорта московского обер-полицмейстера генерал-майора Д.И. Шульгина. 1827 г.

ЦГА Москвы

сию: «Пожив под теплым небом Греции и мягкими небесами Ионии, я побываю на заснеженных равнинах России и отправляюсь в Одессу»⁴. Из публикуемого в приложении рапорта московского обер-полицмейстера генерал-майора Д.И. Шульгина следует, что 13 (25) мая де Вильнёв вместе со своей возлюбленной получил в Константинополе от российского поверенного в делах М.Я. Минчаки необходимые для поездки в Одессу паспорта⁵.

20 мая (1 июня) состоялось прощание де Вильнёва и Анжелы с ее родителями, после чего молодожены отправились в Россию. 25 мая (6 июня) 1826 г. корабль прибыл на рейд Одессы, а на следующий день

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 3 об.

супружеская чета впервые ступила на русскую землю⁶. Этот факт теперь подтверждается и публикуемым ниже российским первоисточником — секретным документом, основанным на информации от министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде: «Сей иностранец приехал в конце мая п[рошлого] г[ода] из Константинополя в Одессу, с молодою гречанкою, которую он выдает за свою жену»⁷. Проведя примерно два месяца в городе, где проживала крупнейшая на юге России греческая диаспора, Эжен и Анжела отправились в Москву, куда они прибыли 31 июля (12 августа) по билету одесского градоначальника⁸.

В старой столице Эжен и Анжела не только стали частыми гостями в модных московских салонах, но и оказались удостоены приема в Кремле российским императором Николаем I и его супругой Александрой Федоровной⁹. Он описывает это важное событие в своем дневнике: «Княгиня Зинаида Волконская¹⁰ рассказала о моей супруге самой императрице и сделала это с такой теплотой, что Ее Императорское Величество¹¹ пожелали увидеть юную гречанку, вызвавшую настолько живой интерес у самой умной в ее обширных владениях женщины. Перед Анжелой Кацаити, выросшей в пастушьей простоте под скромной крышей хижины в Аркадии¹², отворились величественные врата Кремля, и ей выпала честь побеседовать с императрицей всея Руси, щедро одарившей ее своей благосклонностью. Сам император соизволил выслушать ее рассказ и, будучи тронут бедствиями соотечественников Анжелы Кацаити, проявил к нам знаки монаршей щедрости»¹³.

⁶ См. подробнее: Вильнёв Е.Ф., *де*. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 167–168.

⁷ ЦГА Москв. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 3 об.

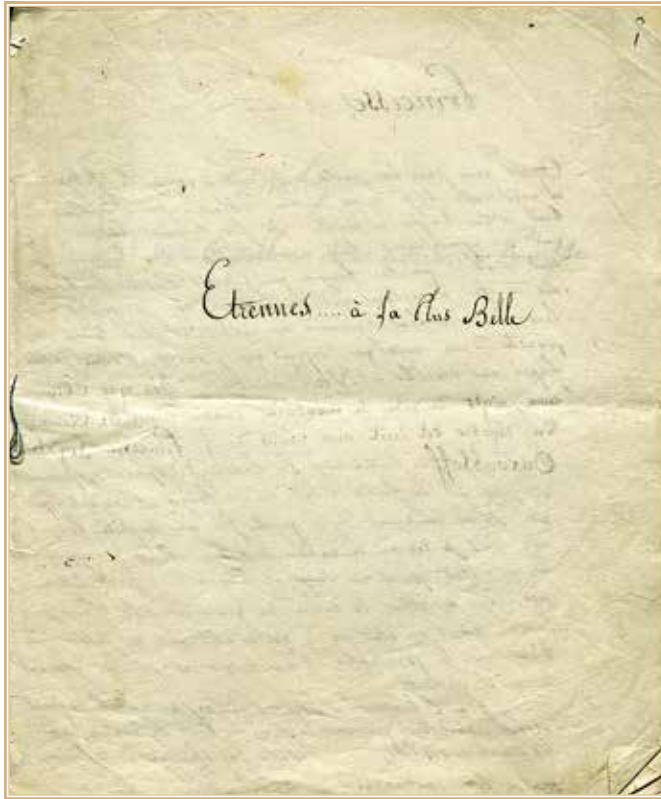
⁹ 22 августа (3 сентября) 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялась коронация императора Николая I и его супруги императрицы Александры Федоровны, вслед за чем последовало еще несколько балов, торжественных приемов, фейерверков и т.д. с участием августейших особ, о чем пишет российская пресса в августе — октябре 1826 г.

¹⁰ Зинаида Александровна Волконская (1792–1862) — княгиня, писательница, поэтесса, видная фигура русской культурной жизни первой половины XIX в.

¹¹ Александра Федоровна (1798–1860) — супруга российского императора Николая I (наст. имя Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская).

¹² Поскольку Анжела родилась и выросла в Смирне, в данном случае де Вильнёв имеет в виду Аркадию как место идиллической жизни (от древнегреческой области Аркадия), изображавшейся в поэзии как страна блаженного пастушеского существования.

¹³ Вильнёв Е.Ф., *де*. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 171–172.

Стихотворения «Новогодние подарки самой красивой (Étrennes ... à la Plus Belle)» де Вильнёва, посвященные княгине С.А. Урусовой. 1827 г.

РГАЛИ

Небольшая зарисовка визита Эжена и Анжелы де Вильнёв в Москву представлена на страницах дневника поэтессы Адель Оммер де Гелль, чья встреча с ними состоялась в Таганроге в 1839 г.: «...Сразу же после бракосочетания страсть к путешествиям унесла молодую пару к лучшим дворам Европы, где юную гречанку всегда принимали с восторгом благодаря ее великолепному смирниотскому костюму и дивной наружности. В Москве она так сильно понравилась находившейся в тот момент в городе императрице, что та всерьез подняла вопрос о включении ее в свою свиту в качестве фрейлины Ее Величества. Но, с другой стороны, во всех салонах разговоры были только о прекрасном французе, вскружившем голову всем московским дамам...»¹⁴

Один из приемов, устроенных по случаю коронации Николая I и Александры Федоровны, упоминается де Вильнёвом в стихотворной

¹⁴ *Hommage de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris: Imprimerie de Ch. Lahure et Cie, 1860. P. 55–56.*

форме. В этом поэтическом произведении ведущий беседу с автором Аполлон, уставший от скуки Олимпа, спускается с небес, чтобы посетить необыкновенное празднество в честь августейшего императора Николая. Место действия — «знаменитый город, омываемый водами Москвы-реки». Там древнегреческий бог солнца и покровитель искусств принимает вид обычного смертного и посещает салон «графини¹⁵ столь же богатой как некогда царь Крёз»¹⁶.

Как следует из публикуемого в приложении рапорта московского обер-полицмейстера генерал-майора Д.И. Шульгина, за время пребывания в старой столице де Вильнёв с супругой сменили три адреса. Сначала они жили в доме купца Обёра, затем в доме другого француза — зубного лекаря Жолли и, наконец, у сенатора князя Урусова¹⁷, где Вильнёв давал уроки французского языка¹⁸.

Вероятно, в числе учеников литератора были и дети сенатора (у князя было 8 сыновей и 3 дочери), в том числе «царица московских красавиц» — княжна С.А. Урусова. Очарованный поэт адресовал прелестной Софии Урусовой четыре восторженных поэтических посвящения на французском языке в тетрадке под общим названием «Новогодние подарки самой красивой (Étrennes ... à la Plus Belle)». Все они подписаны лаконично: «де Вильнёв, отставной ротмистр» и датированы январем 1827 г.¹⁹

Не исключено, что эта мимолетная влюбленность ускорила или послужила причиной отъезда Эжена и Анжелы в Европу и именно об этом писала Адель Оммер де Гелль: «В итоге для него это приключение закончилось как большинство других авантур, которые взрываются в жизни как бомба и не оставляют после себя ничего, кроме развалин. Как, несмотря на всю опасность, ему удалось вернуться целым и невредимым? Он и сам не может этого объяснить»²⁰.

Самое сильное впечатление в Москве на литератора произвела личность З.А. Волконской: «Меня рекомендовали княгине Зинаиде

¹⁵ Можно сделать предположение, что речь идет о салоне Юлии Павловны Самойловой (1803–1875) — графини, многолетней покровительницы и модели художника К.П. Брюллова.

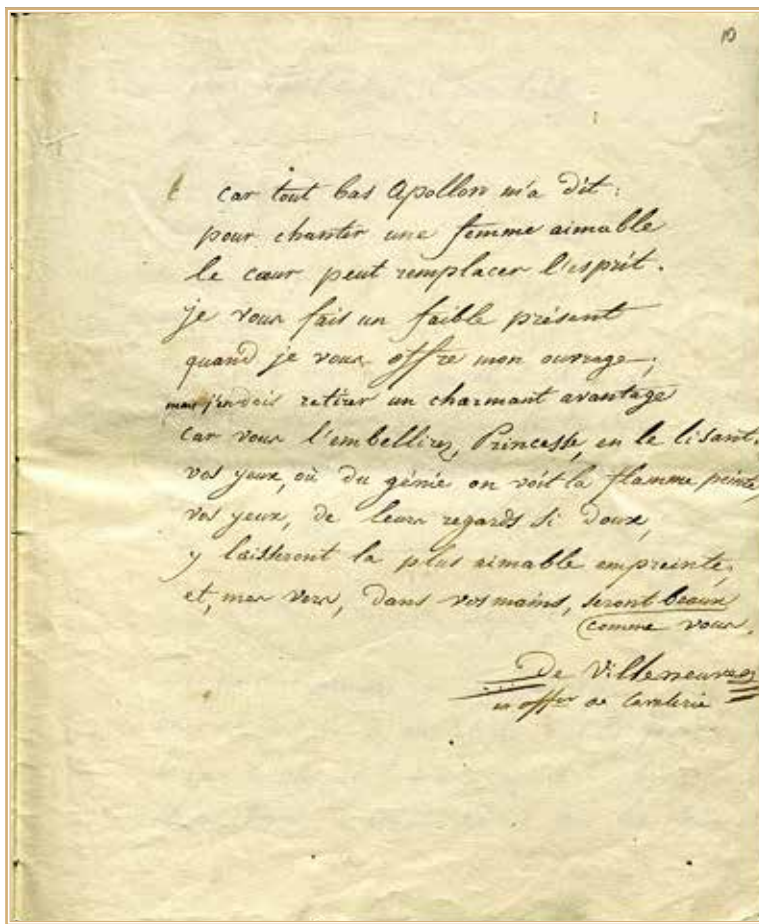
¹⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1335. Оп. 1. Д. 35. Л. 5 об.

¹⁷ Александр Михайлович Урусов (1766–1853) — князь, обер-камергер, с 1824 г. сенатор и тайный советник.

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 3 об. — 4.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–11 об.

²⁰ *Hommaire de Hell* А. Op. cit. P. 56.

Автограф французского филэлина: «Де Вильнёв. Отставной ротмистр». 1827 г.
РГАЛИ

Волконской, которая приняла нас с незабываемой доброжелательностью. В общем, русская знать образована, гостеприимна и очень либеральна. Поэтесса и писательница княгиня Зинаида Волконская — одно из тех необычайных творений, что скупая на таланты природа столь редко производит на свет. Красивая, чувственная и великодушная, чье единственное счастье заключается в том, чтобы облегчать боль от страданий и покровительствовать доброте... Ее дворец это храм искусств, а она сама в нем — Минерва. Я неоднократно бывал на пышных приемах, которые проводились в доме этой княгини, и всегда слышал, как воссылались мольбы о свободе Греции. Вскоре все узнали, что моя супруга гречанка, и после этого у нас не было отбоя от новых приглашений»²¹.

²¹ Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 171–172.

В московский круг общения французского филэллина и его супруги-гречанки также попали обер-прокурор князь Гагарин²², сенатор Кайсаров²³, архитектор Постников²⁴, князь Голицын²⁵.

Восторженные путевые заметки француза о пребывании в Москве представляют значительный интерес, поскольку они опубликованы за 16 лет до выхода книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»²⁶, ставшей неувядающим символом не только французской, а вообще западной русофобии²⁷.

В начале 1827 г. де Вильнёвом заинтересовались российское внешнеполитическое ведомство и шеф жандармов. Это было связано с тем, что, по имевшимся сведениям, француз назвался «дальним родственником префекта Департамента устьев Роны, графа Вильнёва»²⁸. Начинаящий литератор, по сути, навлек на себя подозрение в том, что он самозванец: «Ко сему граф Карл Васильевич [Нессельроде] присовокупил, что никто из родственников графа Вильнёва, как ему известно, не отправлялся в Одессу, и что сие обстоятельство не только заставляет сомневаться в звании, принятом означенным Вильнёвом, но даже возбуждает подозрение в предосудительности намерений, с которыми он прибыл в Россию»²⁹.

Сам де Вильнёв в дневниковых записях ничего напрямую не говорит о своих дворянских корнях или о связях с именитыми носителями этой фамилии, однако в формулярных списках о службе, составленных позднее в Таганроге и Феодосии, указано, что он «происходит из дворян Французского королевства»³⁰ или «из дворян французской нации»³¹. Обвинение в адрес литератора о присвоении им чужого имени делалось и позднее, в 1829 г., когда он проживал на острове Порос³².

²² Павел Павлович Гагарин (1789–1872) — князь, русский государственный деятель, обер-прокурор московского Сената в 1818–1831 гг.

²³ Паусий Сергеевич Кайсаров (1783–1844) — русский генерал от инфантерии, участник Наполеоновских войн, сенатор.

²⁴ Александр Иванович Постников (1766–1830) — русский архитектор.

²⁵ Павел Алексеевич Голицын (1782–1849) — князь, полковник, камергер и гофмейстер из рода Голицыных.

²⁶ Custine A. La Russie en 1839 par le Marquis de Custine. Paris: Librairie d'Amyot, 1843. 4 vol.

²⁷ См. подробнее: Танышина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб.: Евразия, 2020. С. 8, 30–36.

²⁸ Кристоф де Вильнёв-Баржемон (1771–1829) — граф, французский государственный деятель, префект Устьев Роны в 1815–1829 гг.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 1 об., 4.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 487. Л. 5.

³¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 20878. Л. 3 об.

³² L'Abeille Grecque. No.128. 12 (24) février 1829. Mardi. P. 3–4.

Дневник, составленный в Греции в 1825 и 1826 гг. Эженом де Вильнёвом, ротмистром Греческой армии. Первое русскоязычное издание книги.

СПб.: Алетейя, 2024 г.

Из открытых источников

За время пребывания в Москве и путешествия по стране французский филэллин весьма точно уловил настроения русской элиты относительно идущей в Греции войны. В своих «Дополнительных наблюдениях» к мемуарам он предсказал грядущее вмешательство в этот конфликт Российской империи³³.

Небезынтересно, что впервые отрывок из сделанных в Греции дневниковых записок де Вильнёв опубликовал именно в России. В декабре 1826 г. в журнале «Московский телеграф» увидел свет фрагмент его будущей книги — запись, посвященная греческому полководцу Одиссею Андруцосу³⁴, а также обращение французского литератора к издателю газеты³⁵. В январе 1827 г. на страницах «Московского телеграфа» вышло продолжение³⁶ — перевод на русский язык еще одной

³³ Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 172–176.

³⁴ Одиссей Андруцос (1788–1825) — военачальник, деятель Греческой войны за независимость.

³⁵ Московский телеграф, ч. 12, 1826. С. 268–271.

³⁶ Московский телеграф, ч. 13, 1827. С. 165–168.

записи из дневника французского литератора, описывающей подробности гибели Ласкарины Бубулины³⁷.

Уже после отъезда де Вильнёва из Москвы³⁸ этот журнал напечатал третий отрывок из его записок, посвященный визиту на остров Гидра, а также героизму греческих женщин³⁹. В мае того же года, публикуя отрывки из записок графа Пеккио⁴⁰, редакция «Московского телеграфа» процитировала еще один небольшой фрагмент из греческого дневника де Вильнёва, в котором описана церемония назначения полковника Фавье⁴¹ командующим первым регулярным полком греческой армии⁴².

В августе 1827 г. в Брюсселе вышел «Дневник, составленный в Греции в 1825 и 1826 гг. Эженом де Вильнёвом, ротмистром Греческой армии»⁴³. Тем не менее книга надолго осталась недоступной российскому читателю — публикация фрагментов из дневника французского литератора в 1826–1827 г. в «Московском телеграфе» не помешала запрету книги в России уже в 1828 г.⁴⁴

В Санкт-Петербурге, среди рапортов Комитета цензуры иностранной, занимавшегося рассмотрением попадавших в Россию из-за границы произведений иностранной печати, сохранился письменный отзыв за № 142 от 8 (20) марта 1828 г. на изданный де Вильнёвом в Брюсселе греческий дневник.

К отзыву цензора присоединена небольшая, но очень важная записка на французском языке, составленная графом К.В. Нессельроде, которая ему предшествовала, так как составлена двумя днями ранее — 6 (18) марта 1828 г.⁴⁵ Можно предположить, что причиной, побудившей

³⁷ Ласкарина Бубулина (1771–1825) — участница освободительного движения, адмирал Российского флота; героиня Греческой войны за независимость.

³⁸ Литератор с супругой покинули Москву 27 января (8 февраля) 1827 г.

³⁹ Московский телеграф, ч. 14, 1827. С. 155–158.

⁴⁰ Джузеппе Пеккио (1785–1835) — итальянский филэллин, политик, экономист и историк. Посетил Грецию в марте — июне 1825 г. по поручению Лондонского филэллинского комитета. В 1826 г. Пеккио опубликовал отчет об этой поездке на итальянском, английском и греческом языках.

⁴¹ Шарль Никола Фавье (1782–1855) — французский политический деятель и филэллин, барон, участник Греческой войны за независимость.

⁴² Московский телеграф, ч. 15, 1827. С. 157, 161.

⁴³ Villeneuve E. Journal fait en Grèce, pendant les années 1825 et 1826 par M. Eugène de Villeneuve, Capitaine de cavalerie dans l'Armée Hellénique. H. Tarlier, Bruxelles, 1827.

⁴⁴ См.: Общий алфавитный список книгамъ на Французскомъ языкѣ, запрещеннымъ Иностранною Цензурою безусловно и для публики: съ 1815 по 1853 годъ включительно. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 182, 373.

⁴⁵ РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 77. Л. 244.

российского министра иностранных дел выступить с инициативой запрета греческого дневника де Вильнёва, стало его заочное знакомство с литератором годом ранее, когда тот находился в Москве.

Так или иначе, как следует из опубликованного ниже документа, граф Нессельроде обозначил дневник, увидевший свет в Брюсселе, как «совершенно заурядное (*très plat*)» произведение и постарался направить размышления цензора в нужное русло, предложив запретить книгу де Вильнёва для пубрики.

Письменный отзыв на греческий дневник французского филэллина подготовил надворный советник В.И. Соц⁴⁶, служивший в Комитете цензуры иностранной в должности старшего цензора. Он счел книгу «вообще позволительною», обозначив при этом сделанный де Вильнёвом выпад в адрес австрийского канцлера князя Меттерниха как «замечательный». Однако цензор все же нашел несколько поводов («три сомнительные места») для того, чтобы запретить это издание для пубрики: дважды литератор положительно высказывался о Наполеоне Бонапарте, в том числе излагая историю о том, как получил от казака, участвовавшего в Отечественной войне 1812 г., крест ордена Почетного легиона, принадлежавший отказавшемуся сдаться в плен французу; третья претензия была относительно отрывка, где он именует султана Махмуда II «коронованным разбойником, чья власть, к стыду всей Европы, подло величается Блистательной»⁴⁷.

В самом начале рапорта, написанного на русском языке, но с цитатами на французском, стоит резолюция с указанием решения Главного управления цензуры по данной книге: «запретить»⁴⁸. Так книга француза попала под запрет. Первое полное издание на русском языке греческого дневника де Вильнёва, составленного им в 1825 и 1826 гг., вышло в Санкт-Петербурге лишь в 2024 г. Перевод книги предваряет вводная статья, содержащая сведения о раннем периоде жизни литератора.

По возвращении де Вильнёва в Европу история его связей с Россией не заканчивается. В 1837 г. он вернется, чтобы устроиться в Таганроге на должность учителя французского языка. Именно в этом южнорусском городе начнется новый этап в его жизни — француза на русской службе, а в 1842 г. Евгений Францевич окончательно выберет Россию своей новой Родиной.

⁴⁶ Василий Иванович Соц (1788–1841) — русский писатель, переводчик, цензор.

⁴⁷ Блистательная Порта — название, закрепившееся за султанским двором в Константинополе во времена Османской империи.

⁴⁸ РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 77. Л. 243.

Приложение

Комментарии к документу — А.В. Миргородский

1. Отношение Главноуправляющего Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа московскому военному генерал-губернатору Д.В. Голицыну от 11 февраля 1827 № 261

Секретно.

Милостивый Государь,
Князь Дмитрий Владимирович!

Г[осподин] Управляющий Министерством Иностранных Дел⁴⁹, от-
ношением от 8го сего февраля, сообщил мне полученное им сведение,
о некоем называющемся Вильнёвом (Villeneuve), бывшим кавалерий-
ским офицером и дальним родственником Префекта Департамента
устьев Роны, графа Вильнёва.

Сей иностранец приехал в конце мая п[рошлого] г[ода] из Констан-
тинополя в Одессу⁵⁰, с молодою гречанкою, которую он выдает за свою
жену⁵¹. Пробыв в Одессе два месяца, он отправился с нею в Москву,
в намерении определить там учителем. В Одессе носил он крест по-
четного Легиона⁵².

Ко сему граф Карл Васильевич присовокупил, что никто из родствен-
ников графа Вильнёва, как ему известно, не отправлялся в Одессу, и что
сие обстоятельство не только заставляет сомневаться в звании, приня-
том означенным Вильнёвом, но даже возбуждает подозрение в предосу-
дительности намерений, с которыми он прибыл в Россию.

⁴⁹ Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) — граф, министр иностранных дел Рос-
сии в 1816–1856 гг.

⁵⁰ См. подробнее: Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 167–169.

⁵¹ Анжела (Ангелика) Кацаити — гречанка из Смирны, 1812 г. рождения. Венчание де
Вильнёва и Кацаити состоялось весной 1826 г. в Смирне, а в июне и октябре 1830 г.
были совершены необходимые процедуры, чтобы привести брак в соответствие
с французскими законами, после чего она приняла фамилию Вильнёв. ADI. Sainte-
Sévère-sur-Indre - État civil (Mariages) | 1827–1862. Cote: 3 E 208/11: Mariages. Année
1830. N° 3. Devilleneuve Pierre François Charles Eugène et Cazzaiti Angelina. F. 3–4.

⁵² В своем греческом дневнике, опубликованном в 1827 г. в Брюсселе, французский
литератор рассказывает о том, что крест ордена Почетного легиона попал к нему
в феврале 1827 г. во время возвращения из России в Европу. См. подробнее: Виль-
нёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва. С. 174–175.

Уведомляя о сем Ваше Сиятельство, я долгом считаю покорнейше просить Вас Милостивый Государь, о предписании кому следует, чтобы приняты были, под рукою деятельнейшие меры, для наблюдения за сим человеком и для узнания истинной цели его приезда в Москву.

В ожидании благосклонного Вашего отзыва, о том, что по сему предмету открыто будет, честь имею с истинным и совершенным почетом.

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Бенкендорф⁵³

№ 261
11 февраля 1827
Его Сият[ельст]ву Князю Д.В. Голицыну⁵⁴

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 1–1об. Подлинник. Автограф.

2. Московский военный генерал-губернатор Д.В. Голицын московскому обер-полицмейстеру генерал-майору Д.И. Шульгину⁵⁵ от 14 февраля 1827 г. № 17

Секретно
14 февраля 1827
№ 17

Г[осподину] Московскому обер-полицмейстеру

Препровождая при сем в списке отношение ко мне г[осподина] генерал-адъютанта Бенкендорфа за № 261^м, о некоем называемом Вильнёвом, рекомандую Вашему Пре[восходительст]ву постараться

⁵³ Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) — русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии. В 1826–1844 гг. Главноуправляющий Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (шеф жандармов).

⁵⁴ Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844) — русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии, участник Наполеоновских войн, военный генерал-губернатор Москвы.

⁵⁵ Дмитрий Иванович Шульгин (1784–1854) — русский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного совета.

непрерывно узнать о настоящем звании и имени сего человека, о цели приезда в Москву и о занятиях его. При сем считаю нужным присовокупить, что ежели бы сей человек и представил Вам какое-либо свидетельство от меня или от другого кого выданное, то оное нисколько не должно останавливать в открытии истинного его звания и надзоре за ним.

Об открывшемся я буду ожидать от В[ашего] П[ревосходительства] подробного донесения.

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 2–2 об. Подлинник.

3. Рапорт московского обер-полицмейстера генерал-майора Д.И. Шульгина московскому военному генерал-губернатору Д.В. Голицыну от 21 февраля 1827 г. № 128

Секретно

Московскому Военному Генерал-Губернатору, Господину Генералу от Кавалерии и Кавалеру Князю Голицыну 1^{му}

Московского Обер-Полицмейстера,
Генерал-Майора Шульгина 2го

Рапорт

Во исполнение предписания Вашего Сиятельства от 14 сего февраля за № 17 с приложением в списке отношения г[осподи]на генерал-адъютанта Бенкендорфа за № 261, честь имею донести, что о некоем называющемся Вильнёвом, сведения мною собраны и оказалось следующее:

Он французский подданный, уроженец города Сент-Севера, имя его французское Шарль Эжен де Вилленёв⁵⁶, французской службы отставной офицер, прибыл в Россию из-за границы с английско-подданной⁵⁷ Анджели Кацайти по паспортам российского поверенного в де-

⁵⁶ Пьер-Франсуа-Шарль-Эжен де Вильнёв (*Pierre-François-Charles-Eugène de Villeneuve*), после принятия русского подданства более известный как Евгений Францевич (Петр Франциск Карл Евгений) де Вильнёв.

⁵⁷ Родители гречанки — Анастасий Кацайти и Елена Кастелли Кацайти (урожденная Томбазис) имели великобританское подданство.

лах при Порте Оттоманской⁵⁸ за № 81 и 82 истекшего 1826 г. мая 13 дня выданным⁵⁹, а в сию столицу того же года июля 31 числа по билету Одесского градоначальника⁶⁰ от 29 июня 1826 за № 388, в котором он назван Франциско Шарль Эжен де Вильнов и в оном же паспорте значится и вышепомянутая английскоподданная Анджела Кацаити. Сначала остановился Тверской части в доме купца Оберта⁶¹, потом переехал Мясницкой части в дом Жолли⁶²; наконец же с 5го прошедшего ноября проживал вместе с означенной Анджелой Кацаити, которую он выдавал за свою жену, объявив, что в полученном им вышеозначенном паспорте таковой не названа она по ошибке, — в доме сенатора князя Урусова⁶³ в должности учителя французского языка с платою по 100 руб. в месяц. Поведения и образа жизни иностранец де Вилленёв был хорошего, знакомство имел с обер-прокурором князем Гагариным, сенатором Кайсаровым и княгиней Зинаидой Александровною Волконскою, которою был благодетельствован; — в январе же сего года он, испросив себе заграничный паспорт, выехал 27 числа того же месяца в Варшаву вместе с Анджелою Кацаити для возвращения в свое отечество во Францию⁶⁴.

Генерал-майор Шульгин

№ 128

21 февраля 1827 года

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 228. Л. 3–4. Подлинник. Автограф.

⁵⁸ *Матвей Яковлевич Минчаки* (1769–1852) — действительный статский советник, дипломат, российский поверенный в делах в Константинополе в 1824–1827 гг.

⁵⁹ Согласно дневниковым записям литератора, молодожены прибыли в Одессу 26 мая 1826 г. См.: *Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва*. С. 167–169.

⁶⁰ *Федор Петрович Пален* (1780–1863) — граф, российский дипломат, градоначальник Одессы в 1826–1827 гг.

⁶¹ Речь идет о доме француза Николая (Николая) Обёра в Тверской части Москвы (архитектор М.Ф. Казаков). Современный адрес: Глинищевский пер., 6.

⁶² Речь идет о доме француза Шарля (Карла) Жолли (Жоли) в пятом квартале Мясницкой части, на Рождественской улице. Современный адрес: Трубная пл., 2.

⁶³ Речь идет о московском доме сенатора Урусова на углу Спиридоновки, где весной 1827 г. часто бывал А.С. Пушкин. Современный адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 26/40, стр. 3.

⁶⁴ См. подробнее: *Вильнёв Е.Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва*. С. 174–178.

4. Записка министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде от 6 (18) марта 1828 г.

перевод с французского языка
к № 142

Приведенные здесь отрывки доказывают, что книга сия написана в очень дурном настроении. Я, таким образом, считаю, что ее нужно запретить. Это не будет большой потерей для публики, так как мне она кажется совершенно заурядной.

Тысяча любезностей,
Нессельроде

6 марта 1828

Получено от Г[осподина] Управляющего Министерством 6 марта 1828. М. Д.

РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 77. Л. 244. Подлинник. Автограф.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. де Вильнёв Е.Ф. *Дневник Эжена де Вильнёва, ротмистра Греческой армии, составленный в Греции в 1825 и 1826 годах* / Пер. с фр., вступ. ст., коммент.: А.В. Миргородский. СПб.: Алетейя, 2024. 238 с.

de Villeneuve E.F. *Diary of Eugène de Villeneuve, cavalry Captain of the Hellenic Army, compiled in Greece in 1825 and 1826* / Transl. from French, introd. and comment. by A.V. Mirgorodsky. St. Petersburg: Aleteya, 2024. 238 p. (in Russ.).

2. Общій алфавитный списокъ книгамъ на Французскомъ языкѣ, запрещеннымъ Иностранною Ценсурою безусловно и для публики: съ 1815 по 1853 годъ включительно. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. 387 с.

General alphabetical list of books in the French language absolutely prohibited by the Foreign censorship for the public: From 1815 to 1853 inclusive. St. Petersburg: Typography of Eduard Prats, 1855. 387 p. (in Russ.).

3. Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб.: Евразия, 2020. 352 с.

Tanshina N.P. Russophiles and Russophobes: The adventures of the French in Nicholas I's Russia. St. Petersburg: Evraziya, 2020. 352 p. (in Russ.).

4. Custine A. *La Russie en 1839 par le Marquis de Custine.* 4 vols. Paris: Librairie d'Amyot, 1843.

Custine A. Russia in 1839 by the Marquis de Custine. 4 vols. Paris: Librairie d'Amy, 1843 (in French).

5. Hommaire de Hell A. *Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* Paris: Imprimerie de Ch. Lahure et Cie, 1860. 411 p.

Hommaire de Hell A. Travels to the steppes of the Caspian Sea and southern Russia. Paris: Printing house of Ch. Lahure and Co., 1860. 411 p. (in French).

6. Villeneuve E. *Journal fait en Grèce, pendant les années 1825 et 1826 par M. Eugène de Villeneuve, Capitaine de cavalerie dans l'Armée Hellénique.* Bruxelles: H. Tarlier, 1827. 284 p.

Villeneuve E. Diary made in Greece, during the years 1825 and 1826 by Mr. Eugène de Villeneuve, Captain of cavalry in the Hellenic Army. Brussels: H. Tarlier, 1827. 284 p. (in French).

Миргородский Александр Викторович
Alexander V. Mirgorodsky

Главный специалист отдела
международного сотрудничества.
Министерство экономического развития
Ростовской области.
SPIN-код: 1683-8524

Senior specialist, International cooperation
department, the Ministry for Economic
Development of Rostov Oblast.
SPIN code: 1683-8524

Поступила в редакцию /
Received
10.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.02.2026

Принята к публикации /
Accepted
15.03.2026

Правила для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

Редакция принимает к рассмотрению соответствующие тематике и направленности журнала рукописи статей в электронном виде.

Редакция журнала не принимает:

1. ранее опубликованные работы или работы, отправленные сразу в несколько изданий,
2. материалы, содержащие плагиат,
3. материалы, не отвечающие приведенным ниже требованиям к содержанию и оформлению.

Требования к содержанию

В редакцию журнала предоставляются два документа в отдельных файлах (принимаются документы только в виде файлов с расширением «.doc/.docx»):

1. Текст рукописи.
2. Сведения об авторе(ах).

В имени файлов обязательно указывается фамилия автора(ов).

Объем рукописи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14 (Times New Roman без автоматических переносов), первая строка с отступом (абзацный отступ — 1,25 см), межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются материалы большего объема.

Обязательными компонентами статьи являются:

- ФИО автора и заголовок статьи (на русском и английском языках).
- Аннотация (на русском и английском языках). Объем аннотации — 200–250 слов (это самостоятельный текст, описывающий основные результаты проведенного исследования, содержит: актуальность, цель, методы исследования, а также краткие результаты).

- Ключевые слова: 4–6 словосочетаний, отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Благодарности.
- Авторский вклад.
- Информация о конфликте интересов.
- Список литературы (References).

Благодарности

Этот раздел включает все источники внешнего финансирования, повлиявшие на результаты исследования, а также лиц, которые приняли участие в написании статьи, но не являются ее авторами.

Авторский вклад

В случае, если у рукописи несколько соавторов, необходимо привести описание вклада каждого из соавторов в соответствии с [CRediT](#).

Информация о конфликте интересов

Статья должна содержать информацию о любом фактическом или потенциальном конфликте интересов. Если конфликт интересов отсутствует, необходимо указать: «автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов».

Список литературы

При составлении списка литературы автор(ы) должен(ны) ссылаться на работы, доступные рецензентам и читателям. Список литературы должен содержать не менее 15 источников. Самоцитирование (включение работ автора(ов) в список литературы) допускается (не более 10% от списка литературы).

Список литературы должен включать только те источники, которые упоминаются в тексте статьи. В список литературы следует включать статьи и монографии, опубликованные за последние 50 лет. Все остальные источники следует выносить в постраничные сноски.

Требования к оформлению

Иллюстрации. Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами; размер не менее 1000 px по короткой стороне. К иллюстрации необходима подпись на русском и английском языках с описанием события, объекта и датировкой. Название иллюстраций должно быть представлено на русском и английском языках. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Цитирование. Ссылки в статье следует проставлять постранично (внизу страницы), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); кегль — 12.

Ссылки на интернет-ресурсы (новости, репортажи, форумы, видео), юридические документы (законы, постановления, акты и т.д.), статистические сборники, публикации в СМИ, учебные пособия следует выносить в сноски в тексте статьи. В тексте статьи допустимо ссылаться на диссертации/авторефераты, если они доступны для читателей. Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи, должны быть помечены словами «в печати»; авторы должны получить письменное разрешение для ссылки на такие документы и подтверждение того, что они приняты к печати. Информация из неопубликованных источников должна быть отмечена словами «неопубликованные данные/документы», авторы также должны получить письменное подтверждение на использование таких материалов.

Для всех интернет-источников, в том числе в сносках, указывается дата доступа.

References/Список литературы. Правильное описание используемых источников (References) не только демонстрирует качественный уровень исследования, но и является гарантией того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности ее авторов. Международные индексирующие базы данных преобразуют все представленные ссылки по единой структуре.

В журнале принят адаптированный вариант Ванкуверского стиля (Vancouver Style) оформления References, который является одним из стандартов, признанных международными базами данных.

Редакция предлагает авторам познакомиться с особенностями Vancouver Style и примерами оформления в брошюре на официальном сайте British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

Правила оформления в References источников на русском языке подготовлены в соответствии с рекомендациями Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), с которыми вы можете познакомиться также в журнале «Научный редактор и издатель»:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Редакция просит авторов обратить особое внимание на размещение идентификатора DOI (при его наличии), а также на его актуальность и корректное представление.

Ссылки на статьи из иностранных источников:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Пример:

Clarke A., Gatineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Ссылки на монографии на иностранном языке:

С 1–4 авторами:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. *Название книги*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Указание на редактора или составителя:

Фамилия И.О., Фамилия И.О., Фамилия И.О., редакторы. *Название*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Пример:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

Глава из монографии или статья из сборника:

Фамилия И.О. Название. В: Фамилия И.О., Ред. Название главы или статьи. *Название монографии или сборника*. Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Название книг, журналов, а также монографий и сборников выделяется курсивом. После инициалов авторов ставятся точки, между фамилией автора и инициалами запятая не ставится. Если авторов больше пяти, указываются Ф.И.О. первых трёх, после чего ставится «и др.» (для источников на иностранном языке — «et al.»).

Ссылки на статьи на русском языке:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00.

Familia I.O., Familia I.O. Перевод названия статьи. *Транслит названия журнала/Официальное название на английском языке*. Год;Том(Номер):00–00 (In Russ.).

Пример:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367. Ganieva G.R, Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Ссылки на монографии на русском языке:

Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: Издательство; год. 000 с. Familia I.O. *Перевод названия монографии*. Gorod: Izdatel'stvo; god (In Russ.).

Пример:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с. Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Сведения об авторе(ах)

В отдельном файле должны содержаться:

- Фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью).
- Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, город, страна).
- [ORCID](#), [SPIN-код](#) или [AuthorID](#).
- Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в данном журнале, соглашаются со следующим:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и предоставляют журналу право первой публикации работы.
2. Авторы сохраняют право заключать отдельные контрактные договоренности, касающиеся неэксклюзивного распространения версии работы в опубликованном здесь виде (например, размещения ее в институтском хранилище, публикации в книге), со ссылкой на ее оригинальную публикацию в этом журнале.
3. Авторы имеют право размещать их работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или на персональном сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению и большому количеству ссылок на данную работу (см. The Effect of Open Access).

Приватность

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены третьим лицам и организациям.

Author Guidelines

The Editorial Board accepts manuscripts that align with the journal's scope and focus.

The Editorial Board accepts for review:

- scientific articles;
- book reviews;
- documents;
- historiographical materials;
- articles/notes dedicated to eminent representatives of historical science.

The Editorial Board does not accept:

1. previously published works or simultaneous submissions to multiple publications;
2. plagiarized content;
3. materials that fail to meet the content and formatting requirements outlined below.

Content Requirements

The manuscript must be submitted to the Editorial Board as two separate files (.doc/.docx format only):

1. The manuscript text.
2. Author(s)' information.

The file name must contain the last name of the author(s).

The manuscript length should range from 1 to 2 print units (40 000–80 000 characters including spaces); font size 14 (Times New Roman without automatic hyphenation), first line indented 1.25 cm, line spacing 1.5. Longer submissions may be accepted with Editorial Board approval.

The following article elements are mandatory:

- Author(s)' full name and article title (in Russian and English).
- Abstract (in Russian and English). The abstract length should range from 200 to 250 words. The abstract is a standalone text describing

the main research results, including relevance, purpose, research methods, and brief findings.

- Keywords: 4–6 phrases separated by semicolons (in Russian and English).
- Article text.
- Acknowledgements.
- Author(s)' contribution.
- Conflict of interest.
- References.

The manuscript proper must be followed by:

Acknowledgements

This section lists all external funding sources that influenced the research findings, as well as all non-author individuals that contributed to the study.

Author(s)' Contribution

For multiple authors, describe each co-author's contribution according to [CRediT](#).

Conflict of Interest

The manuscript must declare any current or potential conflicts of interest. If none exist, state «The author declares (/authors declare) no conflict of interest.»

References

Author(s) should cite works accessible to reviewers and readers. The reference list must contain at least 15 sources. Self-citation, i.e. including the author(s)' work(s) on the reference list, is permitted but must account for no more than 10% of all references.

Only sources directly mentioned in the text may appear in the reference list. References should include articles and monographs.

The journal has accepted an adapted version of the Vancouver Style of References design, which is one of the standards recognized by international databases.

The Editorial Board invites the authors to get acquainted with the features of Vancouver Style and design examples in the brochure on the official website of the British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

The rules for the design of sources in Russian in References have been prepared in accordance with the recommendations of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), which you can also find in the journal *Scientific Editor and Publisher*:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Links to articles:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Example:

Clarke A., Gatineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Links to books and monographs:

With 1–4 authors:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. *The title of the book or monograph*. The issue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

An indication of the editor or compiler:

Surname and first name of the 1st editor, Surname and first name of the 2nd editor, Eds. *The title of the book or monograph*. The reissue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

Example:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C., Melzer D. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

A chapter from a monograph or an article from a collection:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the chapter or article. *The title of the monograph or collection*. City: Publishing house; Year. 000 p.

The name of the journal and the titles of monographs and collections are italicized. Dots are placed after the initials. Do not put a comma between the author(s)' last name and initials. If the article has more than five authors, the full names of the first three should be given, followed by «et al.».

Links to articles in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. Translation of the title of the article. *Transliteration of the name of the journal/Official name of the journal in English*. Year;Volume(Number):00–00 (In Russ.).

Example:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367.

Ganieva G.R., Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Links to books and monographs in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. *The title of the book or monograph in Russian*. City: Publishing house; Year. 000 p.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. *Translation of the monograph title*. City: Transliteration of the publishing house name; Year. 000 p. (In Russ.).

Example:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с.
Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Formatting Requirements

Illustrations. Articles published in the journal may include illustrations. Electronic illustrations and photos must be submitted as separate files with a minimum size of 1000 pixels on the short side. Illustrations require captions describing the event or object being depicted, as well as the date. Illustration titles must appear in both Russian and English. Editorial Board reserves the right to select or replace article illustrations.

Citations. Use consecutively numbered (e.g., 1–32) footnotes in font size 12.

Footnotes may include Internet sources (news, reports, forums, videos), legal documents, statistics, media publications and textbooks. Citing dissertations/abstracts is allowed, provided that they are publicly accessible to readers. References to accepted but unpublished articles can be included with an «in press» label if the author(s) obtain written permission and acceptance confirmation. Information from unpublished sources should have an «unpublished data/documents» label, and the author(s) must, likewise, obtain written permission for the use of such materials.

All internet sources, including those cited in footnotes, require access dates.

Author(s)' Information

A separate file must include:

- Author(s)' full name.
- Academic credentials, title, position and affiliation (full institution name, city, country).
- [ORCID](#), [SPIN code](#), or [AuthorID](#).
- Contact details: postal address with zip code, phone/fax (office, mobile), e-mail.

Copyright

The authors publishing in this journal agree with the following:

1. The authors retain the copyright to the work and entitle the journal to publish the work for the first time.
2. The authors reserve the right to enter into separate contractual arrangements regarding the non-exclusive distribution of the version of the work published here (for example, its placement in the institute's repository, publication in a book), with reference to its original publication in this journal.
3. Authors have the right to post their work on the Internet (for example, in the institute's repository or personal website) before and during the review process by this journal, as this can lead to a productive discussion and more links to this work (See: The Effect of Open Access).

Privacy

The names and e-mail addresses entered on the website of this journal will be used exclusively for the purposes indicated by this journal and will not be used for any other purposes or provided to other persons and organizations.

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно онлайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок / Notes

Для заметок / Notes

Для заметок / Notes

Следующий том журнала «Исторический вестник» будет третьим в серии о экспансии Монгольской империи и государств, возникших после ее распада. Статьи номера будут посвящены завоевательным походам монголов и их последствиям в разных регионах Европы и Азии.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке